

4
Нина Проценко.

- Вологодская -

книга первая.

2. Проектно -

В пятидесяти километрах к западу от г. Хабаровска находится железнодорожная станция Волочаевка I-я с рядом расположенным поселком того же названия.

В километре от станции возвышается Волочаевская сопка с нанайским названием Ионь-корани. На легендарной сопке Ионь-корани воздвигнут памятник-музей изображающий скалу, на которой установлен многометровый монумент, изображающий красноармейца в буденовской шинели и шлеме, разрывающий винтовкой прочное ограждение.

Рядом с памятником - музеем находится братская могила павших героев в дни волочаевских боев на которой установлено мемориальное надгробие.

За многие километры видим памятник из вагонов проходящих рядом поездов, и многие пассажиры обнажают и преклоняют головы проезжая мимо Ионь-корани, отдавая почести минувшим героическим событиям.

О первых переселенцах, основателях деревни Волочаевки, о постройке, рядом проходившей Амурской железной дороги, об ~~этом же~~ организации партизанского движения в бывшей тогда Тунгусской волости, в какую входила Волочаевка - ~~Александр Васильевич Проценко~~, о волочаевских боях и хочется рассказать в этом повествовании.

Я сам, 13 - летним юнцом прибыл в 1908 году в семье родителей переселенцев первооснователем Волочаевки, в которой и прожил уже со своей семьей до 1930г.

Глава Первая. На Амур

1908 год. В январе месяце нас 30 семей выезжали на арбах, впряженных волами из козачьих станиц, в основном из станицы Ивановки в город Екатеринодар для дальнейшего следования уже поездом по железной дороге на переселение на Амур.

Все мы пенятно переселились "добровольно", сопровождаемые до Екатеринодара урядником и двумя казаками.

Нет, мы не были кензированы, а превозжали нас казаки "любезно", рады в душе, что мы убрались из их станиц и боясь, и боясь, что бы кто либо из нас не передумал и не вернулся обратно.

Возаком у нас был Макар Семенович Волочаев, выезжавшим ходоком на Амур за год раньше. В Хабаровске ему предложили выехать к сопке Ионь-кериани, что в пятидесяти верстах к западу от Хабаровска по арестантской колесухе, где и должен он основать будущую деревню.

В Екатеринодаре нас погрузили в вагоны-теплушки, на которых крупно значилось: "40 человек или 8 лошадей". Нас действительно втолкали по несколько семей в вагон строго придерживаясь цифры, обозначенной на вагонах, при этом со всем громоздким домашним скарбом.

Скудным и ничтожным был этот скарб, но везли, все что можно было втолкать в переполненные людьми, в особенности четверою, вагоны. Везли деревянные бочки с деревянными громоздкими к ним крышками - кругами, другие ухитрились везти пудовые камни для гнета соленой капусты и других соленостей, не желая того, что в будущее жительство предстоит у самой сопки, которая состоит из камня, хотя и не гранита, но недостаточно пригодного для гнета соленостей.

Ехали поездом из Екатеринодара до Хабаровска около двух с половиной месяцев. Выехали из Екатеринодара в начале февраля и прибыли в Хабаровск в половине апреля. В пути больше стояли в тупиках на разных железнодорожных станциях по двое-трое суток, а в других городах и по неделе.

Трудным и исключительно изнурительно-тяжелым был многодневный и многотысячеверстный этот путь в переполненных теплушках с чугунной круглой печкой посреди вагона.

На Кубани в феврале казаки уже начинали сев пшеницы /время исчисляется по старому стилю/, а через месяц нашей езды в Сибири еще трещали крепкие сорокаградусные морозы,

завивали снежные ураганы и двухметровой стеной стоял снег по обеим сторонам расчищаемого железнодорожного пути. Это угнетало и серьезно пугало многих, в особенности женщин.

От страшного холода и постоянной стужи и печурии в вагонах топились беспрерывно и зачастую раскалялись до красна, дети обжигались, нигде да и нечем их было вымыть, никакой медицинской помощи небыло и все это вызывало большие скандалы в семьях, и зачастую между семьями по вагону.

Некоторые дети получили ожоги второй степени и остались клейменными в память переселения на всю жизнь.

- Куда нас везете? Тут вечные морозы! - кричали возмущаясь иные.

- На гибель! Встарили измученные матери.

- Верните нас назад! вопили другие.

- Давайте сюда Макара Семеновича - нехай скаже куда еще вии нас завез. Сниг выше вагонов. На вулицы лхтуе мороз, а в вагонах дитей жарым. Оце той рай про який вии нам рассказував.

- Тихо, тихо титко Малашка. Если бы ты выбросила из вагона свою сорокаведерную бочку с камнем и другим барахлом, оно и свободно бы было и вагоне, и детворе было бы вольготней - вышалася в злбыне выкрики женщины Василий Алексеенко.

- Едем в лес и будем прямо на месте из этого леса строить себе хоромы, бочки, коромысла, скамейки и все то другое, которым вы загрузили весь вагон. Детям нужно больше места, а не бочкам, и другим деревянным цыбаркам.

- Хоромы вии нестрее! Мовчав бы ты голодранец. Дитей голых кучу везешь и ни одного горшка. Скажи спасибо, ще хеть из наших едят и пьют.

Когда конфликт принимал более крутые обороты, тут уже вмешивался мой отец, которого уважали за грамотность и степенность. Некоторые и его стеснялись и побаивались. Он вежливо просил:

- Давайте друзья еще недельку потерпим, а там будем проезжать через китайскую страну Маньчжурию, в которой тепло и очень много дешевых продуктов. Из Маньчжурии выедем в наш Уссурийский край, в настоящую сказочную страну, где земля, лес, горы, реки - свободны и нареду полная волюш.

Правда, я там не был, но много слышал и много об этом чи-

тал. Не мы поедем еще дальше на Амур, где Макар Семенович говорит - еще свободнее и вольготней...

Давайте еще потерпим, а бочки, кадушки, разные ушанки, коремисна и камни можно было с собой не везти. Прав Василий, ведь едем в лес, да и на камне жить будем, сепка куда едем ведь тоже каменная.

Не трудно было уговаривать измученных, страдавших и переболевших за детей женщин. Выручило действительное потепление климата при въезде, в Маньчжурию и изобилие разных продуктов, которые продавали китайцы, спущие вокруг вагонов, с длинными и черными, как смоль кесами.

Сначала китайцев очень боялись, а некоторые женщины, в особенности девушки боялись даже выходить из вагонов. Потом привыкли, осмелели и стали бойке торговаться с ними.

Уссурийский край .

Но вот обратно граница нашей родины, и мы через пограничную станцию Гродеково въехали в сказочный Уссурийский край.

Очарованию не было предела. Снега почти уже не было и самые быстрые и острые на язык женщины, и те присмерели.

Правда, злые не по характеру, а по горькой жизни, вечной нужде и тяжелому испытанию нашего горького переселения.

Уссурийский край ! Есть ли еще подобный, так щедро одаренный природой уголок, в нашей необъятной матушке России ? Это красивейший, богатейший фауной, зверем, рыбой и полезными ископаемыми край. Вековые великаны кедра и дуба дают неисчерпаемое количество ореха и желудя, дающие обильный корм медведю, дикому кабану, красивейших своим мехом, - дальневосточной белке и другим грызунам, обитающим в Уссурийской тайге. Богат край и "мягким " золотом - пушиной " соболь, колонок, белка, выдра, лиса, енот, куница и другой пушная зверь. Богат и пернатым миром :

глухирь, тетерев, рябчик, сезонная водоплавающая и болотная дичь. Из певчих : соловей, иволга и многие, многие другими. Корм для любого зверя и птицы, и пища для человека в изобилии и разнообразны : - съедобные травы и корни, черемша, щавель, дикий лук и чеснок, орех, желудь, виноград, кишмиш, клюква, брусника, голубица, малина, земляника, калина, боярышник, разнообразные грибы, и множество других съедобных.

Многие участки тайги опутаны лимонником, которым местные жители - нанайцы, ерочены, удехе подкрепляют свои силы от усталости на охоте.

Благодатный край ! многочисленные и могучие реки : Красавица Уссури, Иман, Вака, Бикин, Хор и другие изобилуют разнообразней вкуснейшей рыбой. В них сотнями миллионов экземпляров заходит осенняя кета для нереста.

Чудесный край ! Какие только в нем не растут цветы, - тут и роза, пион, красная, желтая и белая лилия, ландыши. Да все их разнообразие и перечислить невозможно. В отдельных озерах растет белый и розовый лотос. Это уже субтропическое растение.

В горах Сихотэ - Алиня, чудесницей природой зарыл драгоценный клад : золото, серебро, свинец и другие драгоценные и цветные ископаемые. Растут и редкостные драгоценные деревья : корейская железная береза, маньчжурский орех, пробковое дерево - бархат.

В самой глухой тайге растет жень-шень, он у восточных народов называется, - корень жизни и молодости, и ценится на вес золота. А из молодых рогов Уссурийского изюбра изготавливают панты-эликсир молодости, как называют их в народе. Из струи кабарги изготавливают какие-то лечебные средства.

Нельзя не упомянуть и об уссурийском тигре. Это могучий, благородный, красивый и в то же время свирепый представитель тайги.

По праву он считается красивейшим и сильнейшим из тигров в мире.

И все это в сказочно-богатейшем Уссурийском крае.

Имеется у народа поверье - небасика, - что когда бог сотворил землю и ~~стал~~ ее заселять, Уссурийский край как то по ошибке пропустил. Когда ему об этом напомнили, у него уже оставалось по горстке разных семян, включая и субтропические. Досадую на свою оплошность, бог сметал все оставшиеся семена вместе и рассеял их по Уссурийскому краю. В последствии дикие животные и птицы, узнав о богатой кормом тайге, уже самовольно без разрешения всевышнего потропились заселить дебри Уссурийского края.

Этот удивительный и чудесный Уссурийский край промелькнул перед нашим взором почти незаметно. Уже на четвертые сутки от станции Пограничная мы были в Хабаровске.

П е р е с е л е н ц ы

Пера кое-что сказать о некоторых из наших переселенцах: как жили на Кубани? Чем занимались в казачьих станицах, и что вынудило их выехать на Амур, и впоследствии перенести все тяготы переселения и суровой, голодной, тяжелой жизни, на новом необжитом месте - остались до конца верными своей Волочаевки, пока не разбросала их первая мировая империалистическая война, Октябрьская революция, гражданская и впоследствии Отечественная война во все уголки нашей необъятной родины.

Начну с нашего ходока Макара Семеновича Волочаева.

Семья из 12 человек: отец, мать, пять сыновей, пять дочерей. Все рослые, сильные и трудолюбивые ребята. В особенности сыновья. Беда была в том, - если отец Макар Семенович умел по ~~ним~~ складам читать, и кое-как расписаться, то все остальные члены семьи полностью были неграмотны.

Самые младшие в семье, Павел, Евдокия и Ольга, впоследствии, уже в Волочаевке ходили в первый и второй класс и умели читать и писать.

Макар Семенович пользовался в Ивановке большим авторитетом и уважением, в особенности среди инородных. Не проходил не один общественно-житейский вопрос без его участия. Частенько к нему обращались и для разбора семейных неурядиц и скандалов.

За свою честность и справедливость он был уважаем и среди зажиточного казачества. Не редко станичники приглашали его на свои сходки и совещались с ним о своих делах.

Макар Семенович не был религиозным фанатиком как некоторые другие, но за добросовестность, прямоту и за безукоризненную честность, был уважаем и священнослужителями, которые доверяли ему свое церковное казначейство.

После разгрома революции 1905 года, свирепствовании террора и введении столыпинской земельной реформы, станичники, в особенности, зажиточные казаки, окончательно зажали жизнь инородных, притесняя их во всех отношениях. Дальнейшая жизнь бедняков инородных в казачьих станицах становилась невозможной.

В эту самую пору притеснений и гонений было объявлено властями о переселении на Амур с помощью государственных переселенческих союзов.

Закон и положение о переселении существовали и раньше, но в пору послереволюционных притеснений, — это уже имело особый смысл. Слух о безграничных, вольных и плодородных землях, о бесконечной тайге ищащей мясным и пушным зверем, больших полноводных реках переполненных рыбой, о привольной там жизни, всколыхнул обездоленное безземельное население и, многие инородные из Ивановки изъявили желание переселиться. Но прежде нужно было послать ходока, верного и преданого народу человека. Таким ходоком — первопроходцем и оказался Макар Семенович Волочаев.

Трудно было одному старику, хотя и здоровому, крепкому ехать в неизвестность, в такую даль, но подчиняясь своей совести и просьбе желающих переселиться, он дал согласие послужить народу.

Жил в казачьей станице Ивановке - отец семьи Макар Семенович был церковным старостой и оттуда имел какие-то доходы, для поддержания семьи. Детей учить было некогда, да и неначте. Подростки сыновья промышляли кто как мог, - кто батрачил у козака-кулака, кто у богача на мельнице и маслебейке. Мать с дочерьми работали исподу на арендуемой клочке земли у куркулей.

Старший сын Юфим работал в г. Екатеринодаре вместе с Василием Алексеенко на фабрике у фабриканта Гладкова, vyrabatyvavшего разного рода брочки, фазтоны, кареты и прочее в этом духе. В одно время на фабрике у Гладкова работал писарем и мой отец.

В общей сложности семья у Волочаева была порядочная, трудолюбивая и уважаемая за честность дружики.

ГРИГОРИЙ ПАВЛОВИЧ КОМЕЛЬ

Семья из четырех человек - отец, мать и два сына. Две старшие дочери были уже замужем и жили отдельно, в семье своих мужей.

Это была семья буйная, драчливая, ~~разбойная~~. Непроходило ни одной драки на улицах без участия кого - либо из семьи Комель. Да и внутрисемейные потасовки, доходящие до отчаянных драк редко миновали воскресные и праздничные дни. Сам старик Григорий Павлович был вертким, живым и предприимчивым человеком. Ни единой минуты не мог сидеть без дела. Жил в станице Ивановке, имел лошаденку и телегу с коробом. По мере необходимости, покупал оптом в г. Екатеринодаре или ближайшей большой станице Славянке чай, сахар, мед, масло растительное и другие товары и развозил их по станицам, выкрикивая: - "Эй, чай, сахару, меду, оливы". Его резкий, тонкий голос слышался за несколько кварталов.

Видимо Некрасов используя подобные ремесла и написал своего "Дядюшку Якова".

Всегда предприимчивый, верткий, живой Григорий Павлович услышав про Амур, про свободные и плодородные там земли, непроходимые и никем не охраняемые леса полные ценного зверя, бесчисленные реки и озерах кипящих рыбой и привольной, свободной, никем не притесняемой там жизнью, — первым прибежал к своему свату Макару Семеновичу Волочаеву договариваться о возможном туда переселении. В действительности он и явился организатором сбора группы желающих переселиться и уговорил избрать ходяком Макара Семеновича.

Уже будучи в Волочаевке он первый соорудил верши, наладил кусок старого бредня и организовал лов рыб, в достаточном количестве обеспечивая не приспособленных к этому ремеслу жителей свежей рыбой. А приездом в Волочаевку, в первом же году посеял конопли и уже к следующей весне из своей пряжи соорудил два вентаря, которыми обеспечивал уже крупной рыбой всю Волочаевку.

Благодаря его предприимчивости и непоседливости, многие жители обязаны ему избавлением от голодной жизни в первые годы пребывания в Волочаевке. Понятно, все это делал Григорий Павлович не ради спасибо, а в целях жизни.

Таков до конца своей жизни был Григорий Павлович и умер уже дряхлым одиноким стариком в палаше на рыбалке.

Другие развозили древесный уголь оглашая улицу выкриками " вгелли, вгелли. Кто развозил деготь, кричал : " дегтю, дегтю, хотя не было никакой нужды в выкриках, так как запах дегтя слышался за два квартала вперед. Развозившие керосин ервали - гасу, гасу .

Подобными ремеслом занимались крестьяне , неимевшие пахотной земли и бог знает какими судьбами попавшие в казачьи станицы и имели какойто доход для пропитания своих полуголодных семейств.

МАКАР МИХАЙЛОВИЧ ДРОЗДОВ.

Маленький, лысый, плетивший мужчишка с вечно всклокоченной , редкой бороденкой. За его маленький рост его в народе звали не Макар Михайлович, и не вообще Макар, а просто Макарец. Почти никто из нашей партии переселенцев не знал его настоящего имени, знали, что он Макарец и только.

Даже впоследствии, уже в Волочаевке, на крестьянских сходках, к нему обращались, как к Макарку и он никогда не протестовал, не возмущался, и на свое прозвище отзывался, как к должному. Не знаю, знал ли он сам, и знали ли его дети в то время, что они Дроздовы.

Сам Макар Михайлович, милый, любезный и душевный человек. К нам - малышам, он всегда относился с уважением, с разными побасенками, прибаутками. Жена его дородная, в два раза больше его женщина. Крепкие и довольно рослые дети, - два сына и три дочери.

Занимался Макар Михайлович своеобразным ремеслом. В Ивановке и других казачьих станицах скупал свиновую щетину и сдавал ее на фабрику, вырабатывающую одежные и сапожные щетки, бритвенные помазки и еще какие-то щетинные принадлежности, и на этом имел какую-то выгоду, кормящую впроголодь семью. Старшие дочери Макальца сезонно пасли казачьих свиноматок и гусей, за хозяйские харчи и пару черевиков в год.

Черезики за пастуший сезон изнашивались и приходили в негодность.

Суть закупки щетины таков : - если готовой щетины у хозяина не оказывалось, Макарец закупал ее на живых свиньях. Сторгова⁶ за 15-20 копеек за всю щетину здоровой свиньи, хозяин загонял добычу в загон, Макарец имея в руках обыкновенный семидюймовый гвоздь и пару небольших волосяных петель, свитых из волос конского хвоста. В лучшем случае свинью валили, связывали ноги и Макар Михайлович принимался за дело. С виртуозной проворностью он накручивал щетину на гвоздь у самой шляпки и рвал ее против шерсти и с такой ловкостью, что на бедном животном не оставалось ни единого волоска. За свои 15 копеек он старался сдрать щетину и с живота и ног, оставляя свинью голей, как бубен.

Если сердобольная хозяйка поднимала скандал из-за крика свиньи, Макар ловко набрасывал свинью на рыло волосяную петлю и животное только хрюкало от боли.

Бывали случаи, что свинья брыкалась распутывалась, схватывалась и бежала. Но и в такие критические моменты Макар Михайлович не терялся, мгновенно оседлав бегущую по загону и выходящую на всю станицу свинью, он продолжал рвать щетину, ухитряясь и на животе.

Так Макар Михайлович Дрездов жил, промыслял и растил семью на Кубани до переселения на Амур.

ПРОКОФИЙ ФИЛЛИПОВИЧ КУЧМИЯК

Выходец из горцев, которых в Екатерининдаре и в больших казачьих станицах встречается немало.

Тихий, милейший и сердечнейший человек. Имел плетерых прекрасных и умных сыновей, и одну красавицу дочь.

Чем занимался в Екатерининдаре и в станице Ивановке мне неизвестно, а про жизнь в Волочаевке будет сказано позже. Одно следует, что старшие четверо его сыновей

были в партизанском отряде с самого начала зарождения партизанского движения, в Тунгусской волости.

АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ СЛИНЬКО

Более культурный, предприимчивый и вообще ловкий во всех делах человек. До фанатизма религиозный, но и в этом вопросе только тогда, когда это выгодно. Сам представительный и видимо в молодости слыл за красавца. Жена его, тихая, милостивая и довольно грамотная женщина, вечно сидящая в престеньких железных очках и с книгой в руках, или у себя в комнате, или на скамеечке под своим домом. Эта чета вырастила красивую семью - трех довольно красивых дочерей и двух сыновей, которые сыграли положительную роль, будучи в партизанском отряде.

В Ивановке, Андрей Федорович работал у богатых казака, имевшего вертяную мельницу и маслобойку - мерошником и мислоделом.

Жили они в Ивановке не весьма прилично, но лучше остальных развозивших деготь и уголь и заготавливавших щетину на живых свиньях и менее нуждались в насущном дне пропитания, чем другие. Выехать на Амур заставили все те же обстоятельства, что и других, - столыпинский террор, разбой и его реформа, притеснения и бесправие казаков, и выросшие дети, которых нужно было куда то определить.

ВАСИЛИЙ КЛИМОВИЧ АРТЕМЕНКО

Дородный, с большим животом, почти неграмотный "комерсант". На Кубани он преуспевал торговлей, но не развозной, как другие "Дядюшки Якры", а имел стационарную худенькую лавченку. Имел пять дочерей и трех сыновей. Сам Василий Климович за один присест выпивал ведерный самовар чаю и кроме "комерции" больше ничего не знал, и абсолютно ничего не умел делать. Удивляет, как он своей "комерцией" ухитрился содержать такую боль-

шую семью.

Жена его трудолюбивая, всеми уважаемая и вечно в заботах женщина, на ней и содержалось все хозяйство и многочисленная семья. Помогали и подростки дети, работавшие на полевых работах и батрачившие у богатеев куркулей - казаков.

ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ АЛЕКСЕЕВ

Молодой, со всех сторон приличный, но уже многосемейный человек. Несмотря на то, что у него уже было пять сыновей, и довольно красивая жена, правда несколько умственно развитая и полуглухая и полунемая, но умеющая правильно растить и воспитывать детей, сам Василий был отъявленный балагур, весельчак и как его называли, - забубенная гелевушка. Он знал сотни смешных украинских рассказов, анекдотов и разных других прибауток. Был атеист/хоть и не весьма наущно, высмеивал попов, монахов и самого господ бога. В жизни монашек знал много интимного. В большие праздники в особенности на рождество и пасху, протестуя, а скорее всего неумно высмеивая религию старался что-нибудь мастерить на дому, или склеивать какую-либо скамейку, или переборку заваливавшейся кадушки или просте^{Бисопы}-колоть дерева. Все эти его выходки возмущали соседей, а эти духовные передавали его анафеме, полицейские строчили в нем доносы, как об антихристе.

Любил Василий в кампании выпить и безразлично, со стариками или с молодежью, мастак в присядугу отхватить гопака. С горя или радости разрешал себе выпить и в одиночку.

Ке всему этому Василий был большой квалификации мастеровой. Работая в Екатеринадаре у фабриканта карет и фактонов Гладкова мастером валесником, он слыл большим умель -

цем и был как говорят мастер на все руки. Помимо колесника, был хорошим столяром и плотником. Четвертая его квалификации — это неисправимый лентяй, любитель поспать и увильнуть от работы, за что имел много неприятностей от хозяина и администрации фабрики, а частые вычеты из заработной платы и штрафы доводили семью до полуголодного существования.

Держали его на фабрике только из-за белых рук, не в конце концов не помогло ему и его мастерство и он был выдворен из фабрики. Это и заставило его выехать в станицу Ивановку, откуда родом была его жена, а там и очутиться в партии переселенцев.

ВАСИЛИЙ ТРОФИМОВИЧ ПРОЦЕНКО

Это мой отец. О своей семье хочу рассказать немного больше.

Отец был довольно грамотный и в те времена слыл за образованного человека. Где он учился, и что он кончал в науке — не знаю, лично он хвастая, говорил, что прошел курс науки подмастерьем у цыгана в кузнице. Был он много начитан и имел порядочную личную библиотеку, в большинстве своем обращался в привилегированном обществе, у большого начальства. Чем ~~он~~ только не занимался: в Екатерино-^{но было много}даре на фабрике у Гладкова работал конторщиком, был архитектором, строил двухэтажные кирпичные дома и церкви, брал деланки на вырубку дубового леса для изготовления бочковой клепки, и везде видимо проглатывал, ^{но было много} хорошо зарабатывал, но долго одной профессией не занимался.

До 1906 года, вся наша семья жила в Екатерино-^{но было много}даре. Отец мало жил дома с семьей, то он где-то в станице строил здание казачьего войскового правления, то где-то строил церкви или какую-то барскую усадьбу, то где-то в "красном лесу" подрядил деланку дубового леса и заготавливал клепку для поделки бочек под виноградное вино. Впрочем занимался всеми промыслами, чтобы прилично содержать семью из 9 человек.

Мать- Александра Антоновна , которую отец сильно любил, была какой-то болезненной , и чтобы содержать нас "гавриков" ма-л - мала меньше, в более приличном состоянии и поддерживать в чистоте дом, держала в семье постоянную прислугу, которая помогала матери на кухне, наводила порядок в комнатах и наблюдала за нами.

Родной брат матери дядько Петро / как мы его звали/ жил на хуторе около станицы Ивановки. Это захиточный крестьянин, имевший на хуторе ветряную мельницу и маслобойку и нарядный надел пахотной земли.

Сам в основном работал на мельнице, маслобойке и земельном участке, но и держал постоянных батраков.

Наш ходок по переселению Макар Семенович Волочаев, доводился моей матери и дядьке Петру каким то дальним родственником, что-то вроде двоюродным или троюродным дядей. Никакого отношения он к богатству дядька Петра не имел.

Мне до сего времени непонятно, как могло получиться, что мой дед, которого мы никогда не видели и отец дядька Петра и моей матери Антон Волочаев не будучи казаком, а настоящим "новгородским гамселом" как нас именovali казаки, еще задолго до столыпинской реформы имел хутор, мельницу и порядочный надел хорошей земли на казачьих угодьях, в то время, как все вышеперечисленные мною переселенцы, жившие тогда в Ивановке и других казачьих станицах не имели ни пяди земли, но если кто и имел свой домик и крошечный приусадебный участок и кое - какую животину " - то ее нужно было держать на привязи, начиная от лошади, коровы до курицы. Попала курица в огороде к казаку, погреблась, покублилась на его огороде, немедленно хазяина курицы ведут в правление, а там штраф за петраву превышающий вдвое - трех стоимости курицы. Если курица выбежала на дорогу - петравит собаками или раздают лошадыми. А вот богатеи кулаки хотя и из крестьян имели право , как наш дядько Петро иметь на

казацкой земле и мельницы и хутора с земельными угодьями.

Как отец женился на матери, из богатой семьи, нам, его сыновьям и до сих пор неизвестно, не в том, что и дядько Петре и отец кровно ненавидели друг друга, это было ясно и тогда. Здесь видимо было связано с приданным, которого мать не получила от брата ровным счетом никакого.

Правда, впоследствии, когда отца выдворили из Екатеринодара, как неблагонадежного и мы всей семьей переехали в станицу Ивановку, мать частенько возила нас на хутор к дядьке, а иногда он и сам приезжал на лошадях или присылал батрака за нами, и к нам детям относился благосклонно.

На хуторе, у дядьки был большущий сад, а в поле бахча, арбузы, дыни, и для нас казалась это целым раем. И в саду и на бахче, дядько разрешал нам вольную, но только строго наказывал, чтобы не ломали ничего и не топтали. У самой мельницы росла в обхват большая черная шелковица и мы ватагой до последней ягоды с этого дерева не слезали. На меже хутора непроезжимой стеной рос терен, терпкие его ягоды буквально склеивали нам рты, а лазание по гнездам водившихся в нем разных пичуг, исцарапывало наши руки до крови и превращало наши штанишки и рубахи в клочья. Все это нас только радовало и забавляло, предавая горе и заботу родителям.

Выселение нашей семьи из Екатеринодара, как неблагонадежной явилось по следующим причинам. Старший из сыновей отца, и из нас братьев Александр учился в Устьлабинской учительской гимназии. В 1905 году во время грандиозной в России прелетарской революции, большинство учащихся студентов их гимназии выступали в революционных митингах с плакатами и лозунгами: - долой самодержавие и революционными песнями.

После разгрома революции царскими войсками и дальнейшего стелыпинского террора, все участвовавшие в митингах студенты их гимназии были арестованы, в их числе был арестован и Александр.

Посидев несколько месяцев в тюрьме и получив от тюремщиков и физическое и нравственное нравовучение Александр и многие студенты были освобождены и под строгим полицейским наблюдением разрешено было продолжать дальнейшее учение в гимназии. Несколько зачинщиков студентов были осуждены на разные сроки.

Расстреляв революцию, разогнав и осудив рабочие, студенческие и крестьянские восстания, заковав в кандалы тысячи виднейших борцов, царские опричники на этом не успокоились. Террор продолжал свирепствовать по всей России. Отцу в 1906 году за революционное восстание сына было предложено в недельный срок покинуть Екатеринбург. Но это дело не ограничилось, гонения продолжались и дальше.

Выехав из Екатеринбурга в станицу Ивановку, отца бесконечно беспокоили разными депрессами и видимо не без помощи дядька Петра, который заискивался перед начальством, надеясь получить дополнительный отруб по стелыпинской реформе. Отцу в конце концов в 1907 году было предложено вообще покинуть казачью Кубанскую область и это заставило его записаться в переселенцы и выехать в партии 30 семейств на Амур.

Биографию других из нашей партии переселенцев нет надобности описывать, но в числе их были прекрасные, целевые и устойчивые люди, которые безрепотно сумели перенести все тяготы переселения, тяготы тяжелой и голодной жизни на новом диком и необжитом месте в суровом, холодном, заболоченном и неуютном в те времена, Приамурском крае. Были и такие, которые не выдержав суровых испытаний как на грех выпавших в климатически неудачном 1908 году, с бесконечно моросившим дождем, небывалым наводнением, затопившим всю территорию с болотами, озерами и дубовыми релками от самого подножия сопки Илья-Корани до реки

Тунгусски , протекающей в семи верстах севернее Велочаевки. Незвидаемого гнуса, - овода, слепня, комара, мешкары миридными тучами одолевающими все живое, спасение от которого не помогали и выедающий глаза дымекур. Такие, слабые духом, а их было большинство постарались в первый же год уйти на побочные заработки в Хабаровск или переехать в обжитую и хлебную Амурскую область. Были и случайные проходимцы, которые получив пособие по переселению скрылись в неизвестном направлении.

Трудно судить, что осталось от Велочаевки и ее жителей, если бы не началось в 1911 году изыскание, а в 1912 году постройка Амурской железной дороги, которая прошла буквально через Велочаевку.

Глава вторая
ХАБАРОВСК

В Хабаровск прибыли в апреле месяце 1908 года. Всех нас 30 семейств разместили в двух больших деревянных бараках , находившихся около казачьей горы. Еще было довольно холодно и Амур был скован набухшимся льдом.

Всех взрослых и в особенности нас детворы перакала величие и громада реки. Проезжая через всю матушку Россию мы переезжали через многие реки - Волгу, Иртыш, Зысей и другие, но это было зимой и с закрытых теплушек ничего не было видно, а здесь бараки были почти у самой реки , и Амур просматривался до самой Уссури и еще дальше , насколько мог охватить человеческий глаз.

Много было хлопот и беспокойства у наших родителей, удерживая нас подальше от берега Амура на котором вадутый лед вот-вот лопнет и грохнет орудийным залпом , ломая и секрушая все на своем пути, образуя горы льда на берегах реки.

Горе путешественнику , очутившемуся на середине Амура , переходящему или переезжавшему на лошади реку, только смелый и опытный мог со льдины на льдину достигнуть берега. Немало завяк , в особенности детей, находившихся во времена ледохода у самого берега оставались

калеками, а те и совсем погибали от внезапно выброшенных льдин на берег. Таким случаем остался на всю жизнь калеккой девятилетний сын нашего переселенца угрюмого кузнеца Увара.

Фамилия, или имя его было Увар, этого толком никто не знал, но так звали его в те время все от мала до велика. В разгар ледохода трудно было найти равнодушного, не желающего взглянуть на силу и величие природы, и только дряхлые старики, больные и малые дети были лишены этого удовольствия. Были и такие любители, которые боясь пропустить момента взлома льда, ночами дежурили у берега реки.

Естественно, что и все наши переселенцы вышли смотреть это грандиозное чудо природы. Как старшие нас не удерживали, но кто либо из малышей все равно ухитрился проскочить к самому берегу и схватить кусочек льда и пососать как бывало сосульку, образуясь весной под крышами от тающего снега.

Мальчишка Увара увидел какую-то рыбешку, выброшенную тартым льдом на берег, подбежал, схватил ее, но тут же следующей льдиной была поднята и раздавлена его нога. Этот случай сделал немало переполоха в переселенческих бараках, а также среди живущего поблизости населения.

В действительности никакой предупредительной охраны от властей города во время ледоходов тогда не существовало, не было и объявлений о запрещении перехода через Амур, однако после случая с мальчишкой Увара, буквально уже на второй день два городских ходили вблизи барачных, отгоняя любопытных от берега реки. Отцы города проявили заботу о переселенцах и жителях своего города, хотя забота эта уже и не требовалась, так как основная стихия на Амуре уже улеглась.

Случай с сынишкой Увара тяжело и удручающе отразился на всех переселенцах. Если прежние недовольства немногу улеглись, то сейчас с еще большей силой возобновились. Снова начали роптать и осуждать нашего ходока

Макара Семеновича.

- Завез на край света на нашу погибель, ломая свои руки от горя с плачем и причитала Увариха, - Все мы тут костями ляжем у этого ледяного моря.

- Ох сколько горя, страданий и мук перенесли мы едуци поездом до этого Амура. На Амур, на вольный Амур, все взызали и теропились выехать. А тут этот свирепый Имур в первые же дни начал калечить наших детей. А сколько нежданностей и неминуемого горя ожидает нас впереди когда будем предвигаться на лошадях и пешеходом через тайгу по какой-то арестанской колесухе - сказала сокрушаясь моя мать.

- Сама, как тебе не стыдно, так низко упасть духом, - сказал мой отец. Ведь мы не одни изгнаны из обжитых нами мест. Тысячи, сотни тысяч сейчас обездоленных людей в разброде и передвигаются по бескрайним просторам России в поисках себе пристанища. Мы хотя в тесноте, грязи, и другими неудобствами, но все же ехали сюда поездом. Немного пройдем и пешком и подведем на телеге, но это не так далеко, а там уже на месте будет видно, что и как предпринять, а других Сама ты ведь знаешь, что гонят закованных в кандалах не день, не месяц, а годами.

Потерпим еще немного, а несчастные случаи вседе бывають и в большинстве по нашей беспечности, нашему недосмотру.

- Да что там говорить! А сколько в тюрьмах нашего брата томится. 1905 г. сказалося на всем народе. Ты Александра Антоновна моли бога, что твоего первенца выпустили из тюрьмы, а то могло случиться, что и он в кандалах прошелся бы по Рессиишке, да и не сюда а чуть подальше, до самого края земли - Сахалина. - сказал Василий Алексеенко уже очухавшийся от молицейской кутузки.

- Да, да ты прав Василий, не и ты моли бога / хотя ты в него и не веришь /, что так легко отделался за свои похождения.

Правда, тебя выгнали из фабрики за пьянство, беспут-

ность и белтовню, не могли прописать тебе и большее, а там попробуй выкрутись. Ты и здесь уже переночевал в кутузке, а от кутузки до тюрьмы не так уж и далеко - сказала ему моя мать.

- Чаво там говорить, ты успел Василь и тут нашкодить. Дали тебе гроши на обзаведение крестьянского хозяйства, а ты беспутный на зеленого змия. За день и ночь 2 руб. 80 коп. прочь. А детенышки и голые и голодные. Это вразуметь надоть. - Вмешался в разговор Макар Михайлович Дроздов - Макарец.

- Два рубля восемьдесят? Как не так? Вскричал Василий. Всего и выпил косушку за 12 копеек и без никакой закуски. А здешние амурские хапуги выдать еще похлеще наших Екатеринадарских, и крепко выругался.

- Скажи спасибо, что только заметали два восемьдесят. Могли и всю четвертную захилить, а потом попробуй докажи, что ты не верблюд, - вставил словечко Андрей Федорович Слинько.

- Уважаемые женщины, да и Вы мужики, зачем на меня роптать и все невзгоды сваливать на меня одного - сказал Макар Семенович. Меня же Вы избрали ходяком. Я с"ездил, посмотрел предложенное мне место, приехал все Вам рассказывал и об"яснил, никого настыльно сюда не тянул, Вы ехали добровольно, по своей воле. Разве я виноват, что пострадал мальчишка Увара, разве моя вина в том, что Василий напился и попал в полицию. Его же предупреджали - не ходи один. Нельзя же все грехи и невзгоды сваливать на меня одного.

- Да разве я могу быть пьяным от одной рюмки, - вскипел Василий. Престе увидели большие деньги и хотели захилить.

- Ты не столько выпьешь, сколько наболтаешь и набегежульствуешь, - сказал Андрей Федорович.

- Да, это верно, попов и всех церковников я и тверезый не люблю, в особенности монашек. Как то по пьянке я имел с этими святошами "подленькое дело", и все пертки свои от них унес.

- Бесстыдник, срамник распутный, что ты болтаешь про святых богомолов. Они молятся за спасение твоих душ наших грешных, а ты богохульствуешь, - вмешалась бабушка Индючиха.

- Молятся, святые! Да Вы бы, бабушка, увидели, что эти монашки вытворяют, когда напьются. Они распутнее любой продажной проститутки, - сказал Василий, но тут же был выдворен женщинами из барака. Как Василий пропил 2р.80к. и как попал в полицию будет сказано дальше.

Засвидетельствовав в переселенском правлении свое прибытие в Хабаровск и оформив требуемые документы, получив ссуду, главы семейств начали знакомиться с городом, его рынками, и главное с верхним базаром, на котором в основном продавались лошади, коровы, телеги, сено, дрова и другие хозяйственные принадлежности. Назывался он санным базаром, на котором были конный ряд, сенной и прочие. В этом вопросе необходимо сообщить следующее: - каждой семье переселенца полагалось для обезаждения-переселенческая ссуда в сумме 300 руб, которая выдавалась в течение двух или трех лет. Здесь усматривалось кто и как осваивался и обезаивался на новом месте, причем если ты на первую сотню не купил лошадь с телегой и сбруей, плуг и корову, значит на второй год вторую сотню ты не получишь, не говоря о третьей.

В конном ряду хозяйствовали всеядущие цыгане. Они уже ждали прибытия нас переселенцев и заранее по деревням скупали сбрую и лошадей. Нужно отдать справедливость, что покупали цыгане для перепродажи не только дрянь, но и добрых лошадей, обманывая крестьянина при покупке и переселенца при продаже. Покупали за бесценок и кляч, которых после муштровки сбывали, самым несговорчивым, долго торгующимся и не желающим иметь дело с цыганами мужикам. Такую клячу кобыленку и всучили через подставного мужика крестьянина нашему уважаемому Василию Климовичу Артеменко, который с генером несколько дней ходил на базар заявляя, - я сам шик купец и принимаю толк не сколько в лошадях, сколько в цыганах.

Всученный ему " иноходец " не протянул и половину пути до Волочаевки, и уже в Дежневке встал вопрос , или оставить ее на откорм или везти на телеге до будущей Волочаевки.

Был в городе и второй продовольственный базар, находившийся на берегу Амура в устьях реки Уссури. Через весь базар протекала грязная, вонючая канализационная речушка Плюсника, заваленная мусором, отбросами. Всю пададь, дохлых собак, курей, крыс и пр. не вывозили за город, не закапывали, а выбрасывали в Плюснику и в такую же Чердымовку , протекающую через весь город от железной дорожки вокзала / до Амура.

По центральной горе города проходила главная Муравьев - Амурская улица , одна на весь город мощенная булыжником. Вначале улицы на крутом высоком берегу была большая соборная площадь , на которой возвышался большой собор . Впоследствии 5 го апреля 1920 г. с колокольни, этого собора японские интервенты расстреливали из пулеметов мирных жителей города. Под этот обстрел попал и я, но об этом после.

Рядом с собором были деревянные, большие одноэтажные дома знатного духовенства , а за собором большой деревянный магазин Чурина.

Первая от Амура улица Алексеевская шла вниз от площади к нижнему рынку . У самой площади на Алексеевской улице красовались арочные ворота , построенные отцами города в честь царевича Николая при проезде его через Хабаровск следя в Японию. Чуть ниже по Алексеевской улице стоял деревянный, большой , пышный дворец наместника края, шталмейстера двора Его Императорского величества , генерал-губернатора Гондатти. В противоположной стороне на всей Алексеевской улице были жестяные, музыкальные / починка балалаек и гармошек / и шорные мастерские. Оглушающий грохот от клепания жести разносился по всей окрестности и как только Его генерал - губернаторское высокопревосходительство переносило ежедневно этот громобойный ад.

На нижнем базаре находились исключительно китайские лавки, торговавшие буквально всем, что в то время требовалось рабочему и крестьянину, — мукой, крупой, растительным / бобовым / маслом, керосином, мясом, рыбой, спичками, табаком, селю, овчинными тулупами, полушубками, валенками, сапогами, комутами и другой комплектной сбруей, вплоть до водки и разных сладостей. При этом китайские купцы отпускали крестьянам в далекие деревни в кредит и на большое время все нужные им товары и этим доверием действительно заслуживали себе авторитет и видимо имели свои выгоды. У каждой лавки стоял зазывало и приглашал купить его лучшие товары, дешевле чем у других и в долг до следующего приезда.

Хочется описать еще один эпизод нашего пребывания в Хабаровске.

Получая переселенческую ссуду Василию Алексеенко выдали пятьдесят рублей двумя кредитными билетами по двадцать пять рублей. Недолго думая Василий собрался даже не в базарный день покупать себе коня, по его заявлению таково, как у Георгия Победоносца, на котором он проживает пикой Змия. Зная Василия повадки завернуть в шинок, его и Макар Семенович и мой отец и другие уговаривали.

— Не ходи, Василий один, вот в воскресенье соберемся вместе и пойдем. Знаешь сколько на базаре цыган и дру⁴гого хуля, лиха беда окрутят одного и оберут до ниточки.. Мы ведь тут живем только неделю и не знаем что тут за люди. Обжди не торопись.

— Да что Вы Макар Семенович и Василий Трофимович, за кого Вы меня считаете. Я сам любого цыгана обведу вокруг пальца. На кривой, дохлой цыганской кобыле меня не объедешь.

— Да это верно, если не заглянешь в шинок — вставил словечко Андрей Федорович Слинько.

— А хоть и загляну, косушкой меня не сожешь, — и Василий ушел.

Прошел день, Василия нет, наступила ночь и все всерьез забеспокоились. Решили если не явится, идти утром в розыски. На утром опередил полицейский, заявивший: "Если у Вас есть Василий Алексеенко идите и заберите его из полицейского участка."

Что он натверил полицейский не знал, ему было приказано сообщить, чтобы Алексеенко забрали, а других разъяснений ему не положено было знать. Объяснил это со всей полицейской суровостью и злопыхательством полицеймейстер.

Оказывается, идя на базар Василий не утерпел и заскочил по пути в шинок. Распав кобушку, стоящую 12 копеек, он был вынужден достать из кармана двадцатипятирублевку, так как другой мелочи у него не оказалось. Кабатчик по обыкновению оказался верным оком и преданным слугой полиции. Как, у такого мужлана и такие деньги, бесспорно он кого то ограбил а может быть и убил, какого-нибудь проезжего барина или купца. Шинкарь был буквально ошарашен и неменьше того перепуган. В его введении такими деньгами за сколько лет никто никогда не расплачивался. Из его клиентуры редко, редко кто имел троячку, а по обыкновению гривенник, полтинник и не всегда рубль.

Видя растерянность кабатчика Василий подтрунил: - Что сдачи не найдешь, тогда я пойду где-либо разменяю. - Нет, я сейчас, - и кабатчик исчез за перегородкой, приказав жене заговаривать необыкновенного клиента.

Через несколько минут кабатчик явился с двумя полицейскими и тут же втроем, не слушая его объяснений, отконвоировали его в полицейское управление.

В дежурной комнате урядника, Василия обыскали и обнаруженные две двадцатипятирублевки, кисет с махоркой и грязную тряпку, вместе с носового платка препроводили вместе с Василием в кабинет полицмейстера.

Зайдя в кабинет Василий сразу увидел на столе лежа свои деньги, а кисет и тряпка лежали в стороне на подоконнике.

Полицеймейстер, толстый, краснорезый с усами, как

у кота , не глядя на Василия, гаркнул :

- Как фамилия ? Имя ? Отчество ?

- Василий ответил.

- Кого, когда и где убил и ограбил ?

- Никого, нигде, никогда не убивал и не грабил, Ваше благородие .

- Молчать ! Ты кто ? - еще громогласней изрек полицеймейстер.

- Я из партии переселенцев, неделю назад прибывших из Хабаровска. Мои товарищи и семья находятся в переселенческом бараке.

Полицеймейстер побагровел, видимо не удасться тут ему сорвать куш, на который он рассчитывал. С переселенцами связываться хлопотно, ведь деньги не его, а казенные и выданы ему на обзаведение, - это он знал твердо.

- Насколько он у тебя, шинкарь, наел и напил ?

- Всего бутылка водки и на четвертак закуски - ответил кабатчик.

- Есть ли у тебя совесть , так бесстыдно врать, всего и взял за 12 копеек одну косушку и никакой закуски.

- Молчать ! рякнул полицеймейстер, знаем мы Вас проходимцев. Нахрет, напьет на целковый и наровит гривенником отделаться.

- Отвести его в холодную , до есех распоряжений ?
Василия увели.

Полицеймейстер принялся распекать кабатчика.

- Тебе тупида свинопасом быть , а не нашим агентом.

- Почему не сказал, что наел, напил в компании с пьяницами на 4-5 рублей, а то и четвертак. Если еще подобное повторится не торговать тебе на том бойком месте , где стоит твой кабак.

- Да, я Ваше благородие , думал

- Молчать ! Выдайте ему за косушку 12 копеек и в шею.

- Что немедленно и было сделано.

Утром, удержав из пятидесяти рублей за якобы пропитые в кабаке с пьяницами 2р. 80 к. Василия отдали на поруки переселенческим понятиям.

Таким в 1908 году был небольшой, провинциальный и грязный город Хабаровск, с шулерами и цыганами, продажными и жадными шинкарями, и мошенниками полицейскими.

Глава третья. АРЕСТАНТСКАЯ КОЛЕСУХА

Май 1908 года. Погода установилась теплая, ясная и благоприятная для дальнейшего передвижения.

Все мы 30 семейств были готовы к выезду из Хабаровска к месту новой жизни сопке Ионь-Корани.

Все дела в переселенческом правлении были закончены, все самое необходимое для строительства жилья и разработки земли под пашню было приобретено. Куплены были / правда не всеми / лошади с упряжью и телегами. Кто-то купил и дойные коровы. Некоторые готовились выехать налегке, не приобрев в Хабаровске необходимого.

Наступил день переезда на левый берег Амура для дальнейшего следствия уже своим транспортом по "арестантской колесухе" - временке, как называли ее местные жители. Погрузились мы со всей нашей будущей Волочаевкой на большую деревянную баржу и маленький с высокой трубой пароходик, который пыхтя и надрываясь отбуксировал нас в Бешеную протоку, проходящую в трех верстах от староверческой - кержацкой деревни Покровки.

Выгрузились мы на пустынном берегу, на котором не было ни единой постройки, но назывался он громко "Покровская пристань".

В Покровку были заранее посланы уполномоченные для расквартирования по дворам наших семейств.

Староверы не весьма приветливо нас приняли, но деваться им было некуда, как никак, а едут их будущие соседи по деревне. Женщин и детей разместили по кухням и летним пристройкам. Имущество и другой наш инвентарь размещали по сараям и просто во дворах под открытым небом.

Переброска от пристани в Покровку заняла не так много времени. На девяти телегах и пятнадцати лошадях все было закончено в течении двух дней.

В пятнадцати верстах от Покровки по временке в сторону сепки Ионь-Корани, находилась небольшая деревушка Дежневка, основанная двумя годами раньше нас, то есть в 1906 году. На возвышенном берегу одного болотного ручья и разместились эти шестнадцать хибарок вдоль по временке.

Если жители Покровки поселившиеся несколько лет тому назад, имевшие добрых лошадей, то две-три коровы на двор, и приспособившиеся к жизни около города и вблизи находившейся базы Амурской флотилии, куда сбывали молоко, сметану, свинину, яйца, овощи и картофель, которые имели особую урожайность на их песчаной плодородной земле - то жители Дежневки - эти бывшие переселенцы из одной захудалой губернии Украины в сравнении с ними были просто голь перекатная.

Не все они имели лошадей и коров, и видимо существовали все еще за счет переселенческих ссуд и кое-каких побочных заработков, - летом собирали ягоду: голубицу, и др. и носили ее на продажу в Хабаровск, а зимой воз проданных в Хабаровске дров. Питались исключительно картошкой и рыбой кетой, которую ловили в реке Тунгусске, солили и вялили ее на всю зиму.

Такая участь жизни ожидала впереди и нас. Не двигаться к ней все равно было нужно.

Грунтовую дорогу - Временку из Благовещенска через всю Амурскую область, в которой жили на хороших плодотворных землях Амурские казаки, проводили до Покровки примерно за семь или десять лет до нашего приезда. Строили ее в основном арестанты согнанные сюда на Амур со всех концов многострадаальной России для отбывания каторжных работ.

Много по обочинам этой временки могил забитых и замученных арестантов. К 1908 году на некоторых еще сохранились березовые или осиновые кресты напеминавшие народу о правлении Самодержца Всероссийского.

По временке на расстоянии в 20-25 верст были установлены почтовые полустанки, которые "гоняли" почту и случайных пассажиров из Благовещенска в Хабаровск и обратно. Полустанки работали только зимой, летом с открытием навигации эта операция проводилась по Амуру.

Предприимчивые людишки на некоторых арестантских магилах установили солидные крытые кресты с иконами, иногда с зажигаемой лампадой и жестиной / копилкой / для пожертвования оставшимся сиротам или на помин его души. Этим собирали религиозных фанатиков и сердцебольных проезжих.

Такой крест с иконой и копилкой стоял на временке в одной версте от селки Июнь-Корани.

Перевозка семейств и имущества из Покровки в Дежневку и уже третьим этапом из Дежневки до Июнь-Корани стоила нам больших хлопот, мучений и душевных переживаний. Не обошлось и без горьких, а подчас и веселых смешных приключений.

Временка, по которой летом почти никто не ездил, за многие годы заросла травой и изрядным хустарником, на болотистых местах насыпной грунт раскис и осел, деревянные мосты через ручьи от частых лесных пожаров в некоторых местах сгорели. Ко всему этому никакого ремонта дороги и охраны мест от пожаров не существовало.

Все это до крайностей затрудняло и задерживало наше передвижение. Несмотря на то, что вперед были посланы мужчины для кое какого ремонта дороги и подготовки объездов у сгоревших мест.

Приключения начались с Артеменковой кобыленки. Эта порозистая горе-лошадка наделала нам хлопот больше, чем все остальные четырнадцать.

Учитывая, что хозяин своей лошади Василий Климович неспособен был ее управлять, назначили к ней возницей здорового кузнеца Увара. Кстати, он лошадь не купил, и ехал налегке, оставив деню с сыннишкой в Хабаровской больнице.

- Ну держись, дядя Увар, разнесет она тебя в пух и прах. Исповедуйся в грехах заранее, - посмеивались иные.

- Ничего, какнибудь справлюсь. Приходилось подковы-вать пчужи диких, а эта, мелочь.

- Если зауресит, не бросай вез, впрягайся сам в телегу, и тани до Дежневки. Да не забудь и кобылу погрузить в телегу.

- Побачим, побачим! Бог милостив. Авось прибуду в Дежневку сидя на облучке.

Сыпались ушешки и в адрес хозяина лошади.

- Ты, Василий Климович с своим ведерным самоваром и в дороге не рассташься. Немогаешь и дня без него прожить. От ентового чаю у тебя мозга и глаза затмились. Вот и нечем было тебя не думать, не глядеть, когда торговал енту животину - посмеивался деде Макарец.

- Ты погоди Макаре Михайлович! Не теропись? Может ее какой овод ужалит, ^{твоего} когда она слегла под Покров-кой. А она пожалуй ^{твоего} лопеухого далеко обскачет.

- Обскачет. Видне сову по полету, так и твою скакунью. А мой лопеухий небось выручит не только меня, но еще тебя и других.

Действительно Макарец удачно купил хотя и старого и ленивого мерина, но выносливого и безотказного труженика. В последствии он вытащил не одну телегу из колдобин и грязи, и пожалуй добрую половину один перевез груза нашей партии.

Из Покровки все девять подвадов погрузили только нужным имуществом и инвентарем, оставив продукты и семьи в последнюю очередь. Рассчитывали за три-четыре рейса передвинуться в Дежневку всем, оставив бочки и другой громоздкий и ненужный груз на более благоприятное время.

В рассчитанное время немного не уложились, подвели некоторые лошади и в первую очередь кобылка Артеменко. Не помог ей и энергичный Увар. Первую версту она с возомхватила почти галопом, вторую рысцой, потом тихим шагом, на третьей слегла. Никакие советы и ухищрения, чтобы ее поднять не помогли. Кто-то предложил сунуть ей под хвост жгут сухой соломы и поджечь. Это предложение было отвергнуто, хотя впоследствии самим хозяином и применялось. Проявил мудрость в этом вопросе опять же дед Макарец. — Давайте братцы, ее лежащую оттянем и привяжем не длинной веревкой зон к той березке, а сами уедем. Травка хотя еще маленькая, но она у ней под носом. Прогоняется, сама вскочит. А Василий Климович пуцай тут подежурит. Животина поди его. Да и самоварчиком может прямо тута использоваться, чтобы не было скучно даром сидеть.

В действительности так и получилось, не успели отъехать и полверсты, как кобылица поднялась, и преспокойно принялась за подножный корм и посланный к ней Увар, через час подехал, гарцуя верхом к обеду.

Пытались подпречь ее в пристяжку, но и в этом ничего толкового не вышло, на пятой версте опять зауросила и слегла при объезде створенного моста. Пришлось бросить ее обратно, только теперь уже в луже болотѣ, привязанную к кочке, чтобы не ушла обратно в Покровку. Увар от нее совсем отказался и осталась она на попечение хозяина.

Только поздно вечером, измученные и все в гряд-

зи лошади , телеги и мы не въехали, а буквально вползли в Декневку.

В дальнейшем уже на четырнадцати лошадях , и на десяти телегах / одни позаимствовали у Декневцев / продолжали новое передвижение и только на пятые сутки перетаскили все имущество и семьи в Декневку.

Оставался еще пятнадцативерстный путь от Декневки до Июнь- Керани , но путь самый тяжелый и трудный.

В Декневке дали измученным лошадям двухдневный отдых.

Дальше по временянке летом никто не ездил и дорога была исключительно заросшая прошлогодней травой и кустарником. Местами, где прошел прошлогодний осенний пал было чище , но проезд приходилось все равно подправлять заранее. Хуже было то, что многих местов или частично или совсем не было, и их объезды были самыми мучительными. В некоторых местах приходилось переносить на руках через заболоченные ручьи и груз и телеги.

Учитывая, что за день пятнадцативерстный путь при таких условиях лошади не одолеют, для отдыха и ночлега на восьмой версте был построен из веток и прошлогодней травы большой шалам.

Заранее была послана и артель плотников для постройкн под сепкой Июнь-Керани деревянного временного сарая под имущество и нескольких шалашей для летнего жилья семейств. Артелью руководил Василий Алексеенко , в которой были три взрослых и человек пять подростков.

Наступил день последнего этапа передвижения.

За дни отдыха лошадей, была кое-как расчищена дорога и подготовлены объезды у сгоревших мостов.

Пора упомянуть и о том, что не только Артеменко неудачно купил в Хабаровске лошадь, также неудачно купил лошадь и мой отец. Это был серый масти, хорошо упитанный, средней величины и не весьма старый мерин. Сильный, выносливый, но хитрый и лукавый. В тех местах, где нужно бы с разбега подхватить и вытянуть, он преспокойно останавливался на отдых при этом оглядываясь, не подходит ли к нему с бичем или палкой возничий. Над ним все время нужно было держать наготове бич и в особенности если это на каком-нибудь подъеме.

На пастбищах никому не давался в руки. Он прекрасно брал приманку и тут же встряхивая головой поворачивался задом. Зачастую даже спутанного на передние ноги приходилось вдвоих-троих ловить веревкой.

Сколько неприятностей приходилось получать нашей семье уже впоследствии от жителей Волочаевки за егоделки. Дело в том, что в первые годы, пока еще люди не построили себе капитальные дома, обыкновенные русские битые из глины печки строили во дворе под престеньким навесом крытым корьем-березовой корой. Заборов основательных тоже еще не было.

Вот наш сарай и приспособился при заезжавшихся хозяйках лезть по печкам и съедать все, что в них жарилось, пеклось, варилось. Выпекаемый хлеб еще сырой и горячий умел ловко вытаскивать из печи и съедать ничуть необижаясь.

В особенности много неприятностей он причинял нашему китех соседу Артеменко. Эта добрая и милая старушка столько раз приходила со слезами на глазах, жаловалась на нашего серого. Наконец Василий Климович не выдержал и запустил ему острогой прямо в бок.

Так наш серко и явился домой с острогой в боку.

Не только Артеменко и Прощенко купили неудачных лошадей, их в нашей партии была добрая половина. Да и кто предаст хорошую лошадь, прекорнив ее вину и главное в пору весенних полевых работ.

Выручал во всех отношениях рябой Макарца. Эта добрая, выносливая лошадь одна перетащила не меньше половины всего нашего груза.

На третий день нашего передвижения из Дежневки к сопке Июнь - Корани испортилась погода, пошли дожди, дорога раскисала, а болотные ручьи превращались в глубокие речушки. Вдобавок навалился все изнуряющий гнус : комар, мошка, овод.

Приостанавливать переезд было нельзя, так как опаздывали с подготовкой земли под огороды для посадки овощей и картофеля. Да и устали уже все, изнурившись от длительного переселения, которое тянется около четырех месяцев. Хотелось скорее определиться.

В таких непогодных условиях только на седьмые сутки перевезли из Дежневки самое необходимое из имущества и семьи с больными детьми в будущую Вело-чаевку, и вселились в подготовленные из прошлогодней травы и веток шалаши.

Вот и кончилось наше мучительное переселение и начиналась наша новая еще более мучительная жизнь.

Глава четвертая.

ИЮНЬ - КОРАНИ

Вот она и сопка ! Здравствуй наша многомесячная мечта Июнь-Корани !

Здравствуй, та, у которой пройдут мои лучшие годы - детство и юность !

Здравствуй небольшой, но исконно русский кусочек земли, за которой впоследствии будет проли-

лите столько крови, за который в борьбе отдадут свои жизни лучшие сыны нашей родины.

Свято ты будешь хранить в себе их братскую могилу.

Здравствуй будущая Волочаевка, навеки впоследствии введшая в светлую летопись героической борьбы нашего мужественного, храброго и великодушного русского народа.

Преклоняю перед тобой через пятьдесят лет после нашего героического штурма "Дальневосточного перевала" свою старческую седую голову.

А пока: - кругом дремучий лес, тайга, непроходимые заболотистые болота и такие же с трясинной, к которым трудно подойти заболотистые озера.

В лесах непуганая боровая дичь: глухарь, тетерев, косач, рябчик. На высоких неосеченных редках сплошные норы: барсука, енота, лисы. И всюду неутомимый, разноголосый хор пернатых - кукует кукушка, поет изволга, утром и вечером щекает амурский соловей.

В заболотистых озерах сплошные заросли камыша, в которых кишмя кишит водоплавающая дичь: гусь, утка, нырок. Полно в озерах и разной рыбы в особенности карася.

На болотах гнездится болотная дичь, - крольчихи, бекасы и разного рода кулики.

Кругом разнообразные травы и цветы, цветы, цветы. В лесу ландыш коси косой. В поле, в особенности по обочинам временки лилии: розовые, красные, желтые, а на болотах какие-то жестые, грубые и неприятные цветы. На озерах цветет водяной колючий орех. На одном отдельном озере растет настоящий индийский лотос.

Край чудес, красоты, неисчерпаемых богатств и при всем этом насыщен и заражен мириадами дневного и ночного гнуса.

При таком изобилии дичи и рыбы, нечем было охотиться и рыбачить. На всех переселенцев было всего три одноствольных шомпольных ружья. У Волочаева ружье было с шестигранным длинным стволом, привезенное еще из Кубани; у Макараца какое-то старинное с зеленой ложей и круглым курком. У моего отца, купленная в Хабаровске, крупнокалиберная шомполка. Чтобы такое ружье зарядить нужно в ствол с торцевого конца всыпать пороху, потом шомполом туго забить пыж, таким же способом и дробь. Такая зарядка требовала определенного времени и производила много шума. У Григория Павловича Кошеля был какой-то старый и небольшой бредень, на который вырубал многие семьи рыбой.

Освоившись с положением и ознакомившись с местностью, мы мальчишки оказались тоже не плохими помощниками в добывании добавочных продуктов питания, а в ловле рыбы были прямыми застрельщиками. Лески делали мы из волоса конского хвоста, свивали их из двух-трех восков - этому ремеслу научил нас дед Макарац. Удилища росли рядом в лесу любых размеров, а с крючками было много хуже. Редко кто из ребят имел фабричный настоящий крючок, а в большинстве самодельные из проволоки. Негде было достать и проволоки, оказалась она лишь на треснутом горшке у тетки Слинчихи и на дужке ведра, свитой из нескольких проволок, у бабки Индючихи.

- Проволоку из горшка сдеру я - подал обнадеживающий голос Колька Слинко, хотя и знав, что за этим последует добрая порка от батька.

- Ой Колька, батяно у тебя больно строгий, пороть будет, лучше я сниму один виток проволоки с бабкиного ведра - сказал Иван Тихонов - саженка. Саженкой его провали за токий и длинный рост.

- Порка мне непервые, а бабкину проволоку оставь на другой раз.

Проволоку Колька принес, но она была очень ржавая и крючки получались некудышные, часто разгибались т крупная рыба срывалась.

Плакали некоторые от обиды, но другого выхода пока не было. Со слезами на глазах мирились с положением. Позже дядя Увар наладил свою приметивную кузницу и крючки у нас стали лучше. Не забывали мы делиться своим уловом и с дядей Уваром.

Жалко нам было и Кольку, дня три не мог садиться, но ходил героем, как будто- бы ничего и не было.

Не только одной рыбой мы занимались, рядом были грибы, ягоды, черемша, дикий лук и в этом мы не отставали и от старших. Это тоже было большим подспорьем в питании.

Рядом у самой сопки находится залив, впадающий узкой извилистой и петляющей протокой в реку Тунгуску, протекающей в семи километрах к северу от сопки. С правой стороны залива более возвышенная местность, по которой после постройки двух небольших мостов через болотистые ключи, проезжали на телегах ^{через} ~~на~~ луга и высокие релки до самой Тунгуски. В двенадцати километрах к югу от Июнь-Корани проходит Амур, граничащий с Китаем.

С приездом на место, предстояла большая работа и тяжелая. Нужно было строить жилые, сараи, конюшни, мосты и готовить дороги к релкам и сенокосам, вырубать на релках сплошной дубняк и разрабатывать землю под картофель, а при усадьбах готовить почву под овощи. Ближилось время сенокоса, все это нужно было делать не мешкаясь, так как лето здесь короткое.

2 Решили в первую очередь построить восемьдесят двухкомнатных домов, в которых можно было бы по две-три семьи перезимовать первую зиму. Все тридцать домов для каждой семьи за оставшиеся четыре летних месяца, построить было не под силу. Да и строить все тридцать домов не было никакой надобности, так как некоторые уже поговаривали о выезде в Амурскую хлебную область, а другие готовились на зиму в Хабаровск на побочные заработки. Сейчас строили они себе землянки, чтобы осенью бросить их и уехать. Таких неустойчивых оказалось двенадцать семей.

Погода установилась хорошая, солнечная, жаркая. Распределили людей по работам: кому строить дома, сараи, кому мосты и готовить дорогу к полям и релкам. Плугов было только четыре, поэтому большинство разрабатывали землю мотыгами. А много ли можно было сделать мотыгами на целинной земле.

Пахали на релках в низменных распадах, где не было кустарника и карчевка не требовалась и земля была лучше, чем на высоких местах. О том, что эти распадки затоплялись первым наводнением, никто не имел представления.

Женщины и мы подростки расчищали приусадебные места, копали грядки под овощи. Появился китаец, назвавший себя "Старшиной", выяснил и подрядился, кому срубить сруб под

дом, юму сарай, юму раскарчевать землю. Отец, видимо, имея сбережения, подрядил срубить из бревен будку под летнее жилье и трехкомнатный сруб под будущий дом.

Через три дня завился "старшинка" с артелью плотников-китайцев и через пять дней большая будка с крышей, окном и дверью была готова.

Строительный лес - осину рубили тут же рядом в сотне шагах.

Через две недели был срублен тоже из осины дом большой трехкомнатный, с потолком и стропилами сруб, вставлены оконные и дверные косяки. В таком состоянии сруб простоял до следующего лета. Мы со всей семьей прожили до холодов в будке. Во всяком случае, лучше чем в шалаше.

Еще в прошлом 1907 году, после того как Макар Семенович Волочаев облюбовал, по предложению Хабаровского переселенческого управления, местность для будущей деревни вокруг сопки Июнь-Корани, Сюда был послан землемер для нарезки приусадебных участков и местности для будущего кладбища. С землемером прибыла и артель рабочих для рытья колодцев.

К нашему приезду приусадебные участки были нарезаны вдоль по временке против сопки на расстоянии двух верст и у подножья южной и западной стороны сопки. Участки нарезались по полдесятины. За сопкой от стороны залива, на восточной ее стороне было определено кладбище. Колодцев было вырыто три, - два по временке на расстоянии одной версты, один от другого и один у подножья сопки с ее западной стороны. Вода в колодцах была болотная, ржавая, нехорошая на вкус. Все мы приехавшие поселились вокруг колодцев - восемнадцать семей по временке и двенадцать у сопки.

По времянке приусадебные участки разделял протекающий глубокий болотный ручей, обходящий восточную сторону сопки и впадающий в залив. Во время дождей ручей превращался в порядочную реку. Через ручей построен большой деревянный мост. Под мостом и с вытекающей его стороны была большая яма, служившая нам подросткам для постоянного купанья. По вечерам и в праздники на мосту собиралась молодежь, устраивались игры, танцы, песни. ~~Время было прекрасное,~~ ^{но пока} было не до танцев.

Примерно, к десятому июня все полевые работы были прекращены. Кто сколько сумел раскарчевать, вспахать и вскопать мотыгой, ^{то} была произведена посадка и посев. Приступили к сенокосу.

По извилистому ручью залива до самой Тунгуски и других низменных местах трава поднималась в рост человека. Погода стояла солнечная, ясная и за какие-нибудь две недели были посталены многие десятки стогов свежего, душистого сена.

К этому времени почти все перебрались из веточных шалашей, кто в рубленые сараи, кто в выкопанные землянки. Во дворах ^{под} навесами, крытыми корьем, устроили летние кухни и глиняные печи для выпечки хлеба. Хотя от непосильного и изнуряющего труда люди к ночи валились с ног, но жизнь налаживалась и в душе теплилась надежда на лучшее.

Закончив основные работы — посевы и сенокос, Макар Семенович с моим отцом предложили созвать сельскую сходку, на которой узаконить названием, уже существующую нашу, пока шалашную, деревню, избрать старосту, так как Макар Семенович все еще числился ходаком, а не законно избранным старостой.

Сходку собрали в то

Сходку собрали в нашей будке, она была просторней других. Явились все поголовно мужчины и некоторые любимые женщины. Председательствовал на сходе Макар Семенович, секретарем был мой отец Василий Трофимович Проценко.

- Ну мужики и вы бабы, давайте решать, как назовем нашу деревню. Мне переселенческий и земский начальники и урядник строго наказали, как только устроимся, сразу же на сходе вынести решение с названием нашей деревни и избрать законного старосту, а протокол сходки срочно доставить им в Хабировск на утверждение губернатора. Давайте, кто об этом хочет сказать. Мужики долго сопели и переминались на ногах. Наконец подал голос Василий Алексеевич.

- Чего тут долго думать? Кто-то назвал сопку Юнь-Корани, назовем^{так} и наше село.

- Вот выдумал - Юнь-Корани! Та нащо там це голыдянке прозвище? Хмба у нас русского православного названия нема? Забубнил Дмитрий Тихонов.

- Чего же не скавал свое православное прозвище - поднялся Макарец. Мое слово такое, давайте назовем ее Макаровкой по имени Макара Семеновича.

- Иш, куда гнет бисова душа! Под свое имя. Он сам тоже Макар! Тогда уж лучше назовем ее просто Мкарцовкой, с"ехидничал Григорий Павлович Кошель.

- Мужики - приехали и поселились мы здесь в мае месяце, вот назовем ее Маевкой - предложил, степенный, Фролов.

Слинко, Кучмихак и мой отец предложили назвать ее Волочаевкой. Кто-то предложил назвать ее колесухой, кто-то Комариной, но в конце-концов, после долгих споров, остановились на Волочевке. Почти единогласно избрали старостой Макара Семеновича Волочаева.

В протоколе записали, что много больных детей и просили прислать врача или фельдшера. Для поездки в Хабаровск по данному вопросу уполномочили Макара Семеновича.

Наступил жаркий июль месяц. Надежды на улучшение не предвиделось. Некоторые переселенцы, неимевшие своих сбережений, только жили за счет переселенческой ссуды - порастрастились, не запаслись необходимыми продуктами питания, жили впроголодь. Для того, чтобы как-нибудь пропитаться, собирали полуспелую отборную голубицу ~~лесная ягода~~ и по два-три ведра на коромыслах носили за пятьдесят километров в Хабаровск и продавали там за пятьдесят копеек за ведро. При этом нужно было заплатить по десять копеек за перевоз через Амур в обе стороны. Из Хабаровска шли пешком, несли на себе пуд муки, крупы или китайской чумизы. Вся эта операция занимала, в среднем, пять дней. Такие семьи к осени перебрались в Хабаровск на разного рода заработки.

Хорошая погода продержалась и весь июль, но в августе пошли ежедневные, мелкоморосящие дожди. Появилась туча комаров, мошек. От постоянной сырости и грубой пищи стали болеть дети, медицинской помощи никакой не было. Как стало нам известно от жителей дер. Дехневки, что один раз в два месяца навещает их из переселенческого управления фельдшер, у которого необходимых лекарств, кроме касторки, йода и каких-то порошков, которые он прописывает от всех болезней, ничего больше нет, да и приезжает всего на несколько часов. К нам за прошедшие три месяца пока не появлялся. У кого-то умер ребенок, через неделю второй. Этим был открыт счет нашему кладбищу.

От непрекращающихся дождей, начала быстро прибавлять-
ся вода в заливе, через неделю вода вышла из берегов и ста-

ла затоплять болотистые места и озера, а еще через неделю затопила все дуга, сенокосы и наши посевы на релках в распадках. К сентябрю от сопки до Тунгуски образовалось сплошное море и только возвышенные места оставались островами. В результате было затоплено сено до половины, а в некоторых местах оставались видны только верхушки стогов. Оставашееся сено в копнах, юдной унесло ~~завое~~^{свежее}. Мосты, построенные через ручьи по дороге к пашням, и их основания, разрушены и унесены водой.

Народ, никогда не видевший таких стихийных бедствий, потерялся и стал не только роптать, а уже проклинать свою жизнь и тех, кто затеял это переселение.

Нужно было спасать ~~свое~~ положение, но как, никто по-существу не знал. Собрали сходку, но трудно было, что-либо решить разумное. Все неприятности посыпались на Макара Семеновича. Девять семей потребовали немедленно перевезти их на пристань в Покровку, для дальнейшего следования в Хабаровск, где они, якобы, еще в июле, югда носили ягоду для продажи, договорились там о работе: кто сторожем, кто дворником, ^{кто} ~~кто~~ рабочим в Арсенал.

Пришлось кой-как выделить в эту трудную поездку три подводы, четвертая была уезжающих.

На сходке решили быстрее закончить строящиеся дома, так как зима не за горами, и учитывая, что на всю Волочаевку имеется только две плохоньких лодки у Волочаевых и у Кошеля, которых явно недостаточно для поездки на острова, где остались еще незатопленные посевы - послать сына Макара Семеновича - Илью с двумя подростками, купить на Тунгусском лесопильном заводе, находящего в деревне Николаевке на берегу Тунгуски, в двадцатипяти километрах от Волочаевки в сторону Хабаровска - две лодки.

Сено решили вновь заготавливать только в лесах за времяжкой, которая проходила на возвышенной незатопаемой местности.

Вода все прибывала, пейзаж местности менялся на глазах, хотя на вид и суровый, пугающий, но красивый, творимый дикой неотвратимой природной силой. Стихия безжалостно разрушала и уничтожала все созданное природой и трудом человека. А, человек, он казался незаметной песчинкой в этой громаде водоворота. Пока еще не умел, да и не знал, как эту силу стихии обуздать.

Но разум человека не был законсервирован, он постоянно прогрессировался, искал, дерзал и верил, что грядущие поколения обуздадут свирепую силу природы и заставят ее служить человеку.

Девять семей уехала, меньше стало рабочих рук в постройке домов, но стало меньше, неуверенных в своих силах, крикунов и дезорганизаторов, вносивших постоянные конфликты и панику в среду переселенцев. Оставались еще три семьи, собирающиеся уехать в Амурскую область. Позже осенью и они уехали через Хабаровск по Амуру.

В сентябре вода пошла на убыль, по Тунгуске пошел осенний лов кеты. Народ заволновался, но ловить было нечем.

В восьми километрах от Волочаевки, влив по Тунгуске, находится еще одна сопка Ёнь-Корани, или как еще ее называли - Балаганского сопка. У подножья ее жил, видимо, с давних времен зажиточный мужик Балаганский. Семья его состояла из четырех человек: он, жена и двое детей. В своем хозяйстве имел лошадей, несколько коров, много птицы, невод для ловли кеты и другие рыболовные снасти и стаю злых собак.

Постоянно держал работником - китайца и русского парня - батрака, которого называл приемным сыном. Летом на лодке, а зимой на саних по Тунгусске, которая впадает в Амур, в десяти километрах ниже Хабаровска, возил в город на продажу молочные изделия, яйца и птицу, рыбу и другие продукты питания. На южном склоне сопки имел десятины три разработанной и хорошо удобренной земли.

Кету вылавливал и заготавливал десятками тысяч штук, солил, малосольную вялил для себя и продажи, а зубатку последнего хода, сушил для своей своры собак.

К нашему приезду в Волочаевку, успел приобрести второй невод для ловли кеты, подобрал из Волочаевцев, в основном из молодежи, две артели рыбаков и на Тунгусске, рядом у сопки, организовал лов кет. За невода, лодки и другие снасти брал половину улова, вторая половина шла на артель.

Хотя условия были не ^{сбросовыми} выгодные, кабальные, но деваться было некуда, к тому же это было большим подспорьем, большой выручкой нашим переселенцам. Во-первых, ни у кого из нас не было невода, во-вторых, никакого опыта ловли кеты у нас не было и в-третьих - по Тунгусске не знали тех мест, ^{тогда} где ^{можно} ловить кету. Все это, впоследствии, нам пригодилось.. Ко всему этому, был большой ход кеты, попадало в невод за один ^{тогда} улов по восемьсот, тысячу и в отдельных случаях, по полторы тысячи штук кеты. В результате, двенадцать семей были обеспечены на всю зиму ^{с. В. Р. 1904} соленой кетой, и ~~к тому же еще и вялили.~~

Хотя и с большой наценкой, но солью рыбаков снабжал тоже Балаганский.

Остальные купили у Балаганского - кто свежую, кто соленую кету. Балаганский продавал свежую рыбу три рубля за

полную лодку. В лодку входило сто-двадцать - сто-пятьдесят штук, но где было взять эти три рубля.

Наш отец купил за три рубля сто штук вяленой кеты, которой нашей семье хватило на всю зиму.

Карто~~феле~~^{феле} уродилась хорошая, у кого не затопило - хватило на всю зиму. Собрали карто~~феле~~^{феле} и мы восемь мешков, остальную подкупили у Балаганского.

Суровой, холодной и голодной была первая зимовка в Волочаевке. Не умели еще в местных зимних условиях ни охотиться^{ни} заниматься рыбной ловлей. О заработках не было и разговоров, а возить на наших лошадях за пятьдесят километров в Хабаровск дрова - не было смысла. Зимовали, кто как мог. У некоторых семей не было хлеба, питались рыбой и картошкой.

Летом успели построить только восемь домов, в которых зимовали оставшиеся восемнадцать семей. Наш дом был недостроен и мы зимовали в доме Прокофия Мороза. У Мороза кроме жены, было два сына, которые часто учиняли драку между собой, научились курить табак и частенько нас с моим братом Владимиром угощали куревом.

Как-то мать братьев сварила суп из соленой кеты и картофеля. Обыкновенно, кета-зубатка была совершенно не жирная и когда суп остыл и отстоялся, в чугушке образовалась чисты⁷ как вода, без единой крупинки жира, бульон. Вошедший со двора Степан, желая умыться, попросил Никиту слить ему на руки, чтобы умыться, Никита заглянув в чугунок и неподозревая, что это соленый суп, черпнул ковшом и вылил Степану на подставленную горсть. Степан плеснул себе в лицо и гвгала и завопил от боли. Предполагая, что Никита умышленно подал ему соленой воды, Степан чуть протер глаза и в ярости закатил оплеуху

Никите. От внезапного удара Никита полетел в один угол, а ковш с супом в другой, началась очередная потасовка. На шум и вопли вбежали в избу их родители. У отца в руках был добрый ивовый прут, а мать схватив у печки ухват, начали ублажать ретивых сынков. В таких перепалках всегда поровни первым выскочить из избы Никита, а поэтому Степану постоянно попадало больше, и уже стоя за сараем и почесываясь от боли, Степан дружелюбно бросил Никите:

- Микита принеси воды промыть очи, а то рже?
- Ни пиду, там батько с дриком и маты с кочергой.
- А нащо ты мини в очи соли всыпав.
- Та, брешиш Степан, ейбогу брешиш.

И когда выяснилась причина драки, отец насупился, а мать расплакалась от горькой и безысходной жизни. Хлопцы померились и рассмеялись.

Из этого супа можно заключить, какая, в действительности, была горькая, голодная и безысходная жизнь, в первые годы, в Волочаевке.

Впоследствии жизнь постепенно стала налаживаться. Почти все жители Волочаевки стали разрабатывать на высоких релках землю / так называемые займки/ и полностью обеспечивали себя на круглый год картофелем и остальными овощами. Кое-кто приспособился и к рыболовству, занимали бредни и другие рыболовные снасти - научились ловить кету. Некоторые уже занимали невод для ловли кеты. А это было основным источником питания в нашей жизни.

Охота на зверя и дичь была не основным промыслом для существования. Некоторые приспособлялись уходить на побочные заработки. Хлеб никто не сеял.

46
Тява-Наташа.

Мой старший брат.

Наступала весна 1909 года, все ужасы прожитой в тесноте, шуме, холоде и дыма зимы при которых требующую чистоту и другие санитарные условия поддерживать было почти невозможно, — оставались позади. Наша мать привыкшая к более роскошной жизни: — к отдельным кухням, спальням, залам к тому же еще больная, еле держалась на ногах. Да и все мы, в особенности наши меньшие, Толя, Гриша и Нина от грубой однообразной пищи, десятки раз переболели за зиму. Владимир, я и Антонин хотя и истощали, но выглядели более здоровее. В этом виднелся скакался труд и пребывание целыми днями на свежем воздухе и крепком, исключительно целебном дальневосточном морозе. Нам всю зиму и каждый день приходилось пилиль и колоть березовые дрова и подвозить их на самодельных санях к дому, которые круглые сутки поглощала железная печь, стоявшая в нашей комнате. Облегчало то, что красивый белый березы лес находился рядом, в ста саженях от дома.

Уничтожать на дрова красивейшие березовые рожи, это чисто русское национальное богатство, было преступлением, но в те времена это было нормальным явлением, — никто не запрещал, никто ничего не подсказывал. Губили кету крючковыми снастями; били острой во время мечения икры зубату, разоряли места нереста; резали ножами во время наста ходовую косулю; разбрасывали где кто хотел пометы стрихнина; давили петлями на токах тетеревей; устанавливали на зверя опасные для человека самострелы и все это было само собой положено, всеми и всем дозволено. Ссылный, каторжный край не интересовал самодержца всероссийского, не интересовал он и наместника края, — шталмейстера двора его императорского величества генерала-губернатора Гондатти. Его больше интересовала крупная контрабанда опиумом и другие преступные сделки. А богатства края, красоту созданную природой постепенно уничтожали. Воспроизводство не существовало.

Весна наступила ранняя и бурно оживала природа. Первой распукала свои мохнатые почки ива, на возвышенных местах

обнажалась от снега земля. Пахло тающим снегом, оживающей землей и лесом. Затоковали во многих местах тетерева, стали появляться свистеть и распевать на разные голоса разного рода пичужки. Радовал и возбуждал этот многоголосый хор пернатых и запах пробуждающейся жизни.

Радовало и то, что скоро уже, вот наступающим летом придет наш ученый брат Шерка, которого в семье любили больше всех. Но любили его все по-разному, — отец тихо и всячески стараясь не выявлять своих чувств, хотя и видно было, что тоскует, переживает. Мать с постоянными слезами, вздохами и одним и тем же вопросом: — "ох, скоро ли увижу своего сыночка." А мы все братья бурно высказывали свою радость и нетерпение в ожидании своего старшего брата, хотя меньшие из нас, его почти и не знали.

Но вот наступил солнечный, теплый и ясный май. Пора было перебраться из тесной, душной и неуютной квартиры Прокофия Мороза на свой участок в просторную лесную будку. Хотя и не в доме, не в хоромках, но стало свободно и много чистого, свежего воздуха, а от запаха распускавшихся диких цветов, лесной душистой травы и лопающихся на деревьях почек, пьянило и дурманило голову.

От этой перемены квартирных условий, тепла, щебетания птиц и дурманящего запаха, у больной нашей мамы даже появился румянец на щеках и впервые за всю прошедшую зиму, мы от нее услышали: —

"А ну дети, давайте выйдем все на двор".

Было раннее утро, солнце поднималось большое, багряное, теплое. Не палящее, не жгучее, а именно ласково теплое. Такое солнце бывало только на нашем Дальнем Востоке. — Смотрите дети какое большое и теплое солнце, — сказала мама. Слушайте как распевает на разные лады птички, а запахи, запахи, прямо кружат голову. Какая благодать, какая прелесть. Смеяться, плакать и жить, жить хочется.

— Ну и живи, смейся, пой песни — сказали мы хором.

— Правильно дети, правильно, — подтвердил вышедший из будки отец. Уж больно слезливая наша мама стала.

— А вот дождемся Шуру и плакать перестану.

Пора было приступать к полевым работам. Заново нужно было корчевать сплошной дубняк, но учитывая прошлогоднее наводнение уже на более высоких релках. Пахать или мотыжить землю для посадки картофеля, фасоли, сои. На участке двора увеличивать огород под остальные овощи, удобрять его скопившимся за зиму навозом.

Заботой отца, была достройка нашего дома. Он всей возможностью старался закончить строительство кухни и спальни в доме к приезду Александра. Доделка зала, коридора и постройка сений откладывалась на будущее время.

Месяцы пролетели незаметно и вст г июля отец получил телеграмму, которая шла из Екатеринодара до Волочаевки пятнадцать дней, из них+ трое суток Екатеринодар- Хабаровск и двенадцать суток Хабаровск-Волочаевка. В телеграмме значилось: - "Получил диплом учителя, одну неделю поеду дяде Петру августе ждите домой Александр". -

Радости не было предела, мать нас всех по одиночке расцеловала, а по вечерам тихонько начала распевать песни. Пела она очень красиво, наобольдшае грустные украинские песни, в особенности такие как: "Тяжко важко в свити жити сироте без роду, нема куды прихилитися хоть с гори ти в воду". или: - Така ей доля, ой боже мий милий, зацо ты караєшь ей молоду".

Пела красиво и отец, но кроме песен он много знал и умел хорошо рассказывать смешные истории.

Уезжая из Екатеринодара он не расставался со своей библиотекой. Правда всю взять с собой он поиятно не мог, но полное собрание Чехова, много книг Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Некрасова, Никитина и Тараса Шевченко он привез даже в Волочаевку. Привез за 1904 и 1905 годы и полную подшивку журналов " Нива ".

Эта привезенная им библиотека дала много хорошо и просветительного нам, братьям. Да и не только нам. Впоследствии мы, с нашими сверстниками, друзьями-приятелями перечитали ее полностью. Сколько было переживаний, страха и споров читая Гоголя и наоборот- сколько было веселья и смеха читая Чехова.

Как-то в середине августа, под вечер когда все были дома, в будку зашел с плетеной корзинкой в руках и котомкой за плечами Александр. Хотя его и ждали, но от неожиданности все растерялись. - "Здравствуйте мои родные папа и мама. Здравствуйте ребята - произнес он громко, поставив у ног корзинку.

- Шура, сынок мой родной, ненаглядный-, с криком первой бросилась ему на шею мать, целуя и от радости плача.- Заждалась я тебя, вся истасковалась.

Пододошедший отец с трудом оторвал мать от сына, обнял его и неуклюже от волнения поцеловал в лоб.

Освободившись от отца Александр обнял всех нас старших и обнял младших.

Сбросив котомку он опять подошел обнял и поцеловал маму, потом обнял и крепко поцеловал отца.

Радостям не было предела, расцвела и помолодела наша мама, заметно повеселел и отец. О нас и говорить нечего, мы даже не знали с какой стороны и подойти к нашему дорогому и долгожданному ученому брату Шуре. Да и узнать его было очень трудно, вырос, возмужал и на губе начали чуть пробиваться красивые, черные усики.

- Ну забрались Вы на край света, месяц целый ехал по железной дороге до Хабаровска, да три добрые дня шел по этой знаменитой арестантской колесушке до Волочаевки.

-и не говори сынок, сказала мама- край света это не так страшно А вот эта глушь, дичь с мириадами разного гнуса, неделями морозящие, нудные дожди, невиданные, бурные наводнения, уносящие все живое и мертвое и длинящая, нескончаемая зима со свирепыми морозами,- вот это все страшнее страшного.

- Ну запричитала мать свои страсти-мордасти. дай сыну самому оглядеться. А ты с первой минуты запугивать. Негоже так, негоже. Давай лучше сообразим чегонибудь нас тол. С дороги поди сын проголодался -.Сказал отец.

- И то правда, проголодался я изрядно, хотя дорогой поел этой превкусной голубники несметное количество. Растет прямо чуть ли не на обочине дороги. А вот насчет страсти- мордасти, я не с отряда

пугливых. За три дня которые я шел к Вам я ко многому присмотрелся. Я бы с Хабаровска мог дойти к Вам за один сутки, но я шел и с интересом присматривался ко всему, что встречал. Почти на каждом мостике просиживал часами прислушиваясь, что происходит в природе. На час-другой сворачивал в какойнибудь лесок, в надежде встретить толтигина, но говорят, они здесь не водятся. Правда мама, это дичь, но какая она красивая, какое раздолье. Это поистине первобытный край еще не тронутый, не испорченный человеком.

- Спасибо сынок, спасибо. Вижу тебя чему те умному научили в гимназии. Тебе пожалуй скорее быть иттуралистом, чем учителем.

- Ну об этом папа мы с тобой еще поговорим..

- Какая там сынок красота, когда из тебя сасут кровь, на тебе живого места нет. Все лицо и руки искусаны этими кровососами комарами. Давай я тебе приложу горячее полотенце к искусанным местам.

- Нет мама, я руки поободрал больше об шиповник, а его здесь так много.

- Нет, нет мать. Давайте преддеподжарим карасей, сегодняшний улов ребят. А Шура тем временем умется и приведет себя в порядок.

- Не жарить папа, а варить уху. Она из карасей у тебя получается очень вкусная. - Запротестовали мы с Владимиром. - А сомов оставим на завтрашнюю поджарку.

- Ну уху так уха -, согласился отец, но прежде давайте спросим согласия мамы и Шуры.

- Я за то и другое, но если ребята за уху, поддержку их и я. Давайте в этом все гуртом помогать маме.

- Не маме, а папе. Папа вкуснее дежает, да и маму жалует. Теперь с тобой и папой нас будет восемь, а мама одна.

Уха получилась как и всегда очень вкусная, караси были выложены в отдельную миску и политы кртым рассолом.

Много за ужином было распросов о Екатеринодаре, Ивановки, общих знакомых и друзей переменах за прошедшие два года. Мама несколько раз всплакнула при рассказе Александра о дедьке Петре и его семье. Между прочим дедько Петро подкупил еще земли и ему добавочно по реформе Столыпина нарезали порядочный кусок дуга.

На маслобойке и крупорушке теперь у него работает паровой двигатель. Постоянных работников-батраков у него теперь пять человек, не считая севоиных, да и сам за семерых работает. Жадность одолела человека.

- Меня приняли очень хорошо, в особенности жена дядьки Петра-тетя Поля. Но я у них долго не смог пробыть, во первых тянуло домой, сюда к Кам, ведь около двух лет не видались, во вторых противно было смотреть, как на жадности человек безчеловечно эксплуатирует человека.

Дней через пять меня дядько Петро спросил, если у меня деньги на проезд к родителям. А я вместо того чтобы сказать, что деньги родители мне послали - брякнул: - да есть у меня несколько рублишек, но их далеко на проезд нехватит. Он тут-же достал двадцать пять рублей и отдал мне, при этом сказал: - когда заработаешь, забудь переслать должок. Признаваться, что денег на проезд у меня жватит, было уже неудобно и я деньги взял, пообещав при первой возможности их возвратить. Они у меня остались целыми. Можно завтра их переслать.

- Нехорошо ты поступил Шура, очень плохо. Во первых, ты нас с матерью перед дядькой Петром скомпрометировал. Вот мол скажет интеллигенция, даже ученому сыну на дорогу послать нечего. А, во вторых - сразу со школьной скамьи и быть не правдивым - тем более не хорошо. При первой возможности деньги нужно перевести обратно.

Неторопись Вася, сказала мама. Брат деньгами не нуждается. Обождем месяц-другой и деньги возвратим. Шура напишет-заработал и возвращаю. Он этим и во взгляде и мнении Петра как то много возвысится.

-Нужно нам такое возвышение- сказал отец.

- Да я сам пада после опомнися и понял, что поступил плохо не исправлять ошибку было уже поздно.

При самом отъезде и прощании тетя Поля тоже сунула мне незаметно в руку пять рублей, но от них отказываться было бы и неудобно да и не честно. Это ведь вроде гостинца племяннику. Потом на дорогу наложила мне целую торбу разных продуктов.

салом, яиц, домашней колбасы, калачей, пирожки, горной меда и три жареных курицы. Я полдороги не покупал ничего съестного, только бегал за бесплатным кипятком на стоянках. Здорово меня этим тети выручила, как нибудь я ее постараюсь отблагодарить.

Видно было, что отец и этой подачкой был недоволен, но промолчал. Мама только вытирала слезы.

Время подходило укладываться на ночь. В доме нашем уже была полностью оборудована кухня и спальня. Вставлены и застеклены окна, навешены двери, настланы полы. В кухне была сложена из сырца кирпича русская печь и плита с обогревателем в спальню. Отец с матерью перебрались спать в спальню, взяв с собой маленькую Нину, а мы все ребята, пока еще лето и тепло оставались в будке. Здесь были вдоль стены оборудованы нары и мы покато на них располагались спать.

Сегодня ложился спать с нами и Александр:

" Ну хлопцы- обращайтесь к Владимиру, мне и Антонину, сказал Александр. Давайте завтра, прямо с утра показывайте мне самые интересные здешние места: - охотничьи, рыбные, грибные, ягодные и другие. Заберемся на сейку, сориентируемся и прямо с сейки двинем на Тунгуску..

Нет Шура, завтра сутра, как только сойдет роса, нам нужно сметать в сток двадцать копен сена.

А далеко эти копы.

Да нет, тут рядом, в леску против нашего двора.

-Ну добро, считайте участником сенокоса и меня, хотя я пока еще не знаю как это сено и косит. А теперь спать. Я сегодня порядком устал, да и спал последние три ночи очень плохо и мало.

Бедная, милая мама. Она видимо не спала всю ночь. Я словно сон слышал как она приходила несколько раз в будку. Подойдет к Шуре, постойт несколько минут, поправит одеяло, вздохнет и и выйдет.

Утром до завтрака, пока еще жарилась рыба, сомы из вчерашнего нашего улова и варилась картошка, было промолотено

содержимое корзины и котомки примесил Александром.

В корзине в основном оказались книги-учебники, ноты для скрипки, толстая книга дихотворений с названием "Чтец декламатор" и толстая тетрадь рукописи Александра. В одном из учебников, под бумажной оберткой находилась две тоненькие брошюры.

Объясняя Александр говорил: - Ну это мои школьные учебники, они мне в будущем будут нужны, а это ноты для игры на скрипке. Если из Вас кто пожелает, я постараюсь их объяснить. Эти вот маленькие брошюры пусть предположительно папа, а дальше будет видно, что с ними нужно будет делать. А вот книга "Чтец декламатор" и тетрадь рукописи для всех нас ребята. Будем вместе их читать, разучивать стихи и петь песни. Маме я привез "Кобзарь" Тараса Григорьевича Шевченко, она любит украинское. Он составлен на русском и украинском писании. Ну, а это сверток папиных и маминых писем, я их сохранил как святыню.

Из котомки он извлек обмотанную свиним студенческим костюмом скрипку, сломанный смычок, две пары грязного белья, полотенце и тяжелый бумажный пакет, в котором оказались свинцовые бомбы от бомбированных железнодорожных вагонов.

Папа мне еще в прошлом году писал, что у Вас трудно с дробью, Ну вот я всю дорогу и лазил под вагонами, во время столноков, собирая оборванные бомбы. Тут их будет фунтов пять-шесть, Добре мне колку наняли пока донес. Дроби мы нибудь мы уж сами накатаем. В Хабаровске я купил и две пачки пороха. А это ребята Вам рыболовные крючки разных размеров, тут их десятка два и настоящей суровой лески. Папа в письме тоже о них как то упоминал.

Все мы были в восторге от этих скромных подарков Александра. За рыболовные кружки мы с Антоном вместо благодарности только ужались и мечтали что-то посураз — ное. Да и благодарить мы не умели, не приходилось такого в нашей еще короткой жизни, а если за что либо шли, так просто чокнулись в щелку и это было больше, чем словесное спасибо.

Подумать только, — настоящие фабричные кружки, — это у волочевских ребят большая радость. У всех еще самодельные. Хотя они и удичили дядей Уваром, но все равно с них половина подростковой рыбы срывается. Вот эти орудия — напольные канары для краба, а покрупнее будут хороши для сома и щуки. С этих уже не сорвется и не уйдет. От восторга я чуть было не чокнулся Шуру в щелку, но своевременно опомнился. Такие нежности у нас не проявлялись среди братьев. А вот на паску обязательно целовались все и со всеми под "Христос воскрес" и "Восстину воскрес". Но то ведь паска, а не кружки.

— А дробь катать у нас есть чем — от радости за пломбы сказал Владимир. Да и как ему было не радоваться, ведь охота на тетерева, уток, гусей и другой дичи возлагалась на отца и его. Я тоже уже постреливал, но не-за экономии пороха и дроби меня пока лишали этого удовольствия.

— Этот фальшивомонетчик хорошую отказал двадцатинитовую доску, он катать дробь на деревянной доске лучше лучшего — продолжил Владимир.

- Брось болтать то, чего не следует - нарушени
отца. Я категорически запрещаю всем вам говорить слово
фальшивомонетчик. Чтобы я слышал это в последний раз.

- Так ведь Василий Алексеевич везде об этом говорит -
возразил Владимир.

- Не придирайтесь к глупостям и не суйте нос, куда
не следует. Еще раз предупреждаю, чтобы я этого слова ни
от кого от вас больше не слышал. А Алексеевич доболтается,
что ему нос и язык крепко прищипит.

- А что это за двадцатипятирублевая доска и кто такой
Алексеевич - спросил у отца Александр.

- Доска у Владимира, ее нужно уничтожить, хотя ее
хорошо казается дробь, а Алексеевич - это наш попутный
издатель Волочевский. Впрочем я как-нибудь расскажу тебе все
подробности. А теперь соберайтесь на озеро, а я подожду
позже.

Маме не утерпела и с "Кобзарем" в руках успела поцело-
вать Шуру в знак благодарности за подарок.

День выдался погожий, солнечный и исключительно теплый.
Но пойти дальше, мы четвером - Александр, Владимир, Я и
Антонин, захватив своего "Серого" для подвозки вещей, отпра-
вились на озеро.

В лесу от испаряющейся росы и другой влаги было как-то те особе душно, но когда мы подрезали и разворошили кошны, сено начало источать такой аромат, что в сладкой истоми кружилась голова. Запах сена трудно было понять, пахло оно и сладким, и горьким, и кислым, и мятным и еще какими-то одурманивающими запахом.

Когда кошны были все срезаны и половина сена уложена в стожок, Александр предложил передохнуть.

- А теперь, ребята, послушайте, что я вам расскажу. На мой взгляд это не настоящее сено и оно навряд-ли будет пригодное для корма скота. Обратите внимание, не только на беспрерывно чикаем, но безумную фирмает и мотает головой и наш серый. В этом сене нет настоящей травы ширя, а одно лесное разнотравье. Чего только в нем нет. Вот это какой-то горошек, а этот круглолиственный лопух видимо огуречник, потому что пахнет свежими огурцами. Это палеротник, а это листья ландыша, а это какое-то разнообразие цвети. В сухом виде трудно разобрать их настоящий вид и цвет, а присмотритесь к ним в растущем состоянии. Я обратил на это внимание и примерно подсчитал, тут минимум пятьдесят видов разных растений.

Когда в гимназии мы проходили ботанику, нам объяснили, что все или почти все лекарства изготавливаются на фармацевтических заводах или других лабораториях из растений и в большинстве из лекарственных трав. Но чтобы найти лечебные травы и сделать из них те или другие лекарства, нужно много знаний.

Этим делом занимаются ботаники, фармацевты, врачи и даже кинологи. Нас водили в одну лабораторию, в которой в стеклянных шариках и трубочках что-то шипит, булькает и капает. У меня есть записанные несколько лекций по этому вопросу и несколько рисунков колеб, шаров и трубочек. Как-нибудь я вам покажу и объясню.

Кто знает, может быть в этом нашем столике заключена большая сила целебных трав, способная излечить многие и разные болезни, а мы вот ее кошим, топчем, скашиваем сикоту и в конце концов превращаем в навоз. А я чувствую и верю, что это так и есть. Чувствуете, как одуряюще пахнет, голова кружится.

А теперь, братья, поднимаемся и за работу. Кстати, вы идете и отец.

— Выгляните, хлопцы — прежде чем подняться на работу, я хотел сказать вот что — промелькните Владимир. — На счет лекарственных трав, оно может быть и правильно. Вот бабка Индюшка все время собирает какие-то травы и кошет какие-то корешки. Загляните к ней в домок, что стоит под сохой, там все стены обвешены пучками высушенных трав и корней. Даже ядовитый борец с корнями в пучках висит. А вот попробуй похуй корешок этого бойца и можешь считать, что ты уже на том свете. А она как-то эти травы и корешки пользуется и людям дает. А вот чтобы от них кто-либо заболел или умер, пока не слышно,

а поправляются вроде многие. В домике у ней такой запах, что дух захватывает, а ее сын Дитро, отец Ивана-сажинки, которого Нициком зовут, похваляется, что от этих травок он и бабка будут жить по сотне лет. Бабке видимо и сейчас уже за сотню.

Ну а насчет того, что это лесное сено не будет есть наш Серый — это уже бабушкины сказки. В прошлом году наше луговое сено почти все затопило, мы на этом же самом месте напасили такой не пахучий, но побольше этого стожек сена, и наш Серый с"ел его за какие-то ползвизы до основания, даже низинки об"адков на подстилку не оставил. А вот луговое, что осталось половинку стога незатопленным, он нехоти и добрую половинку оставил об"адков. Ну а что он сейчас громкогласно фыркает рбонки копытами, надо полагать от удовольствия за приятный запах.

— Слышал, слышал конец вашего разговора — сказал подошедший отец, но к этому я хотел бы, хотя и немного, но кое-что добавить и от себя.

— Добралий, добралий, папа, — хором зашумели все мы, — нам работы осталось немного, всего на какой-нибудь один час, а до обеда еще далеко.

— Визу, что еще и половинку стога не сделали, хотя и все копыти подрезаны. Ну уж коли на то пошло, слушайте: — Вы сейчас только ^{еще} говорили про бабушку Тихоновну и ее травы и корешки.

- Нет, папа, мы говорили про бабушку Идичику, а не Тихонову, ты что-то надсматывал - сказал Александр.

- Да повсей она не Идичика, а Тихоновна, разве тебе ребята не об"сказали? И ее сын Дмитрий не Идрик, а Тихонов. Идичиком его прозвали за то, что долго молчит, сурово глазами водит и усами веелит, потом как загудит, забулькает точно Идрик. Вот вам и прозвище, а за одно и бабка стала Идичи - хой. Ну так вот, как то еще зимой катется в марте месяце приватик к нам на почтовой тройке из Хабаровского переселенческого управления фельдшер. А они обязаны были посещать все села катется два или три раза в год. Других здесь маи - циновок пунктов никаких не существует. Так вот этот фельдшер, причем еще молодой человек, узнал про бабушку "машину", повелел сходить и посмотреть ее сам. Мы еще были все восем - нацать семейств в семи домках. Понятно, что от тесноты и скопления людей в домах были и без трав и корней такой спер - тый "аромат", хоть "топор" ведай. Не успев переступить баб - киен порог и не сказав приветствия, наш фельдшер выскочил обратно во двор и приказал своим прошивающим открыть окна и двери и проветрить помещение. Как нарочно в то время про - вожающим у него оказался Василий Алексеевич, а какой он балатур, Вам известно. "Нет, Ваше благородие, дверь для проветривания открывать нельзя, в доме малые дети и можно их застудить. Она забита наглухо и они покрыты таким тол - стым слоем льда, что потребуется и кайла и ломы, а форточка у нас не поматается. Вы лучше достаньте нам носовой платочек

и прикройте им нос. Только боже Вас утешит не чихните, иначе придется обратно показывать во двор и повторить все процедуру. Фельдшер поистине понял задачу, но виду не показав и смело без затягивания носа вошел в дом. После двух-трех вопросов фельдшер все же не вытерпел, чихнул и вновь вышел наружу. В третий раз заходить в дом к бабке уже не решился. Вот какие у бабки Тихоновой лечебные травы и коренья, что даже "на медицинское благородие" не выдерживает. После на сходке фельдшер нам доложил, что лечебные травы и коренья он у бабки исследовал, проверил, они мол действительно имеют лечебные свойства и сама бабка разбирается в них не плохо. Пусть она лишь лечит не только без всякой ворожбы и колдовства. Бутылку настоек, пузырек Вода и другую микстуру он оставил в Домовине у старости и если кому из вас понадобится что-либо, можете съездить и взять.

Вот таково у нас на сегодняшний день медицинское обслуживание всего左обережья Амура. Не знаю, но есть слух, что в Хабаровске решают создать здесь у нас волость и назвать ее Тунгусской, — это от названия реки Тунгуски. Меня еще весной вызывали в Хабаровск и предлагали при ее создании быть ее старшиной или писарем. Старшиной я не пойду, да меня видимо не назначат и не выберут, ведь я, Шура, из-за тебя видимо до сих пор в подозрении и как говорится, в опале. А вот писарем подумываю, да и нужно ведь что-то делать и на что-то жить.

А теперь поднимайтесь, заканчивайте стожок, а мы с Антоном сходим пошлем грибов.

Вскоре работа была закончена, стожок получился на славу и мы возвратились домой. Примерно через час пришли и отец с Антоном с полными ведрами грибов белых и подосиновиков.

Грибное время здесь началось с первых дней июня, отец уже успел насолить грядкой и волнушки поряточный бочонок. Да и в своем виде почти ежедневно бывают, трудно только с растительным маслом. На баруточном сале жаренье тоже не плохое, но как говорится: — на безрыбье и рак рыба.

После обеда, отдохнув, мы втроем — я, Владимир и Александр пошли на сопку "для обозрения местности" — как сказал Александр. Для нас с Владимиром это было новое изобретение и мы с трудом его осмыслили. Но мама, она была в особом восторге, — ведь ее любимый сын был ученик, хотя ему еще и восемнадцати нет, а он уже закончил гимназию, народный учитель. Правда, без права учительствовать до совершеннолетия двадцати лет, но до полных двадцати лет не так уж и далеко, каких-нибудь два с лишним года. Нам с Владимиром в этом вопросе приходилось помалкивать, ведь мы закончили только по три класса — Владимир церковно-приходской школы, а я — двухклассного училища.

На сопке восхищеный Александр не было предела. Он восхищался всем, что видел, и березовым лесом с редкими

массивами осинника, простиравшегося на восток до Покровки, на юг до реки Амура, проходящего в 12 верстах от Волоча - ского и на запад сколько видно глазом. Восхищался и забывая - тыми болотами и многочисленными озерами и массивными высо - кими орами болот речными, покрытыми сплошным дубняком и черной березой простиравшимся на север до реки Тунгуски и на северо-запад до самого горизонта.

- Ну и ну - без конца восхищался он - вот это край так край, дивный, страшный, никем еще не тронутый, и в то же время прекрасный и привлекательный. Но трудно, ок как трудно придется народу осваивать его при современном самодержавном строе. Тут потребуется сила, большая помощь народу, цивилизации, наука и техника, а у нас и большому осваиванию ничего этого и нет. Что было и то расстреляно, захвачено на каторгу и пошло в осинку. Были у меня друзья в гимназии стариковосники, которые много знали и хотели многое доброе сделать для народа, но их видно уже и в живых нет. Да и многих лучших преподавателей тоже не стало. Впрочем Вам, ребята, в этом мало что известно и понятно, но я Вам кое-что понемногу и кое-что постепенно расскажу. А теперь скажите, сколько у вас готовой пахотной дрови, я завтра же отправлюсь с вами к тем озерам. Видите сколько там летает дичи.

- Зарядов на пять-шесть наберется - сказал Владимир, но к тому дальнему прямому озеру напрямки доберешься, там непроходимая топь - трясина, застрясина и не вылезешь .

Говорят есть такие болта, что засекают человека с головой. К ним и зверь не подходит. А насчет дичи, что стали там летает, то видимо малочь — чирки, на них и заряд мало тра-
тить. Стрелять нужно в основном гуся, а если из уток, так только красноноз — краповую.

— Ну кого там стрелять, видно будет по зверю и обста-
новке, но нужно признаться, я еще и дужья в руках не держал,
но охотником буду обязательно и самым первоклассным. А вот
дробь маловато. Придется завтра приготовить побольше и еще
раз отсюда с сошкой оглядеться и ориентироваться. Как обра-
щаться с ружьем и зарядами, вы мне дома покажете, да и внима-
лым разниа два по мизени.

Потом Володя кто это такой за фальшивомонетчик и что
такое эта двадцатинишковая доска, с которых ты утром упам —
нул и за которых так осерчал отец. Даже упоминать об этом
запретил.

— Доску я тебе сегодня покажу, а завтра сам будешь на
ней катать дробь. А про фальшивомонетчика отец сам обязан
тебе рассказать.

— Не лучше ли будет сегодня вечером сходить к этому
Васеми Алексеевко, ведь ты сам говорил, что он про этого
фальшивомонетчика везде болтает.

- Нет, сегодня вечером никуда не пойдем - категорически запротестовала я. - Надо мне показать, а она так хочет весь вечер провести с тобой. Даже какие-то блины затеяла на ужин.

- Ну я согласен, мне самому хочется весь вечер провести с тобой.

Глава шестая.

БАЛЫНВОМОНЕТНИК

На следующий день к домику Алексеевко им подошли еще засветло. Василий был во дворе, огороженным в одну жердь, и что-то тесал топором. Увидя нас, закричал на всю округу:

- А-а, приезжий учений! Ну заходите, заходите, гостями будете. Вот только своими портками и неуклюжими манерами не повредите мою дорогую и неприступную изгородь.

Мы перелезли через привязанную к своим прутам к столбам жердь и подошли к нему.

- Слышал, еще вчера, что явился в родительский дом или как по ученому - в лоно семьи. Кажется так? Сегодня думал вечером сам навестить, но вы настоящие молодцы, меня опоро-дили. Ну давай знакомиться, - меня зовут Василий Николаевич Алексеевко, а вообще-то все зовут меня просто Василь, а иногда и пилингой. Николаевичем величают меня только ваш отец и то не всегда, а только по большим праздникам - на рождество Христово и на паску, которых я вообще не признаю.

- А меня зовут Александром, а запросто Муркой.

- Ну нет, из запростого Мурки ты уже вырос в Александра Васильевича. К тому же ты студент и по нашему разумению большой учений, а вдобавок еще и политик. Не даром же из-за твоей политики являешься твоего отца с большой матерью и с отчим лоботрисами из Батеринодара, а впоследствии уехали

и сюда на Амур, в этот благодатный край, куда соняли и соняют только каторжников.

- Ну а Вы что попутно или по делу? Отец просил меня зайти, что-то там с печами у вас не ладно.

- Да нет, мы были на сонне и по пути решили зайти и кое о чем спросить тебя, Василий Николаевич. Нас интересует тот фальшивомонетчик, который весной был в Волочаевке и по разговорам крепко одурачивал вас. Вчера в разговоре Владимир упомянул о нем, так отец не напутку рассвирепел и запретки о нем вспоминать вообще.

- Ах вот по какому делу вы пришли. Ну что ж, было такое дело, было и если оно вас интересует, тогда рассказывайтесь вот на эти чурки и я вам кое-что поведаю.

О том, что вашему отцу и вашему соседу по двору Андрей Федоровичу Силинскому вспоминать о нем неприятно — это верно, ведь этот пройдоха и жулик действительно чуть было не окончил их да и меня на полсотни рублей и только случай разоблачил, что он никакой не фальшивомонетчик, а просто подосланный аферист. Да и сама то афера неприятная и как говорится, пахнет ладаном. Ну с меня понятно как с гуся вода — бузутер, балагур и что хочешь, а они солданы, уваженье и им действительно об этом деле воспоминание неприятно.

2
Так вот, как-то ничто раньше весной ^и кажется еще в марте, а здесь в марте по существу весной и не пахнет, да и снегу

еще лежало в добрый аршин, появился в нашем городе Волоча —
еще посторонний чужой человек. Одет он был по простому,
по рабочему, но не оборванцем, а более прилично. Остано —
вился он у Сиденью, семья которого жила в своем доме.
На улицу он почти не выходил и все как то забегал встреч
с народом. Поэтому мало кто и знал, что у нас в деревне
живет чужой человек, да и сейчас мало кто знает что либо
об этом человеке.

- Да уж не так и мало — прервал его рассказ Владимир,
— сам ведь везде говоришь и хвастаешь как тебя уговаривали
проскочить в Хабаровск по поручениям этого жулика.

- Да, был такой грех, но меня ваш отец и Андрей Селоро —
вич строго предупредили за болтовню, да я и сам понял, что
мог на себя наговорить больших неприятностей. Теперь когда
и вышло и тогда язык прикусываю, чтобы не разболтаться.
Помню Хабаровского полпреда и вторично попадаться ему
в лапы нет никакого желания. Знал его хватку и нрав. Вам
сейчас рассказываю, так это не по вашей просьбе. Но вы об
этом отцу ни слова.

Так вот, — как-то вечером ваш отец увещавый Василий
Трофимович позвонил своей личной персонай ко мне в мои
хоромы. И тогда жил в этой маленьенькой маленьенькой
жилине со всей своей семьей. Жену и детей я только месяца
полтора назад как отправил обратно на Кубань к ее родителям.

Ну это к делу не относится. Посидел отец, покурил, потом и говорит: — Одевался, Василий Николаевич, и давай выйдем минут на десять — дело есть. Я понятно сразу понял, что тут что-то строго секретное, коли не стал говорить при жене и детях.

Вышли мы во двор, сели на поленину дров, отец и говорит: — Слышал ли ты, Василий Николаевич, что у нас в селе появился посторонний человек? Я ответил, если тот, что у Слинько, то видел минут две-три, а кто он и что тут делает, мне никто ничего не говорил. Тогда слунай, продолжал отец, но язык держи крепко за зубами, чтобы не болтался как ботало на ниве у бабьей поровы. Впрочем я в тебя верю, а раз верю, значит и доверяю. Этот человек говорит, что он большой мастер делать бумажные деньги, в основном десятирублевые купюры, но без некоторой постронной помощи сам этого сделать не сможет. Надеется, что среди нас есть толковые понятливые и крепкие люди, которые ему в этом помогут. В чем выражается вина по — мидь — он еще не говорил, а просит собраться где-либо в укром — ном уголке, но не больше трех-четырех самых верных людей и он все тогда об"яснит. Лично мне этот делец ничего не гово — рил, да и видел я его всего два раза по нескольку минут, а все это мне сказал Андрей Федорович и просил, чтобы я сходил к тебе и договорился с тобой на встречу с ним здесь у тебя. За женой и детьми на это время придет дочь Андрей Федоровича Наталья и заберет их к себе. Здесь у тебя тихо, послушаем пока втроем, что он нам скажет, а дальше будет видно.

Я не возражал и им договорились на следующий день, как только стемнеет, собраться здесь у меня.

На другой день к вечеру Наталья узнала жену и детей к себе, и натопила хорошо свою кухню, убрал свои комнаты, в которых кроме спящих нар больше ничего нет, умылся, причёсался потерней и стал ждать. Через время явился к нам и договорившись прежде нам отец, а потом и Андрей Федорович с этим фальшивомонетчиком.

Посидели, закурили самосада и Андрей Федорович попросил, чтобы он сказал кто он, откуда явился и что хочет нам сказать. Но Андрей Федоровичу было видно, что он уже во все посвящен и все знает.

Рассказчик начал с того, что он житель Петербурга, сын знатной дворянской семьи /адрес и фамилию родителей и свое не сказал/, но в 1906 году, будучи студентом юридического факультета с группой партии социал-революционеров, к которой принадлежал сам, выступал с оружием в руках против самодержавия. Был схвачен с полицией, арестован и приговорен к 12 годам каторжных работ. Около четырех лет каторгу отбывал на Сахалине, там познакомился с одним каторжником, оказавшимся землей — петербуржцем, работавшем там раньше в государственном монетном дворе в Петропавловской крепости мастером по чеканке золотых, серебряных и медных монет. Там же почтались и бумажные деньги разного достоинства. За какую-то

получилу или зоревство, хотя зоревство он и отрицал, ему посулили так как и мне 12 лет каторги. Разница состояла в том — я был политическим "преступником", а он уголовным без накатки, но каторжные работы были для нас буквально одинаковыми. В Петербурге у него родных и родственников никаких нет, но остались там верные товарищи, которые во многом могут помочь, но прежде нужно быть на воле. Мы с ним договорились и в декабре прошлого года, как только завере Татарский пролив, бежали с Сахалина и с большими припасами добрались до Хабаровска. Там мы достали нужные нам документы, но нисколько не конспиративно.

В Хабаровске с помощью одного человека подослали к нам подвал, в котором по чертежам моего друга по несчастью изготовили пресс-станок, достали нужных красок и по рисункам мастера можно было бы приступить к работе, но нет настоящей пишущей бумаги, из которой можно было бы печатать трудно-различимые от настоящих десятирублевые кредитки. Но вопрос упирается в то, что такую бумагу можно достать только в Петербурге. Не легко могут достать тамонно его товарищи, но переписка ее в Хабаровск составляет большой риск да и длинную историю.

Недавно мы узнали, что такую же или примерно такую пишущую бумагу можно достать за границей в Китае. Один крупный контрабандист китаец обещал этой бумаге достать примерно

в количестве 20 листов в Харбине, но просит по пяти рублей за лист, из которого выходит только десять кредиток. Это значит за эту бумагу нужно ему уплатить сто рублей, а из нас выйдет кредиток на две тысячи рублей. Пусть на первых порах пока наладится работа, испортим пятьдесят кредиток на пятьсот рублей, но сто пятьдесят кредиток на сумму тысяча пятьсот рублей останутся чистыми и вполне действительными.

Китайцу на дорогу и обратно мы достали в задаток двадцать пять рублей и он уже уехал в Харбин. Обещал приехать в мае месяце. Значит к этому времени, через полтора — два месяца мы обязаны достать еще семьдесят пять рублей. Правда, есть надежда в Кабаровске достать еще 25 рублей, но там распространять наши предпринятия очень опасно, если раскопать, так уж лучше в деревне. Здесь народ и честней и порядочней. Там выйдут и продадут не моргнув глазом.

Так вот, мужчины, если вы обязаны достать эти нужные нам пятьдесят рублей, мы за них дадим вам уже немалые десяти-рублевыми пятьсот рублей, а дальше кто его знает, может и еще раза два-три по столько же после того, как наладится дело.

Для достоверности этого дела и чтобы рассеять всякие сомнения и подозрения, нужно будет кому-нибудь из вас поехать в город и встретиться там с моим компаньоном, он

при большом риске поимает наше предприятие и только потом, убедившись в правоте моих рассказов и предложений, уже решите как вам поступать. Как встретиться с этим человеком — я потом объясню.

Вот у меня и все. Если есть вопросы — давайте, а вот — решайте, что будете предпринимать.

— А не можете ли вы показать хотя одну такую кредитку? Хотелось бы прежде взглянуть что это за товар, а потом уже и решать что и как, — спросил Андрей Федорович.

По вопросу Андрея Федоровича было видно, что он уже видел эти кредитки и хорошо знаком с ними.

— Да, есть у меня пара таких кредиток. Когда нам пресс-станок уже был готов, мы опробовали его и отпечатали несколько штук, но не имея настоящей бумаги, сделали оттиски на обыкновенной гербовой бумаге, но это сразу заметно, что деньги фальшивые. Вот смотрите, и он передал Андрею Федоровичу десятирублевку.

Мы по очереди осмотрели эту бумажку, но при свете лампы трудно было разобраться в ее прете и вообще состоянии. Однако в руках чувствовалась не настоящая денежная бумага.

— Вот что, — сказал Ван отец, — сейчас мы решать ничего не будем, сами соберем и потолкуем, обсудим, а

дни через два здесь же у Василия Николаевича или в другом месте соберемся и скажем Вам свое решение. Кредитку, вернее фальшивку Вы оставьте у Андрея Федоровича, чтобы мы ее хорошенько посмотрели днем, а не при этой мигалке.

- Правильно сказал и предлагает Василий Трофимович - заявил я. Препод потолкуем мы без гостя. Пятьдесят рублей, которые у нас просят, не палятся в канаве, да и дело то темное, рискованное, да и пахнет тем, откуда бежал наш гость. Покупам, что и как потом свое слово и скажем.

При моих словах гость как то онемел, не промолчал. На этом мои посетители и разошлись.

/ - Сладко вам пах этот фальшивомонетчик, ох как сладко, но от такого сладкого бывает и очень горько - сказал Александр. - Жаль, что я не присутствовал на вашем сборище. Я бы кроме вопросов задал би этому фальшивому делу и кое-что другое.

- Постой, постой, Александр Васильевич, не горячись. Послушай что было дальше и чем все это закончилось.

Когда мы расхолись вышли во двор, наш отец попросил меня завтра пораньше утром прийти к вам на участок в будку. Были ли тогда еще в доме Мороза. Придя утром, в будке я застал обоих и нашего отца и Андрея Федоровича, рассматривавших оставленную гостем десятирублевку. Хорошо осмотрев, мы убедились, что эта бумажка не отпечатанная на отделе,

а аккуратно и хорошо парикозанная на какой-то плотной бумаге видимо не плохим художником. Но всервно сразу было заметно, что это не настоящие деньги, а фальшивки.

Это навало нас на сомнение в правоте рассказа нашего гостя. Вчера ведь он ясно говорил, что эту бумажку отпечата-тали, проверяя свой станок.

- Не иначе как жулик и обманщик этот прохожий, - рассматривая фальшивку залези ваш отец. - Ведь так искусно врать как он вчера прал, может только от"паланный аферист; подлец и мошенник.

- Постой, Василий Трофимович, не торопись со своими выводами. О том, что это не настоящие деньги, ясно видно, да он вчера и сам об этом говорил, но как они сделаны, напе-чатаны или парикозаны - этого точно сказать мы не можем - сказал Андрей Федорович - не такие уж мы специалисты в этом вопросе. А вот для выяснения я все же предлагаю кому-нибудь из нас с"ездить в Кабаровск и воочию убедиться там на месте как это предлагает наш гость. Кстати вот Василий собирается отправиться в мое свое жану с детьми обратно на Кубань к ее родителям, что я решительно не одобряю, хотя это и его личное дело, вот пусть он сейчас я с"ездит в Кабаровск, выяснит у переселенческого начальника разрешат ли ему воз-вращать обратно семью, дадут ли ему на это еще сто рублей, а за одно проверит и точно выяснит то, что говорил наш гость.

- Во-первых, уважаемый Андрей Федорович, переселенческое начальству нет никакого дела до моей семьи. Я переселенец, я получил сто рублей осули, я и остаюсь здесь жить. А жить мне и пужуть с голоду с семьей или одному — это уж мое личное дело. Во-вторых — я их второй осенью пока не купилась. Да они мне ее и при семье не дают. Говитали деши высылает на обратную дорогу деньги и требует присади назад своей дочери и внуков. Ну и пусть адут, а я через два-три года авось разбогатею — тогда и вывоу семью обратно, а нет — так сам вернусь к семье.

В городе мне сейчас нечего делать, а проверять рассказни этого пунти-проходнича и вообще выискиваться в это преступное дело я не хочу и богатею на такой афере не собираюсь.

- Что это дело преступное и позорное, уважаемый Василий Николаевич, это вполне понятно — сказал ваш отец, но в город с"ездить пунти би чтобы выиснить и вывести этого авантюриста на чистую воду.

- Да на кой дьявол он нам нужен — сказал я. Набить ему морду и выгнать из деревни. Вот и вся недолга.

На этом мы и разошлись буквально ни к чему не договорившись.

- Ну и чем же эта ваша забавная история закончилась? — спросил Александр.

- Давайте прежде хорошенько покурим, а потом я уже и доскажу.

Василий и Александр закурили. Им с Владимиром тоже были уже зацедные курильщики, но курили еще втихаря, а поэтому Василий стеснялся вообще, а Александра потому, что только вторые сутки его видели, да и знали мы его очень мало хотя и любил как старшего и ученого брата.

- Так вот, ребята, - бросив окурок довольно крепкого самосада, продолжал Василий. - Газартия получалась довольно быстрая и действительно забавная. На второй день после нашего разговора в нашей будке нам староста уполномоченный Макар Семенович пригласил нас человек семь или восемь в дом на неофициальную охотку. Дело было днем, поэтому уехали из одной половины дома всех членов своей семьи - кого в другую половину, а кого просто во двор - Макар Семенович обращаясь к нам, оказал:

- Созвал я вас мужчин по очень серьезному и неотложному вопросу, а поскольку этот вопрос довольно серьезный, я и пригласил вас очень немногих с тем расчетом, чтобы этот вопрос оставался пока секретным. То, что я вам сейчас сообщу, должно оставаться только между нами. Протокола писать сейчас не будем, а поговорим и решим как нам дальше поступить и что предпринять. Дело в следующем. Позавчера я послал своего сына Якова в Покровку по личным и некоторым

служебным делам, сегодня возвратясь домой, он рассказал мне интересный и интригующий случай. В Доминике он заехал покурить лопать. Ему рассказали, что в дер. Владимирове, находящейся в 18 верстах от Кабаровска вверх по Амуру, появился незнакомец и какой-то подозрительный человек и будто бы этот человек, пролив скрываясь от людей несколько дней и вымотав трех или четырех зажиточных крестьян, предлагал им поступить с ним в компанию на подделку фальшивых денег. Сам он якобы бывший житель Петербурга, работал там мастером в монетном дворе и вообще является большим специалистом по изготовлению бумажных денег. За какую-то машину был судим. Отбыв двенадцать лет каторги на Сахалине, задумал разбогатеть на подделке фальшивых денег, и если они ему все в чем помогут, сделает богатыми и их. Помощь их выражается в следующем: для приобретения некоторых материалов ему сейчас нужны деньги в пределах примерно ста рублей. Если ему эти деньги одолжат, он после налаживания дела возвратит им в десятикратном размере, то есть вернет уже новыми деньгами тысячу рублей. Для достоверности, что он не прохожанин, не жулик и не обманщик, он предложил одному из них поехать в Кабаровск и по указанному им адресу встретится там с одним человеком, который покажет их секретное предприятие. Потом якобы рискнувший поехать в Кабаровск человек был там сразу же арестован полицией, которая за соучастие в организации подделки фальшивых денег

пообещала ему восемь лет каторжных работ, но потом за какую-то сумму он откупился и его выпустили или совсем или на поруки.

Так вот, уважаемые граждане односельчане, я слышал, что и у нас в деревне появился какой-то чужой человек и где-то скрытно тут проживает. Если кто из вас о нем что слышал, давайте говорите.

При этом рассказе Макара Семёновича Андрей Фёдорович Сильно и бледнел и краснел. Да и как ему было не краснеть и бледнеть, коли этот чулик и сейчас у него находится. Сильно был возмущен и ваш отец, да и я основательно оступил.

На некоторое время установилась полнейшая тишина. Многие знали, что в деревне появился чужой человек, а некоторые знали у кого он и проживает, но уважал Андрей Фёдоровича, отеснялись об этом сказать.

- Да чего тут греха таить, - нарушив молчание, произнес Макара Михайлович Макарец.

- Чув я от своих жишчан, что онк бачили у тебя во дворе, Андрей Фёдорович, какого-то чужого человека.

- Вам это верно какой-то прохожий - ответил Андрей Фёдорович - переночевал три ночи, а вчера ушел. Сказал пойду к Балаганскому. Кто он - не знаю. Как то в разговоре с моей старшей дочерью сказал ей, что он бывший житель Петербурга.

А что он у меня ночевал, так разве кто из нас не пустит бы переночевать прохормого человека.

- А документы ты у него спрашивал? - обратился к Андрею Федоровичу степенный Владимир Терентьевич Фролов.

- А зачем мне его документы? Ничего и у него не спрашивал.

- Вот и наверно - продолжал Владимир Терентьевич - а может он какой беглый бродяга и присматривает у кого бы позануть лошадей. А может и отъявленный разбойник, который не моргнув глазом может за деньги убить человека. Да тебя из первого, Андрей Федорович, за твою доброту и прикусить может. По-моему его нужно найти, проверить документы, хорошенько допросить и если он беглый или вообще подозрительный, арестовать и препроводить в Хабаровск к властям.

- Чего его препроводить? Допросить, скинуть портня, познать как полагается и куда-то бегит дальше. Другой раз после этого уже и нам не займется - забубнил Дмитрий Тихонов - Еидик.

При этих разговорах я сидел, ребята, как на иглах. Так мне хотелось все рассказать про этого проходняка, но я стеснялся ващего отца и побаивался Андрея Федоровича. Да и сам ведь к этому делу был как то причастен.

В конце концов решили: — Если этот подозрительный человек сегодня не явится обратно к нам в деревню, завтра утром послать за ним к Балаганскому Илья Волочевых и Луку Кучинкина. Эти здоровые молодые ребята на то что прожогого и сына за рога приведут.

Андрею Федоровичу строго наказали, как только явится, немедленно об этом сообщить Макару Семановичу. Всем остальным пока держать в строгом секрете все разговоры на сегодняшней сходке, а вечером между собой и явным залывом, где проходит дорога от Балаганского, установить охрану на тот случай, если он будет здесь проходить, тут его и задержать.

Когда все разошлось, наш отец и я задержались и рассказали Макару Семановичу все то, что предлагал у меня в доме этот проходивец. Отец нам еще добавил, что он пролил у него и Андрея Федоровича двадцать медных пятаков, из которых он откупит какую-то пластинку. Эти пятаки Андрей Федорович обещался достать. Далее договорились, если это орудие задержат, я должен все это рассказать на вновь созванной сходке при его допросе. О том, что мы совещались у вас в будке, мы умолчали, да это при разоблачении кулины и не требовалось.

Как предполагали, так и получилось. Перед вечером он возвращался от Балаганского, его задержали и привели к отропте. Немедленно обратив созвали всех присутствовавших на дневном неофициальном сходке, но Андрей Федорович не явился.

Да ему и неудобно было присутствовать на допросе жителя, проживавшего у него и одурачившего прежде его, а потом вместе с Андреем Федоровичем и нас.

Когда мы вошли, Мамар Семенович сидел за столом, фальшивомонетчик с мазанной потопкой за плечами сидел в стороне на скамейке, Илья и Лука у дверей на окраине.

Как только все сошлись и расселись кто на скамейках, а кто просто на полу, Мамар Семенович повторил дневной рассказ и попросил кто из нас и что может добавить. Я попросил слова и рассказал все, что говорил и предлагал нам трое этот человек. Так вот старик, этот человек, бежавший из Сибиряка, который и просил нас помочь ему деньгами в организации изготовления фальшивых денег, а мы ведь знаем, что это дело пахнет тоже сибиряковской каторгой. При этих словах собравшиеся закутали, а некоторые с перекуту похлопались к двери. Мамарец, перебивая мой рассказ, спросил Илью и Луку:

- А вы его, хлопцы, обдукали или нет? Может у его в кармане диворент або за голенищем клинжал? У разбойников свекли они всяком всегда клинжал, а свекли на коне - значит клинжи. Не клинжа он когось зарубав або зарезав в Петербурге.

- Да лету у него никакого оружи. Им продавали кармани и голенища сапог - сказал Илья.

- Не покупать надоть, а вывертять карманы и скрывать сапожки. Шупают сабы только курей. А еще купают ...

- Да уймишь ты, Манар Михайлович, - остановил его наш староста - вот дослушаем что рассказывает нам Василий, а там обидим как положено.

- Обиживать меня вам нечего - залаял задариванный. Я весь и ред вами. Потом я ведь сам сознался вашим мужикам, что я беглый и не воровать собирался, а просил только их помощи. Кто искренно сознается обо всем, тот воровать не станет, воюют и причиняют зло только скверные люди и ночью, а я пришел и вам днем. А тебя, старик, рубить и резать не за что, да и кому ты вообще нужен. Ты ведь не купец и золото в твоих кишках никогда не бивает. Скорей всего у тебя и пустик кишечей нет.

- Зна золото, кишечки, да у мене есть рабы, а ты ленивый. А мой рабый не то, что уrostная кобылка у Василия Кашагча, а громобой, вот ты и позаряйся.

- Ну перестань, Манар Михайлович, довольно, а тебя, мил человек, мы все из обидим и как богатого препроводим куда следует.

- Да чего его препровождать, скинуть порты, вывернуть батогами и пусть бежит куда хочет. И нам после этого в другой раз побоятся заглянуть - загудел Дмитрий Тихонов. Да и за рабого Манарца будет спокойней.

- Тихо, дитя, с поркой, а то сам угодишь туда, откуда и бежал.

- Что? А ну хлопцы, придержите его, я ему выверну карманы и разуву в один момент.

При этих словах беглый вскопчил на ноги, но Илья и Лука тут же схватили его за руки. Не успев подбегать и неужо Дмитрий, как он дал ему ногой такого пинка в самое болезненное место, что последний, остав ноги, завонял благовониями матом.

На крик Дмитрия прибежали старшие сыновья Макара Сомовича Пантелефаны и Яков. Эти здоровенные ребята и брата за рога удержат, но их помощь уже не требовалась. Илья, этот удивительный геркулес и силач, дал такую оплеуху беглому, что последнего пришлось отливать водой, чтобы пришел в сознание. При обыске у него в котомке находилось грязное полотенце, пара еще более грязного нательного белья и в тряпке замотанная хорошо откованная медная доска в размер десятирублевой кредитки. Во внутреннем кармане его валялось письмо от второй потайной карман, в котором находился список деревень: Покровские, Владимировские, Самаро-Орловские, Давыдовские, Волочаевские и Нижне-Спасского. В списке значилось и несколько фамилий, в их числе были фамилии Сливко и Прохорова. В том же кармане было обнаружено и удостоверение на имя агента полиции Мартинкина, изданное Хабаровским управлением полиции. Удостоверением получалось посещать условленные деревни для выполнения специального задания.

Это открытно объяснили всем, но больше всех был поражен и возмущен весь отец. Было даже и попытке как полиция стремилась и пыталась проверять грамотных и подозрительных переселенцев.

Впоследствии известно было и другое явно жульническое и вымогательское со стороны полиции. Оказывалось, прибывавших в Хабаровск по данному шимому адресу немедленно арестовывали, садили на хлеб и воду в кутузку /карцер/, а потом через два-три дня под видом охранника карьера подносили к нему специального агента, который под большим секретом сообщал арестованному, что он хотя и рядовой охранник, но за ряд лет служби изучил и уголовное законодательство и здание по -- рядки. За соучастие в подделке фальшивых денег закон гласит восемь лет каторжных работ, но дело арестованного пока еще не в суде, а находится у полицмейстера. Сам их высокоблагородие полицмейстер, человек набожный, семейный и по натуре очень добрый, и если ему под какой-либо дамой слово и пообещать, что все вы двое или трое, согласившиеся быть соучастниками фальшивомонетчика, через неделю явитесь к нему для показания и незаметно положите ему на стол конверт с той суммой денег, какую вы обещали фальшивомонетчику, то их высокоблагородие возможно и смягчается, а там и дело закроет. Супружеству их высокоблагородия тоже нужно чем-либо отблагодарить или-нибудь незаметно передать на кухню служанке поросенка, курочек, яицек, маслица и чего там еще по малорусскому селу

и другое. Она такая добрая и все время уговаривает мужа не передавать судебные дела прокурору, а именовать арестованных самому.

Вот таким извращенным и предательским путем к тому же с подкупом вымогали деньги из народа. Ни Сливко, ни ваш отец, ни я в Хабаровск и полицию на покаяние не ездили, благодаря разоблачению кулики здесь в Волочаевке, но всеранно недели через три, когда еще подольдом стоял Амур, полиц-майстер специальной повесткой вызвал в Хабаровск нашего старосту Макара Семеновича, Ванюгу отца и Андрея Федоровича Сливко. Что там происходило у полицмайстера, никто толком не знает, но из их разговоров якобы он вызвал их и разнесил за то, что они недостаточно основательно изуродовали (физиономия его дураку агенту. Возможно это и так, но вот что мало изуродовали (физиономия — это уже не верно. Потому что после первой опилки Ильи у шипа совсем закрылся кровяным подтеком правый глаз, а правый потому, что Илья левша, а его кулачище всеранно молот. После воплей от боли и немого очумевания, вылезался в потасовку и наш Индик Дмитро Тихонов.

Порку изуродованного шипку поистине не учинили, но Илья, Лука и Дмитро выволокли его в сарай и там раздалили его как полагается. После этого он дня два отхаживался у Волочаевских, а потом незаметно скитался в неизвестном направлении.

Вот такая дела у нас произошла с подделкой фальшивых денег, а поэтому ваш отец всячески избегает и упоминает об этом. Как очутилась у вас обнаруженная у шкипа медная доска, я не знаю, возможно потому, что отец ваш, составлял тогда протокол на фальшивомонетчика, приложил ее как подлинное доказательство, но вот после приезда из Хабаровска Макара Семеновича, вашего отца и Андрея Федоровича, протокол из дела был изъят и видимо по приказу полпремайстера уничтожен, а медная доска так у вас и осталась.

- Да, дела действительно интересные, серьезные и довольно темные, - сказал Александр. Тут и фальшивомонетчик, и шкип, и пивотгаль, и вятчанин полпремайстер. Есть над чем подумать да и кое о чем написать.

- Думать ты можешь сколько тебе взлезет, а вот писать - это другой вопрос. Кому и что писать? Да кто тебе в этом и поверит? А вот нас, участников этого дела, начнут преследовать как когда-то преследовали и творили гонения на твоего отца за твое участие с студентами гимназии в митинге. Не забудь своей писаниной вторично возбудить гонения на своего отца.

- Да это правда, он и так многое перенес и пережил из-за меня, а на меня отразилось это еще больше.

- Вот то-то. Обух плетью не перебьешь, а писанина — это плеточка, хотя и больно бьет.

- Не прав ты, дорогой Василий Николаевич, в том не прав. Наоборот плет — это наша самодержавие и вся его кровавая охранка, которая хлещет и захлестала, но не перебила обух потому, что обух — это закаленный рабочий класс, пролетариат, трудовое крестьянство, да и мы вот с тобой. Нам можно периодически и временно захлестать как в настоящее время и захлестали, но перебить нас, перебить этот обух невозможно никогда. Правда, для этого требуется наша сплоченность, стойкость, объединение, требуется партия. Все это где-то создается, куется и обух закаляется. Придет время и пожалуй очень скоро, сломается и плетка и восторжествует обух. А пока они нас поодиночке клепут и хлещут очень больно.

- Да, Александр Васильевич, дорогой наш Думка, тебя интересно слушать, да и поучиться у тебя есть чему, но на сегодня хватит. Думки мы к этой теме вернемся еще не один раз, хотя меня и считают не серьезным человеком, плывучкой и забубенной головушкой, а это не совсем так. Правда, я люблю веселую компанию, не отказываюсь и от чапки, но я ведь потомственный рабочий, мастеровой. Возможно не в том кругу встречался, да об этом мы потолкуем в другой раз, а сейчас на прощанье хочу вот что доложить к моему рассказу.

Иногда летом Макара Семеновича и вашего отца два раза
вызывало начальство в Хабаровск и якобы один раз их приняли
адъютант штаб-квартиры двора Его Императорского Величества
Наместника края генерал губернатора Гондатти. Разговор
былто-бы идет об организации у нас здесь на левом берегу
Амура новой Тунгусской волости, а писарем этой волости
сватает якобы вашего отца. Вот будет здорово — свое
волостное начальство.

А теперь будьте здоровы. Отец о моем рассказе прослу-
шал слова.

Глава седьмая.
Охотники и разное другое.

Погода стояла исключительно жаркая. Такое лето и настоящее жаром солнца бывает только на Дальнем Востоке. Продолжительное время не было дождей. Это было благоприятно для сельского хозяйства, но губительно для огородов и других посевов. От засухи осылали наш залив и начали высыхать заболоченные болота и другие почвоватые топи. Воздух постепенно начал насыщаться газом, видимо где-то, но сам далеко горел на высыхающих болотах мох. Угрозало лесным пожарам, а это уже было стикий нам бедствием; угрожали заготовленному лесу, посевам да и усадьбам нашего поселка. Нужно было принимать срочные меры предосторожности окопаться и *сбавить* усадьбы и все стога сена, заготовленного в лесу. За эту работу все мы взрослые, включая и отца, немедленно приступили. При ядовитой жаре палящего солнца и удручающей гари болотных пожаров страшно одолевал разного рода гнус — дымки овод, олепень и комары, а думными ночами комар. Дыхатель у дверей нашей будки нужно было поддерживать почти всю ночь, но и эти меры не вполне спасали, требовался дым и внутри будки, так как комар проникал в нее в незначительном количестве.

В дом, хотя еще не полностью оборудованный для жилья зимой, комар почти не проникал, но в нем ночами было до невозможности душно и мы молодые предпочитали хотя и с дымом, но будку, в которой было прохладнее из-за части в ней

землиного пола. Потом, невзирая на усталость, каждый вечер почти до полуночи мы разучивали из привезенной Александром тетради революционные песни и повянно горлающим во все локтно чего в доме при больной маме и маленькой сестренке Нине делать было нельзя.

Пели мы — Александр, Владимир и я — не плохо, но мне казалось, что хотя я и младше их, ^{Исю} ~~нужнее-то~~ задрестей и много лучше чем они. Да оно пожалуй так и было, я еще в Екатериннадере в школьном хоре вырлялся среди учеников своим хорошим голосом.

Первую песню мы разучили "Дело было у Артура, дело окверное, друзья. Того, Ноги, Камматура не давали нам житья"... Эта песня про позорную и проигранную войну нашего самодержавия с Японией. Пели мы ее исключительно хорошо и впоследствии ее любили олушить не только молодежь, но и старики. "Варшавнику", "Отрежемся от старого мира", "Замучен тивелой пеловой", "Отпустите крестьянам свободу" мы также хорошо разучили, но пели их только дома для себя. За этим строго следил отец.

Помимо песен я часто брал книгу "Чтец-декламатор" и изучал наизусть некоторые произведения. Особо мне нравились: "Саяни Муци", "Последнее слово подсудимого", "Большой", "Каменики", "Вор", "Панама", "Пенские часы" и многое другое. Я эти произведения, как говорится, изучил и знал наизуток.

Впоследствии мне много раз приходилось декламировать эти произведения в кругу ребят на вечеринках, выступать в кружке любителей художественной литературы уже при постройке Амурской железной дороги, а после и в армии среди солдат и в партизанском отряде. Везде и всегда эти стихотворения пользовались большим интересом и слушались с вниманием.

Как-то во время очередного разучивания песен в будне Владимир, обращаясь к Александру, спросил:

- Сказки, Шура, а что это были за две маленькие книжечки, которые ты тогда, не показав нам, сразу передал отцу, а потом из-за них у тебя с ним получился крупный разговор. Где они сейчас? Нельзя ли их посмотреть?

- Нет, ребята, посмотреть их уже никому не придется. Папа, как только их прочел, сразу же сжег, а мне крепкое прочел изложение и добрый выговор. Те брошюры строго запрещены, в них говорится против царского самодержавия, против помещиков, заводчиков, фабрикантов, богатеев-кулаков и других эксплуататоров рабочих и крестьян. За хранение и распространение тех книжечек сажают в тюрьмы, сосылают на каторгу строить вот такие арестантские колесушки, наки проколоть через нашу деревушку, а иногда и вздергивают на виселице. Потом, ли ведь сами знаете сколько папа из-за меня набрался горя, да и мама вся изболелась и дошла до чахотки. Конечно, мне не нужно было показывать их отцу и обратно напоминать о перенесенном им гонении. Да вы сейчас в этих книжках ничего и не

поймате, вот нарастите, хвостите мушкетер или еще хуже, рабочей мушкетер, тогда уж сама жизнь подскажет что и как. А книжечки при желании всегда найдутся. Я как-нибудь на эту тему вам кое-что расскажу, а теперь прекращаем разговоры и давайте займемся поделкой дроби. — Где наша медная двадцатипятигранная доска, откопанная "фальшивомонетчиком"? Нужно накатать дроби побольше, ну хотя бы зарядов на десять. Завтра воскресенье и мы итеем — Илья Волочанов, Лука Кучмикин и Я собиремся на охоту. Думаем пройти по протоне нашего залива и другим озерам до самой Тунгуски. Вот только у Луки руки нет, но ему обещал одолжить свое ружье Макара Михайлович Макарец, как ни все его тут завете. За ружье он должен дать ему два заряда пороха и дроби или добыть лишнюю крыжовую утку.

— А если Лука ничего не убьет и даже не выстрелит из его ружья, что из он и тогда должен отдавать ему крыжовую или заряды — спросил я.

— Ну утку в таком случае он естественно не отдаст, потому что у него самого ее не будет, а летящую где-то над Тунгусской Макара Михайлович не примет, а вот заряды он обязан отдать. Потом откуда Макару Михайловичу будет известно — стрелял он или не стрелял.

— Да от утки Макарец пожалуй и откажется, а два заряда — это значит у него четыре, а то и пять уток и обязательно больших, крыжовых, краснолапых.

- Как это — два заряда и сразу пять уток и обязательно только крыльзник — краснозаник ? — спросил Александр.

- У него получается это очень просто. Да он далеко за нами и не ходит. Ты видел из окна сразу за нашим залом небольшое кругленькое озерцо с двух сторон сильно заросшее камышом. Оно все проросло водным орехом и видно в нем изобилие всякого корма для уток. Так вот, Макарец при наличии зарядов заряжает свои зеленую помполку и под вечер пробирается к этому озерку. Там у него в камыше сделана специальная засада, с которой хорошо просматривается все озеро. В этой засаде он и сидит часами, пока не прилетят крыльзны, но в одну утку никогда не стреляет, а ждет пока не сплывутся пять-шесть вместе, а там уже наверняка останутся две, а то и три убитых после выстрела. Другой раз через три-четыре часа является домой, не сделав выстрела. Значит не оплылось, а по другим уткам он вообще не стреляет.

- Да, забавный ваш Макарец, очень забавный, но я буду его именовать не прозвищем, а только Макаром Михайловичем. Советую, ребята, это и вам. Обязательно нужно мне познакомиться с ним поближе. Да и поучиться у него есть чему, хотя-бы его усидчивости и терпению.

- Ну и сказал ! Да разве ты с одним зарядом отправляешься на охоту ? Потом хватит ли у тебя терпения сидеть в засаде почти не шевелясь три-четыре часа ? Да и утерпел ли ты, чтобы не пальнуть, когда она большая краснозаник хотя-бы и одна

поднимает к тебе почти под самый нос? Нет уж, братишка, я и по чарушке пальцу, не дожидая его совсем близкого подпинтия. Да разве тут утерпимь — сказал я.

— Вот поэтому, жалел заряды, тебе и ружье не доверяю — сказал Владимир.

— Подумайте какой бережливый охотник. А давно ли сам по охотцам палил?

— Квасит, ребята, квасит споры, давайте-ка ложиться спать. Мне ведь завтра очень рано подниматься. Дроби уже навезенья на десятъ зарядов будет. А доска действительно хороша катает, но чтобы ее сохранишь, при пале о фальшивомонетчике ни слова, иначе он доску обязательно выбросит.

Когда следующим утром мы проснулись, Александра уже не было, а без него и весь день провалялся до невозможности скучным.

Явился он порад семье вечером, грязный, усталый и по-родчен голодный. В сумке у него оказался чирок, шилохвость и прижатый селезень. Как он пренебрежительно не относился к своей добыче, но по лицу его было видно: он горд своей удачей. Да и кто вообще не был рад и горд первым раз унажив на охоту, в первый раз стреливший из ружья и в первый раз убивший какую-то дичь. Это чувство гордости и радости все им паразитил в свое время.

Мать, глядя на него грязного, уставшего, но радостного, только окала, вздыхала и торопилась с ужином. А отец, издавая гордые свои стоны — порывы, только ужимался в свои усы.

Александр был в восторге от всего: ему нравились и протока нашего залива, которая крутится и вилится законопаченными зигзагами, тянется пятнадцатиклоновым расстоянием до самой Тунгуски; ему нравились и большие реки, покрытые сплошным дубинком и орешником, на которых множество нор соболя, барсука и лисицы; ему нравились и воистину трясинные — зыбунистые болота, по которым когда идешь — ноги утонут по колено, а впереди, сзади и кругом поднимаются горы — все дышит — трясется, все трясется.

Поужинав и чуть отдохнув, он начал излагать свои впечатления:

— Чудесные ребята эти Илья и Лука. С ними можно в огонь и в воду. Правда, они оба порценом меня старше, но это нам не помешало сразу же установить хорошие дружеские отношения. Приглашали сегодня меня на вечеринку на большой мост, где они по вечерам устраивают гулянья, и обязательно чтобы привел со сбирной, а у Ильи есть бубен и у кого-то из ребят балабайка. Такое говорят устроили гулянье с музыкой и пляской, что и мосту будет жарко. Когда я отказал, что у меня сломан смычок, они почесав затылки, погоревали, явно выказав недожество одной балабайкой и бубном. Смычок предложении отнеси Василию Алексеевичу, который оклеит и сварит так, что и следов

не останется. Хотя я действительно сильно устал, но примерно через час обязательно пойду на мост. Да и стыдно же показать слабость, когда на мосту будут меня ждать Илья и Луна. Потом нужно же начинать знакомство с золочавскими ребятами и девушками.

- Да куда ты сегодня пойдешь, устал ведь и але ноги передвигаешь? Ложись лучше и хорошенько отдохни.

- Ну что ты, мама! Да мы же молодежь. Разве нас от гуляний удержишь. Полчасика отдохну и усталость как рукой снимет. Вот пойду и такого тренера в призывку отчебучу, что только доржись. Немного плоховато то, что ни с кем еще не знаком, а незнакомому и сразу в призывку как-то будет замкнато, а вернее глупо. Но если даже и не сплыву, то наверняка в какую-либо дивчину обязательно влюблюсь.

- Молодец, сын, но только чтобы это было честно, культурно и благородно. Никакого хамства не позволяй - сказал отец.

- В этом, папа, можно быть спокоен. Я сам хамства и подлости ненавижу, а насчет культуры - нам в гимназии ее прививали честно, в большинстве с мордобитием. Не один раз кулаки и зуботычины проходили и по моей морде.

Отец только крякнул и трудно было понять - от удовольствия или от стыда и обиды за длинный произвол, существующий в стране даже в учебных заведениях, позорно унижающий достоинство человека.

— Теперь, пока еще на мост рановато, да туда видно еще не пришла и моя будущая любовь, я вам расскажу сегодняшней случай на охоте. Идем это мы по раскату одной большой реки, как вдруг Илья, а за ним и Лука бросились в рядом стоящие кусты. Я от неожиданности и такой их прыти прямо оторопел. Не прошло и пяти минут, как задыхавшиеся они оба обратно вышли из кустов, а Илья в левой руке держал за загривок, несет бьющегося большого ежика.

- Настит проклятого у самой пещи. Бар жидко-либуль два
сага и ушел бы. Успел схватить за хвост и отбросить, потом
уже спазал за кошку.

— Вроде и неповоротливый, а улетывает быстро. Э, да он еще не выжилая, смотрите сколько на броне ключев старой линией перети — сказал Лука, — и он отогнал грязноватый блок. Отпусти его, Илья, мех востановит еще выкуданный, а мех у него сильно полной воплет.

— А вот проверим? И Илья начал правой рукой обгладывать грязные клотья, попиная в шорты. Вкус только низкого скороса всего от закута, чем от боли. — Верно паршивый, пусть еще лагуляет, а там и снова через два я его обязательно возьму уже с доброй пушиной.

— Смотри, Илья, не опоздай, а то поторопись и возьми его я, — сказал Лука. Вилье его хорошо приметил.

? - Ну ты ичуженого не трогаешь. И Илья, выхватив пистолет на ремень ног, разрезал кончик уха у *ежовца* и сразу бросил его в трану.

? Перепуганное животное, хотя со слов Луки и неповоротливое, но в мигновение ока *юркнуло* в кусты.

- Напрасно ты ему поранил ухо. Лука его и без метки не взял бы, - сказал я.

- А что с ним останется, к вечеру залынет ухо и следа от ранки не останется. Собаки ведь залынивают.

- Напрасно отпустили, - заметил Владимир. Ведь не ништяком только браво, а весь верк был хорошим мехом.

? - Да нет. Он еще не совсем был пушным, да и *коробился*, а ребята говорят, когда он выходной у него мех длинный, мягкий и пушистый, а цвет какой-то желтосерый и чуть серобристый. У этого был мех в особенности синя почти черная. Потом из-за одной черной спинки разве можно до времени уничтожать животное? Это же ни больше ни меньше - дикарство.

- Правильно, Нура, правильно. И ребята молодцы, что отпустили ежовца. Ну насчет нареза уха большой баци нет. Залынет - без всяких прачебных вмешательства. А мех добывает по-настоящему выходящим поздней осенью и даже зимой примерно в ноябре-декабре. Тогда он и цену имеет хорошую. Уничтожать без времени зверя и птицу, разорить их нору и гнезда - это дело и как-то бесчеловечно - сказал отец.

- Вот видите, ребята, на столько прав папа. Давайте все хорошенько запомним эти его слова.

- А мы гнезда и не разоряли - сказал Антошка. У нас за двором в кустах орешника на небольшой ножке тетерина свила гнездо и в нем было одиннадцать яиц. Яйца были крупные как куриные, но совершенно серые. Мы ходили смотреть каждый день и тетерка к нам так привыкла, что уже не улетала когда мы подходили к самому гнезду. Первое время, когда мы подходили к гнезду, она пританцовывала, пританцовывала, а сама серая как и гнездо, трава и земля, что ее трудно заметить. А потом, когда пообвыкалась, только нахохлилась, зашипела и редко когда взлетала. Мама тоже ходила посмотреть и категорически запретила брать в руки ее яйца и вообще близко подходить к гнезду. Мы ни когда яйца в руки не брали, а смотреть ходили каждый день, очень хотелось посмотреть ее птенчиков. Как мы не старались ежедневно ходить к гнезду, но маленьких тетеревят так и не увидели. Пришли как-то сегодня, - в гнезде были все одиннадцать и маленьких яиц, приходим на завтра, а в гнезде одиннадцать пустых яичных скорлуп, ни тетерки, ни птенчиков. Вообще, было, плакать хотелось.

- Правильно сделала мама-тетерка, заранее уведя своих птенчиков - сказала мама моя. - А ты чего доброго, нам и малютки захотелось бы подержать в руках.

- В руки брать мы не хотели, - шепнув носом, сказал маленький Толя. - Посмотреть здорово хотелось на него они похожи.

- А это в самом деле интересно, в одну ночь вывелись сразу все одиннадцатки. У наседки я помню этот процесс тянется дня два-три - сказал Александр. Тут видимо робята перепутали и последний раз пришли к гнезду на завтра, как они говорят, а через два-три дня после последнего раза.

- Да нет. Им каждый день ходили и не пропустили ни одного дня.

- Ну ладно, это мы как-нибудь выясним у сведущих людей. А теперь пошли на мост - кто со мной?

В следующее воскресенье Александр, Илья и Луна рано, еще до рассвета обратно ушли на охоту. Погода была солнечная, жаркая и это благоприятствовало на удачу в охоте.

Язвика Александр не как в прошлый раз еще до захода солнца, а глубокой ночью. От усталости еле передвигал ноги и сразу же, улявшись и чуть перекусив, засыпая спать на наги, на которых все им восторгом братья и маленькие братники спали в один ряд, как говорится повсюду.

Когда все уляглись, Александр сказал:

- Пошло уже, ребята, да и устал я сильно, а поэтому сегодня я вам ничего не сумел рассказать, но потом, начиная с завтрашнего утра, у меня хватит для вас рассказов на целую неделю. Поблизости мы сегодня у гольда Ано. Живет он на одной красивой протоке отходящей от реки Тунгуски в интересной фазе. Это он так назвал свой домик. А ладная в фазе мебель,

какая обстановка, ему не пришло в голову. Угасал он нас котлом и
сирой рыбой. Ну давайте опять, я уже почти сонный.

Кажись бы Александру не был усталым, но по его лицу было
видно, что он рад и доволен сегодняшней охотой. Сегодня он
привнес гусей-квасарку и двух больших уток.

Уже прошло примерно восемь-десять дней, как стала приби-
вать вода в Тулгусоке. Заметно поднималась вода и в нашем совсем
было обмелевшем заливе. Значит опять быть прошлогоднему навод-
нению, но волочасцев это уже не так беспокоило и не пугало,
прошлогоднее многому научило. Сено в основном заготовлено в
лесу по обе стороны реки, куда вода никогда не доходила,
а заготовленное на затопленных лугах, низвезено и сложено в
стога на возвышенных местах. Работы Волочасцев применяли новый
способ, надрыв из бревен и жердей высокие подмости, на кото-
рых и сложили несколько стога на лугу. Подвезти несколько
бревен и жердей легче и быстрее, чем тащить сотни-другие копен
за полверсты, а то и дальше на речку. Эта практика себя оправ-
дала и была принята почти всеми.

Картофель и другие овощи были посажены на более возвышен-
ные затопляемые места. С одной стороны это гарантировало от
наводнений, с другой из-за длительного отсутствия дождей и
сильной засухи значительно снижало урожайность. Правда, полевая
не обработанная земля в некоторой степени компенсировала уро-
жайность, но в целом он был ниже среднего.

С поднятием воды в нашем заливе появилось много разной рыбы и мы вместе с Антонином перед вечером поймали удочками десятка полтора хороших ласрий. Как он хорошо берется на удочной хлеб, и что удивительно, с новыми привезенных Александром кречков из один не сорвался. Поймали и одну здоровенную щуку, но это уже с приличиями: Антону последнее время надождали пискари, с^адала нашинку. Он их назарное уже с десятком сшил с кручка и бросил в трану. Я посоветовал ему перебраться в другое место. Он отогнал на двадцать шагов и не успев забросить удочки, как заорал благим матом. Я бросился к нему и увидел, что его удильник вылезая и подрагивая, уже находится с десятком шагов от берега. Моментально, сбросив с себя черенки и штаны, и бросился в воду и схватил удильник. Тут же подошел было осторожный и Антонин. Вода примерно было под руки и нам не так то легко удалось добраться до берега с вырвавшимся из рук удильником. Пришлось повозиться нам и на берегу, пока измучили и вытащили щуку на сушу. Когда мы освободили из пасти щуки кручок, на нем оказался пискарь и лис стало ясно, как это могло случиться. Когда кручок с нашинкой хлеба не дошел до дна, его на лету поймал пискарь. Находившаяся недалеко щука бросилась на добычу и проглотила пискаря с кручком. Антонин, не ожидая такого случая, держал удильник слабо и она с налета вырвала у него из рук. Получилось - погнавшись за добычей, сама добычей стала.

Когда мы следующим утром проснулись, сванная наваристая уха уже была готова, но нас интересовала не так уха, как обещанный рассказ про гольда. Видя наше нетерпение, отец обратился к Александру.

- Ну что, сынок, давай рассказывай, что у тебя за новости от вечерней охоты?

- Новостей целая куча, но их нужно проверять, промунять, подтвердить, а для этого нужно будет еще разок побывать у гольда, у которого мы вчера были. Я надеюсь, мы все не будете возражать, если на завтра я и отправлюсь. Работ срочных пока у нас не предвидится, а те звери, которые для изгороди мы заготовили, ребята и без меня их с успехом вывезут из леса.

Мне нужно кое-что у гольда зарисовать, кое-к чему присмотреться, да и кое-чему научиться. Но прежде всего я хочу рассказать как мы попали к гольду и что я там у него уже приметил.

Как только вчера мы вышли на ту большую релку, на которой в прошлый раз Илья поймал оленя, он предложил нам немного споротить навоз и посмотреть их записку. Там на панине иногда - сказал Илья - сидят дикие гуси. И действительно, чуть вышли мы из кустов, как увидели на панине табунчик гусей. Ребята окружили панину с трех сторон. Илья нетерпеливый стал подлезать к ним, но они его заметили и полетели прямо на Луку. Тот выстрелил, один гусь упал, остальные круто повернулись на меня. Своим выстрелом подбил гуся и я, а Илья достался от

стал рожки да помки. Правда, он понервничал, набросился на Луку, хотя тот совершенно был не виноват. От зайцев мы помыли не вышло, как в прошлый раз, а взяли через репку и примерно версты через три-четыре вышли на большую красивую протоку. Когда подошли к протоке, вспугнули две стаи диких гусей. Огройные красивые животные. Страдать было далекового, да и дробь для них у нас была мелковата. Сегодня мы сделали заряды три патронта. Впрочем это не бесполезно. Не зарядить из относительно помалку патронта, когда идешь на уток. В таких случаях, тем более в низкой болотной озерной и лесной местности, где зачастую можно встретить и птицу, и крупного зверя, нужно иметь двухствольное ружье с зарядом дробь и патронта, но лучше всего иметь патронта двухствольное ружье, которое в считанные секунды можно перезарядить. Об этом я крепко подумал, когда вспугнули гусей и теперь не отступил пока не приобрету хорошего настоящего ружья.

Так вот, пройдя с версты вверх по протоке, мы увидели на другой ее стороне на песчаной косе лодку, а чуть выше на берегу костер и около него двух человек. Илья резко смотнул, люди оглянулись и, увидя нас, поднялись. Погасив костер, сели в лодку и как-то нерешительно нагло стали поднимать к нам. Это оказались голыдь, один средних лет, а второй молодой парень примерно шестидесяти лет. Впоследствии выяснилось, что это отец и сын.

стал рожки да ножки. Правда, он понаерничал, набросился на Луку, хотя тот совершенно был не виноват. От зайчан мы пошли не вправо, как в прошлый раз, а влево через речку и примерно версты через три-четыре вошли на большую красивую протоку. Когда подошли к протоке, вспугнули две стаи диких гусей. Стройные красивые животные. Стрелять было жалко, да и дробь для них у нас была маловата. Сегодня не сделал заряда три патронташа. Впрочем это не бесполезно. Не зарядить из одноствольного помполку патронташа, когда идешь на уток. В таких случаях, тем более в такой болотной озерной и лесной местности, где зачастую можно встретить и птицу, и крупного зверя, лучше иметь двухствольное ружье с зарядами дробь и патронташ, но лучше всего иметь патронное двухствольное ружье, которое в считанные секунды можно перезарядить. Об этом я крепко подумал, когда вспугнули гусей и теперь не отступил пока не приобрету хорошего настоящего ружья.

Глава восьмая.
ГОЛЬД АНКО БЕЛЬДИ

Личи огнинулись и, увидя нас, поднялись. Погасил костер, сели в лодку и как-то нерешительно надвигаясь стали подниматься к нам. Это оказались голды, один средних лет, а второй молодой парень примерно моих лет. Впоследствии выяснилось, что это отец и сын.

Как только они вышли на берег, старший, просящий, сказал: - Э, оная наюма, гора Инь-корони инни. Ноя ходи кругом горой табак курить. Оная драстуй. - И он всем протянул по очереди руку.

- Да это видимо наш знаковый Аню, так он себя сам называл - сказал отец. - Выл он у нас прошлым летом во время наводнения. Принесли на какой-то маленьенькой выдолбленной из цельного бревна лодочке. Мы еще жили кто в землянках, а кто и в палатах. В палатный малом и землянику заходили. Зайдет посетит, попросит табак, выкурит трубку, а если у него крепкий табак, то и две, потом идет к другим. Так обошел всех. Никогда не отказывался ни от чая, ни от другой еды. Перед вечером сказал: - Оная поюма - и ушел. Приходили к прощанью зной, но уже на лыжах. Лыжи широкие и обтянуты звериной кожей веротью наружу. Одеть таким же путем обошел все домины и везде выкурив по трубке, но теперь уже жаловался, что раньше он зной на нашей сойке добывал несколько "длин коза, теперь мы приваля и вся путаля". Приходили за табаком самоса-дом, который ему прошлым летом очень понравился.

- Правильно наша Аню, он себя так и называл. И сына называл или Инка или Инча, а что-то не совсем понял. Общался и ниче прибыть к нам за табаком, но идет наводнения. При большом наводнении говорит от него до Волочанки верст девять, а в об"езд и по протоке нашего залива верст тридцать. Но это

он нам говорил после, а сразу как только узнал, что мы возвращаемся, обрадовался, а узнав Илью и Луку, еще раз повторил: — Сейчас знакома и стал приглашать к себе пить чай.

От места нашей встречи до его фанзы было версты три и чтобы скорее попасть к его чю, он Луку пригласил с сыном на лодку, а сам нас с Ильей повел берегом. Мы к фанзе подошли раньше лодки за добрый час.

Какая там красота, какое раздолье, но как дико, варварски, некультурно и грязно живут эти голыдь. Они видимо и не замечают этой дикости и грязи. Красивейший высокий берег весь заросший кустарником, а рядом девственный дремучий лес: осель, дуб, черная береза, бархат, осина и много других пород. И тут, среди этой красоты в двадцати шагах от берега эта грязная помучная и промочившая дымом фанза, а рядом на высоких столбах заборчик. На столбах надеты разные железные банки. В фанзе два окошка, затянутые пузырями большой рыбы или зверя. Посредине небольшая железная печка. В глухой стороне фанзы на всю стенку нары, оббитые облезлой изорванной шкурой. В углу на нарах какой-то большой деревянный грубо отесанный и страшный идол, рядом с ним еще два поменьше, но также же страшные идоленка. У противоположной стенки из широкой доски полка, на ней кухонная утварь: медный котел, медный таз, оббитое цинковое ведро, различные горшки и чашки с рисунками, видимо китайской работы,

несколько фарфоровых неглубоких чашечек и несколько ковшей и других сосудов из березовой коры. Над этой полкой небольшое корыто, надубленное из цельного дерева. На полке медный чайник, в углу у дверей деревянный боченок с водой. На стенах внутри и снаружи фанзы висят непонятные видимо рыболовецкие и охотничьи снасти.

Вся внутренность фанзы и находявшаяся в ней вещи до омерзительной черноты пропитаны дымом.

Живут они троим — отец и два сына. Второй сын тоже взрослый, примерно лет пятнадцати-шестнадцати. Женщин нет, а когда я спросил Аиню где его жена, он махнул в сторону дубной, — что-то незначительное промямлил и сразу же отошел от меня. Видно у них в семье что-то не ладно.

Аиня никак не выжидается в голову: — такая кругом красота, так щедро вся местность буквально одаренная природой и такое убозство, грязь и полудикость живущих среди нас людей. Меня это до глубины души возмущало, возмолвало, а с другой стороны и заинтересовало. Хотелся более подробней узнать их образ жизни да и поучиться у них кое-чему, хотя бы их примитивному способу лова рыбы, оленя и вообще охоте на пушного зверя.

И договорившись с Аинью завтра порахмее быть у него. Он обещал меня ждать и оспаривать со мной за Тунгуску за виноградом и еще какой-то ягодой, а попутки поохотиться острогой на крупную рыбу.

Вот о вчерашнем пока у меня и все.

Не забыть только достать побольше табаку самосада и отплатить Аню как подарок.

- Ну что ж, сынок, при знакомься. Возможно в нашей здешней жизни все это и пригодится. Да и осенний ход хати не за горами, а нам ничто нужно ее заготовить, не меньше двух сотен. Утки и лова и заготовки, т.е. посола, вяленая и др. Я в прошлом году купил у Балаганского сотни этой птицы, ничего не пропавало. Ели все зиму с картошкой и это нас крепко поддержало, а дома как-нибудь и без тебя обходились.

- Нет, папа! По рассказам те, которых ты покупал, совсем не плохо, а солоная вяленая рыба. Вчера на охоте, когда мы сели передохнуть и малость подкрепиться, Илья нас этой вяленой рыбой угощал. Но у него эта рыба была с порядочным дымком, видимо чуть пропоялась еще до вяления.

Аню нас угощая натуральным голландским маслом. Это масло сначала на солнце, затем в тени продолговатые куски рыбы и тахин из сухим чуть пропояченным дымом не солоним маслом дикой носули. Потом изадиный сын принес из лодки большого сазана, очистил с него илашу, выбросил собакам внутренности, чуть сполоснул холодной водой, толще чуточку подсушил его над костром и начал нарезать мелкими дольками, освобождая их от костей. Все эту не обаяла, а прямо с кровью массу сложили в медную чашку, раздали крупную грязную соль обжигом топора,

посолили этой грязной солью рыбу, обмяли ее камнями-то солом и все это переминали такой же грязной рукой. — Тама готов, давай кушать — сказал Аяко, предварительно обсыпав сверху ее какой-то мелко нарезанной травой, пахнувшей луком.

Я впервые съел сырую рыбу. Она имеет какой-то особый специфический вкус и если бы не так грязно приготовлена, заправлена настоящим уксусом, перцем, луком, чистой солью и чуточку растительным маслом, ее — эту такую можно бы было с удовольствием и аппетитом есть. А так, что-то брезгливо, отвратительно.

— А не лучше ли тебе определиться на готовую рыбалку к Балаганскому. Илья и Яков Волочаевы в прошлом году дуново — дали одной артели. Подбирают они ребят в артель и сейчас. Поговори лучше об этом с ними.

— Ладно, я поговорю с ребятами, но мне известно я и с голыдем поймал для себя две сотни. Говорите же сами, что по Тунгуске нота идет валом.

— Я буду сам проситься к Балаганскому на завод, ты папа только сам поговори с Ильей. Он там заправлял артели — звали Владимир.

— Тебя, Володя, в артель навряд ли примут. Нужно подрасти еще немного — сказал отец.

— Дома так я считался взрослым и работал за доброго мужика, а для артели задне ли мальчик — надул губы Владимир.

- И я пойду вместе с Володей, побоев двоих за одного артельного прикут.

- Где чего не хватало, путаться там между ног и мять других - рассердился отец.

- Ладно, ребята, прекратим пререкания, а с Ильей я поговорю сам, возможно, что и получится - сказал Александр. Но говорят, что Яков сговорчивей и обходительней, но я с ним почти еще незнаком.

- А вот пойдем вечером на мост на гулянье, там и познакомься поближе - вставил слово я.

- Это я сделать постараюсь, но в следующую субботу вечером на мост пойдем все троим. Там послушаем кубанские песни и споем свои разученные. Уверен, что получится очень интересно. - сказал Александр.

- Не издумайте сеть запрещения. Довольно и того, что шесть месяцев сам отецел в тюрьме и нас благодаря этого крепко измучили и разорили. Да и жить вот заставили в этом хотя и богатом, но особенно паутном гнилом крае. Вот и чихотна ... - заканчивались, сказала мама.

- Да нет, мила ! Им своим только "Дело было у Артура", а это безобидная.

На следующий день Александру пришел от Гольдей почти уже ночью, усталый, измученный и по пояс мокрый.

Пока он лежал и переодевался, мы проверяли его котомку, из которой вытаскивали крупного сазана и еще более крупного широколобного сига. Отдавшие в тряпье, которую он захватил из дому, он принес большие гроздья крупного и вкусного дикого винограда.

Полынявший и переодевшись в сухое белье, Александр сказал:

- Вода уже сильно прибила и вышла из берегов реки. Затопила не только пересохшие ручейки, через которые и приходилось вброд переходить по полю, но стала передвигаться и к болотам и другим низинам. А сколько у этих гольдей интересного, необычного дикого и страшного, что и выразить трудно. Я уверен, что если теперь туда будет идти каждый свободный день, каждое воскресенье. Но по всей вероятности к следующему воскресенью сушепутный путь к ним уже будет окончательно отрезан. Будут затоплены все болота и раскати. Я уже сегодня еле добрался домой и до того выбился из сил, что хотел выбросить рыбу из своей котомки, но жалко стало, причем не рыбу, а того, что уже пролез ее верст шесть. Отдохнув, привозим усталость и вот дополнился с подарком Аню. Виноград я сам нарвал, его там заготавливал бочку, а рыба — это добыча и подарок Гольды.

- Ох, Кура, Кура, и ради чего ты так себя мучаешь. Да рыбу поймаете здесь дома. Смотри сколько ребята в прошлое воскресенье поймали и щуку чуть не аршинную.

- Нет, мама! Такую рыбу, как я принес, здесь на удочку не поймать. Не нужно знать где ловить, иметь снасти или приспособления для лова, да еще и уметь ее поймать. А я вот и хочу всему этому учиться у голыда. Посмотрите на этого сазана и амурса, они не пойманы, а убиты острогой и у обоих удары острогой у самой головы. Это не большое умение, большая ловкость. К этому нужно иметь и острое зрение, чтобы в воде на аршинной и большей глубине различить рыбу не спутав ее с палкой, корягой. Потом уметь с такой точностью поразить броском остроги в намеченное место, т.е. около головы, чтобы оглушив не дать ей силе сопротивляться при подтягивании к лодке.

Плыли мы на лодке по протоке у самого берега. Сидя его Анко медленно и почти бессильно подпирал лодку востом. Анко стоял с острогой на носу лодки, я сидел рядом около него и абсолютно ничего в воде не видел, но Анко рывком бросает острогу к вилке, которой привязан один конец поводка, а второй конец петель падает на руки у Анко. Вода вскипает большим водоворотом, а через мгновение вскипает отделившийся от вилки черенок остроги, также падая на руки у Анко. Поводок и вслед за ним вскипает болтающаяся оглушенная, но еще трещащая рыбешка с вилкой остроги у самой головы.

Анко быстро подтягивает рыбу и вместе с черанком забрасывает их в лодку. Все это было сделано быстро в мгновение ока, я даже не успел ничего понять и ничем не смог сразу разобраться.

Прошли мы у берега примерно с версту и Анко забросил тоник вот пять рыб в лодку.

Но острога? Это интереснейшее и самое простое приспособление — орудие лова рыбы. На конце поротного черанка надета железная втулка, в нее вставляются крачовым захватом с боку двухзубчатая железная с засечками вилка. Стоит она на черанке твердо, а при повороте оглушенной рыбы выскальзывает из втулки и отделяется от черанка, а потом уже вместе с добычей прикрепленным к ней поводком подтягивается к лодке. На словах это трудно раз⁹яснить, я ее зарисовал и обязательно при первой возможности такую же сооружу для себя. Я слышал у кого то здесь есть кузница, а отковать ее специалисту будет не трудно, а вот выловить в воде рыбу, бросать острогу с точным попаданием буду учиться у Анко и его ребят. Я уже с ними подружился по настоящему и договорился вместе ловить кету, но когда ⁹указал Анко, что мне нужно много рыбы, не меньше две сотни штук, он рассмеялся и сказал: — Однако две сота можно один день. Я конечно не знаю что это за рыба кета и тем более как ее ловить, потом случается двести штук за один день, но коли Анко говорит, я ему верю. Я почему то больше чем убеждая, что эти голды хож и дикари, но беспр⁹остыне, простые, честные и даже если хотите благородные люди.

- Ну и снижал - две ости в день! Да ты спроси Илья и Якова Волочаевых. Они в прошлом году у Балаганского по тысячу штук в одну прыть повода брали, а это считай за один час - сказал Владимир.

- Возможно и так, но тогда это не обыкновенный край, а край изобилия, что-то фантастическое, природный естественный клад. Да хотя бы и сегодняшнее явление, за каких то тридцать минут проливных у берега и таких вот пять рыбеш. Ой, а что у этого Мими сына Анто на голове? Какой-то большущий в половину ладони листик. Это видимо тот колтун, о котором упоминает Некрасов в своем произведении "Железная дорога". Я как увидел, прямо перепугался. Он видимо странно мучительный, потому что Мими часто протягивал к нему руку. Нужно, надо узнать у этого фельдшера, который сюда приезжает, что это за болезнь, как и чем ее лечат.

- Ну насчет фельдшера - это дело растяннутое. Он у нас и был за эти полтора года, что здесь живем, всего два или три раза. Но на дворе уже почти осень и он по времени обязательно должен скоро появиться. Вот тогда и спросим и узнаем, если он, понятно, что-либо в этом понимает. А эти голеди, как рожатся, так за всю жизнь ни разу и не молотся. Об этом нам говорили еще в Кабаровске. В таких условиях но только один колтун на голове, но и десятком их ниже пояса образуется. Они говорят и бабья но носят и мизом никогда

не пользуются. Дикари в полном смысле. Ты, Пура, присмотришься к этому хорошему и попытаешься обратить их внимание на это — сказал отец.

— А возможно это и правда. Я понятно у них об этом не спрашивал, да и неприсматривался, но о том как они грязно живут, видно во всех их отношениях. Собак у них три и видимо ожидается еще приплод и все они живут у них в фанзе, да и спят видимо вместе на одной облезлой медвежьей шкуре. А блох от этих собак полная фанза. Набрался и я этих блох, но чтобы не притащить их домой, я дорогой на одной из релок развел костер, разделел и хорошему в костер вытряхнул одежду. Надо что-то придумать и заставить их мыться мылом. Я думаю, если почаще мыть голову мылом — этот колтун сойдет. Это ведь все от грязи. Не быть же такому молодому и по своему интересному парню с облезлым черепом. Вот эти их косички, но я думаю согласны преобразить. Да и вообще их нужно приучить стричься.

— Так те они и послушались мыться и коси резать? Да это их обычай и наследствие тысячелетней давности. Попробуй переубедить!

— Ну в конце концов нужно же что-то делать в приближении к чистоте, культуре, если поселишься рядом с ними и рядом близкими соседями.

- Э, сынок ! Если ты серьезно и основательно хочешь приобрести их к европейской культуре, цивилизации в их быт, порядок, семью - они постараются от тебя избавиться любыми средствами, а скорее всего уедут отсюда в глухую дикую тайгу. Это дикари, люди тайги.

- Ну, папа, в этом вопросе я с тобой категорически не согласен. Ты ведь считаешься умным, грамотным и даже образованным человеком. Как ни как, хотя и небольшой, но архитектор, строитель. К тому же еще начитанный, сумевший привезти и сюда в это захолустье частичку своей библиотеки - и вдруг такое рассуждение о дикарях и неверие в их будущую цивилизацию. А как же верить тогда Ларвину и вообще науке, что все мы вышли из дикарей и сегодняшние люди ? Значит что-то или кто-то и когда-то над нами тоже поработал. Я твердо верю, что сегодняшние голыди сами потянутся к культуре и будут впоследствии культурнее и образованнее нас. Но сейчас вот, пока они еще полудикие и нужно с ними или среди них основательно поработать. Правда, при нынешнем несправедливом и прогнившем самодержавном строе - это трудно сделать. Нужно народу брать власть в свои руки и ломать все это старое.

- Здорово сказано, очень здорово ! Возможно и даже очень возможно, что нынешние голыди когда-то там после будут грамотные и культурные. Да и неудивительно, если вот

таких как ты просветителей развелось на Руси и не только в городах и на заводах, а вот здесь в тайге, среди дикарей, уже не единцами, а десятками. Приветствую, сын, и одобряю, но вот насчет ломки старого и постройки нового, пока крепко прикуси язык. Довольно в 1905 году намекнул, что мы и сегодня не можем прийти к себе. Если что-то изменишь и сделаешь — будь осторожен и конспиративен, а всеусусливание ломать и вот здесь дома среди семьи, я категорически требую и запрещаю.

— Ладно, папа, прости, погорячился. На эту тему мы как-нибудь потолкуем с тобой на пару.

Во время этого разговора отца с Александром все мы сидели притихшие и мало в чем разбранились. Конечно, заставить дикарей благородное дело, но папа тоже ведь понимает и если с чем не согласен, значит разбирается не меньше сына. Но вот о каком то самодержавии твердо потребовал пока прикусить язык. Но почему только пока, — этого мы тоже пока никак не могли понять.

-118-
Глава девятая.
НА МОСТУ

Шел второй год нашей жизни в Волочаевке, но еще не все семьи вселились в свои строящиеся дома. В некоторых домах еще жили по две семьи. Принимались все меры и усилия, чтобы к осени расселились по своим хатам. В строительстве помогали друг другу организованно. О строительстве школы и другого какого-либо общественного помещения пока вопрос не возникал, хотя на сходках кое-кто об этом напоминал.

Общественные сходки летом проводили под открытым небом, а зимой в лютые морозы в доме старости Макара Семеновича, где размещались, как говорится, в притарку. В этих условиях за зиму собирались раза два-три, зато летом, в свободные дни собирались на сходки иногда и по два раза в месяц.

Молодежь, парубки и девчата, не считая нас подростков, частенько собирались вечерами на большом мосту на времянке, где устраивали разного рода игры, хороводы, пели песни, танцевали польки и отквятивали трешака. Музыкой служила выдавшая виды балабайка и бубны. Откуда взялась балабайка трудно установить, но бубен являлся местным изделием: Илья Волочаев выделывал из молодой собаки кожу, причем он утверждал, чтобы бубен был звонче, требуется не только возраст, но и порода собаки; Лука Кучмицак подобрал и изготовил жестяные и медные побрякушки; Василий Алексеевко выполнил остальную работу и бубны действительно получился на славу.

К этому времени взрослых ребят и девушек в Волочаевке было уже десятка полтора: Волочаевых — Яков, Илья, Мария, Анастасия, Кучмицак Лука, Дроздова Марфа, Артеменко Илья, Слинько Наталья. Из вновь прибывавших переселенцев: Зиньковский Марк и Килин Ольга. Немного молодежи перечисленных, но уже принятых в компанию парубков: Кучмицак Семен, Волочаев Павел, Слинько Василий и Сикалов Владимир. По возрасту, в их число входил и мой брат Александр. Не отставал от парубков и Алексеевко Василий.

Шествие на мост всегда сопровождалось песнями и первыми запевалами были самые голосистые Яков Волочаев и Владимир Сикалов. Начинали как правило кубанскую, казацкую:

Из-за леса, леса копей и мечей,

Идет сотня казаков усадей

Эх, ой, око-хо...

Попереду офицерик молодой,

Ведет сотню казаков за собой

Эй, ох, ох-ко...

Пели эту песню залихватски с присвистом. Замокчав, начинали вторую :

Ой у дужи, тай ще при берези

Червона калина,

Спородила молода дівчина

Хорошого сына.

Спородила, взяла положила

В зелений дуброви

Та не дала тому казакони

Ни счастья, ни доли ...

Эта песня тоже казацкая, но ведь почти все волочанцы из Кубани, а кубанские казаки высланы из Запорожья. Пели ее исключительно красиво.

Немного недоходя до моста, все бросались к нему галопом и хваталась руками за его перила. Отставший последним, должен теперь ловить перебегавших через мост от перил к противоположным перилам. Пойманный становился ловушником и так далее.

Эта игра кое-кого из неповоротливых доводила до изнеможений. Если парень поймал девушку или девушка поймала парня, обязательно требовался поцелуй, поэтому парни умаленно поддавались на лов девушкам или всеми силами старались поймать ту девушку, которая больше им нравилась.

Набегавшись вдоволь, начинали водить хоровод или отплясывать под балалайку и бубен.

Уставши от беготни и танцев, ребята сходились в круг и запевали :

Ехал из ярмарки ухарь купец,

Ухарь купец удалой молодец.

Заехал в деревню коней напоить

Задумал гульбосе народ удивить.

Старик и малых потчует вином:

Пей, пропивай, пропивсем, напивсем...

Девушки эти песню не поддерживали и собирались на противоположной стороне моста в свой круг запевали свою любимую :

Зачем я тебя полюбила
И душу свою отдала,
На свете я все позабила,
Но счастья с тобой не нашла.
Смотрите вы добрые люди,
Что сделал подлец наломной.
Сорвал как в поле цветочек
И бросил, стоял под ногой.
Зачем же ты топчешь ногами,
Невинную душу мою,
Так будь же ты проклят богами
Злодей за измену свою...

Эта песня поется протяжно и уныло, а те из девушек, которые уже испытали любовь и ее разочарование, поет с грустью и душевной болью, неуспевая украдкой вытирать косыночкой навертывавшиеся горячие слезы.

Так в играх, песнях, танцах и проводила молодежь вечера на мосту и уже за полночь расходилась гурьбой и песнями по домам или парочками влюбленных тихо шептавших клятвенные заверения любить друг друга до гроба и еще долго стоявших у калитки или перелаза проводившей девушки.

Как то вечером в субботу Александр спазал мне и Владимиру:

- Ну ребята готовьтесь. Чуть позднее пойдёте со мной на мост и там споём ребятам и девушкам разученные нами песни. Я возьму с собой скрипку, Василий склеил смичек даже не заметно, что был сломанный, вот как он только выдержит на прочность, натянул его я туго, пока держит хорошо. Там попробую сыграть краковьяк и покажу ребятам и девушкам как его танцуют. Потом разучим и кое-что другое. Нас в гимназии многих молило и разных псалмов петь учителя, учили и танцам, чтобы в обществе благородных девиц уметь себя вести.

Пока еще есть время, я расскажу вам как один раз нас лучших танцоров звали в женскую гимназию на бал к благородным девицам, где бы мы могли показать свое мастерство, благородность, тактичность и обхождение уже в натуре танцуя с дамой. Я был в числе лучших танцоров и присутствовал на этом бале. Но там оказались не девицы, а замаскированные кулаки. Землячество и бесконечные приседания и реверансы. Чувствовалось, что девушка пылает во время танца и хочет хотя чуть-чуть ответить на мое легкое пожатие руки, но за ней наблюдает "всеведящее око" и, она бесчувственный истукан.

Но на этом бале мы долго не задерживались, нас быстро вывели, а наш руководитель нам объяснял, что многие из нас проявили нетактичность и недопустимую вольность. Во время танца близко прижимались к девицам, а один из нас, который будет строго наказан, танцуя, грубо обхватил девушку за талию и, что-то шепнул ей на ухо, от чего она вся зардевшись. В последствии выяснилось, что он в избытке чувств, ей шепнул: "Вы очаровательная девушка". Она от смущения и радости покраснела. Вот и все. А "всевидящее око", застывшая старая дева усмотрела превратное, ну нас и вывортила. Жаль девушек, ведь там калечат и лучшие чувства, но таков в нашей матушке россиянке дикий строй.

А теперь давайте собираться.

- Чего это я пойду глядя на ночь на мост. Там взрослые парни собираются. Чего доброго, еще спустят штанишки и ниже пояса легкомысленно вывалят. Вон Лука кому-то из наших ребят уже показывал квац, которым смазывают телеги на деревянном ходу - сказал я.

- Не бойся братишка, никаких квачей там не будет. Я уже говорил с некоторыми ребятами и нас там будут ждать. Будет там и Василий Алексеенко, а в каком он восторге от наших песен, сами знаете.

- Ну что ж, если мама разрешит можно и сходить.

- С мамой я уже договорился, она не возражает, нам понятно нужно одеться, умыться, причесать свои вихри и вообще быть приличными парнями.

На мосту действительно нас ждали, а Василий Алексеенко вышел на целых полверсты навстречу.

Почти все ребята и девушки сразу окружили Александра и просили что-либо сыграть, но Василий, Яков, Илья и Лука настаивали прежде на песню и это определило спор. Мы запели :

Дело было у Артура,
Дело скверное друзья.
Того, ноги, Камимура
Недовали нам житья.

Мы с соседкой желтолицей
Подрались за царя.
Полечу я вольной птицей
Вдаль, за синие моря.

Приказали нам от берега
Удальтись в два часа.
Пропaday моя телега
Все четыре колеса.

Тут стоял "Варяг" железный,
Охранял "корсец" нас.
Выходи, о друг мой нежный
Уж пробны свиданья час.

И враги рукою властной
Потопами сразу двух.
Горемина ли несчастный
Погубил свой грешный дух.

Вот пустился в путь дорогу,
Сам Макаров, наш герой.
Дам тебе я на дорогу
Образок святой.

Вот он прибыл с кораблями
В море вышел наконец.
Рыболов ли взят волнами
Или хмельный удалец.

А Ойяма наступает
Ночью и при свете дня.
Посмотри вон, вон играет
Дует, плывет на меня.

А китаец как хозяин,
Раскричался на меня:
Что ты ночью бродилъ каин,
Черт занес тебя сюда.

Курапаткину обидно,
Что не страшен он врагам.
В поле бес нас водит видно
Да кружит по сторонам.

От Артура до Мукдена
Отступали мы толпой.
Провалилась Аграфена,
И нисчем пришла домой.

Порт-артурцы долго ждали
Да устали черезчур.
Уж и яйца вздорочали
И осталось мало кур.

И набравшись страха волю
Стесель сам пошел к врагу:
Мне ведь хочется на волю,
Цепь порвать я не могу.

Приумолкла бабайка,
Что заучала на всю Русь.
Делать нечего казайка,
Дай кабан, уж поймаюсь.

Пели мы эту песню на мотив: "Дело было под Полтавой, дело славное друзья", но почему-то после каждого четверостишия добавляли: "длинь бон, бон", а потом вторично повторяли последние две строчки.

Во время песни все приумолкло, только Алексеенко раз за разом выкрикивал возмущения и негодования подкрепляя их трехсложными словами в адрес Ойямы, Куропаткина, Стеселя и всего бездарного правительства.

Если всем, почти всем слушателям были непонятны ни смысл, ни многие слова этой песни, зато Алексеенко был в полном курсе событий. Мы у себя дома ни один раз пели при нем эту, да и другие песни из тетради Александра и находили в отцовской подшивке журнала "Нива" за 1904-1905 годы, кто такие, Того, Нога, Камимуро, Ойяма, Куропаткин, Стесель и другие.

- А песня-то все таки добра -нарушил молчание Марк Зиньковский, -особо от длин бон, длин бон.

- Ты дурыя твоя голова, видимо ничего больше и не понял кроме длин бон, - вскипел Василий Алексеенко. Тут сказан весь позор проигранной нашим правительством войны этим желтолицым японкам и сотни тысяч убитых, калек и сирот, а он только и понял длин бон. Эх ты, чуело гороховое, - Камимуро несчастная.

- Сам ты какимора горохова. Там про войну и слова нима, а вин убиты, калекы. Ишов бы ты Василь додому, мы тут и без тебе добре погуляемо.

- Побачим, побачим який ти гуляка, - а ну хлопцы вшарте гопака, а ми с Марком на пару отпляшем. Побачим що вин за тантор и гуляка - коверкая украинские слова сказал Василий.

Александр не заставлял себя ждать и действительно "вжарил" на скрипке гопака. Приспособился с дубном к нему и Илья. Получилось так, что невольно почти во всех сами задвигались ноги в такт музыке. Один только Марко стоял истуканом не успевая водить глазами за выкрутасами Василия, который с разбега подпрыгивая выше перил с широко раздвинутыми ногами и начал в присядку а с гиканьем выделывать такие колена, что и на мосту стало тесно. Завизжали в восторге девочки, а Марфа Дроздова не вытерпев, пустилась отплясывать на пару с Василием.

Обошел в присядку вокруг Марка Василий поднялся и сказал: прому твоя очередь.

— Давай, давай Марко, — захопали и замукали все ребята и девушки. — Покажи Василию свою удачу. Марфа подбежала к нему и схватив его за руку вытянула на средину моста.

Поняв, что упрямством не отделаться, Марк подбоченился положив руки на бока, сделал два-три "кренделя" ногами, присел на корточки, хлопнул ладонями по мосту, выпрямился, одной рукой ударил себя по животу, второю по заднице, подскоки к Василию, повернулся к нему задом, поклонился и сказал: — проси.

Весь мост грохнул от хохота. Некоторые девушки от смеха растрепали свои волосы и бросились под мост, чтобы привести себя и свои наряды в порядок. А Марко вместо посмешища, стал чуть не героем.

— Ну и Марко, вот тебе и длиннбон — слышалось со всех концов.

Скрипка понравилась всем, к ней удачно приспособился и бубен. Было видно, что некоторым девушкам понравился и скрипач.

Игры на мосту затягивались и мы с Владимиром ушли домой.

Так молодежь проводила летом на мосту свое свободное время, там влюблялись и заключали союз на дальнейшее обоюдное семейное житье — стою.

Там через десять лет позже, влюбился в одну молоденькую девушку и я, с которой заключили семейный союз и живем вот уже 53 года вместе

Глава десятая.

НА РЫБАКЕ

1909 год.

Начало сентября. Приближалось время хода осенней каты по реке Тунгуске. Если в прошлом году жители Волочаевки не знали обстоятельств не имели ни соли, ни бочковой тары для засолки рыбы, то за прошедший год, кое в чем себе отказывая, а солью и бочками запаслась буквально все. Тем из семей, которым не представлялась возможность самим рыбачить, нужно было иметь для покупки рыбы лишних три-четыре рубля, чтобы купить у Балаганского сотню или полтора стук рыбы, которые являлись основным продуктом всей семьи на всю зиму.

Правда, лишних трех рублей почти ни у кого не было, и достать их было чрезвычайно трудно. Но для этой цели каждая семья, экономил на всем, а больше на своем желудке, но грошем скапливала эту сумму и бережно их сохраняла. Некоторые из женщин не доверяли хранению этих денег и своим мужьям, по известным только одним им причинам.

Хотя и с лентой, но хорошо поработал за прошедший год и Василий Алексеенко переквалифицировавшись на поделку бочек или просто высокобортных деревянных корит в которых засаливалась рыба. Сделал Василий по заказу отца и для нас две больших бочки и одно корито в которые помещалось более трехсот штук кетан. Боченок для квашеная капуста у нас имелся. Весной он был заполнен березовым соком.

Из вновь прибывших переселенцев, зять Сакалова-Гармидер, оказался превосходным гончаром и, он за лето обеспечивал гончарной посудой всех волочаевцев. Это обеспечивало посылку огурцов, грибов и других овощей.

Хорошо подготовился в этом году на лов кети и Балачанский. Имевшиеся два невода удлинил до 120 саженей катил, запасся поленьями для себя и для всех желающих, отпуская ее в разгар рыбалки с обязательным возвратом зимой в полуторном размере. Некоторые вынуждены были идти и на это.

Рыбачил Балачанский на косе Желтый-Яр. Это вверх по реке Тунгуске в восьми — десяти верстах от балаганского сопки. Желтым яром называлась потому, что в одном конце косы берег реки возвышался крутым яром и состоял из желтой глины. Коса была для лова рыбы очень удобная и неводами перехватывалось почти все русло реки. В прошлом году в одну топь невода попадало от 500 до 800 штук, а иногда и больше рыбы, теперь невода увеличены в полтора раза, улов оказывался обильным.

Одним, понятно лучшим неводом рыбачил сам Балачанский со своей артелью, хотя все обязанности старшего артельного, выполнял Григорий Павлович Коваль. Сам Балаганский почти круглосуточно пластал и солил свою рыбу. В помощь, приехала и его жена. Да и работнику китаюцу и своему приемному сыну не давал покоя ни днем ни ночью. Усталость одолевала все.

На второй невод старшим артели назначил Илью Волочаева, разрешив ему самому подобрать хороших ребят в артель. Половину всего улова Балаганский брал за невода, а вторая половина оставалась артелью и делилась на шестнадцать человек.

При подборе артели, Илья приходил к нам и уговаривал Александра идти к нему в артель на рыбалку, но Александр отказывался так как идет рыбачить к Гольду Анно, а вместо себя просил пранять брата Владимира.

На все уговоры отца и матери идти в артель Илья, Александр

категорически отказался, мотивируя тем, что ему претят совесть и гордость идти на кабальных условиях к кулаку — мироеду. А рыбы для себя и для нас я и без Балаганского достану.

При уходе к Анно Бельди, Александр взял только две булки хлеба, фунта два-три соли, ружье, охотничьи припасы, старенькое ватное одеяло и фунта два листового табака.

Насильно чуть ли не в слезах, мама втолкала ему в мешок фунта три пшена и с десяток картошек. На мамин уговоры взять еще что-либо из продуктов, он сказал:

— Ты, мама, видимо меня совсем не любишь, коли нагружаешь такую тяжесть. А идти ведь с ней тушно верст десять по болотам затопленным в некоторых местах по пояс, а в другом месте, возможно придется перебираться и в плаву.

— Ну зачем же ты идешь сынок к этому гольду, в эту неизвестность! Если бы лучше вместе с Володей в артель и Волочаевым ребятам. Туда на лодках выезжают сухими до самой рыбалки, там у них бараки или землянки. Сухо и от комаров спасение. Берут тула и картошку, и капусту, и другие овощи. Через каждые три дня можно приезжать за пополнением продуктов, да и ребята Волочаевы тебя укажут, а там у гольда, если не комари так блохи заедят тебя живьем. Сам же говоришь вся фанза в диму, в грязь и кишит блохами. Послулай нас Шура, не ходи к гольду, будь благоразумным.

— Нет, мамля мама, вопрос решен. Хочу быть следопытом и научиться многому мужественному, чтобы быть закаленным на будущее. Да и гольдам, этим мыши и добрым диварям помочь вылезть из этой грязи и обрести человеческий образ.

— Оставь его мать. Пусть идет. Хватит мурцовки сам покается. А чтобы быть настоящим мужчиной, нужно и мурцовки хлебнуть.

— Правильно папа. Умные речи хорошо и слушать. А теперь о деле. Ты все же папа будь готов и с солью и с тарой. Если у Балаганского будут солить рыбу на месте, тула заовзят и соль и бочки, то у меня и у гольда ни бочек, ни соли, значит через неделю — полторы я должен на лодке привезти рыбу сюда в Волочаевку. Будь готов принять сотню рыбин. А впрочем не знаю, но уверен, что так и будет.

— Постараюсь, сынок, справиться и с двумя сотнями. Не стесняйся, вози.

— Буду стараться оправдать свое упрямство.

Погода к радости рыбаков установилась солнечная, теплая, сухая.

Несмотря на начало сентября, дни были жаркие и душные ночи. В Тунгусские стала заметно убывать вода хотя она до большого наводнения и не доходила. От воды освобождалась затопленная окрестность. Это радовало всех, но больше всего рыбаков, так как сулило хороший улов рыбы.

Поторопились еще по большой воде завезти из Волочаевки на Желтый Яр соль, бочки и другое рыболовецкое снаряжение.

В артель рыбаков Илья подобрал восемь человек, включая и себя — это: Илья и Яков Волочаевы, Акуя Кучижак, Василий Алексеенко, Дмитрий Тихонов, Владимир Фролов, Марфа Дроздова и мой брат Владимир Проценко. Все мужчины были сильные, зрелого телосложения. Не уступала им силой и здоровьем и Марфа Дроздова. Один Владимир выглядел в артели подростком, хотя уже во всем старался подражать и действительно не уступал в работе ни Фролову, ни Тихонову. В придачу Владимиру был подключен и я. Получилось как-то само собой, что мы начали работать в лодках за одного. Никто меня на рыбалку не приглашал, никто меня и не гнал, так как сразу нашлась и для меня работа. Вся заготовка сушияка и валежника для артельного костра, с первого же дня была возложена на меня, помогать Марфе в приготовлении пищи для артелей, тоже меня касалось, а кипятить в ведре три-четыре раза в день чай, было моей неотложной и прямой обязанностью.

Частенько помогал тянуть невод, залезал босой поглубже в воду "тонить грузила". В свободное время помогал Илье и Якову протирать на грохотке икру, считался с тем, что они постоянно были заняты ремонтом и налаживанием невода.

Одним словом, работы хватало с утра до позднего вечера и в некоторой степени приходилось работать больше чем кому-либо другому из рыбаков.

Вторую артель рыбаков Балаганский подобрал сам. В нее входили, кроме Балаганского, его приемный сын, рабочий китайец, Григорий Павлович Комель, Антон Амбросович Кадам, Илья Артемиево, Марк Зиньковский и мрачного вида человек "Тома Кузьмич" — родственник или знакомый Балаганского. Этот Тома Кузьмич мало помогал рыбакам, он больше всего или лежал в домике или охотился с ружьем на уток, но Балаганский этого не замечал и ему не прекословил, в то время как на других членов артели покрикивал и почти не давал передышки в лове. Видимо от этого человека он был чем то зависим.

На Желтом-Яру из жилья были: один небольшой рубленый домик с деревянным полом, дверью и одним окном в сторону реки и две землянки.

Одна из землянок большая с вмазанным в стене небольшим куском стекла, служившим вместо окна и вместо дверей полвешеной мешковиной. Посредине землянки стояла небольшая железная печь. По бокам вдоль стен сплошные нары из кругляшей тальника покрытые толстым слоем ветошной травы. Вторая землянка маленькая с таким же куском вмазаного стекла, но деревянной дверью. Посреди землянки стоял забитый в землю стол, по обоим его сторонам узкие, на одного человека такие же нары. В обеих землянках никаких полов не было, просто утрамбованный песок, покрытый вдоль нар мешковиной или просто застланный травой.

Балаганский, его сын, работник и Фома Кузьмич разместились в рубленом домике, все остальные рыбаки обеих артелей в большей землянке, а мы с Марфой на пару, поместились в маленькой землянке.

В нашей, хотя и маленькой землянке, но посетителей всегда было довольно, в особенности вечерами в свободное от работ время. А таких ухажоров как Илья Артеменко и Марко Зиньковский приходилось зачастую выдворять, как говорится, — в зашей. Замечалось, что Марко к Марфе был не равнодушен.

Начался первый ход кети и, действительно он был сильным ходом. В невода за притонение попадало по 400-500 штук лосося. За первые не полные два дня мы поймали по два невода около шести тысяч штук.

Перед началом лова пришел из Хабаровска небольшой буксирный пароходик с небольшой баржей. Из баржи выгрузили большие двадцати порошковых бочек и десятка три мешков соли и все сложили Балаганскому под навес. На следующий день вечером погрузили в баржу весь двухдневный улов рыбы. Разгрузкой из баржи бочек и соли и погрузкой рыбы руководил мрачного вида человек — Фома Кузьмич.

При погрузке рыбы Балаганский отобрал себе пятьсот штук самых крупных рыб и сразу же приступил к ее разделке и посолке. Нам заявил, что эти шесть тысяч рыб он берет как полагаемую половинную долю за невода, лодки и другое имущество, а последующие, дескать, шесть тысяч будем делить на артели.

Все почему-то промолчали, да и мало кто в этой махинации, что-либо понял, но вечером после ужина, когда все собрались в землянке, Василий Алексеевко сказал:

— А все же здорово нас Балаганский облопошил, ведь первый ход кети самый сильный, рыба крупная и жирная. Вторым ходом рыба будет поменьше, но еще хорошая, а третьим ходом пойдет мелочь, отстающая, худая и много будет избитой, вся в красных пятнах, с большими зуба-

ми отчего и зовется зубаткой. Правда, она хороша и для посола и для вяления, но постылая, не то, что первого хода.

Сжались, как ужаленный, Григорий Павлович завопил:

- Ты, Василь, еходи не треплешь языком, як та собака хвостом, тогда чаго же ты бесовая твоя дуля, молчав, коли грузили нашу рыбу, а теперь коли рыба уже в Хабаровске, ты нам глаголишь свое "облю - помил". Да я ентому Балаганскому сей час...

- Постойте, Григорий Павлович, постойте! Вы ведь тоже помогали грузить на баржу рыбу - сказал Яков, поглядывая на насупившегося брата Илью. - Тут мы все проворонили и все виноваты, но Василий виноват больше всех, если догадался и не сказал еще при погрузке.

- Нечего ждать. Пойдем Илья и спросим Балаганского за его обмен.

- Да не ходите, не мешайте ему засаливать отборной рыбой свои бочки. Он уже четвертую бочку заполняет - сказал с издевкой Василий - а мы вот всей артелью только и попользовались за эти два дня пятью штуками, которые сварили и съели.

- Нет, Василий, - сейчас же мы с тобой вдвоем пойдем к Балаганскому и выясним все обстоятельно. А Вы, Григорий Павлович, пока не поднимайте шум. С Вашего невода он в какой-то степени мог распорядиться рыбой, у Вас он сам старшим артели, а вот с нашего невода, без согласия старшего артели не имел никакого права распорядиться уловом. А он ведь никого не спрашивал, а мы молча отдали. Значит нам и выяснять. Помил Василий.

- А чого тут разговаривать - забубнил Дмитрий Тихонов, - отбере завтра та послезавтра шість тысяч самих здоровых, а остальну нехай даде як положено.

- Правильно сказал Дмитро - завопили чуть не все. - Так и следом.

Илья и Василий поднялись и направались к выходу.

- погодите, пойду с Вами и я - сказал Лука - и он вышел с ними. Какой был у них разговор с Балаганским никто не слышал, но вернулись они в землянку взвинченные, возбужденные.

- Ну чого у вас там было - говори Илью, не мучай? - спросил Григорий Павлович.

- Да ничего хорошего не было. Василий сказал ему то, что говорил здесь нам, а я сказал то, что сказал нам Дмитрий Иванович. Он весь побагровел, потом повернулся к Василию и заявил: - Вот, что

Алексеевню, чтобы с завтрашнего утра твоей тут и ноги не было. Ты смутян и баламутить людей. А с вами Илья и Лука, я поговори завтра. Я ему ответил, что если тронешь Алексеевню, мы поймем свои шесть тысяч и прекратим рыбачить. Можете тогда в троих рыбачить на два невода, а нам шести тысяч хватит на всю Волочаевку.

- Это что бунт - вскрипел Балаганский, да я за бунд пойду с налобой до губернатора.

- Не дойдем, ведь рыбу первого хода увезли не мы, а ты - сказал Алексеевню, - причем, без нашего спроса. Это не бунт, а предупреждение на Ваше нечестное самоуправство.

- Ну хватит разговоров. Пошли, отдохнули, пора и за дело. Пока еще идет первый ход, пошли забрасывать невод.

- Иди, Илько, или, а за вами и я - сказал Григорий Павлович.

- Наверя ли мы в пятерых совладаем с неводом, - сказал Фролов.

- Ведь козлик с работниками занят и навряд ли выйдут на лов.

- Не беда, Илья с ребятами помогут.

С песнями и разными шутками, как будто ничего серьезного не случилось забросили очередную сеть. В неводе оказалось больше трехсот штук крупной, сильной рыбы. Вслед за нами забросил невод Григорий Павлович. Балаганский не вытерпел и включился с обоими работниками в лов. За половину ночи поймала обоими неводами больше полутора тысяч штук. Улов был хорош, пора и на отдых.

На следующий день до обеда поймали тоже тысячи палторы. Вся рыба была первого хода крупная и серебристая. В оторе не было никакой необходимости.

Пообедав разделяли рыбу и приступали к ее обработке и посолке. При дележке Илья выделил Владимиру полный пай как и каждому рыбаку, а Яков настоял, чтобы что-то выделили и мне. Илья молча отбросил мне двадцать пять штук. Некоторые промолчали, а некоторые подержали Якова, один только Тихонов недовольно пробурчал:

- Хватит на их и одного пая.

Всегда спокойный и сдержанный Яков, на этот раз не выдержал и сказал:

- Да они, Пиматрий Иванович, каждый тебя стоит. Ты хотя одно полено за эту неделю привнес для костра? Хотя одно ведро принес воды для чая? Помог хотя бы раз Марфе в приготовлении обедов?

А всегда обедал, пил чай и у костра сушился. Все это и за тебя и за всех нас делал Ильяшка. Не смотри, что ему тринадцать лет, он час — тенью и невод тянет не хуже тебя.

— Тягнэ невод. А яна у его сила, така як у мене?

— Нет, уважаемый Дмитрий Иванович, ты не совсем с своей силой прав. — Вмешался в разговор Василий Алексеевич. — Здесь требуется не только сила, но и желание. А ты на это желание не весьма широк. Я что-то не видел, чтобы ты полез в воду топить грузила, а Ильяшка час-тенью по колени в воде бивает.

— Это верно. Ильяшка дрова и волю носит и для нашей артели. Нам надоть тоже подкинуть ему рыбки.

Все от Алексеенковых слов засмеялись, а Индох засопел, как самоварная труба.

Рыбы досталось на каждого ловца примерно по 150 штук, а, это из первого хода. Все были довольны, а впереди ожидалась еще два силь-ных хода.

Мы с Владимиром, не некоторые другие рыбаки, несумели разде-лать и посолить всю рыбу в тот же день и только с помощью Якова и китайца закончили эту операцию к обеду следующего дня. Да и неудиви-тельно, ведь это делать приходилось нам в первый раз. Не только мы, но многие другие впервые видели такую кету.

Илья, Яков, Луиза, Василий и еще кто-то, рыбачили у Балаганского в прошлом году и это давало им преимущество против других.

После уборки рыбы, пробовали закинуть раза три невод, но в тень попадаало два-три десятка штук, это говорило за то, что первый ход рыбы прошел. Второй ожидался через два-три дня.

Завтра с утра решили на двух лодках уехать в Волочанку отвезти семьям свежей рыбы и запастись продуктами на следующую неделю, а сейчас, уставшие за день и отяжелевшие от обильного ужина, уселись вокруг костра и, поджидая в ночь, нарушен тысячелетними установлен-ную тишину тайги песни, пугая уснувших ее обитателей и охотившихся за ними ночных хищников.

Как и всегда, начинал песню Яков Волочанев, которая дружно под-хватывалась всеми :

Он ходил куравель та по берегу

Та заглядыв в волю,

А хто и мене нарво дубе

То я бреду через волю...

Пропев перауэ, начинали вторую и, так до тех пор пока Илья как старший, не по возрасту, а по назначению, не давал команду на ночной покой.

Отдохнувшие у костра, все расстелились по своим землянкам, ушли в свои хоромы с Марфой и мы.

В землянках по заведенному порядку каганцы не гасились всю ночь. При свете как-то меньше беспокоили лесные мхи. Видимо отпугивал их загадочно-сказочный полумрак.

Ночь была тихая и ясная. Луна своим полным колесом освещала всю окрестность. Яркие мерцали большущие звезды и редко какая сорвалась, молнией чертила небосвод. Тихо несла свои воды в могучий Амур Тунгусска. Изредка раздавался на воде всплеск крупной рыбы, нарушая зеркальную гладь реки большими волнистыми кругами расходящимися по ее поверхности. Не верилось, что в этот мирозданный, какой-то торжественный миг, где-то рядом с тобой по дну реки идут из далекого океана миллионы рыб, чтобы оплодотвориться, создав потомство, тут же умереть.

Не верилось, что в такую безмятежно, лежащую над спящим миром и тихую ночь, рядом в тайге и в реке идет борьба за существование, борьба не на жизнь, а на смерть. Ночной хищник охотясь нападал на плохо спрятавшегося или зазевавшегося слабшего, для того, чтобы потом быть растерзанным и стать пищей сильнеешего. И в этом нет ничего не естественного, так создана на планете жизнь.

Спать в такую ночь не хотелось и я улегшись в свою постель начал вспоминать стихи из "Ттендекламатора". Первым вспомнил атенотическое стихотворение "Сакия Муна" и начал чуть не в слух декламировать :

Пошрам, среди ущелей техных,
Где ревел осенний ураган,
Шла в лесу толпа бродяг бездомных
К водам Ганга из далеких стран.
Под лохмотьями у них худое тело
От дождя и ветра посинело.
Уж они не видели два дня
Не приятной крошки, ни огня.
Меж дерев во мрак непогоды
Что-то там малькнуло на пути.
Это храм. Они вошли пол свода,
Чтобы там убежать найти.

Перед ними на высоком троне
"Сакия Муни" — каменный гигант...

На этом месте прервала меня Марфа, которой видимо тоже не спалось.

— Ты что там бурнишь? давай спать ведь завтра рано ехать в Волочаевку.

— Так не нам же с тобой. Потом, я слышал, что ехать будут не утром, а на ночь. Днем решили развесить для просушки невода и привести их в порядок.

— Ну чтобы там не было, а спать давай. Домой съездить буду проситься и я.

Наши постели разделял узкий, в две доски стол, стоявший на вбитых в песок ножках. На столе складывалась на ночь вся кухонная принадлежность.

Закрыв глаза, я попытался уснуть, и уже полусонный, услышал как заскрипела открываемая дверь нашей землянки и какая-то тень проскользнула мимо стола. Открыв глаза, я ясно увидел как соскочила с постели Марфа и притушенным голосом спросила:

— Зачем пришел? Что тебе здесь нужно?

— Та спать ни як не хочется, так я, я...

— Чего жалал, убирайся отсюда и не мешай спать другим.

— Та я хотел спросить и сказать, моя я Марфа...

По голосу я узнал, что это был Марко.

— Еще раз тебе говорю, убирайся отсюда. Если что нужно завтра снахнешь днем.

Засопев, Марко подскочил к Марфе и попытках ее обнять, но получив сильный толчок, отлетел от нее на добрую сажень.

Не говоря ни слова, Марко вторично бросился к Марфе, но в тот же миг, с проворством кошки Марфа схватила со стола большую деревянную поварешку и с силой опустила ее на голову Марка.

Я схватился с постели в попытках помочь Марфе, но помощь уже не требовалась.

От удара Марко охнул, присел к полу и, чуть ли не начеку в глазах выскочил из землянки. От колебания воздуха погас каганец и землянка погрузилась в непроглядную темноту.

Зажигая свет Марфа захохотала, но тут же и запричитала:

— Ой лишенко, что ж это я наробила, чем же я теперь буду разливать борщ.

Увидя у нее в руках расколотую на две поварешку, расхохотался и я.

— Не горюй Марфе, завтра утром я поварешку солью дратвой и, она еще послужит. Потом попросим Василия, он сделает новую. А Марку ты отпустила полную порцию, даже поварешка не выдержала. Долго будет помнить.

— Об этой потасовке, смотри Ильяка, завтра никому ни слова, а поварешку сразу нечаяно в темноте раздавила. Теперь давай спать, думаю, Марко больше не придет.

На следующее утро попробовали забросить невод еще раз, но улов получился хуже вчерашнего. Развесив невода на вешала, все село за общий стол завтракать. Марфе поставила на стол целое ведро отварной рассыпчатой картошки и целый таз малосольной потовой шквы. Картошку и шкву ели похляпая. Кое-кто достал с вешалов аллюного сига, а я успел поджарить над костром надетый на деревянный прут жареный лучший желудок. Этой премудрости научил меня китаец, работник Балаганского. В последствии этот вид продукта считался у рыбаков особым деликатесом.

Марку, против установленных религиозных обычаев сел за стол в шапку. Это возмутило многих. Даже безбожник Алексеевко никогда не нарушал этого правила.

Первым заговорил Григорий Павлович Комаля:

— Ты чужо бесовая твоя душа, нехрист окальный залез за стол в капелюхе. Сидишь сей секунд или вон из-за стола.

Марку вместо того, чтобы сбросить шапку, поднялся, взял выделанного сига, уселся в десяти шагах под дикой яблоней и стал жевать рыбу.

— Вон и там кре в шапке, нечиста его сила — забурчал Дмитрий Тихонов.

Я не выдержал и засмеялся за столом, да так неудачно, что даже картошка вылетела изо рта.

Тут Григорий Павлович окончательно забесился:

— Ты де цанок сидишь. Вон отседова.

Зная нрав Комаля, я как пробка вылетел из-за стола, успев захватить свой лучший желудок.

Помогая Марфе в приготовлении обеда, я в тоже время ремонтировал поварешку. Проткнув шилом в обеих половинках дырочки, крепко стянул их суровой ниткой, шов остался заметным и, на это во время

обеда, кое-кто из рыбаков обратили внимание.

- Что это у тебя Марфа с поварешкой? - спросил Василий. - Вчера она была вроде не покатечной.

- Да вчера вечером в землянке было темно, она вышла из миски, а я нечаянно наступала и вот расколола. А как жалко, такая хорошая была поварешка. Но ничего, она и слепая еще послужит.

- Послужит! А ну дай сюда. Да как я такую расколотую и слепую думо повезу? - запричитал Григорий Павлович. - Мне старуха с ней и в хату не пустит. Это яро ее денячье приданое. А она послужит.

- Не горюй, Григорий Павлович, дело поправимое. Я тебе такую новую смастерю, что твоя старуха еще раз захочет замужиться с новым приданым. Вот только у меня здесь резки нет, а домой ведь за ним сейчас не побезишь.

- Ладно уж, дома сделаешь коли приедешь. А без ложки у мене дома и жизни не буде. Съест старуха кашлем.

Во время этого разговора Марко красный как вареный рак, отошел от стола и уселся на берегу реки.

- Чего не идешь обедать, - крикнул ему Лука.

- Да не трогайте его, - попросила Марфа. У парня голова разболелась, а вы к нему пристаёте. Я ему обед оставлю и он поест после.

- Ишь яна заступница. Но, любовь закрутила? Моему замуж за Марку собираешься, - Забубнил Лука.

- А кто бы и замуж. Чем Марко не парень? Ждала Вас, а вы не приходите сватать. Приходите женихаться дядько Дмитро. Вы ведь вдовствуете и холостякуете давно а я дедам уже в поре замужества. Да и дядько вдовцы мне больше нравятся чем кучерявые хлопцы.

Все захотела, а Дмитро засопел и рыкнул:

- Нука ты мина, як собака палка. Иди корми своего Марка.

Так в шутках и прибаутках, иногда в небольшой, не злобной ругани, но в дружной работе и товарищеских отношениях друг и другу, исключая Балаганского и проходило время.

Ночью в землянке кто-то увидел у спящего Марка на голове, чуть выше лба болячку, с куриное яйцо величиной, а утром уже знали об этом все.

Сидясь утром за стол завтракать, Дмитро с умишкой сказал:

- Сидишь, Марко, за стол та сишь шапку. Покажи янык у тебе на лоба рог роста. Та не бойся. У бугаи томе роги растут.

- Вы дядько Дмитро, опять начинаете смеяться. - Не в шутку рас-

свернулась Марфа. — В бугая Марко вырастет ли нет, а вот Вы и индюшка уже выросли. В этих проклятых землянках не только шишку набить, но и голову можно расколоть. В особенности в нашей. У меня на голове тоже не одна шишка, да за волосами их не видно.

Стаив на стол жаренные тетовые сердечки, Марфа уже со смехом продолжала :

— Вот дядько Дмитро, если Вы меня высветаете, придется Вам самим прикладывать примочки на мои шишки, чтобы скорее сошли. А apro-чем не приходите светать. Лучше уж выйти замуж за бугая чем за индюш.

— Ишь ты. Не хоче за индю, а подавай ей зверя, да еще накова. Не возля вель, а целого бугая, — сказал смеясь Григорий Павлович.

— Путиками здесь, уважаемые друзья, трудно отделаться, — сказал Василий. — Пути то путями, а в землянках этих мы в самом деле нелечимся. Если бы мы строили их сами, мы бы на целый аршин сделали их выше и, не гнулись бы в три погибели как гнемся сейчас, не наби-вали бы шишек, не калечились. Но строил их хозяин не для себя, а для наемных рыбаков, для "быдла". Для себя не забыл отгрохать вон какую хорошаю. Не плохо было бы в домик Марфу с Илюшкой, а его в землянку.

— Нет, Василий, не бунтуй. Ниче прорыбачим и в таких условиях, а к следующему году нужно занять свой невол, хотя бы по куску, на пятк. Вот тогда и построим сами для себя землянки где-нибудь на по-вой косе, а улобну для рыбака носу, мы развешать и подготовить на-шубуль сумеим.

— Да Илья, не плохая у тебя мысль, но как ее осуществить, — сказал Василий.

После прекрасного перерыва повел сильный второй ход коты. Вол выскочил у рыбаков бочковая тара была заполнена, а из привезенных нетером бочек Балаганский дал по одной только Волочаевым и Кошело. Пришлось просоленную рыбу вынимать из бочек и вывешивать на веревки для вяления, а опроставшие заполнить вновь пойманой.

Мы с Владимиром из неполной бочки вывесили 70 штук рыбик. Хално было рыбу первого хода вялить, но положение было безвыходным, солить пойманую было невозмочно.

В течение трех дней шел второй ход рыб. Мы заполнили опростав-шую бочку и дополнили уловляющуюся перауо.

Ожидался третий самый массовый ход рыб. Солить во всех было невозмочно, у некоторых не было уже и соли. На собранном обеих артелей

решили: если Балаганский нуждающийся не поможет, — лоза прекратит и удаляться по домам. В результате, наше решение было не реальным, у самого Балаганского оставалось всего пять-шесть порошковых бочек. Соль он обещал кому сколько нужно с обязательным полуторным возвратом зимой.

В дальнейшем разговоре Балаганский сообщил, что к началу третьего хода падет из Хабаровска знаемый уже катер с баржей и всю свежемороженую рыбу прибывающий хозяин купит у нас за наличные деньги. Цена свежей рыбы третьего хода примерно полтора рубля сотня. Но об этом мы с хозяином-закупщиком булете торговаться сами. На это мы согласились, но решили прежде продать жителям Волочанска кому сколько нужно. Поскольку в Волочанску с сообщением, чтобы через три дня прибыли на всех имеющихся в наличии лодках за рыбой.

Через четыре дня, в момент самых больших уловов, прибыл с баржей бунсарный катер с тем же сомнительного вида человеком, который и оказался хозяином — купцом.

Весь последний улов, после обеспечения жителей Волочанска он у нас купил по два рубля за сотню. На нашу долю с Владимиром досталось шесть рублей наличными.

Погрузив на баржу всю закупленную свежую рыбу и двадцать заполненных бочек Балаганского, катер ушел в Хабаровск.

По договоренности с Балаганским, всю свою рыбу мы перевезли на его лодках в Волочанску.

Мы с Владимиром привезли домой две бочки, примерно 250 штук соленой рыбы, 70 штук вяленой, была три кетовой икры и шесть рублей наличными. Такой большой добычи обеспечивавшей все семьи на круглый год питанием, никто не ожидал, и это обстоятельство еще раз уверило всех волочанцев в богатствах Приамурья, которые еще не раскрыты и разумно не используются на благо человека. О природных ископаемых, мало кто в то время не понимал, но хищнический способ лова рыбы в нерестовых реках и уничтожение ценнейших диких животных, уже процветали.

Теперь перейдем к добыче Александра у Аниса Бельяна.

Свое слово даное отцу он выполнял. Буквально через неделю как и обещал, привез с собой синювыми Аниса и на его же лодке семьдесят штук хорошей кеты и два больших диких гуся. Можно было привезти рыбы и сотню штук, но большее семидесяти не вмещала лодка. Обещал через время привезти еще столько же, но отец от приема дальнейшей рыбы от-

извасял имея сведения, что мы с Владимиром уже засолили полторы бочки примерно сто пятьдесят штук, да и в норы для посола не влезало больше шестидесяти штук. Из привезенной несколько штук пришлось раздать соседям.

- Тогда я буду готовить по гольдяни не соленое сало, - сказал Александр. Его можно привезти и в мешках.

- Смотри там сам, что и как нужно делать. На месте будет видно, - ответил отец.

Много нового и интересного о жизни гольдей узнал и увидел Александр, но сейчас рассказывать было не время. Рано утром нужно было уезжать обратно. - Рассказу моя все когда закончим рыбалку и вернусь домой.

Окончательно приехали мы с обоих рыбалок с большой добычей только к 20 сентября. Впечатлений и рассказов и у нас с Владимиром и у Александра было много - приного.

Вот о Балаганском было рассказано как о жадном кулане, эксплуататоре и мироеде, то о Гольде Анко и его сыновьях у Александра были и мнение, и впечатление, и рассказы совсем иные.

Начиная рассказы о жизни, быте и нравах этой семьи, да и других гольдянских семьях в которые он с Анко побывал, он всегда с восхищением говорил:

- Никогда я не предполагал на сколько этот народ при своем первобытном укладе жизни, дикости и некультурье, окажется таким доброжелательным, справедливым и честным. Он и понятия не имеет чтобы обидеть любого человека, - наоборот поделится последней крошкой с голодным, выручит и поможет попавшего в беду, приметит и поделится всем даже с чужим, незнакомым ему человеком. Но он детски наивен, задушен и уверен в силе злого и доброго духа - своего деревянного идола. Одурачен шаманами. Но фанатично доверчив и поэтому постоянно жестоко обиден и обманут китайскими купцами куланями и эксплуататорами, снабжавшими их гнилой мукой, чумазой, плеточным чаем, табачком-самосалом, охотприпасами, дабой, сартинской и другими драгоценными безделками забавляя их мнимыми долгами на всю жизнь, снабжая их спиртом и в пьяном угаре отбирая у них всю драгоценную пушнину, перья и другие изделия мягкого золота и ценностей охоты.

Мне рассказали ужасную и дикую историю. Вель у Анко жена не умерла, не утонула и не обесала, а отобрал ее у него за долги и

увез в Китай купец китайец, снабжавший его внешеперечисленными товарами и спавившего спартом. Где-то в Китае определял ее в дом терпимости и на этом преступлении наживается.

После того, как я об этом узнал, мне Анко сам жаловался как он холоет свою жену, как скучает и убивается за ней. А его младший сын Ванька ночами плачет и зовет мать. Гольди из стойбища Улики купил мы два раза ездили во время рыбалки, говорили мне, что жена у Анко была очень красивая и очень добрая женщина, и тому же большая рукодельница по узорам и шитью пушных изделий. Сейчас у Анко ничего нет. Китайец увез и жену и все ее вышивания. Она очень любила и своего мужа и детей.

В Улике также не фанен как у Анко, они также прокопчены дымом и собаки в них находятся, но чувствуется какой-то домашний уют, чистота и опрятность самих жителей. Присутствие женщин видно во всем.

Да, я и забыл вам сказать, что теперь его будем звать не Анко, а русским именем — Андрей, а ребят, старшего — Мишкой, а младшего — Ванькой. Так мы решили на их семейном совете. Имена я сам подобрал, они схожие с их гольдцкими именами.

— Ого, да ты там чуть ли в монахи преобразился, что начал давать инокосклонцам русские имена. Смотри, дойдет это до Хабаровского архиепископа, быть тебе поповником. Заставит тысячу поклонов в православном соборе отгрохать за самозванство, за измательство в их священных правах. Лоб расколешь, — сказал смеясь отец.

— Да я ведь не крестил их в Тунгуске, как крестил святой Владимир в Киевской Руси, а просто договаривались, что я буду его звать не Анко, а Андрей. Точно таким же путем и ребят. Им эти имена, а вернее прозвища понравились, все и все крещение. Потом я договорился, что буду учить их русской грамоте, хотя бы только читать. Да и русские песни разучать вместе с ними — тоже не плохо. В т за- трудняюсь, где я как достать букварь.

— Насчет учебки — это похвально, но не этого конца ты начинаешь. Проверь прежде у себя здесь дома. В Волочанке не только детей, но и взрослых процентов восемьдесят не грамотных. Вот откуда нужно начинать. А букварь у кого-то из волочанцев имеется, постарайся, спроси у людей.

— Ты прав папа, тысячу раз прав. Но это уже иной разговор.

Там и этим запуганым, обманутым и одуроченным людям просто покажу русские буквы и научу их читать, а здесь у нас совсем другое дело. Здесь нужна школа. Вот создадут у нас новую Тунгусскую волость, тогда и будем заниматься ее постройкой и открытием. Возможно тебя и старшиной определят, сам ведь говорил, что предлагали. А к тому времени и мой учительский возраст подоспеет.

- Предлагать - это одно, а мое согласие совсем другое. Старшина с меня пожалуй не получится, а писарем возможно и справлюсь. Но это пока еще решаетая. Предписание губернатора об учреждении Тунгусской волости есть, но эти волонтеры - чинуши могут выполнять его и год, и два, и три. Так, что не только твой учительский возраст подоспеет, но успеет и борода по колену вырасти. А теперь продолжай дальше свои и забавные и жуткие рассказы.

- Продолжаю. По рассказам голыдей, этот мошенник китайский купчик приезжает к ним два раза в год. В июне на китайской хане развозит по всем стойбицам продукты, охотничьи припасы, посуду и другие товары, которые отпускает им безналочно, под сезонную пушнину. Снаивает их спиртом и отбирает у них все: панты, струя наберга, унты, торбоза, меховые чулки, искусно вышитые рукавицы и другие меховые изделия. За отпускаемые им товары, они у него в вечном долгу, хотя отобранный у них пушнина и другие изделия, стоят дороже его товаров в десятки, а то и в сотни раз.

Второй раз приезжает зимой, примерно в январе на двух-трех собачьих нартах. На этот раз привозит только порох, свинец и спирт. Из свинца голыди сами делают для своих ружей пули и дробь. Снаивает их спиртом, а иногда и насилует их пьянкой исп. Отбирает за отпущенные летом товары все их пушнину, а иногда за долги и женщин как у Алю - Андрея и все дальней и глубже закармывает их в свои сети. При нем всегда находятся три-четыре вооруженных китайца телохранителя.

В стойбище Улине в разговорах с голыдами, я как-то сказал, что этого купчика китайского купчика нужно арестовать и судить законом как грабителя, мошенника и преступника, так на меня напали всем стойбищем, что я был и не рад. "Что ты мол парень мелешь? Да мы тогда остаемся не только без пушны, табаку и медной посуды, но и без пороку и свинца. А это для нас уже гибель. Чем убьешь зверя? Чем поймешь рыбу? Нет, он наш благодетель, сам к нам едет и возит все, что нам нужно. Ну иногда он нас обманет, часто обманывает, так от этого откуда не лопнешься. Везде простых людей обманет, обманывают. В большом

стойбище Хабаровские русские купцы, начальники и полицейские еще купцы делают. Нет уж, не трогайте нашего купца".

Вот так меня отчитали и я понял, что они правы. Не будь этих грабителей китайских купцов, намелся бы наш русский а не чуть не лучше, а пожалуй хуже.

Сами они не достают ни порох, ни свинец, а власти наши не проявляют к ним никакой заботы. Купцы-пройдохи все умеет делать и, делает там, где найдет большой прибылью. Видно китайские купцы проникали все это лучше русских, пользуются этим и безнаказанно порабощают целый народ.

Впрочем, как бы там ни было, но я пораздумав, решил любыми средствами вернуть жену Андрея и мать его детей.

- Ух, какой ты у меня герой! Хотелось бы знать, как мыслишь ты это осуществить? Да и жена Андрея где-то далеко за границей. Не думаешь ли ты уговорить этого купчика добровольно вернуть ему жену. В лучшем случае он потребует вернуть ему все мажор долги Андрея. А если ему пригрозить, так он просто посмеется над тобой. Ведь при нем, сам говорил, четыре вооруженных телохранителя.

- Не беда и я подберу вооруженных ребят.

- Ого, так это уже найдет бандитизмом.

- Нет папа, - это не бандитизм, а справедливое требование и, если добровольно не решается, применяют силу.

- Войми, ведь и у него порядочная сила.

- Ну, что и, тогда силой на силу.

- Смотрите сын, чтобы своим желанием добра не сделать зло и несчастье людям. Ведь сам говорил, что без этих купцов неминуемая гибель, а то и вымирание целой народности.

Конечно, людям как-то нужно помочь от закабаления купцов и проходимцев, но это нужно делать не индивидуально, заручая одного гольца кучкой вооруженных ребят, а через власти добиваясь помощи всей этой полудикой народности. Вот утвердится власть, все эти стойбища войдут в ее территорию, тогда и нужно поднять этот вопрос и что-то полезное предпринять. А пока, до организации Тунгусской власти, с этим вопросом нужно обожидать.

Эху - Ну и сказал, - "через власти". Да плавали они, эти власти, на всей народности. Пусть до единого умрут все эти гольцы их это ничуть не потешит. Они этих гольцов и за людей не считают. Давно

ли эти власти тебя самого инльорили из Вятеринодара. Ты что-то, отец, забываясь никак заботу проявляет эти власти к простому народу. Я эту "заботу" испытал еще четырнадцатилетним иньри, а из-за меня кланнул горя я ты.

Ну, на сегодня хаатит разговора, поехали ребята убирать картофель.

Благодаря устойчивому лету, умеренным дождям и значительно меньшему прошлогоднего наводнения, картофель уродился на займках хороший и его собрали почти каждая семья на все зиму. Лично мы напхали шестнадцать мешков, но для нашей семьи этого количества было не достаточной отец купил у кого-то из жителей Ленневи еще десять мешков. Нам с Владимиром за этим картофелем пришлось съездить в Ленневку на нашем "Сером" два раза. Мосты по времени еще в прошлом году были основательно отремонтированы и все обошлось благополучно.

Теперь имея столько рыбы и картошки, мы переставали умереть с голода, а в прошлом году от недоедания и истощения умерло в Волочаевке несколько детей.

Хотя в конце сентября дни стояли солнечные и теплые, но ночи были уже прохладные. Мать боясь за малышей, — Толю и Грыму, из будки забрала в дом. Александр, Владимир, я и Антонин оставались еще в будке. К нам часто вечерами приходили в будку ребята и девушки послушать прочитанный рассказ Чехова, послушать наши песни, а, главное, музыку Александра на скрипке. Василий Алексеевич был постоянным к нам завсегдатаем. На этих вечеринках танцевали и пели общие песни.

Когда случались у нас свободные от гостей вечера, Александр часами рассказывал нам о жизни, быте и нравах голыдов, их умение добывать зверя и рыбу, искусству женщин и девушек узорно и вышивке цветной ниткой и разноцветной пухляной.

— Очень красиво они шьют торбоса и рукавицы, разрисовывая их цветной ниткой и разноцветной пухляной.

Одной хорошенькой девушке в стойбище Улине я заказал к зиме сделать мне унты и рукавицы. Обещал за красивые унты и рукавицы в нее влюбиться и пригласить к нам на вечеринку послушать песни наших девушек, музыку на скрипке, а за одно и станцевать с ней полечку. За работу обещал заплатить ей табаком, красными лентами, разноцвет-

ними нитками и сахаром к чаю. Курят у них из маленьких медных трубок все, и мужчины и женщины. Не редко курят молоденькие девушки и ребятняшки. Но русски она мало понимала и все мое просьбу и обещания перевел ей Мишка. Она обещала сделать унты для русского очень красивые, а рукамими еще красивее, но когда он ей сказал, что я в нее влюблюсь и приглашу ее на нашу вечеринку и там с ней станцую, — она вся зарделась и убежала.

Впоследствии мне Андрей Анно рассказывал, что эта девушка была продана еще ребенком за большой калим в стойбище Изарман, но жених ее давно умер. Смертность детей у них исключительно большая и эта народность на грани вымирания.

Родители жениха хотели забрать к себе купленного ребенка, но родители девочки отказались ее отплатить и постепенно возматывали калим. Вот почему она по шестнадцати лет и осталась девушкой при родителях. А девушка действительно хороша, вот поговорю с папой и мамой, — возможно и сватов к ней направим.

— Ну и оболтнула же ты Цдра, — воскричали мы хором. Мама и так еле на ногах держится, а этим неразумным словом, ты ее сразу в гроб выносишь. Да разве мало у нас в Волочаевке хороших девушек? А эта хорошенькая дикарька, сам говоришь, по русски ничего не понимает. Как же ты с ней будешь объясняться?

— Учить буду, ведь я же учитель. На счет мамы вы правы. Тогда со сватовством обождем пока поправится мама, а пока ей о наших разговорах ни слова.

Дальше я от Андрея узнал, что у них по неизвестно кем написанным законам, невесту покупают как только родится жених, таким же путем и продают невесту как только она появится на свет божий. Обыкновенно жених забирает купленную невесту от ее родителей уже себе в жены двенадцати или тринадцати лет, а в отдельных случаях много раньше, еще ребенком становится женой. Да разве такие дикие законы только у гольцев? Возьмите наши восточные народности, — киргизов, узбеков и других азиатов, у них тоже за калим продают и покупают малолетних невест. Между прочим самый дикий и лютый зверь и тот не позволяет сношений до полной зрелости. А человек? Возьмите наших русских. Я уже не беру неграмотных богачей — кулаков, а возьмем знатных, цивилизованных из князей, баронов, графов и прочих. Не редки ведь случаи, что этот знатный семидесятилетний богач, воротило, но седой, лысый и дряхлый старик берет насильно в жены шестнадцати —

летних, но из более бедной семьи девушку. Разве это не та же дуля и продажа.

Все это явное преступление, но из крупных тузов никто не жалует в это вмешиваться, а власти не то, чтобы пресекать, преследовать, а равнодушно стараются не замечать.

Впрочем, "закры враждебности вот над нами": — дичь, произвол, насилие и обман. А попробуй скажи это вслух, — кандалами зазвонит.

Ну ребята, я вам наговорил столько того, в чем и сам не вполне разбираюсь.

Так вечером в разговорах, а иногда с ребятами и девушками с песнями и танцами и проводили в будние время до холодов, пока во второй половине октября не перебрались на зимнее время в дом.

В доме песни и танцы из-за болезни мамы не проходились. Музыку и чатки слушали все.

Глава сорок пятая.

ПОЧТОВЫЙ ПОЛУСТАНОК

В десяти верстах к западу от Волочевки по "арестантской колесушке" — временные находились почтовый полустанок под названием "Поперечка". Почту "оказию" и случайных пассажиров "гонимых" по этому установленному почтовому тракту зимой из Благовещенска в Хабаровск и обратно, летом, с открытием навигации по Амуру, на пароходах.

Содержали полустанок Поперечка амурские казаки из станицы Забелозо — Белябин и Петров. Зимой они держали по мастерке хороших и крепких лошадей, развальных — сани для почты и козевые для пассажиров. Летом сокращались до четверки лошадей на полустанок и двух легких кибиток на случайную "оказию".

У Петрова был взрослый сын Петр года на два-три старше Александра. Работал он у отца на полустанке ямщиком и "гонимых" почту, частенько обратным путем из Благовещенского полустанка заезжал к кому-нибудь из волочевцев погреться, а иногда если угостят и выпить кружечку чаю. Таким образом он познакомился и подружился с Яковом, Ильей, Лукой и Василием Алексеевичами, но все они жили в стороне от тракта, у самой саники и заезжая к ним нужно было пелать крик с целую версту. Наш сосед Андрей Федорович Смышляков жил по временке, и нам больше и заезжал Петр тем более, что у Смышлякова была взрослая красивая

дочь Натальи. Мы в то время жили у Мороза, тоже восторжне от пре-
мийны почти под ошмой.

Следующим летом, когда мы уже перебрались жить в свою бунку
по соседству с Сашенью, Петр начал частенько заезжать и к нам. У
нас по пути ему было останавливаться удобней чем у Сашенью, трави
по дворе у нас было полно и рядом колодец. Подкармливать и поить ло-
шадей было чем. Правда, не было у нас Натальи, но жила там рядом и
она частенько приходила к нам при его приезде.

От нас Петр узнал, что мы ждем приезда старшего брата, что он
учитель и музыкант, хотя ему еще раньше поведал обо всем этом Васи-
лий Алексеевич. Впрочем, мы и сами еще не знали толком своего бра-
та, а уже успели разговинить на всю деревню.

С приездом Александра, они сразу крепко подружился и Петр стал
к нам заезжать не только по пути, но и специально верхом на лошади.
Он очень любил слушать музыку на скрипке и по все горло хохотал при
чтении рассказов А.П.Чехова. С каждым его приездом он просил снова
и снова прочитывать ему рассказ "Домашняя фамилия".

- Ну паря зараза и даст, - воскликнул он. - Все названия коней
перебрал и все их упрямь запомнил. Не иначе этот паря Чехов был яв-
ноком или конехом у богатого войскового атамана.

Когда ему объяснили, что он не был ни тем, ни другим, он уны-
лился спрашивал.

- Ну возможно он являном и не был, но что он не казанов - это
уж точно. Откуда бы ему знать про разные супона, чересдадыны, селадны и другие сбруе?

- Да он не писатель, а писатель должен изучать и знать жизнь
не только буржуа и других богачев, но и подробную жизнь рабочих
крестьян, казанов и даже обездоленную жизнь бедняков и нищих. - объ-
яснял Александр.

- Ты, Петр, может быть еще скажешь, что Чехов из воиных акур-
ских гуранов? - отпаризал Владимир.

- А что ты думаешь паря, - возможно и это. Вон один близкий
хороший из Никола-Семеновской станицы тоже в Питере служил с
1904 по 1906 год. Говорит конными парскими охранял, а домой приехал
в золотых погонах. Такому человеку не минуемо быть войсковым ата-
маном станицы, а то и больше.

- Если твой хороший действительно служил в Питере в 1906 го-

ду и явился домой в большом чине, а то и с крестами на груди, тогда пойм Петр, что он маньяк, охранял конюшни, чем участвовал в разгонах и расстрелах рабочих демонстраций. На вся революцию 1905 года была залита кровью и расстреляна в основном казаками, — назывался в разговор Александр.

— А что паря можно поделать? Водь тоном права и обязанности возложены на казаков царской власти.

— Хорошо хотя сказал "возложены", а не дарование от обязанности пороть плетью голодных конюш и детей требующих хлеба и раскидывать черепки рабочим требующим свободы, равенства и быть настоящим человеком. На подумал ли ты Петро над тем, кто соткал вот этот материал из которого сшиты твои штаны и рубаха? А его твоя та голодная конюшня и мать тех детей, которых хорунжий разогнал порол плетью. Им нужен хлеб, чтобы не умереть с голода, но ситый хорунжий этого не понимал. На знал ли он тогда и знает ли сейчас этот тупоголовый зверь хорунжий кто трунит над строением царских дворцов, кормит тех конюш, которые он охранял, кто изготавливает ту упряжь и сбрую, которую так хорошо перечислил в своем рассказе Антон Павлович Чехов, то селю на котором он садил и тот клинок, которым он раскидывал рабочим черепки? Все эти надели мозельских рук того же голодного, обезумевшего и безжалостно эксплуатируемого рабочего, которого он порол, рубил и топтал лошадей. Подумай над этим, друг, и крепко подумай. Ты в этом еще не искусен, но придет время и тебя заставят на основании ваших "прав и обязанностей" располоть и мой череп.

— Ну тут ты перехватывал паря Александра в отношении меня. Я ведь не хорунжий и имел свою голову и в груди свое сердце. Таких как ты рубить, это значит подрубить сук на котором сидишь. Лягал я Александра и о тех бабах и ребятишках, которых разогнал и порол хорунжий. Думал и о рабочих. Слышал от своих станичников и других казаков, что революция 1905 года, бунт как они еще называют, ликвидирована и разогнана благодаря их казакам. Но, что прикажешь делать? Как быть нам, понимающим казакам, когда прикажуют именем закона Его Императорского Величества, заставляют, а заслушание порят, а в военное время и расстрел.

Я вот рассказываю случаи с моим отцом, когда они в Китае во вре-

из боксерского бунта усмирили китайцев, сжигали фанзы мирных жителей, а в них живьем сжигали и их обитателей.

Бывало говорят, налетим на фанзу, а китайская баба бежать не может. Ножи у ней малосенькие, совсем детские. Их еще с детства издевают и они похожи на козы копыта. Схватит эта мамаша своих детишек и сидит как наседка на цыплятах. Ну асаул приказывает зачитать их всех обратно в фанзу, подпереть дверь, а фанзу поджечь.

— Ну и что же, поджигали? — спрашивала привезенная за чем-то в будку мать.

— Ну а как же Александра Федоровна. Война и приказ командира.

— Да какая же это война сжигать невинных матерей и их детей в их же жилища. Это же страшное преступление и перед богом и народом. Прекрати ты, Петя, эти страшные рассказы своим детям.

— Нет, мама, пусть говорит. Нам нужно все знать, чтобы быть в курсе человеческого добра и зла. Это закаляет человека и делает его более волевым бороться и отстаивать правду.

Ида, мама, в дом, ты больная и тебе расстраиваться нельзя, а нам это не пальцу.

Мать со слезами на глазах уходила.

— Ну, я продолжаю. Так вот, говорит отец, один раз как-то ночью изгорелой фанзы китаец и пустился на уток. Но нем два раза выстрелили и он упал. Подбежали, спешиваемся, переворачиваем китаец, а на нем ни единой ранки.

— Как собака, — кричит асаул. — Прижмурится. Ану, Петров, протни его за косу сакнь пать, посмотрим, что он задумывает, поди схватится и в бега.

Что оставалось делать моему батю? Приказ командира да еще во время военных действий. Ану, попробуй не выколи, сразу полостит шпатель, а то и в стенке поставят. Потянул батя, китаец как немшой, как мертвый.

— Тихи жидой, — орет асаул. Потянул почти бегом. Китаец ни звука.

— Стой! — завопила асаул. Подожги ключи ваты на его халате, в нескольких местах.

На китаец был большущий красный ватный халат, а он сам знает, что вата не горит, а только тлеет.

— Нет у меня спичек. Вась висновоблагородна, — ответил отец.

- Спичек нет? Десять суток ареста и бросает ему коробку спичек.

Отец прожатыми руками поднимает в нескольких местах калат. Калатец молчит, но видно как мучается от нестерпимой боли. Когда явно захлопну жареным мясом, он с кутими не человеческими криком схватил - застел, сбрасывает с голого тела лямный калат и с криком бежит.

- Руби азваста! - завопил есаул и, в тот же миг от локотного удара ходунского клинка голова китайца отлетела от туловища.

- Молодец Гаврилов, и немала представило за ловкость, а теперь выверни все карманы у Петрова.

- Рад стараться, Ваше высокоблагородие - рыцарь Гаврилов.

С первого же кармана у баты вышел коробок спичек.

- Так Петров, я знаю, что бы бросать. За обман командира, да еще во время боевых действий, строго наказывают, но на первый раз я проявлю к тебе милость и признаваю тут не виновать тебе двадцать пять плетей. Выполняйте Гаврилов.

Отку сразу не спустили штаны, перешагнув через острое седло и отпустили с протягом двадцать пять, а через пять минут после порки застали с окровавленной задницей сесть в седло и продолжать охоту за "фасанами". Так они презрительно называли китайцев.

Приблизилась зима, длинная и холодная. В двадцатых числах октября выдал неглубокий, верста на четыре снег. Это уже давало возможность привезти на санях дрова и сено. К зиме мы в наших условиях приготовились неплохо, в доме - комната, кухня и спальня были хорошо утеплены и разместились мы в них удобно и свободно, - отец, мать и сестренка Нина в спальне, Толя и Груша на большой русской печке, а мы в четверых, - Александр, Владимир, я и Антонин на сооруженных в кухне нарах. Против прошлой зимы, которую мы прожили в доме Нороза - это казалось нам просто роскошью. Руби вети у нас было сверхкостаточю, поместили мы бочки и корыто с рыбой в будке, а ягленку сложили на входе дома. Дом наш был покрыт снопами, ширей, который растет здесь как камыш в рост человека. Такая крыша была легкой и непротекшей. Для картошки в кухне дома выкопали погреб, сделали в нем из корыей сруб и пол. Для навоза "серого" сделали навес стены которого плотно обстали шерстью, которые постоянно приполагали обложить для утепления обдурами сена.

Корова у нас не было, ухаживать за ней и доить было никому, а маме становилось все хуже и хуже. А как нужно было это молоко личной ей, больной, туберкулезной. Да и нем его очень хотелось. Отец парализованно доставал молоко, но из крышки ей доставалось очень мало, она как-то незаметно ухитрялась отдавать его малышам. Все видели, как свое молоко она отдает детям, но молчали, мать всегда своим детям мать.

Теплое и голодное было наше детство в Волочанке, да разве только наше?

Ждали, как только станет льдом Амур, ехать чуть не всей Волочанкой на лошадях в Хабаровск. Нули почти во всех давно уже не было, некоторые семьи забили какой вкус и запас хлеба, пытались только рыбой да картошкой. Нужно было каждому запастись не только нулем, но и маслом бобовым, крупой, персиком, спичками, нитками и другой мелочью. За лето все произносились, побороздились, нули были в кожане штаны и рубашки, нулю было и другое тряпье, чем бы можно было пошить заплатки и заштопать дыры.

Ехать в город соборались многие, но у многих не было за душой ни гроша, а гривенник обязательно был нужен, чтобы уплатить за ночлег себя и лошадей содержателю постоялого двора на нашем базаре на Плеснинке. Вся надежда была на переселенческого начальника, у которого нулю было любыми средствами вымолить из податочной на второй год сотни переселенческой копейки хотя 25-30 рублей.

Как-то ранним утром по хорошему морозу принятый к нам на окошечной легенькой конюхе Петр Петров. Не успев переступить порог и произнести приветствия, весь радостный и сияющий схватил в охапку Александра и покружив вокруг себя заорал:

- Ну Александра, паря зараза ты стал! - Где отец?

На шум вышел из спальни отец.

- Что это ты, Петр, принятый в такую рань и так расшумелся?

- Да как же не шуметь, Василий Трофимович? Радость то такая. Нашему подкустанку с первого сентября положено иметь писаря и я уговорил брата и Балашина взять писарем Вашего Александра.

- Да, вести действительно приличные и если они увенчаются успехом, будет не плохо. Вот вопрос, как Александру с этим справиться.

- Чему там справляться Василии Трофимович? В прошлом году брати сам эти журилы вел и охотило.

- Ничего papa, - сказал в свою очередь образованный Александр. - Съездим вместе, посмотрим эти журналы, ознакомимся с положением и обязанностями полустанка, объясним, растолкуем и дело пойдет.

- Съездить то мы съездим, но меня интересует другое. Почему, Петр, твой отец отказался ниче вести эти журналы.

- Отец и не отказывался, но раньше писарь был не положен нашему полустанку и за ведение журналов деньги не платили. А кто знает? Может писарь давно у нас числится и за него там какие-либо из начальств и деньги получал, но у нас его не было. Теперь когда писаря нам дали Балабан не хочет, чтобы батя получал за него жалованье, а настаивает, чтобы был настоящий писарь. Я подпергал Балабана с той целью, чтобы взять писарем Вашего Александра. Батя на меня и сейчас злой, что эти деньги не пойдут в его карман, но хвастит с него тех, что у него есть и тех, что он получает. Удите, они оба придут и Вам поговориваться.

- Ну, что и, заранее тебе спасибо, Петр, за проявленное к нам заботу и товарищеские отношения и дружбу к Александру. А счетоводство на полустанке мы наладим.

- Спасибо и от меня тебе, Петр, за проявленное внимание ко мне, а пока в ноябре я поохочусь а перебежусь с Андреем и его ребятами. Вот только не нравится мне их варварский способ и охоты и рыбальства. Настраивать на троих зверя самострелы - это и лихо и опасно для самого человека. Не и критичнее снасти тоже варварство. Я убежден, что таким способом больше портит и лишу уничтожат зверя и рыбы чем добивают. Больше половины полранков и все они бесцельно, без пользы гибнут.

- Брось, Александр, такие разговоры. Какой же ты паря охотник, люби зверя жалеть? Что он и зверь, чтобы его жалели. Вот придем к нам на полустанок, мы с тобой настоящей охотой подвайшимся. Лисица на колах погоням, снотов в горах побудим, куленок на колоннах насторожим и поохотимся съездим на холоду. Развернем паря настоящую охоту, не то что с твоими гольцами.

А теперь паря давай похвастай, что ты с гольцами уже добил.

- Сейчас я принесу - вызвался Владимир, - и выслушал из леса.

- О, о, четыре колонна и снот. Маленько, но шкурам лобрих. Знакомый купец из Ирги по весте, а то и по семь гривен даст за шкуру колонна, а за сноте и два с полтиной отдадут. Давайте я

вашу пушнину быстро сплавало, а лучше я сяду к вам самого купца пошло. Только не пролезаете, катанец плут и кот добрый, а ваша пушнина верных пять рублей стоит.

- Посылай, Петр, посылай. У нас, и у других мужиков есть пушнина. А мы, кстати, собира^{сь} в горы. Ведь мы у кого, ни муки, ни крупы, ни масла. Да и пробылилось все, пушнина и теплая одежда и обувь. Мужик деньги и немалые. Прокать пушнину было бы сейчас в самый раз.

- Нет, папа, положенков можно прокатить, а енота я хочу оставить себе на банку.

- Да начто тебе этот енот? Мы с тобой добудем еще пушнее этого, а наши бабы сошьют тебе шапку сам забудешься.

- Хорошо. Согласен. Деньги действительно для поездки в горы нужны, а банку отложим до следующего енота, да и охота вся еще впереди. Завтра же отправляюсь к Андрею, там с его ребятами кое-что добудем или "зададим" как это называют наш уважаемый Петр. Все это я могу сделать, если ты отец удовлетворишь мне на недельку свои заданья, теплый шубник и банку. Обещай через неделю явиться с новой пушиной.

- И со шкурами и блоками, - сказала мама.

- Твое верно, мама, но с ними охота полегче чем со зверем. Там постараюсь заглянуть к своей красавице в стойбище Улукто, возможно обещанные мне улты, чулки и рукавицы уже готовы. К тому времени, то есть через неделю ты, Петр, а присылай своего купца в Волоочевку, пушнина тут для него найдется порядком. А теперь скажи, что это за Ирга, где находится этот твой купец-катанец?

- Вот паря будем писарем, обязательно съездим, да и не один раз и нам в Забелово, а там сам увидишь Иргу. Да и девки у нас в Забелово красивые, а в Дуговой и того покрасивей. Съездим и в Дуговую. Только девки у нас ведь казачки и казарили они будут являться с мушкетом. Разве вот скринку привезем, и чуба у тебя казачьего нет, а без чуба какой ты казак, они и смотреть на тебя не станут.

- Постой Петро! Какой же я мушкетер, я ведь учитель.

- Ну и что ж? Был бы казак, да еще учитель, все бы бросались на тебя, а так, кто знает.

Теперь об Ирге. - Мы мушкетеры казачки охраняем кордон. Мур является границей нас и Китая. Все наши казачьи станции стоят на левом берегу Мура, а правый берег уже не наш, там Китай. Наш

станции Забелово и Агутова самые крайние вниз по Амуру. Дальше и Хабаровску тоже по Амуру — Верное-Спасское, Никно-Спасское, Владимирово уже пущатые деревни. Дальше за Хабаровском по реке Уссури уссурийские казахи, они тоже охраняют кордон. Их станции стоят уже по правому берегу Усури, а левый весь китайский. Я у них бывал, купил в достатке. Против нашей станции Забелово на другом берегу стоит китайский город Ирга, по-китайски он называется так-то иначе. В этом городе и живет знакомый нам купец-китаец. Он в Ирге имеет свою большую лавку. Хотя и строго запрещено ходить за кордон, но мы по делу ходим, добываем и мы с тобой Александра в Ирге.

— Наобещал ты мне дружище целый воз и маленькую тележку: — и пшарем на полустанок, и лисац даватё, енотов шпать, а разорать поря я противник, и козелезать на холодуу и, наконец свозить в Забелово и за границу в Иргу. Когда все это придется делать и сколько для этого нужно свободного времени.

— Найдем паря время и дни и недели. Будем охотиться столько, сколько нам будет нужно. Прогонная почта бывает примерно один раз в неделю. Одну неделю гоняет Баллаби, вторую мы. Если случится какая-нибудь не очередная оказия, выполнят ее и без нас. Батя у меня добряк, все сделает сам в наше отсутствие. Баллаби тоже добывает зверя, а почту за него гоняет его родичи. А своего брата не разденай, я сегодня же вечером привезу тебе на время охоты свои иччи, под — лавку и старенькую шапку. У меня пока валяются они без дела.

— Спасибо, Петр, спасибо, за твою заботу, когда-нибудь отплачу тебе тоже добром, а теперь попрошу тебя передать купцу — китаюцу пусть когда будет ехать к нам привезет лично для меня, лент разного цвета аршин пять-шесть, ниток цветных для вышивки орнаментов одесда потилов десять, штук три гребенки для волос, одну или две надине трубки и фута три конфет, рассчитаешься с ним пушиной. Это мне нужно для девушки гольдечки, которая шьет для меня унты, меховые чулки и рукавицы.

— Вот тебе раз. Сам собирает вооруженное войско против купца китаица эксплуатированного и обманного гольдечки и тут же сам лезет в кабалу к купцу-китаюцу? А друг это тот самый купец с которым ты собирался возвезать?

— Пусть он будет хоть дьявол с рогами, а я ему продам за лент — свой товар и куплю за лентым его товар. Кредитов никаких. Да мы и не гольды.

После этих разговоров Петров уехал на подустанок, а вечером обратно прикатил на коньке и привез обещанные яловые ичиги с длинными голенищами, меховую поддевку и шапку.

Все это было немалого значения для Александра, но нужно было радоваться и этому.

С охоты Александр явился навестить день грязный, промокший дном и с отмороженными и вздутым носом, но радостный и веселый. Радовался он по нескольким причинам. Первая из них: — в растапливание раньше с Машкой и Ванькой кулени попало на его дном три колонна, а под настороженным брезном оказался задавленный барсук. Рыжую лису он подстерел на приваде и убил с руки сам. Охота оказалась удачной. Вместе с своей пунинной, он принес две шкурки енота валятых у Андрея для продажи. На вырученные деньги Андрей просил привести из города пуда два чулки, пороку, сапуну, готовый крупный дробь, листового табаку, спичек и если останутся деньги, — бутылку водки и ребятам сахару. Китайцу-кушшу просил не говорить, что это его Андрея еноты. Кроме всего этого Александр принес большого глухаря, четыре тетерева-косача и штук пять крупных линков.

Вторая причина: — у Машки от митя головы с наваром трав и кореньев бабик Тихонович начал сходять с головы лыдай и прекратился зуд, но нужно хотя бы с месяц жить рядом с Машкой, чтобы заставить его мить голову хотя через день. Я строго предупредил и предупредил, если не будет мить голову так, как я ему объяснил, лыдай покроет всю голову, все волосы вылезут, будет при этом сильная боль и нестерпимый зуд. А с голым черепом ни одна девушка даже на него не посмотрит. Я со своей стороны прекращу к ним ходить, не стану с ними дружить и хлопотать, чтобы вернуть их мать. Ваньку просил наблюдать как он мьет голову, а потом сообщать об этом мне. Думая эта угроза поможет. Вот поеду в Хабаровск, специально зайду в больницу и посоветуюсь по этому вопросу с врачами.

Третья причина его радости в том, что все они и Андрей, и Машка, и Ванька уже запомнили по 10-12 букв и начинают: — папа, мама, Маша, Ваня. Прилежный всех, с большой радостью и желанием занимается Ванька. Беда в том, писать не умеет. Обязательно нужно в городе купить с десяток букварей и графельных досок, а я вполне смогу здесь в Волочаевке желать учиться.

И в последнем — четвертом радовался тому, что по сообщению

Мини, девушка в Улике уже сшила и приготовила обещанное и, идет заказчик. Только сшила не ути и торбоса из шкурки ног изюбра и косули, но это, по словам Мини, много лучше и красивее.

- Ну и почему ты все это не принес? - спросили мы хором.

- Просто постеснялся без обещанного подарка, вернее оплати идти за вещами, а то чего доброго подумают: "обещал мол, болтун, хвастал, а явился ни с чем". Вот принесет китаец заказанное, а нет, купим в Хабаровске, тогда скожу и принесу.

На следующий день после прихода Александра от Андрея, Петр действительно сам привез на развалках купца. Купец оказался расчетлив и прелез не только заказанное, но много больше для всех жалая - ших, - синей китайской дабы, цветной сарпинки, других разных товаров и вилосных жестяных баночках спирт. Купля и продажа состоялась на обшдно выгодных условиях. Оставшийся не проданным товар, китаец предлагал взять у него в долг с последующей оплатой, но сразу залезть в долги никто не пожелал.

Все продавшие пушнину, кое-что купили и у купца в основном добу и сарпинку, а некоторые взяли и по баночку спирта. Оши только Туна ничего не купил, оберегая деньги на рубле.

В город решили ехать дней через десять, когда хорошо установится ледовая дорога через Амур. Вреия хватало еще поохотаться и скопить в Улике за заказом.

Денег у нас скопилось уже порядочно. Из работанных нами с Владимиром на рыбалке и Александром на охоте, не считая затраченных на покупки у китайского купца, - наличными оставалось еще 15 рублей. Этой суммы было вполне достаточно, чтобы ехать в город за мукой, крупой, маслом и пр. К этой нашей сумме отец вероятно тоже что-то имел из старых сбережений в налички, к тому же предполагал получить какую-то сумму у переселенческого за счет ссуши.

Перед поездкой в город было получено предписание Макару Семеновичу Волочаеву и нашему отцу явиться 25 ноября в Хабаровск, в канцелярию генерал-губернатора. Было понятно, что этот вызов связан с организацией Тунгусской волости. На это число были вызваны все старосты левобережных, заамурских деревень, - Покровки, Вязи-мировици, Николаевки, Ленивки, Волочаевки и других.

Так оно и получилось, из Хабаровска отец приехал утвержденным волостным писарем. Старшиной был назначен замяточинский покровский

житель-ширик Крайнов. Крайнову и отцу было поручено в течение декабря поискать и подготовить в Покровске подходящее помещение, получить из Хабаровских ведомственных организаций требуемый инвентарь, канцелярские принадлежности, разные сметы, инструкции, положения и правила ведения дел с тем расчетом, чтобы с первого января 1940 года Тунгусская волость была утверждена губернатором области — чести и волостное правление приступило к своим обязанностям. Малозанье волостному писарю было назначено, кажется, 30 рублей в месяц и отцу предстояло перебраться жить в Покровку.

Все раньше, как только Александр привез из Улино несколько — по красивее, отороченные разного цвета мехом торбоса, меховые чулки и еще красивее охотничьи, тоже меховые рукавицы и в придаток еще две пары чупей из рыбьей кожи, к нам приезжали Балабан и отец Петра — Петров старший договариваться о работе Александра. Договаривались в основном с отцом. Сказали: что им писарь на подустанок утвержден с первого декабря, в его обязанности входит вести путевые журналы, вносить и все остальное счетоводство. В свободное время его могут использовать как ямщика в прогонах с почтой. В последнюю ямщику выдается тулуп, валенки и рукавицы. Малозанье 9 рублей в месяц, а питание, — был бы хлеб да картошка, а мясо и рыбу добудут сами.

Договорились, что вместе с Александром первого декабря придет на подустанок и отец. Там познакомится и разберутся с делом. На этом и закончили.

Перед отъездом мать угостила их рыбой, с картошкой, а отец вынул им по чарке водки. На вопрос откуда у отца водка, отец сказал, что купил для настоящих лечебных трав у купца китайца, приезжавшего в Волочеевку закупать пушнину. Поинтересавшись они спросили надать им не разведенного по полному стакану, а для через два-три Петра привезет целый банчик. Отец их просьбу удовлетворил. Они не разводя спирт выпили и только кричали. Петр действительно в экстазе привез полный банчик стаканов шесть спирта.

После их отъезда Александр сказал:

— У меня сейчас такое настроение, что все хочется чего-то нового, чего-то большего. Хотя бы познакомиться с этим счетоводством или другим каким-либо делом. Не плохо будет поездить ямщиком, а там вдруг вместо настоящего барина залезет в кошелю некра-

совский Михаил Топтыгин. Да и поговориться на лошадах за лесами и попользовать тоже ново, но что эти 9 рублей. Впечатления большие, а заработок — пшик. Я бесспорно больше добуду на пушнине, если уйду к Андрею или к Гольдам в Улино.

— Что то тебя, сынок, тянет в эту Улино, — сказала мама. — Не эта ли девушка гольдячка? Смотри, Шура, не наделай глупостей или других неприятностей.

— Да нет, мама, тянет меня совсем то, чего ты опасалась и никакая там девушка, а увидеть еще неизданное, узнать неизданное и научиться неумелому. А потом эти Гольды совсем не дикари какими мы их представляем. У них, правда, нет своей письменности, они неграмотны, незнакомы с нашей цивилизацией, культурой. У них все первобытное, все от самих себя, от окружающей среды, — просто дети тайги, дети природы. Но сказать, что у них вообще нет культуры, было бы неправильно, неверно. Есть у них культура, но своеобразная, первобытного человека, возможно она еще от каменного века. Но она достаточно умна, большие умелы, честны и госте — приемы. К тому же дружный и справедливый народ. Беда в том, что они одурачены, обмануты, закабелены, ограблены и запуганы разного рода проходимцами и дельцами и все это при помощи спивания их спиртом.

Возьмите эту девушку из Улино, — это чистейшего кристала существо, но она неграмотна, не развита и далека своих местных понятий, обычаев, лесных звериных наук ничего не знает. А дайте ей образование. Если бы она вместе со мной окончила учительскую гимназию, да я уверен, она была бы умнее всех нас и бесспорно в 1909 году была бы первым нашим вожаком.

— Ну хватит, сын, хвтит, а то ты он куда уже ~~хвтит~~ ~~хвтит~~. Вопрос сейчас стоит не о культуре гольдей, а о твоей работе на полустанке. Пойми одно, наступает длинная и холодная зима, ты еще ее не знаешь, а мы уже испытали. Нужно как-то разумнее ее пережить. На полустанке, да и в поездках в тудупе и валенках будет много уютней и теплей, чем у Андрея в фанзе. А поохотиться ты и там при желании сумеешь, да и не пешком, а на лошадах. Слышал ведь как эту охоту распланивал здесь Петр.

— Да разве я отказываюсь от работы на полустанке, я просто делюсь своим мнением об этом народе. Потом, я ведь вам еще на

рассказал как меня встретили в Улике, как вручали мне торбоса и рукавицы и как там были рады моим подаркам.

Андрей за мои подарки: добу, табак и спички подарил мне вот эти из рыбьей кожи олочи и наколеники. Их надевают поверх броя, чтобы предохранять от протирания коленок, а его ребята дали мне вот этот пучок легкой, мягкой и не пропускающей мороза травы. Эту траву ровным слоем укладывают в слочи, совершенно босой ногой обувают и в любой мороз идут в них на охоту или рыбалку. Говорят, что ноги теплее чем в меховом чулке. Трудно поверять, но я попробую.

В Улике мы поехали вместе с Андреем, а его ребята Мишка и Ваньша остались проверять настроенные на зверя снасти.

В Улике нас встретили с радушием и после предложенного нам курицы, угостили горячим и крепким чаем заваренным лимонником и традиционным пиклом. Во время нашей трапезы девушка ненаходила себе позой, то выскочит вся зардевшаяся из фанзы, то обратно войдет, то возьмет на печурке чайника и вольет нам в еще недопитые чашки чай, то подбросит в печурку дров и так без конца. Оказывается ей предстояло вручить мне свои вещи, вот она и беспокоилась, стеснялась и краснела.

После чая мать назвав девушку: Уне, Оне или Таня, что-то ей сказала. Таня взяла с нар приготовленные торбоса, чулки и рукавицы, подошла ко мне и коверкая русские слова сказала: "это Цурка моя подарил, бери хода охота" и сунув их мне в руки выскочила из фанзы. Я как только познакомился с Андреем и его ребятами назвал себя Цуркой, вот они все меня Цуркой и зовут.

Мать девушки, что-то кинула, она красная вернулась назад. Я подошел к ней, взял ее обе руки и крепко пожав сказал: "Спасибо Таня, спасибо красавица", и так мне захотелось ее поцеловать, но я сдержался.

— Ой боже, — вздохнула мама, — надо же такое. Горе мне с тобой Цурка, да и только.

— Не вздыхай мама, все обошлось хорошо, а что захотелось поцеловать так, что поделать, молодость везде одинаково испучая и бурливая.

Так вот. Пожав ей руки я взял свой мешок, достал ленты, распустил их и повесил на ее плечо, передал ей в руки кусок цветастой сарпанки, все нитки цветной нитки и на верк всего этого положил

ей сверток с конфетами. Гребенку воткнул ей в волосы. И, тут уже не удержавшись, чмокнул ее в щечку.

- О боже, - опять вздохнула мама.

- Да не беспокойся, мама, ты ее не падала, а уважать обяза-
тельно любишь.

- Ну вот. Чего еще не доставало. Сам порядком не знает, ни
никто в глаза не видел, а он уже в любимыи порочит. Я Пура за-
мечаю, ты в последнее время, что-то совсем теряешь рассудок. Хо-
ти бы ты отец вмешался в это дело.

- А чего мне вмешиваться, он ведь у нас не малетка, и во всем
разбирается не хуже нас с тобой. Не бойся, голыщичку в невестки
не приведет. А потом, пойми сама, разве девушка голыщичка пойдет
за русского, да и родители ее этого никогда не позволят. Пусть
поиграется, побалуется, полюбится.

- Правильно папа, правильно, а отчего мама так дрожит и так
бонтоя, переживает, - я и сам не знаю.

Так вот. После того как я вручил девушке все мои поварки, я
подсел к ее матери и положил ей на руки второй кусок сардинки,
мелкую трубку со стеклянным мундштуком и голыщичку гребенку.

Кусок любви, табак, трубку и спички я положил перед сидящим
стариком отцом.

На какое-то время воцарилось молчание, потом на своем языке
заговорил Андрей. Отец, и в особенности, мать девушки сама беспре-
ривно, как заведенные машинки качали из стороны в сторону голо-
вами.

В это время зашли видимо из соседней фавы две женщины, одна
из них на вид постарше присела к матери, а другая совсем молодень-
кая присела к девушке - Таня - Таня и, сразу же в такт козыряя,
зачапали головами.

Что говорил Андрей я не понял ни одного слова, но по его
состоянию было видно, что он говорит с каким-то возмущенным чув-
ством и убеждением. Потом повернувшись ко мне он сказал:

- Сначала Пура наша понимала тебе хорошо люди. Наша говори
вся тарика тебе давала мале-мала Пушкин, твоя игая купеза дава-
ла наша мале-мала товар.

Тут уж я хорошо понял, что толкует и предлагает мне Андрей
и сразу же какое-то чувство уважения к этим людям за их желание
сделать мне добро и в тоже время какое-то чувство к ним

обиды за их наивность, легкомысленность и беспечность так легко задевать в носовые пути и вновь замбалать себя равносильно тому паразиту купцу-китайцу. Всей душой запротестовал, и сказал:

- Нет Андрей! Это преступное и черное дело и ты его мне не предлагай. Не вздумай об этом советоваться и со своими стариками. Никакой ващей пушнины мне не нужно и никаких товаров у меня нет и не будет. Я не купец, не паразит и не обманщик. А эти небольшие вещи, что я сейчас вам принес, я их сам купил за свою пушнину у купца-китайца, чтобы отблагодарить вас за ваше ко мне уважение, а красавице Тане за ее труды и подарки. Спасибо тебе Андрей и таким ребятам за дружбу и доброту ко мне, за то, что учили меня добывать рыбу и зверя. Спасибо и тебе красавица Таня за твои подарки. Приглашаю тебя и нам в Волочаевку в гости. Обязательно выбери время и приезжай, сходи на нашу вечеринку, я там сыграю на саксофоне, а наши ребята сыграют на балалайке и бубне. Посмотришь как танцуют наши русские девушки, да и мы с тобой станцуем на пару. Спасибо и твоим папе и маме за гостеприимство и уважение ко мне. Потом еще хочу вас просить, чтобы вы никогда больше не говорили и не предлагали мне то, что сейчас предложил мне Андрей, а иначе я ни к вам, ни к Андрею больше и не понаюсь.

Мой взволнованный и серьезный протест, они хотя и не полностью но поняли. Первым поднялся Жозеф Жанза, - отец Тани, положил ко мне, крепко обними руками пожал мою руку и произнес: охко Пурна твою молодца люди. Улико коли много и еще много раз, иша тебе шибко уважай. Мама Жанза тебе Жанза. Потом положил Андрей, положил свою руку мне на плечо и сказал: - Сердился Пурна охко нету. Моя хотель тебе мал-мала уважал, хорошо делала, а товарищ мой, Миша, Ванька сегда буду. Мол Жанза сегда тебе Жанза. Встала мать Тани молча прижала мою голову к груди и обратно села. Вскочила Таня, молча поклонилась и выскочила из Жанза. Я еще удержался, чтобы не послезавать за ней.

Вот так меня встретили, приняли проводили у Андрея и Улики.

- Уж больно ты расхваливаешь своих голдей. Хотелось бы увидеться и познакомиться с ними. И красавицу твою не махало бы посмотреть. Андрей и его ребят мы хорошо знаем.

- Ничуть я, папа, не преувеличиваю. Они действительно такие и есть.

В Хабаровск за покупками ездили Александр с отцом, а всего из Волочановки ездило поездов десять. Пробили в поездке четыре дня, — два в пути, а два в городе. Отец ухитрился получить 50 рублей переселенческой ссуды. Получали ссуду и некоторые другие. Было куплено все нами намеченное и в добавок купили Александру полушубок и шапку, Владимиру валенки и теплый ватный пиджак, маме бурки и большую теплую шаль. Всем остальным материал на штаны и рубахи. Мама имела ручную швейную машинку и сама нас обшивала. Александр купил несколько буквелей и грифельных досок. Андрей купил и привез все им заказанное.

Лука все же осуществил свою мечту и купил себе пробное неполное ружье и требуемое к нему снаряжение. Теперь Илья, Лука и Александр надев крупную картуш готовились охотиться на ходовую козу. Первым выходом на охоту им подфартило. Окружив на редке в районе Комариного озера две стайки косуль, они убили четырех штук. Илья подстрелил большого козла, Лука двух косуль и одну Александр. Это вскружило им головы и они увлеклись охотой.

До первого декабря Александр успел несколько раз побывать у Андрея и осмотреть свои кулени, несколько раз сходять с Ильей и Лукой на ходовую козу.

Время неуловимо двигалось вперед, наступил декабрь. За Александром первого приехал из подустанка Петр. Несколькими днями позже на почтовом уехал в Покровку отец.

Глава двенадцатая.

АЛЕКСАНДР и ПЕТР. СЛЫХ

Еще в начале октября у меня начали ныть ноги, а потом со
отрешной болью распухли колени и суставные косточки у ступней. В
ноябре я уже на ног не только ходить, но даже приподняться с по-
столи. Это отзывалось на мне кетовая рыбалка, когда я босой зале-
зал поглубже в воду топить грузила. Больного и совсем немощного
поместили меня на носила теплую русскую печь, но от невыносимых
болей я не находил места себе и там. Колени и другие суставы
ног с каждым днем распухали все больше и больше и превратились в
спинные шары. Я уже не мог двигаться и на постели. Так я пролежал
почти недвижимо с ноября до мая следующего года и если бы не
бывший сахалинский каторжанин Ларюнушка, как мы все его звали,
я возможно бы не поднялся и совсем. Но об этом после.

Работать на подстанцию писарем и изредка "гонять" почту на-
прям в то же время частенько ездить с Петром на охоту, а время
для охоты, как и говорил Петр, всегда находилось, — Александру
очень нравилось, тем более, что для него все это являлось опять
новизной. Сам охот, цель и значение охоты у казаков были совсем
иными чем у гольцев. Если у гольцев и других народностей, прожи-
вавших по Амуру, Уссури и многочисленным их притокам, охота и ри-
боловство были единственными источниками их существования и образа
жизни, — то у казаков так же расселенных по Амуру и Уссури на
лучших неограниченных плодородных землях, — основным источником
жизни являлось хлебопашество и животноводство.

Охота и рыболовство являлось для них приятным, причем круп-
ным для их обогащения. Обогащались они и другими способами, ставя
исподу или третьей части китайцам и корейцам землю для ^{Носева} ~~посева~~

ниже под оный который ежегодно продавали заграничной. Занимались также на границе и другой контрабандой.

Охотились также на осеннюю ходовую рыбу в крупных масштабах, убивая сотнями штук и самым дурным образом увозили в Хабаровск на продажу. Рыбину добывали самым варварским образом разоряя норы сига и борсука, уничтожая все их потомство. На лисич разбрасывали стрихнин и взрывные хлопучки-петарды, заделанные в рыбные и мясные приманки. Этими уничтожали не только пушного зверя, но и многих других бесполезных для них зверей и птиц. В некоторых случаях погибал не только проглотивший стрихнин, но и сородич проглотившего стрихнин, и так погибали от одной партии стрихнина до пяти-семи сородичей друг друга зверей и птиц.

Летом в выше месяце они уезжали на лодках в верховья притоков Амура и Уссури на добычу пантов изюбра.

Рыболовством также занимались тогда в крупных масштабах устанавливая заводи ³ перегородкивая устья рек впадающих в Амур и Уссури, вылавливая десятками тысяч пудов ценнейшей рыбы такой как сазан, толстолоб /*миссун*/, куша и другие и так же сбывав в Хабаровск в целых обозах.

На крупную рыбу налуду они на Амура и Уссури устанавливали крачковые снасти, чем немало губила подрывники ценнейшую осетровую породу рыб.

Из всего описанного, трудно определить, что у Амурских и уссурийских казаков являлось основным источником существования, — хлебопашество или вышеназванный промысел.

Кто всему этому они находились под опекой царских властей и пользовались бесконтрольностью в своих действиях и привилегией местной дальневосточной администрации.

Низкой охраны природы и отрубающей среды, никакого надзора и борьбы с браконьерством тогда не существовало.

Наступал ноябрь 1910 год. Весь декабрь был солнечным. Снега выпало еще не так много и гонять на лошадях лошац как об"лосал тогда-то Петр, было во всех отношениях самым благоприятным временем.

В такое время, по малому си-гу лоса любит по марам "маневать". Когда она "мирует", то-есть ловит под снегом мыш и конечно при-гает из стороны в сторону, на ее задану можно залобоваться. В это время она меньше осторожна к себе и на нее охотиться гораздо удобней.

Во всех амурских и уссурийских князках были лошади в основ-ном монгольской породы. Это малорослые, быстрые, шустрные и очень выносливые лошади. Они малотребовательны по всему, и к пище, и к уху и другим к ней обхождениям, зимой может сутками без пищи и в самых тяжелых условиях тащить клаку или бить под всадником не теряя своей резвости и выносливости.

Такие в основном лошади были у Балыбина и Петрова на полу-острове Поперечки. Некоторые из лошадей которых в посадия партают не коренной, а в пристяжку, - особе резвы и выносливы. Их еще двулетними приучали к верховой охоте и они по мерзлему болоту, по кочкам, или на рейках по кустарниковому дубяку и орезинку прыгали и неслись галопом не хуже дикой козуля. На ней можно было уверенно сидеть зная, что она не подрастет, не остушится, не поскользнется, не упадет.

Были у некоторых особо богатых князков в большинстве у офи-церов и другие породы лошадей: орловские крошние рисака, шабалин-ские бакуны и чистокровные вихоходы. Но это элиты, основная масса были монголы.

На таких протученных и верховой охоте "монголах" и шныкали Петр и Александр на охоту. В основном на голыши. На холодную козу удобней охотиться пенни или на лыжах.

Как то в двадцатых числах декабря приехал на легонькой конюше из Поперечки к нам домой с ноченкой Александр и привез два замороженных туши диких козуль, две хороших шкурки лисицы, одного енота, три полонка, фунта четыре барсучьего жира, фунта три сливочного масла и примерно с пуд мороженого коровьего, жирного молока. Мясины туши козуль, вся пушнина и жир барсука - это его самостоятельная и личная добыча на охоте, а сливочное масло, молоко подорок Петровых и Бедныхих женщин. Мороженое молоко как *то* привозил из Покровки через попутных лыжников и отца. Это улучшенное питание болыну ему очень поддерживало.

Когда вечером все улеглось на нарах, а ради такого случая сняли с печи и уложили на нарах я меня, - Александр поведал нам свои охотничьи новости.

- Первым делом нас ребята интересует верховая охота на лыжи и тем более без ружья, но нам Петру как то уже это об"яснял. Правда, он рассказывал это в кратких, но я постарался эту отрасль охоты рассказать более подробно. Главное в том, что здесь получается не настоящая охота, а какая-то азартная игра.

Увидя на болотном болоте "мышую" лису нужно осторожно, чтобы она не учула запаха человека и лошади, об"охать ружьями и окружить ее с двух сторон. В некоторых случаях приходится обходить пока она примерно не выйдет на средину болота. Чем болото болше, чем оно шире меж ружьями, тем болше шансов не упустить лису.

Первым выскакивает на болото тот к кому лиса ближе.

Увидя опасность, лиса пускается на утах к противоположной рейке. Чуть обоклад, навстречу ей выскакивает второй охотник. В руках у охотников не длинный, но очень удобный кнут свитый из шести узких сиромытных ремней. Кнут, чтобы не выровнять надет петлей на кисть руки.

Увидя ^в второго встречного охотника, лиса замечается из стороны в сторону и, тут уже требуется умение угадывать и перехватывать ее лисье намерение вырваться из круга.

Как только она вырвется из круга и пустится на прямой утах к рейке, тут уже требуется от лошади быстрота, а от охотника ловкость догнав первым и верным ударом кнута выбить ее из бега, опрокинуть, а потом уже захлестать.

Вроде все это просто, а в действительности сколько тут требуется ловкости, быстроты, охотничьей сметки и знаний повадки зверя.

Мы выезжали с Петром раз восемь на гон лиси. За ~~эти~~ выезды Петро захлестал пять лисиц, а я вот только две, да и не две, а только одну, а вторую на парус с Петром. В действительности захлестал ее Петро, а я первым догнав чуточку ударил ее и сбил с прямого бега. А потом вовсе и не ударил, а только напугал и она отскочив в сторону замешкалась. Тут я настиг ее Петро и докончил.

- А почему же он отдал ее тебе? - спросил Владимир.

- Да по охотничьему закону кто первым выстрелил или ударил и ранил зверя, того и добыча, хотя после добивал или добивали этого зверя уже другие. Выходит вторая моя лиса не личная моя добыча, а досталась мне благодаря охотничьему закону.

- А почему ты от нее не отказался? - спросил я.

- Да я отказывался, но куда там, - Петро и слушать не стал. Если говорит я нарушу закон охоты, значит я уже и не охотник. Да, потом говорит никто из настоящих охотников со мной и знаться не захочет.

И как то в общед от своих неудач сказал Петру, что у тебя, мол, конь лучший, быстрее и ловчее моего и, что же: в следующую нашу поездку он сел на мой конь, а мне отдал олов. И как только окруженная леса вырвалась из круга и пустилась наутек а мы галопом за ней, Петро уже успел догнать и захлестать лису, а я все еще был сзади него саженей на тридцать, сорок.

Было мне и стыдно и неудобно, что я уличал Петра в нечестности, а он обернулся ко мне и сказал:

- Гонимы у нас Александра обе одинаково хороши и, дело здесь не в лошадях, а в умении ими управлять. Ничего, через время будешь и ты лхон охотник. А что получилось у меня с первой, действительно моей лисой? - Просто стыдно сказать. Когда я ее догнал, размахнулся и ударил, то по инерции чуть сам не вылетел из седла. К счастью, успел ухватиться за луку седла и это спасло меня от увечья. Петро вторым, третьим ударом кнута убивает лису насмерть, а скажет, что и первым, а я не меньше пятнадцати раз махнул кнутом и понятно из них десять раз мимо цели.

Вот такой я пока охотник, но обязательно буду настоящим.

Ну что, можно сказать об охоте на ходоуу козу? Само по себе это тоже бесчеловечное, варварское истребление прекрасного и безобидного животного. Если гоним убивает пару, ну пусть даже пять штук для своего пропитания, - то казак-гуран бьет козла-гурана ^{не} пару, не пять штук, а сотню, полторы, а то и две. И это примерно за один ~~предела~~ двухнедельный осенний сезон, когда коза идет

близинам нашей ширин, одетая в хороший мех из нашей русской территории где она родится и окуливается - в Китай, где зимой для нее видимо больше корма и тепла.

Весной, когда Амур стоит еще подо льдом, она идет обратно из Китая в наши края, на свою родину, чтобы из наших дальневосточных просторах богатых летом всевозможным кормом и теплом - воспроизвести потомство.

Быт ее безжалостно и весной, истощенную, худую, с обмозгой шерстью. Правда, в ^многих количествах, и не потому, что едят, а просто некуда ее сбывать. По существу ее весной не быт, а просто по насту режут ножом.

Что такое наст, мы понятно знаем. - Это ранней весной, когда хорошо пригревает солнце, а солнца здесь его как много, - глубокий снег сверху подтаивает, а ночью при хорошем морозе обратно замерзает образуя сверху на снегу тонкий слой льда. Это и называется настом.

По этому насту когда коза идет не торопясь шагом, она не проваливается, а когда ее пукаешь, она делает сильные прыжки, пробивает наст и коркой морзлого снежного льда, порезает копыта и до костей сдирает с ног кожу и мясо.

Из такого глубокого снега с настом, она раненая скоро выбраться не может, да и куда выбираться, кругом наст. В этот момент браконьер, вернее чеповикозверь и настывает ее и беспомощную с крупными каплями в глазах слез, всаживает ей нож в горло.

- Да это не дикарство! - засрали мы чуть не все разом.

- Дикарство говорите Нет, ребята, это в сто раз хуже дикарства, но говорят, что весной на ходовую все так и охотиться.

Одну, как я уже говорил, весенняя худая и облезлая для продажи негодится, поэтому ее режут не так много, — только для себя.

Потом, какая может быть жалость у казака Гаврилова к козе, когда он на живом китайце поджигает ветный халат.

— Еще в ноябре отец Петра и Балыбин с ошном уехали на саах "возозевать" куда то вверх по реке Урин, а нас с Петром оставили хозевать и заниматься местной охотой. Правда, на полустанке когда они уезжали, я еще не работал, но уже было распоряжение и на меня.

Дежурить за старшиа Балыбина на полустанок приехала на три дни в пелью его невестка Вирсинья, жена сына. Это еще довольно молодая и боная козачка. Петро гзворит, что она не только по хоз. делу, но и на охоте любого козака за пояс заткнет. Она несколько раз ездила с стариком и мужем на осеннюю козовую козу и говорят была козу не меньше тости и куза. Да вы ее знаете, она про-алую зиму, да и летом "гонял" за мужа почти заезжала сады и нам. Это Петро и она молоко и масло организовали для мамы.

Когда она приезжает на полустанок дежурить, мы с Петром от-правляемся на охоту.

Этих двух козубь убил лично я сам из своего дробовика крупной картечью. Шкуры из них я оставил там. Мне в Забеловой их на-делает и сошьет козью подудоху очень теплую, легкую и удобную для поездок. Но, требуется еще третья шкурка, которую я постараюсь добыть.

Петро тогда убил четыре штуки, он мог убить еще четырех, но нам нужно было вывозить на полустанок эти уже убитые. Раныть его со мной конечно нельзя. У него нарезное пулевое ружье типа "бар-

дана". Он бьет на 100-200 шагов и заряжает закладывая, патрон за какихнибудь пол минуты, а я дальше 30-40 шагов уже не рискую стрелять, а сделать подранок и не взять дичь, — это уже преступление. Ведь подранок все равно где-то беспечно погибнет. Потом пока достанешь порох, отмеряешь его меркой, всынешь в ствол, забьешь неполном пин и таким же путем картечь, — походит пять, а то и десять минут, да и шума надоедает, а Петро за это время успевает пять раз выстрелить.

Охотились мы в тот день здесь поблизости в районе комариного озера где еще раньше с Илей и Лукой убили четырех штук. Она и здесь хотя и очень редкими стадами, но идет хорошая.

В следующий приезд Ефросиньи на полустанок, мы с Петром собираемся уехать с ночевой на пару дней куда-то к сопкам Лунку-Корани. Это где-то в десяти верстах за полустанком. Петро говорит, что там несколько сопок и между ними частенько коза идет охотным ходом. За день говорит можно выбить в двоих полтора-два десятка, а старичи и верховых Урии выбит за сезон наименьше два с половиной — три сотни и за два рейса на восьми санях вывезут всю добычу и Забелово. Да вот говорит сам увидишь и побываешь на Урии, да неспе отстрела. Они обязательно вывозить мясо заставят нас с тобой.

Когда все будет вывезено и обработано, из Хабаровска придет обоз лановых битогов Хабаровского богача Тифонтей и все одним рейсом будет вывезено в Хабаровск. Этой охотой заработок и Бадягина и Петрова будет не малый.

— А эта Урия на которой так много убивают козочек, далеко находится от Волочаевки и в какой она стороне? — Спросил я. — Потом кто этот Тифонтей? Что имеет такие большие обозы.

- Нет, Урми не так далеко от нас. Реки Кур и Урми сливаясь и образуют нашу Тунгуску. В устьях их описания находится голодающее стойбище Улике или Улика как называют его Илья и Лука. Правая против течения из этих речек - Кур, а левая Урми входят они далеко в горы. В Улино я бывал три раза, значит я уже видел и Кур и Урми. Но Улике, от Волочаевки будет пожалуй не меньше двадцати верст.

Про Тифонтая, я сам толком ничего не знаю. Петри говорит, что это самый богатый китаец в Хабаровске. Он якобы имеет там мукомольную мельницу, несколько лавок, большой домовой обоз и скупает безделье пушнину. Но всей видимости и этот купчик китаец который обирает всех голышом по Тунгуске, тоже ставленник этого Тифонтая.

Этот Тифонтай говорит Петре и в Китае, в городе Харбине имеет какие то заводы и большие торговые магазины.

Ну а теперь давайте снять, завтра нужно пораньше уехать на подустанок и готовиться на Ходокун к охотам Лунку-Корани. Потом туда лошадей на санях.

Утром нам Александр поведал, что проверяя свои куленки, они верхом на лошадях съезжали вфензу к Андрею. Дома был в то время один Ванька. Андрей с Мишкой где-то рыбачили на "нахалку". Ванька рассказал, что были у них голыши из Улике и говорили, что девушка Таня и ее отец собирается ехать на собачьих нартах в Волочаевку и привезти "цурка подарка". Я сказал Ваньке, чтобы он передал Таню и ее отцу, что никакого подарка мне не нужно, а в гости я их к себе и тебя Ванька с Мишкой приглашаю. Только приезжайте днем 31-го декабря, перед самым новым годом. Мы, мол, тоже в этот день приедем с Петром из подустанка, на тройке привезем конфет и мало-мало спирта.

Сходим с нами на нашу вечеринку, послушаем наш поэт наши девушки, сыграем и станцуем с девушками.

Ванька обещал все это передать девушке в Умке и постарается тоже прийти с Мишкой.

- К новому году придет с Покровки и отец - сказала мама. - Не до бы к этому времени соорудить для ^дашней какую-то елочку, да вот беда, тут и дерева такого нет.

- Ничего мам, что то придумаем, - и с этими обещаниями Александр уехал на полустанок.

Наступал новый 1910 год. Елочку из небольшого дубка и неопавшими желтыми листьями подрезанными и подравленными ножницами, ^{на} обрадывали и украсили как могли. Елей и других каких-либо хвойных деревьев в районе Волочаевки вообще не было. Отец привез накануне нового года и привез десятка два дешевеньких елочных игрушек заказанных им через покровских жителей, возникших молочные продукты в Хабаровск. Привез большую куклу остротке Мине и еще какие-то свертки. Престные парантши у Александра были и мы нарезали из картона, склеили из бумаги и расукрасили десятка два самодельных игрушек. Из кусочка растопленной стеариновой свечи скатали с десятком маленьких свечек, а ветки и листья дуба обложили ватой и обсыпали мелкой нарезанной белой бумагой. Под "елочкой" установили на вату вместо снегурочки привезенную отцом куклу. Елочку установили в спальне нашего дома.

Петро обещал заказать в Ирге купцу-китайцу полон комплект елочных игрушек и само деревцо елки, но заказ почему-то остался не выполненным.

Не привозили деревца елки и из верховьев Урми, когда ввозили туши убитых косуль. Вторым рейсом ездили за мясом и Александр с

Петром, но вести деревню в тайга без дороги и в такую даль, когда и лошади и люди выбиваются из сил и неудобно и невозможно.

Елочка из дубки была убрана и красовалась в одном углу спальни, но она жалко выглядела против тех елок, которые нам устанавливали отец с матерью в Екатеринбурге да и в Ивано-Вене.

Мы были тогда вообще еще малыши и елки нам казались великанами, обильными снегом, все в огнях с сотнями разноцветных, блестящих, стелющихся, картонных и ватных игрушек, опутанных сверху до низу золотыми и серебряными гирляндами, серпантинном и обильными конфетти. Под ними красовалась дед Мороз с мешком о подарками, и красавица Снегурочка.

Устанавливались они в большом нашем зале в котором было пять или шесть окон, поэтому днем он был всегда светлым, а вечером и ночью с закрытыми ставнями и зажженной лампадой, казался нам самым таинственным загадочным и пугающим.

Вечером перед новым годом елка зажигалась все мы вместе с приехавшими к нам детьми знакомых и взрослыми ходили вокруг елки и пели руководимые отцом:

Ходим мы к Арагуе светлой
Каждый вечер за водой
И кушину наполняем
Мы студеную водю...

Мили:

Ах попалась птичка, отой!
Не уйдемь из сети.
Не расстаемся с тобой
И за что на свете...

После песен и хороводов, четверу из гостей прислуга увозила по домам, укладывали спать и нас, гости /папи и мамы/ оставались шумною толпой встречать новый год. Иногда эта встреча длилась до рассвета.

Ложась спать, все мы обязательно ставили свои шапки под елкой против деда Мороза. Утром чуть свет просыпаясь, тихонько, босиком на цыпочках, чтобы никого не разбудить пробивались в зал и проверяли свои шапки. Лапшада еле морщилась, но хорошо было видно, что шапки наши чуть не полны подарков.

Так же обратно на носочках мы возвращались в свои постели, но уснуть уже не могли до общего всех пробуждения и подъема.

Утром по разрешению мамы все мы чуть не бегом пускались в зал за своими шапками.

В шапках обязательно были для яблока, да апельсина, несколько в красивых обертках конфет, шоколадка, красивый пряник фигурой лошади, желтый фигурой рыбка, несколько грецких и горсть мелких орехов, несколько сухих рожков и обязательно новенькие, блестящие две-три копейки. При всем этом, какое то особо-возвышенное чувство обурляло нас и радости не было предела.

Не часто ведь сразу попадало нам такое большое количество сладостей, тем более от таких добрых и таинственных деда Мороза и Снегурочки.

Да и за копейку можно было выиграть в любой лавке стакан резкого и сладкого с кусочком деда кваса.

Все это было давно, в Кемерово, когда еще не было полных стих гонений на отца, но выполняя традиции родителей, мы и сейчас в Волоколамке соорудили свою дубок-елку под которую тоже в ночь под Новый год поставили свои шапки.

Глава тринадцатая.

Мана.

Александр и его приглашенных гостей из Улики тоже клали под новый год.

31-го декабря примерно в осеннее время заехали в деревне собаки. Заехали и свои и чужие. Это прыгали на нартах и собачьей упряжке гости из Улики.

Прежде они по пути остановились у Волочаевых обогреться, выкурить трубку и выпить кружку чая, а одновременно преподнести хозяевам "подарки" свежемороженой рыбы.

Не прошло и часа как вновь заехали было прыгучие деревенские собаки, а через небольшое время завизжала и собачья упряжка у нашего двора. Следом за упряжкой с криком и воплем мчались с десятка полтора деревенской детвора. Да что там детвора? Из дворов выходили ^ммужчины и женщины. Впервые в жизни виденные собачье чудо.

Во двор встала нарта с впряженными в ней пятью собаками. На нарте сидели двое, — отец Танз и капрал Андрей, всад за ней бежали Мишка, Ванька и Тинз.

Деревенская детвора и взрослые соседи боясь собак толпились и гомонили поодаль стоя на времянке.

Все наши братья из самых уже были во дворе за исключением меня, меня и маленькой Иины. На этот случай меня сняли с печи и усадили на нартах.

Отец вышел навстречу гостям тоже с опаской поглядывая на собак и подойдя к первому уже знакомому нам Андрею сказал:

— Здравствуй Андрей, здравствуйте дорогие гости, прощу к нам в избу и подхожу к каждому здоровался за руку.

Здоровался Андрей ответил:

— Однако мы приехали, Пурка мишка просил.

- Просту и я, проходите в дом.

Андрея мы уже знали, второй старик догадывались не иначе отец девушки Тани, а вот кто из них Тania, кто Мишка и кто Ванька различить было трудно. Все они были в одинаковых кушляках, в одинаковых шапках, одинаковые штаны и одинаковых торбосах. Лицами они походили один на другого, все скуластые с чуть раскосыми глазами.

Привыкая собак к изгороди и бабу вошли вместе с отцом все пятеро гостей. Остальные остались во дворе рассматривая "дыковину" собак и карты.

Возвращаясь не раздеваясь начали одеваться с мамой и со мной сидим на нарах обложенных подушками. И только после того как они обросили верхнюю одежду и шапки мы поняли по обрисовке головы, что это Мишка, по поротенькой юбочке поверх штанов и болыной, черной как смоль косе, что это Тания, ну а последним третьим был поистине Ванька.

Раздевшись и присев на предложенные скамейки, Андрей спросил

- Скажите куда ходил Пура?

При слове Пура, Тания внимательно оглядела всех нас, но взгляд дольше всего задержала на Владимире. Он был чернявый и чуть смахивал на Александра. Чернявыми были и Толя и Гриша. Все четверо были в отца, а я, Антошка и маленький Нина были белобрюнцы - все трое в мать.

Таня была по слухам, по гольдяции красивая девушка. В ней что то было особо привлекательное, мягкое, милое, женское. Правду говорил Александр, как только мама ее увидит, сразу же ее и полюбят. Так оно и получилось, мама тут же расположилась к ней.

- Пура у нас работает на подстанции Поперечка - ответил отец, и он должен вот-вот приехать домой.

Не успев отец закончить последнюю фразу, как во дворе зашумели собачки, заорали ребятняки и раздался звон колоколов.

Витя выскочил из избы Андрей и бросился к собачкам, метавшимся вокруг нарти. За Андреем выскочили раздетыми и все остальные. В это время охота влетела во двор тройка с разноголосным бубенцами на дуге обвитой разноцветными развивающимися лентами.

В большой комнате восседал Петро, а на облучке низко правами лошадыми сидел Александр.

Осадив лошадей и соскочив с облучки Александр, а за ним и Петро подошли здороваясь прежде к отцу, а потом и ко всем остальным. Здороваясь с гостями, Александр представил Петра как лучшего своего друга и товарища.

Доложда к последней Тане, а он был в смитых ее торбасах, он взял ее обе руки в свои руки крепко их встряхнул и сказал:

- Здравствуй Таня, здравствуй красавица! Какая ты уминая, что приехала к нам. Теперь будешь нашей гостьей, а я буду твоим кавалером, и поцеловал ей руку.

Этот его жест не ускользнул от внимания стоявших поодаль женщин соселок, которые не преминули на эту тему посудачить.

Андрей что то принял своим рабитам, те подошли, отстегнули собачью упряжку, а нарти заткнули в будку. Успокоившихся собак Андрей пригласил под будкой, а выпряканных лошадей Александр поместил под навес по соседству с нашим "серик".

Когда вошли обратно все в избу, маме уже накрывала стол к обеду. Зная, что приедут гости, она приготовила хороший обед: борщ с кетой, тушенное мясо дякой посуды с картошкой и киселемный кисель. К закуске была кетовая икра с луком, вяленая рыба и сухое несоленое сало. Отец налил к обеду всем по хорошей рюмке разне-

ленного сапота. Его видели отец, Андрей, отец Тани, Мишка и Ванька. Мама, Александр и Петро рамки только подыняли но шить не стали. Глядя на них не вышла и Таня. Их с удовольствием донесли Андрей и отец Тани.

Обед прошел дружно и весело, гости ели все, но больше налегали на сухое яблоко. Мать посадив рядом с собой Таню усердно ее потчевала.

После обеда, чай и курева ребята подтянули нарты к дверям дома и внесли в избу обильного пудового Стайма, штук двадцать крупных ланков, штук тридцать сигов и примерно с пуд жирного медвежьего мяса.

Поднявшийся отец Тани указывая на рыбу сказал:

- Эта Цурка уся рыба наша тебе подарка. - Моя, Андрей, моя таруха, Таня. Мясо дига Мишка, подарка вся охотник Уликэ. Однако уся хочу говорить тебе много хороши люди.

Таня, красная от смущения как вареный рак, подвела маме красиво вышитые меховые рукавички и подавая сказала: " Тебе маме моя подарка". Мать тут же обняла ее крепко и целовала в лоб.

Потом еще больше красная и смущаясь Таня подарила к Александру и протягивая ему красиво по голышам сшитый из лосиной кожи и красиво расшитый узорами кисет и чуть одишно сказала: "Моя делала тебе Цурка эта подарка". Александр поклонился и крепко поцеловал ее в щеки. Потом подошел к ее отцу и Андрею, поблагодарил и тоже поцеловал их руки.

В дальнейшем в разговорах выяснилось, что у Мишки совсем закип на голове лысая но осталась большой струй падающий вбок отрасли волосам. Отец и Александр обещали посоветоваться об этом с врачами.

Выяснилось и то, что Андрей, Мишка и особенно Ванька уже знают все, или почти все буквы и читают охотами по буковару.

Андрей тут же пожелал продемонстрировать свои знания и с важностью достал из кармана пачку махорки на которой был нарисован пастух и крупными буквами написано: "Махорка пастух" и водя пальцем по буквам торжественно произнес: "Пстух Махорка".

Мы поняв в чем дело - расхохотались до слез, глядя на нас расхохотался и Андрей³ а за ним и все остальные.

- Ну и Андрей, ну и молодчина смеялся сказал отец.

- Не, не чего Андрей - Курка молодчина. Его учить.

От Мишки и Ваньки выучила несколько букв и Таня. Но ей давалась учеба очень трудно так как ребята бьются в Улике очень редко и показывать буквы было некому.

Отец Тани и Андрей рассказали, что охотники стойбища Улике убили нынче трех медведей, одного лося, семь диких кабанов и несколько десятков косуль. Умалаше охотники за соболями и белкой еще не вернулись. Андрей убил острой большой и дорогую выдру.

В свою очередь отец рассказал гостям, что с первого января т.е. с завтрашнего дня будет официально функционировать Тунгусская волость.

Волостное правление организовано в Покровке и, что он в волостном правлении будет работать маленьким начальником. Что все жители по рекам Тунгусске, Куру и Урму, гольды и другие народности будут входить в Тунгусскую волость. Из волости поедут во все стойбища представители и переписают их все население.

- Э, э, не надо однако паниковать. Руски начальники слабо худа. Наша сам лови рыба, ходи охота. Китай купца сам наша ходи, мука, чумиза, табака, пороха, свинец таскай, пушкин меняй. Непа-да наша Тунгуска волость.

- Нет Андрей, так дальше жить нельзя. Нельзя допускать чтобы на нашей русской земле хозяйничали китайцы и другие иностранцы. Все эти реки - Амур, Уссури, Кур, Урм и вся эта земля являются русскими и все жители на них должны подчиняться русским законам. Но вот кто живет на этих реках и на тех землях нужно русскому начальству знать, вот для этих целей и создается новая Тунгусская волость.

Мы из волости будем ходатайствовать чтобы к Вам ездил русский доктор и лечил больных, чтобы летом ходил к вам пароход возил муку, крупу, порох, рыболовные снасти и все то, что вам нужно. Летом нужно открывать русские школы и учить людей грамоте. Все это сразу не сделаешь, но нужно начинать делать. - Однако наши боимся руска закона. Наша гольда своя закона.

Так за разговорами наступил вечер. Владимир вышел во двор и закрыл в спальне наружные ставни. В кухне заглянул висая под потолком на проволоочной подвеске с жестяным абажуром семилпичную лампу. Из за экономии керосина ее зажигали только по воскресеньям и большим праздникам, которых в православной россиянке было предостаточно и их нужно было все помнить, так как календарей в Волочанске ни у кого не было. У мамы были выписаны все праздники из календарей то сданы за несколько лет вперед и этим многие Волочанцы пользовались. Знали наперечет праздники и Матер Семенович Волочанов и Андрей Федорович Силинко. В будние дни у нас пользовались обыкновенным календарем.

В этот момент во дворе поднялся шум и завизжали гольдяцкие собаки. Не успели и хозяйка и гости опомниться как в избу ввалила ватага ржающих ребят и девчат. Почти во всех были вывернуты наизусть полушубки, ранние пиджаки, шапки и меховые рукавицы.

Подпоясаны были концами веревок. Во всех лица были перемазаны сажей. У некоторых ребят и девушек были привешены борода и усы из распущенной и расчесанной конопляной веревки.

Маленький папи, Толя и Гриша с перепугу завопили благими матом, а Таня еще больше перепуганная спряталась за спину мамы. Перепугались и чуть не крикнули под шари Мишка и Ванька. Им знали про ряженых и были на даже рады. У двоих из ряженых были надеты через плечо большие, такие завороченные мешки вместо сумок. Выстроившись в ряд ряженые завопили:

Колял, колял колыбельца,
Лобра с матом няняница,
А присна не апа
Дайте динько пятака,
А вы тятко гроша
колыбля хорона.
Здравствуйте с праздником!
С Новым годом!
С новым счастьем!

При этом двое передних засовывали руки в мешки с маленькими горстями по несколько зерен бросали на стол и на всех нас. Таня было выгнулась из-за спины мамы, но в это время кто-то из ряженых девушек запустил в нее вареной картошкой.

Поднялся отец налил четверем ряженым ребятам по рюмке водки, а мать дала четверем девушкам по мандарину и по две-три конфеты.

К одному из ряженых подошел Александр, что-то друг о другом пошептался и, ряженые ушли поджав за собой собачий хвост. Следом за ними вышел во двор успокоить и покормить собак отец Тани.

- Однако ленив! Чего морда мазать, кричи, крупа бросать?

Нало палка гони, тебе вода даваль.

- Нет Андрей, - это старинный русский обычай. Они пришли не в обиходном, а в веселом, смешном наряде поздравить нас с новым годом, пожелать нам счастья и здоровья. Спасибо им, пусть веселятся.

- Ну говоришь спасибо и ладно, а зачем вода даваль?

В это время вошли в спальню Александр и Владимир. Через проем узели в спальню и усадили на кровать и меня, потом раскрыв дверь пригласили в спальню всех остальных.

В спальне был полумрак, еле мерцала перед иконой искусно оббитой позолоченными выездами - лампада и чуть поблескивали зажженные на алочке-дубке маленькие свечи.

Все это создавало какую-то таинственную, путанную обстановку и ошеломляюще действовало на гостей и наших малышей Тою и Григу.

Все гости, включая и Петра остолбенели. Они впервые видят подобное чудо.

Александр стал у дубка и возмужавшим голосом начал декламировать:

У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том.
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом.
Идет направо песнь заводит,
Налево, сказки говорит,
Там чудеса. Там леший бродит
Русалка на ветвях сидит.
Там невиданных дорожек
Следы неведомых зверей.

Ибушка на курьих ножках

Стоит без окон, без дверей...

"Отом отец, мать и все мы спели: "Ходим мы с Арагве светлой", и несколько других детских песенок. Настроение было возвышенное.

По окончании елочных церемоний и поздравив всех с наступающим новым годом, все вернулось обратно в кухню.

Первым высказал свое впечатление Петро:

- Хорошо наря получалось, очень красиво. Я этого и не ожидал. Не могло бы такую соорудить и у нас в Забелове на потеху бабам и ребятишкам, да вот Александра не только не предложил, но даже не подсказал.

- Да, что можно было предлагать, когда не только мужских украшений, но и подходящего дерева не было достать. А дубок ведь все равно не елочка.

- Однако, ладно, шибко красивый. Сразу хотел и чай и пирта кушать, - высказал свое мнение и желание Андрей.

- Чай Андрей можно, а пиртку отложим на завтра. А теперь Шура сыграй на скрипке, пусть гости послушают музыку. А мы дети поставьте под елочку свои пакли и марш на дачку спать.

Александр взял скрипку, чуть-чуть настроил и полилась то с частыми переборами, то с протяжными звуками черушная музыка.

Попавшиеся в углу видимо от впечатлений елки Мишка, Ваня и Таня, моментально с раскрытыми ртами притихли. В такт музыке качали головами старики голды. Петр облокотившись на стол отдался всей музыке.

Сыграв несколько мотивов, несколько веселых песенок и утирая в последствии трюшак Александр сказал:

- А теперь братва одеваемся и айда все на вечеринку. Одевайся и ты Володя, а шапки свои поставим под елочку когда придем домой.

- А зачеми шапка, елка ставаль? - спросил Андрей.

- Видишь, Андрей, лед мороз которого под елочкой нет и та маленькая снегурочка что стоит под елочкой, очень любит маленьких детей, да и таких ребят как Мишка, Ванька и Таня. Ночью, когда все уснут они лезат в поставленные шапки подарки.

- Однако русски бога дела мороза чумбо хороши люди. Наша голыда бога только сам кумаль. Чего, чего ему дошил и мяс, и рыб и чумиз его только кумаль и все равно злой духа фанза ходи плохо охота делал и много люди болел. Когда шаман гонял злой дух фанза не могу, наше старый бога палка бей, совсем ломаль, вода бросаль и делал новый бога.

а Наша могу ставаль свой шапка ваша бога дела, мороса?

- Не знаю Андрей, - сказал отец. - Лед мороз и Снегурочка совсем не боги. Это русские сказочные и самые добрые любящие детей существа. Они наряженные ходят на большие елки, рассказывают детям сказки, поют песни, дарят подарки. У нас маленькая елка петь песни и рассказывать сказки они не придут, а ночью обязательно принесут подарки.

Попробуйте поставить свои шапки и вы.

Когда начали одеваться молодежь, поднялись и начали одеваться Андрей с отцом Тани.

- А вы зачем одеваетесь? - спросил Александр.

- Как зачем? Наша ходил один компания.

- Да у нас старики на вечеринки не ходят.

- Однако русски барина ходи нету, голыда тарина гибко смотри хочи.

- Ну, что с вами поделася? Тогда пошли все.

Вечеринка собиралась в домике Алексеенко. На этот случай вынесли из дома стол и топчан-яровать, а для сидения установили вдоль стен скамейки и несколько толстых чурок от поленьев.

Когда наши "туляки" подходили к дому Василия Алексеенко, там уже находилось десятка полтора ребят и девушек. Воемных стариков Мишку и Ваньку не смогли уговорить раздеться и они уселись в стороне прямо на полу. Тиня Александр раздел чуть ли не насильно и, тут же к ней подошла Наталья Слинько и усадила с собой рядом.

Сгрудившись в кучу ребята и девушки замепались и живо было слышно как Меланья Комяль проговорила:

- И этой он черномазой и косоглазой грязную дuku целовал? - И тут же с деланным отвращением сплзнула на пол.

- Ну и что такого? Я сам бы расцеловал ее в не руки, а прямо щечки и губки. - Снизая полунапотом посмеиваясь Лука.

- Тыду на тебя бессовестный! - огрызнулась Меланья.

- Тиня ни там. Некорошо? Крикнула в их сторону Наталья.

- Да не буду я Марко, чтоб сегодня я ни не вибав и не поцелува

- Смотри Марко, чтобы опять не вскочила на лбу шипка. - Сказала оменясь Марфа.

Пререкания прервала музыка. Скрипка, подлаженная к ней балалайка и бубен, дружно заиграли гопака и тут же гикнув и подскочив с раздвинутыми ногами начал Василий выделывать свои выкрутасы и кто-то двое из девушек с визгом усердно ему помогали.

Тая с перепугу прижалась к Наталье, плотнее прижалась к старикам и Мишка с Ванькой.

Через небольшое время заиграли на балалайке с бубном обще-

известную полочку и парочками пустяков с притоптыванием каблуков в танец.

Александр и Петр подошли к Наташе и Тане. Наташа подыграла и Петру, а Тана как передумавшая дала колочка бросалась за спину отцу.

Сердитая Наташа чуть не насильно подхватила Александра и закружила его в танце. Таня наловольным тоном спросила: "Зачем ты Пурка привел сюда это козоглазое, грязное чучело и всех этих бусурманов, да еще говоришь, что и грешную у нее лапу целовал?" Александр с чувством глубокого возмущения ответил: "Она не чучело, а такая же девушка как я все вы. Правда, немного диковатая и путливая, но она ведь ничего этого не видела, а что она чище и порядочнее многих из нас — это бесспорно. А кого и как целовать, — мне самому виднее. Потом эти голыди не какие там бусурманы, а порядочные, трудолюбивые и честный народ населяющий таежные реки Дальнего Востока". "Больше учений ты Пурка, поэтому и руки научился лезать?" "Да уж какая есть. Лавой распахнул я твои обе ручки, руки или ручища". "Ну вот, чего еще не доставало? Ида целуй лавица своей козоглазой".

В таких любезностях продолжился их разговор пока не прекратилась музыка и танцы.

Так, в танцах, песнях, хороводах и других играх и прошел вечер пока примерно в полночь не вошел ^{из}избу Василий и пригласил:

— Товарищи, друзья, хлопцы и девочки! Через несколько минут наступит новый 1910 год. Я как хозяин этого двора — хадуин приглашаю всех нас встретить новый год с бокалами в руках. Пожелаем друг другу новогоднего счастья, здоровья и успехов в наших делах.

Находили ко мне братья, только не топись а поочередно. А ты Петра доставай свои часы и как только, тительна в тительну будет 12 часов, - крикнись! С новым годом!

Каждому подходящему он доставал из ветра стакан, фарфоровую глиняную или жестяную кружку и отмерял отдельной стойкой разведенный спирт. Для всех "бокалов" хватало, Пришлось поздравления проделывать в два приема.

Приобретенной водки в склячку хватило ребятам и гостям и по второй рюмке. Некоторые девушки поздравляли друг друга только подливая свои "бокала" но водку не выпили. Таня и боясь и стесняясь не взяла кружку даже в руки.

Захмелевший Марко подстрекаемый некоторыми девушками и явно желая поохмелиться, подошел ^к Тане с намерением выполнить свое обещание, но получил пару нужных слов от Александра, подержанного Дюзон, Ильей и Лукой, быстро отошел.

Расходилось по домам с песнями далеко за полночь.

Придя домой, все поставила свои шапки вокруг елочки и улеглась спать на нарах. Таню устроили на ночлег и малышке и мне больному на печку.

Утром когда встали из спальни отец и мать, молодежь все еще спала, но старики гости уже сидели на полу у плиты и потягивали свои медные трубочки. Мать боясь табачного дыма, просила курить в открытые дверицы плиты или у роскош. Печки, а еще лучше выйти покурить во двор.

Когда на дворе рассветало и вошло большое, красное, но холодное зимнее солнце, все уже поднялись и были одеты. Слезли с Печи малышка с ними слезла и Таня. Меня большого уже не тревожили, а я от горя, обиды на свою беспомощность и адские боли, -

бесшумно пластал.

- Ну, кажется все в сборе? - Сказал отец. - Иди Володя открой в спальне ставни, да посмотрим, что там нам уготовили дед Мороз и Снегурочка. Когда было все готово, он открыл в спальне дверь и попросил всех войти. Тolia и Гриня трудило было удержаться. Войдя все кто от удивления, кто из снисхожденья, кто со скрытой усмешкой - ахнули. В каждой шапке были подарки: - по два мандарина, по несколько конфет, по два мягких пряника, по горсти грецких и лесных орехов. У шапки Тани стояла кукла-Снегурочка и одной ручкой держалась за край ее шапки. Но, что за чудо, - шапки Андрея и отца Тани были перевернуты верхом и дном.

Отец попросил подходить по одному и брать свои шапки. Когда Таня брала свою, Снегурочка упала, она ее не подним отомла. Тогда мать подняв куклу поднесла к Тане и сказала:

- Снегурочка ночью подошла к твоей шапке, значит она тебя любит. Возьми ее и увези к себе домой. У Тани от радости засверкали в глазах слезы и она прижала куклу к груди.

- Ну старики подходите, поднимите и вы свои шапки.

Андрей подошел, присел на корточки и потихоньку поднял за верх шапку. То же самое проделал и отец Тани и тут же оба закурили головами и зачмокали губами. Под шапками оказались, по полному стакану водки, куску вкалы, по два мандарина и по пачке любительского табаку. Отец курил только покупной любительский табак.

Андрей поднял стакан поднимая, отхлебнул и сказал:

- Одинок пирта.

- Ну что ж. Возьмите свои подарки и пойдете на кухню, там за завтраком выпьете за новый год, за свое здоровье.

За завтраком отец поздравил всех с новым годом, пожелал счастья, здоровья, успехов в труде, охоте, рыболовстве.

После завтрака ребята запрягли тройку, усадили в конюшню всех гостей и Владимира и под звук бубенцов и лай собак тройка понеслась по временке вероты за пень в сторону Дажневки и до Комариного ручья в сторону полуострова Поперечка.

Замерзшие, раскрасневшиеся от быстрой езды и крепкого мороза, но возбужденные и радостные вернулись обратно к нам во двор.

Во время чая и трогательных прощаний отец Тани обращаясь к Александру сказал:

- Тебе Пурка надо ходи Улике, наша люди никто хочи тебе ходила мая мая траляля, рыба ловил.

- Спасибо, друзья, за приглашение и еще раз спасибо. Им какнибудь с Петром приедем к вам на лошадах, порибачим и покушаем нашей строганины.

Прощаясь мама поцеловала Таню в лоб и передала узелок сладостей в подарок ее матери. Таня расплакалась, потом подошла к Александру и сквозь слезы произнесла только одно слово - Пурка. Видимо забыло сердечко тревогу, хотя и уверяют, что у голыдьичи не может быть никакого сердечного чувства в русскому. Кто знает? Сердцу по национальности не подоплавать.

Передавая фунта три листового табака самосада, - отец сказал:

- Это нашим охотникам за подарок мяса.

Закончив пятерку своих собачьих рисунков в карты, гости отбыли домой.

Глава четвёртая

Кубеза

²⁴Потухла длинная, холодная, снежная и нульная от однообразной жизни зима. Февраль оказался самым выжимным и свирепым снежными бурями. К половине февраля снега выпало уже больше аршина. Хотя лес для дров стоял прямо рядом с двором и лесное сено было недалеко, но чтобы их подвезти к дому, требовалось прочищать дорогу чуть ли не донастой. Дров требовалось много. Если русскую печь топили один раз в сутки сжигая пару охапков дров, больше из-за меня и малышей обитающих на ней, то плитку жгли чуть не круглые сутки. Она обогревала и большую пухля и спальной. Дрова были хотя и белой березы, но сырые, тепла давали мало, поэтому их и требовалось в два раза больше чем сухих. Да и серый наш чтобы погреться в эти лютые морозы поглодал сена чуть ли не все за неделю, оставляя овалы себя горы навоза.

^{6 8}Изодневная заготовка дров и частая подсобка по глубокому снегу сена, совсем измотали Владимира и Антонина.

У меня за эти длинные зимние месяцы окончательно распухли и посинели на ногах суставы. От болей я не находил себе места, а когда они чуть утихали, я брался за чтендокламатор который чуть не весь уже знал наизусть.

Как то еще в январе отец добился через волостное правление приезда к нам в Белочашку переселенческого фельдшера. Это был тот же интеллигентный молодой человек, который уже приезжал к нам и заходил к бабушке Тихоновой-Индичихе посмотреть на ее лечебные травы. Остановился я на этот раз он у нашего соседа Андрея Саторо-вича Смилько, у которого были все взрослые и красивая дочь Наталья. Там у Смилько он и открыл однодневный пункт приема больных.

К нам он пришел сам, возможно по просьбе отца, а возможно и потому, что меня нужно было в приемный пункт нести на носилках. Осмотрев мои суставы, он только махнул рукой и сказал, что против такого сильного ревматизма нет никаких средств лечения тем более на дому и, что он договорится в Покровке с отцом, чтобы как только потеплеет, примерно в апреле месяце, меня отвезли в Хабаровскую переселенческую больницу, и тут же высказал свое заключение, что я окончательно безнадежный и меня нужно опраделить на всю зиму на теплую печь. Маме выписал какие то ничего не значащие и ничего не лечащие порошки.

Вместо успокоения и оказания помощи он наоборот наделал переполоха в нашей семье, заявив, что я безнадежный всю жизнь лежащий калека, а у соседей пустил слухом, что наша мама на пороге смерти, не жалея на белом свете так как скоротечная чахотка неизлечимая болезнь. Но в жизни всякое бывает: несмотря, что он своей болтовней причинил нам большое горе и беспокойство, впоследствии он оправдался и стал большим другом Александру и своим членом в нашей семье. Часто приезжая в Волочаевку не столько на прием больных сколько поохотиться, наряду с Александром "похозяйничать" тем более на ходовую.

Ближaily в начале февраля когда еще сильно не встало и не было много снега, к нам в Волочаевку прискакали почти на зимних поездах Александр и Петро. Из их возбужденных рассказов следовало следующее:

Поехав последний раз проверить и снять свои куленки, найденные и другие ловушки они заехали к Андрею. Войдя в фанзу увидели следующую картину: на нарах сидели два полурасдетых неизвестных ки-

тайца, Андрей и Мишка. Ванька сидел за столом положив голову на руки. На столе стояли местный плоский банчек видимо со спиртом, кружки и миска с недоеденной строганиной. Там же лежали куски мяса и мучных лепешек.

Подойдя к столу Александр с размаха ударил по банчку, последний загремев упал на пол. Ванька моментально его подхватил и поставил обратно на стол. Он был почти порожний и спирта из него вылилось немного.

Оба китайца как на пружинах вскочили с нар. Андрей чтото невнятное промочал и только поднял пьяную голову. Мишка даже не пошевелился.

Один из китайцев дико вскрикнув схватил лежавший на нарах китайский топорик и размахнувшись им целил в голову Александру. Ванька с ловкостью акробата повис у него на руке предупредив удар. Второй китаец бросился в угол где стояли их карабины, но Петро вскинув свой карабин на летотовку преградил ему дорогу крикнув:

- Назад, садись, руки вверх!

Все это произошло в мгновение ока, даже не успели с перапугу завизжать собаки.

- Тебе что за люди? - Взглянув на направленный на него Петром карабин - спросил покумавшийся на убийство китаец, выронив из руки топорик и подлив руки вверх.

- Мы здешние жители, хозяева этой земли. А вы кто Разбойники, хунхузы?

- Наша хунхуза нету, наша чесна люди, купеза.

- Кушцы? Нет вы не купцы, а грабители. Оманываете темный награмотный народ. Спавиваете спиртом и отбираете за бесценно

драгоценную пушнину, а за малые долги насилуете и отбираете у них пен.

- Наша грабить, лоровать нету. Пушнина купи деньги и товара.

- А зачем отобрали у Андрея жену? Это же насилие, преступление. Вас нужно арестовать и судить по закону. - сказал Александр.

- Наша ничего не знай, наша работница, охранять хозяин. Ваша нада просиль хозяин.

- Ты вот что Александра, прежде вытаски из их карабинов затворы и положи мне их в карман, а ты Ванька подай сюда его топорик. - сказала Петро. - Так будет безопасней, а потом уже об"ясняйся.

Александр немедленно вынул затворы и положил их Петру в карман полшубка.

Ванька поднял топорик и подак его Александру.

Внимая из карабинов затворы Александр что то шепнул Петру на ухо. Потом подошел к Ваньке попросил его выйти с ним из фанзы.

Видя из фанзы и убедившись, что тут главного купца нет, а эти два пьянчухи действительно охранники купца, - Александр как смог об"яснил Ваньке как ему ну-но себя вести чтобы не было под"рессия, что он настроен против китайцев и поддерживает нас.

- Мы будем Ванька на тебя кричать, ругать, спрашивать, а ты только отвечаи: - Моя ничего не знай, ничего непонимай". А сейчас я буду тащить тебя в фанзу, а ты кричи и вырывайся из рук будто хочешь убежать.

Договорившись обо всем и отойдя подальше от фанзы, Александр схватил Ваньку за шиворот стал толкать и тащить его обратно в фанзу. Ванька упрялся и вырываясь завопил как будто его режут.

Услышав крик Ваньки китайцы насторожились и замолчали. Насторожившись и передернув затвором Петро крикнул.

- Не повелись, сиди смирав, иначе дуку дуку в лоб, руки выше!

Зашакалились и Александр и вопящий Ванька оба двинулись в фанзу. Собаки с перепугу как бешенные выскочили из фанзы и залаяли где то далеко в кустах.

- Хотел бешенок убежать, еле поймал и удержал, - сказал Александр. - А за руку все же здорово тянул, смотри следы зубов остались.

О том, что купец со всей собранной им пушчиной и еще двумя охранниками в настоящее время находится в Улике, Александр от Ваньки уже знал, но притворяясь не сведущим, подошел к забавляющемуся в угол Ваньке и закричал:

- Ты наконец свинья этакая слышишь где причется их старший купец и кто такие эти два китайца?

- Моя познать, моя непонимать. - отвечал Ванька.

- Брось его Александра. Оставь его в покое. Нужно объяснить не ему, а вот этим двум разбойникам-фазанам. И обращай к китайцам крикнул:

- Слышал ходя и понимаю. Я амурский казак, охраняю границу по реке Амуру от всех воров цусской земли, а вы разбойники, хунгузы пробрались на нашу сторону, топчете нашу священную землю, лезете здесь с оружием в руках, грабите, разоряете и притесняете наших людей. Вас следовало бы сейчас арестовать и направить властям, а еще лучше прямо здесь на протопе спутить вас под кол, но мы выйдем с тем, чтобы мы всем другим рассказали, что мы через несколько часов придем сюда человек двадцать, всех вас переловим, выворем и погоним к казачьим властям. Потом здесь по всей Тунгуске установим нашу постоянную охрану.

В те время когда Петро свирепо водя дулом карабина произнес такую внушительную речь Александр надел ему и себе китайские карабины, захватил их топорик, патронташи и вылил остаток спирта на пол. Петро командовал:

- Руки поднимай выше и выходи из фанзы, да не вздумайте бежать, пристреляю как собак.

Выйдя из фанзы и зорко наблюдая за китайцами, сначала Александр, потом Петро вскочили на лошадей. Командовал Александру держать китайцев на прицеле ружейной мушкетки, Петро с влета подскочил к ним и стал хлестать плетью по полуголым спинам и хлестал их до тех пор пока они убагая не свалились под берег протоки.

Вот с такими новостями и явились к нам наши герои.

Чем впоследствии это дело закончилось, затрудняюсь утверждать его истину, но предписание выше все же было и Тунгусскому волостному правлению и Михайло-Семеновскому казачьему округу о том, что такие то вооруженные личности имеющие себя амурскими казаками бесчинствуют по реке Тунгуске, избивают иностранных подданных и грозят им расстрелами.

Видно этот китайский купец-грабитель и насильник был влиятельная личность если данный инцидент дошел и обсуждался в канцелярии генерал-губернатора и последовало такое предписание.

По этому вопросу отец бурно объяснялся с Александром при закрытой от нас двери.

Но как бы оно там не было, в китайских купцов по Тунгуске больше не было. Возможно повлияло здесь то обстоятельство, что с лета 1910 года, Тунгуска начала заселяться русскими селениями. Первая деревня - Архангеловка обосновалась по Тунгуске в 12 вер-

стах от Волочаевки. Потом выше по реке Восторговка, дальше — Паманка и выше них — Русская Улица. А в пяти верстах от Николаевки образовалась Новонаманка.

Из года в год Тунгусская волость расширялась и умножалась населением.

Морозными, ветренными и обильными снегопадами прошли февраль и март месяцы, а поэтому они казались исключительно длинными и нудными. Несмотря на сильные морозы и снежные бури, в доме у нас было тепло и плита почти не гасилась: Владимир с Антоном приспособили широкие лыжи для подвозки дров и таскали их на себе так как снега было серому по брюхо и он в нем загружал по уши.

Денег мы и материально не плохо, даже немного лучше чем некоторые другие волочаевцы, ведь отец и Александр работали и получали денежные жалованья. Картошки у нас было достаточно, рыбы тем более много. Частенько пользовались и мясом диких животных, заготовленным еще с осени и в начале зимы. Две тушки баранины привозили из Хабаровска. Хлеб у нас был постоянно, были коты и скудные, но кое какие приварочные продукты вроде крупы и пр. Иногда даже появлялся сахар, который в больших случаях употребляли "в приглядку". Все это было у нас хорошо, а вот с большими у нас было много хуже чем у других. Мама, хотя и медленно, но все больше и больше чахла, а я лежал на печи уже неподвижный как колода.

Но вот в конце марта с запиской от отца зашел к нам в дом большущего роста но с каким то по детски простым и застенчивым лицом человек. В переданной записке отец писал: "Принимте до моего приезда подателя сей записки. Воздайте ему одинаковые с вами условия. Он в доме и по хозяйству кое в чем вам поможет".

Глава пятнадцатая.

- 196 -

Ларнонушка.

После мамы записку отца прочли мы все по очереди и все одинаково удивились поступку отца. Каждый подумал что ведь нужно такого здорового дядьку кормить, поить, обстирывать и пр. Об'ест он нас окончательно, а впоследствии и 'серого' уведет со двора. От бродяг всего можно ожидать. Да и помощь его не нуждаемся, прекрасно сами во всем справляемся.

Так мы все подумали, но не так получилось в действительности.

С первого дня как то незаметно и витимо против всех своих предрассудков, мы прониклись уважением к этому большому, милому и душевному человеку. Мы как то все сразу поняли и почувствовали, что это свой, очень нужный и чуть ли не родной человек. Лично я о нем души не чаял. Даже уже довольно позже мы все удивлялись - как это мы могли до сих пор жить без такого человека.

Как только мама и все мы прочли переданную от отца записку, он обращаясь ко всем нам сказал:

- По договоренности с вашим отцом Василием Трофимовичем, я некоторое время проживу у вас¹ кое в чем вам помогу. Обременять я вас не буду и надеюсь, что мы быстро привыкнем друг² другу. Меня зовут Ларноном, а по простому, по домашнему зовут - Ларнонушкой. Правда, для Ларнонушки я немног великоват, но так мамы зовут все, так зовите и вы.

- Ну что ж Ларнонушка, раздавайся, если рекомендует тебя ваш отец, значит будь нашим добрым гостем. А там поживем, придет отец и разберется.

- Нет Антоновна, я к вам пришел не гостем, а работником и помощником в чем сумею, а чтобы в крестьянском хозяйстве да начево было делать, такого не бывает. Да делов и у вас непочатый край,

их только нужно найти, да поймай их и истребь их и чему, они сами ползут под руку, только успевай похватывать. Сегодня уже поздно, а завтра посмотрим наше хозяйство и разберемся, что и с чего начинать.

- Никаких больших дел у нас вроде и нет, все делается и поднимается к весне своим порядком. Разве, что новое отец придумал?

- А, а, Владимир Васильевич, большак в хозяйстве. Похвально и очень похвально отзывается о тебе отец. Говорит, что добрый растет хозяин. А нового отец ничего не придумывал. Я уверен, что и старых дел и их недоделок хватит нам с тобой Володи по самое горло.

После ужина перекрестившись в угол, где висела икона спросил:

- Можно ли мне посмотреть больного Илью и если можно дайте снимем его с палки и положим на нары.

Осматривая мои опухшие уже почерневшие суставы и опухшая все мое тело он сказал:

- Плохой, фх какой плохой ты Илья. Трудно будет поднимать тебя на ноги, но постараемся поднять, а там ниче и мае гмиди уже и побегинь, да так учешень, что и не догоним. А вот печка совсем довела тебя чуть ли не до каеки. Пожелтел, так и до чахотки недалеко. Лопольные тебе жариться на печке, поместим мы тебя вот скраешку на нарах и каждый день будем пока выносить хороша одетого на двор, на морозец, на солнышко. С печки нужно переселить на нары и маилей и почае их выворять итрать на двор. На дворе ведь начинается свое брате весна-красна.

А у меня от слов Лармонущи захватило сердце, то остановится, то затрепещет и готово вырваться из груди наружу. Слез речем

потекли из глаз. О том, что меня обещают поднять на ноги, что я самостоятельно сам пойду, даже побегу, я и мыслить не смел. Слова когда то брошенные фельдшером, что я неизлечимый и вечно лежащий на лавке, так врезались в мой мозг, так затуманили мою голову, что никакого проблеска на свое выздоровление я уже и не видел, поэтому эти слова Дарюнушки и пролетели мимо моих ушей. А вот обещание выносить меня на морозец, на солнышко, так ошеломили меня, так обрадовали, что я чуть не лишился чувств и вытирая слезы с опаской спросил:

- Правду вы говорите дядя, что будете выносить меня на двор, на солнышко или только шуткой подбодряете?

- Что ты Илья, что ты малыш! Да разве в таких обстоятельствах шутят? Нет я говорю совершенно серьезно. Обо всем этом уходя сюда к вам мы с вашим отцом все обсудили и согласовали. Он велел передать вам чтобы в этом да и в других вопросах вы мое мнение слушались. Да через недельку-другую он обещал на пару дней и сам приехать.

- А почему же он в записке ничего не упоминает о своем приезде? - спросила мама.

- Не знаю Антоновна, не знаю. Видно он еще и сам не согласовал с своим начальством время своей отлучки. Но он обязательно придет и придет скоро. Об этом мы с Василием Трофимичем договорились твердо.

А тебя Илья с завтрашнего дня сначала по одному разу, а потом по два раза каждый день будем выносить хорошо одетого на мороз и на солнышко. Выносить мы будем только первые дни, а там через месяц - полтора уже и сам выходить будешь. Мама тоже будет выходить с тобой на мороз и солнышко. Это будет тем более полезно.

Потом еще раз проку зовите меня не дядя, а Лариончик. Вот разве для малышей я еще побуду дядей.

После таких разговоров мы улеглись спать каждый со своими мыслями.

Мама долго не могла уснуть от мысли, что это за странный человек? Не успел переступить порог совершенно незнакомых ему людей, не зная ни нашей семьи, ни нашего распорядка жизни и тут же с первого часа встречи начал хотя и любезно, просительно, но в то же время категорически, безоговорочно рассуждать, командовать и чуть ли не приказывать, что и как нам делать и как в тех или иных случаях поступать.

Не спрашивая моего состояния здоровья тем более моего желания, безапелляционно заявил: — "Мама тоже будет выходить с тобой на мороз и солнышко, ей это тоже полезно". Да мне таких приказаний без совместных обсуждений никогда и Вася не делал. Странно, очень странно. Ввалилась неизвестная личность в дом и сразу такое. А может быть Вася послал врача, доктора, специалиста, который по медицинской линии может и приказывать? Так нет, что то не похоже, какой то мушкетер, да и сам заявил, что прибыл работником и помощником Володе по хозяйству. Впрочем увидим что будет дальше, а там и Вася под"едет. Нужно завтра же вызвать из полустана Шуру и написать записку Васе".

С такими мыслями мама и уснула.

Владимир тоже долго ворочался без сна, но думал совсем иначе чем мама. "Не иначе как какой-то прохожиец и бродяга, а то может быть и конокрад. На всех этих троих со всех сторон похожий. Поки-вет, поджираться у н-с, все вымоет, слетит на нашего "Серого"

и будь здоров. Нет, буду крепиться, целыми ночами не спать и наблюдать за ним и, тут же уснул непробудным сном, что еле утром ее ветряной разбудили.

Я действительно не спал всю ночь и блаженствовал на нарах после адской печи. Мне только глубокой ночью когда уже все уснуло, вошли до сознания слова этого странного человека, что помимо выносить меня на двор, на мороз и солнце, он обещал подлатать меня на ноги. Так прямо и сказал: - Пока будем выносить, а через месяц и сам выйдем". Я готов был молиться на этого чужого, но такого много и доброго человека. Мне было всю ночь и приятно от удобства на нарах от чего даже перестали ныть суставы, и радостно от сознания, что я увижу солнце которое уже больше четырех месяцев не видел, а потом через месяц-полтора сам встану на ноги и пойду, пойду, пойду. От всех этих мыслей и переживаний разболелась у меня голова и я от этого окончательно уже не мог уснуть.

Утром как только чуть забрезжил рассвет и все еще кроме меня спали, Ларионуща уже сидел около плиты и тщательно рассматривал сунувшуюся на печурке обувь. Потом обулся, оделся и вышел во двор, а наш наблюдатель за конокрадом преспокойно спал, сопел и думал из носа бульбу.

Когда поздно утром Владимир разбуденный мамой вышел на двор подложить серому охапку сена, Ларионуща уже подгребал и обраскивал в одну кучу разбросанных вокруг примитивной нашей конюшни навоз. В конюшне все уже было вычищено, в лелях лежало свежее сено и „Серый“ был уже напоен.

Приветствуя подхлывшего Владимира Ларионуща сказал:

- Здравствуй молодой хозяин! Здравствуй! А почивать так долго

и вредно для здоровья и вою леску-краску можно не заметить.

- Здравствуйте! На здоровье я пока не обикаюсь, а подниматься в такую рань, пожалуй нет и надобности. Разве напоить Серого и подложить ему сена.

- Как это нет надобностей? Весна надвигается бурно, снег сойдет быстро, а у нас ни единого бревнышка. Настоящую конюшню строить ведь нужно? Не все же Серому мерзнуть на ветру, да и коровенки заводить пора, а где оно стояло?

Сейчас о лошади не беспокойся, она напоена и сена я ей подложу.

Ну и проворный дядя. И чего это он так старается? А ведь я совсем против его мальчишка, а поэтому должен быть много проворней, да вот разлежался длинными зимними ночами, привык дремнуть до обеда. Так и вправду весну проспал. - пробурчал Владимир.

За завтраком Лариончик обращаясь к маме сказал:

- Ты вот что, Антоновна? Собери как, что там есть у ребятишек из обуви и одежины. Пусть будет это и старенькое, мы его быстро приспособим. Им нужно будет почаще бить на дворе, на свежем воздухе.

Для Ильки мы сейчас пойдем соорудить лежак. Я уже присмотрел в нашей третьей недоделанной и пустующей комнате имеется две двери и они пока висят без дела. Внутреннюю дверь можно временно снять и приспособить из нее под домом, против солнышка лежак. Мы ее установим на неширокие чурочки и будет прекрасно. Для тебя Антоновна просто поставим там спалесяку и ты погреешься часик-другой веселыми солнышком.

Вот так поменьшечку и начнем вас лечить, но одним солишком воспоминать не поддаться, нужны лекарства и разные снадобья. Для Ильки, это проза всего, достанем фунтов десять простой, обыкновенной, нагашенной извести и и через пару дней лекарство готово. А для тебя Антоновна нужно другое. Но постараемся сделать что то и для тебя.

- А вы, что, Лариончука случаем не медик, не врач? - спросила мама.

- Нет Антоновна, никакой я не медик, не врач, не доктор, даже фельдшером никогда не был, а вот жил в таких условиях, с такими людьми, что приходилось многое видеть и нужно было многое знать.

- А как же... Лариончука расскажите где и с какими людьми вы жили? - спросил я.

- Расскажу Илька, обязательно расскажу. Вот как только поправился, пойдем с тобой на сенокос косить сено, там во время отдыха все вам и расскажу.

- Ой, да когда же это будет? - вздохнула мама.

- Да ниче и мне в самый сенокос и будет.

Часа через два меня одетого и окутанного одеялами вынесли на двор и положили на приспособленный лежак против солнца. От ослепительного солнечного света, я в действительности, прямо таки ослеп, пришлось руками минут тридцать закрывать глаза пока они не привыкли к дневному солнечному свету.

Морозец был хотя и слабенький, неболезной, но пощипывал отныни от холода и привыкшие к жару мои щеки и нос. Это было до слез приятно и радости моей не было предела.

Посидела возле меня немного и мама так же радуясь морозцу и солнышку.

После обеда Владимир, Антонин и Лариса ушли в ослиный ^{рог} ~~рог~~ недалеко против нашего дома росший густым лесом заготов-
лять бревна на конюшню. К вечеру приехала из покустанка вызванный
через попутного ящика Александр. Поздоровавшись сразу же спросил:

- Что тут у вас мама такое стряслось? Я признаться только
не понял ничего из вашей записки и побоялся не ~~х~~ несчастия ли
какое?

- Да нет, несчастия у нас хоть отбавляй, но они старые,
давние. А тут новая напасть, отец прислал к нам какого то по-
стояльца И, понимаешь, Шура, как то это все странно и даже стра-
но. Совершенно чужой незнакомый никому человек, не успев пересту-
пить порог сразу же начал командовать, распоряжаться и хотя лизе-
но, все же не беспрекословно приказывать. Илью сняв с печи и
уложил на нарах заявив, что хвтит ему жариться на печке и теперь
мы его будем ежедневно выносить на мороз, на солнце. Да и мне
прямо таки приказал каждый день, час, а то и два быть на дворе
на солнце.

Сегодня Илью уже выносили и я с часик посидела около него
на солнышке. Ребятишек тоже говорит нужно снять с печи и выворять
их больше на двор, на свежий воздух.

Авторитетно и уверенно заявил, что Илью поставит на ноги и
через месяц он уже будет сам своими ногами выходить во двор, а в
июне уже будет вместе с ним косить сено. Меня тоже пообещал
хоть и не уверенно, но хорошенько подлечить.

- Быть может, мама, он действительно врач, доктор или
какая-нибудь значимость по медицине?

- Нет, непохоже, что то на это. Он сам на мой такой же вопрос ответил отрицательно. И фельдшером говорит никогда не был, но встречался в таком обществе и среди таких людей, что многое пришлось увидеть, многому научиться и многое узнать.

«Отом врач, интеллигентный человек разве мог так поступить? Чуть свет, мы еще спим, а он уже осмотрел все оушившуюся на плите нашу обувь, оделся вышел во двор напоял лошадь, вычистил конюшню, убрал во дворе разбросанный навоз. После завтрака соорудил на дворе со снятой в зале двери для больного Ильи лежанку, а после обеда с Володей и Тоней ушел готовить лес на конюшню. "Не мерзнуть на Серому и ослепшую зиму на ветру. Нужно стряпать закрытую, утепленную конюшню". Нет, настоящий врач не сумел бы этого сделать, да и не позволили бы, а этот какой-то хозяйственный, мужиковатый.

- Да мама, здесь больше чем странно, но почему папа об этом, вернее о том, кто он, ничего не пишет? А только: "Пусть поживет до моего приезда". - Вот и все его об "изнание. Потому что я с этим Карноушкой обстоятельно, и в случае чего, съезжу к папе в Петровку. Мне прокатить на почтовых ничего не стоит. Свой работник.

- Не ты Шура с ним поосторожней, поласковой. Кто его знает, что там отец задумал.

Не дожидая прихода "лесозаготовителей", Александр сам направился к ним в лес. Поздоровавшись с ребятами, он подошел к Карноушке и сказал:

- Я брат Владимира и Антонина, сейчас мне мать повела, что у нас останется посланец отца. Будем знакомы. Меня зовут Александром, а по простому все зовут Буркой.

- Здравствуй, здравствуй Александр-Щурин! слышал от отца кое что о тебе, да вот от него тебе и записка. Ну что ж, будем знакомы. Меня зовут Ларионом, а по простому все зовут Лариономычей. Так прощу в дальнейшем меня и величать.

Прочтя записку и положив ее себе в карман Александр сказал:

- Потрудились лесорубы не плохо, пора и на покой. Там мама уже вас заждалась.

- Отдохнуть Александр всегда успеет, а теперь нужно потоправлять и до распутии не только срубить, но и вывезти по снежку весь лес. Его катать требуется немало, а весна не ждет, поднимается.

- Спешите, вы как-то мне орлы, и он похлопал по плечу Антомина который от усталости скорее был похож на мокрого захудалого цыганка.

По дороге домой Владимир спросил у Александра:

- Что там Щура пишет тебе папа?

- Да, ничего особенного. Пишет тоже самое, что и маме и всем вам.

В действительности отец писал Александру следующее: "Щура! Человек посланный мной к вам политически сильный. После отбытого срока каторжных работ, его дополнительно направляли отбывать последний год ссылки в нашу Тунгусскую волость. Человек, смотря по твердым документам, он трудолюбивый и справедливый, имеет в России Семью. Я за него поручился у властей, хочется верить, что не подведет. Это пусть пока побудет в секрете, а его можно представить холоком от переселенцев. Впрочем, это сделает он сам. Маме, чтобы не беспокоилась об"ясни поумнее. Создайте ему условия одиноковие с вами. Скоро буду дома об"ясню подробно". Отец".

"Ну и ну. Вот она как как оборачивается. Интересный суб"ект. А у нас выходит настоящий край сынок. Возможно ли этого создали и нашу Тунгусскую волость? Как страна, охранника, мандарина. Оно пожалуй для этого здесь и местность подходящая. Глухомань. Никаких путей передвижения, ни железнодорожного, ни водного, ни шоссе, если не считать нашей грунтовой арестантской колесухи. Да и население на пальцах перечесть. Удобное, очень удобное место, чтобы прятать от народа борцов за их народное счастье, борцов вот этих за свободу, равенство и братство. За землю и волю, против кровавого самодержавия. А этот Ларионушка, видимо, первая пичуга загнанная в уготовленную сынную волость как пробный экземпляр".

Так мысленно рассуждал иди домой Александр.

Пока пришедшие работяти мились, Александр на некоторое время выходил с мамой в спальню. За ужином обращаясь к Ларионушке он спросил:

- Вы Ларионушка по какому вопросу и надолго ли прибыли в нашу Волочаевку?

- Трудно в этом вопросе гадать. Будучи в вашем волостном правлении я договорился с вашим отцом, что пока побуду долгого приезда у вас, а там посмотрим и решим, что делать дальше. Дома он обещал быть через неделю другую, но не позже. Побить мне здесь у вас в Волочаевке хотелось частину и летом, посмотреть пошире местность, плодородность земли, сами леса, реки, озера и другие удобства для приезда сюда переселенцев из тесной, безземельной нашей, Рассавки. Доклад отца тогда об этом всем и договоримся.

- Так вы, что, ходомом по переселению от своего народа сюда приехали? - спросил Александр. А местность надеюсь вам здесь понаре

зится. Правда, я летом здесь не был, но хорошую осень я вот этому уже прожил. Лето мне очень нравится. Землю здесь никто не мерила, леса дремучие и полны разного зверя с дорогой пушinou, болота зыбучие и полны пернатой дичи, реки и озера глубокие и кишот разного рода рыбой вплоть до лососа которого сейчас на уиком мы отведем. Грибов, ягод и других дикорастущих только успешной собирать. Впрочем благоприятный край не только для сельского хозяйства, но и для промысла. Хотите, посмотрите, добылись богатствами нашего края а потом возите своих переселенцев. Только возите народ надежный, крепкий, упорный и работливый.

Здесь такой плохонькой интеллигенцией как мы, очень трудно. Но поле и мы здесь не по доброй воле. А жить нужно, край богатый, нужно приспособиться ^{са}.

На последние слова Александра, Ларионукна насторожился. Это Александр явно заметил и подумал: «Да не итерой ли это баллашмонетчик»? только с другим подходом, другими манерами и другими обстоятельствами. Нужно присмотреться к нему поближе, а потом все не с «едить к ети». Завтра же поеду на полустанок и проведу с ним целый день. Кстати помогу ребятам и с заготовкой леса.

Отвечал на вопросы Александра и его обяснения о крае, Ларионукна ответил:

- В основном я являюсь холоком, но туда куда меня посылал мир-народ. Я нащел. Потом вот попал к вам на Дальний Восток. В целом о крае и о здешней местности я уже достаточно нащел, но знаете слышать - одно, а увидеть своими глазами, прощупать своими руками совсем другое. Вот пощупу, увижу, прощупаю, а потом уже и будем делать вывод.

Заключительное письмо моим односельчанам будем писать уже вместе с тобой Александр. Когда письмо будет составлено вместе

с местным жителем, оно будет выглядеть и солидней и правдивей.

Так они проговорили все время за ужином.

Ложась спать Александр обратился ко всем спросил:

- Что это мы переселили нашего больного братишку с печи на нарн? Не будет ли это хуже? А ведь фельдшер предупреждал ясно.

Не успела мать ответить как вмешался в разговор Ларионущик.

- Простите меня, в этом виновен в основном только я. И, по моей личной но убедительной просьбе сняли Илью с печи. Хуже больному не будет, да и куда уже быть хуже? Все вино варили на горячей и удумливой печке, да и не только Илью, но и маминей. Им сейчас нужен свежий здоровый воздух, большое солнце, да и морозец пусть подумывает дека. Это будет не во вред, а только в пользу. а фельдшер вам, видимо не фельдшер а какой то коновал если не хуже. Бовся как бы при первой с ним встрече не пришлось приложить к его "медицинской" физиономии вот этот разговор. И при этом он смел действительно свое мнение и болтушину, угрожающий кулак.

- Ну это уже излишнее внушение, - сказал Александр. - Потом, не зная человека, нельзя так уверенно заявлять, что он хуже коновала. Ведь его учили медицине и он обязан что то знать и понимать.

- Обязать знать и понимать, - это верно, но по его методам лечения вижу, что он в медицине ничего не понимает. Посмотри на Илью, желтый, высохший и поджаренный как сухарь и это по воле его медицинских знаний.

Ну, насчет кулака и его физиономии я понятия не позволю, сказал это так для большей убедительности, а стоило бы, ох как стоило бы.

А часто ли этот медик вас надрезает?

- При мне был как то осенью, потом кажется к новому году. До меня незнаю - ответил Александр. - Теперь обещаю приехать к маме, на перелет гусей.

- Так он, что, лечить больных или охотиться на гусей сюда ездит? Ну к маме нам Илька надеюсь и сам на гусей отправится. Вот только не позже завтрашнего дня нужно обязательно достать известь.

- Соседка Наташа Слинько сегодня днем приходила и я у нее спрашивала. Говорит, где то в кладовке должно быть фунта четыре или пять извести. Вот только не знает гашеная или нет. - ответила мама.

- И это уже хорошо на первый случай. Может быть сейчас сходим и посмотрим. - Поднимаясь сказал Ларюнушка.

- Да нет, уже поздно. На улице ночь и люди укладываются на покой. Завтра сходим.

А зачем вам понадобилась и так срочно эта известь? - спросил Александр. - Я где то видел, кажется на полустанке в Демьянке, целую большую банку, не меньше пуда гашеной извести.

- О, да это же целый клад. Я видите не по медицине, а по народному, проверенному, годами испытанному, умею делать очень целебные лекарства. Из гашеной извести я изготовлю лекарство, которое через месяц-полтора поставит Ильку на ноги.

- Он, что то трудно верится. Он и фельдшер говорит...

- А ты Антоновна поверь. Поверь простой народной мудрости, которая веками познавалась, испытывалась, проверялась. Потом пойми, это не бабское знахарство, не наплевывание над кипящим с угольком каганом, а лечение народным проверенным лекарством. Очень трудно это лекарство для больного, но и очень целебное.

Мне приходилось самому поставить на ноги не одного больного ревматизмом, но признаюсь с такой запущенной болезнью и с таким состоянием организма до истощения доведенным на печи, как сейчас у нашего больного, мне еще не приходилось встречаться. Но будем надеяться, что победим и тут.

Теперь прощу тебя Александр Васильевич как можно скорее достать фунтов десять этой извести. Смотри на что похож и как мучается твой брательник. Нужно поторапливаться, чтобы к лету у нас был дополнительный здоровый работник.

Я лежал не жив не мертв. От этих разговоров мне хотелось кричать, плакать и петь песни. Всем сердцем верил я этому еще совсем незнакомому человеку, верил и в то же время боялся его диким страхом.

Следующим утром как и вчера, Ларионушка поднимался раньше всех. Когда мы один по одному просыпались, он уже сидел против окна и чинил детские обутики приготовленные вчера мамой. Потом так же, как и в прошлый раз наполни "Серого", вычистил у него из под ног и принес в избу из колоды два ведра воды.

До завтрака принесли от Смышко фунта четыре извести. На принесенных от Артемена весах, он тщательно до последнего золотника ее взвесил, взвесил на весах и какое то количество воды. В приготовленном часто вымытом чугушке залил этой водой извести и вынес ее в будку строго приказав к ней не касаться.

После завтрака обратился ко всем оказал:

- Лекарство Илька я для тебе заверил и если известь хорошая, через пару дней готовься к лечению. Не думай, что это будет для тебя легко. Но я надеюсь, что ты проявишь себя настоящим мужчиной, парнем с твоем и напористым характером. Потом все это будет для тебя не самого. Выдвинь лечение, - через месяц-полтора встанешь,

а там и побегим, не вытормошь — лезть тебе неподвижной колодой как это тебе пророчил уважаемый фельдшер весь век, да еще с болячками, мучениями. Ну и ладно, а сейчас готовься на двор на солнышко. Одеялом и ты Антоновна, на часик другой, утреннее востановочное солнышко наскочит и согреет шкуру на земле, а болячки приносят адреналин. А мы братва — работяги заложим 'серого' в сани, пусть поработает и он для своего князя.

Владимир будет вывозить бревнышки домой, а в лесу мы будем помогать ему с погрузкой на сани. Антошка останется дома и будет помогать ему разгружать. Нам с тобой Александр, коли уж решил на денек остаться и помочь нам — придется заняться валкой и распиловкой леса.

С такой расстановкой все согласилось и приступили к делу.

Работа заготовки леса была выполнена за четыре дня. Было срублено и вывезено во двор примерно восемнадцать бревен и около сотни корды. Еще по снегу было заготовлено и вывезено лесов шесть березовых, осинных чурок на дрова и леса три остававшегося в поле сена. Предполагали привезти из за Тунгуски^с леса два-три тальника на изгородь, но эту операцию осуществить не удалось, быстро растаял снег.

На этом эмпирическая заготовка была и закончена.

Через три суток Марионуща принес из будки выловленный им туда чуток с известью и тщательно деревянной ложкой чтобы не забунтовать, осторожно собрал в бутылки образовавшуюся сверху извести воду. Ее оказалось около трех бутылок. Вся ее он слил в одну стеклянную пятибутылочную бутылку и поставил на солнечное окно. Вода была чистая как слеза и даже казалась чуточку синеватой.

В освобожденный чугунок отвесил ровно пять фунтов извести, взял требуемое количество воды и обратно его вынес в будку.

Вечером Ларионушка есть мне не разрешил, а перед сном налил из бутылки полон чайный стакан известковой воды, похмоел ко мне и сказал:

- Ну Илья, приступаем к лечению. Пусть благословит тебя всевышний. Возьми и выпей натедак эту микстуру, только до дня и будь здоров.

Все, начиная от мамы и остальных, уставились на меня глазами. Я взял трепетной рукой стакан, закрыл глаза и залпом выпил его до дна. В первое мгновение я ничего не ощутил видимо потому, что на какое-то мгновение потерял сознание, но когда очнулся от холодного полотенца на лбу, тело мое одеревенело, внутренность урчала, а по голове словно ударили молотом. Сколько времени длились такие адские мучения я не помню, но в конце концов с этими болями я и уснул.

- Ну, слава богу! Теперь Илья встанет на ноги. Хотя об этом и рановато говорить, но уже есть надежда на хороший исход. А как я боялся, чтобы он не вырвал. Если с первых двух-трех стаканов больной не вырвет, - значит считай человек будет здоров, а если первые стаканы вырвет - значит организм не принимает и человек на всю жизнь остается больным.

Посмотрим еще завтра, если воспримет лекарство так как сегодня, тогда будем радоваться. Смотрите как сразу уснул и весь вспотел, а это уже хороший признак.

Утром я проснулся расслабленным и сразу же попросил горячего чая а потом и есть.

Улыбаясь подошел ко мне Ларионушка, положил свою руку мне на лоб и сказал:

- Сразу видно Ильюка, что ты настоящий мужчина, даже больше того, как горный орленок. Если и сегодня так себя выдержишь как вчера, значит - летать тебе на своих ногах по горам и долам, а в доме как пить дать, будем сено носить на нару.

От его слов - "если и сегодня так выдержишь как вчера" и его страшной руки, лежащей у меня на лбу, я дрожал как лист на ветру и от страха и трепета не попадал зуб на зуб. Не смел ничего ответить.

Я вчера чуть не лишился жизни от преподнесенного мне лекарства - яда, а он и сегодня его мне предлагает.

Вечера я ждал как страшнейшего испытания и только на дворе лежа на ласковом солнышке с рядом сидевшей мамой, я забывался и успокаивался.

Вечером повторилось то же, что и вчера. После приема "яда" я потерял сознание, потом после буквального терзания всего тела уснул.

Ларионушка ходил улыбающийся с сияющей физиономией и все повторил: - хорошо, очень хорошо.

Так длилось с неделю и я хотя и с отиранием, но все же начал привыкать к своему снадобью. Сознание я уже не терял, но после каждого приема лекарства, чувствовал неведомые волосы у меня на голове. Ребята после говорили, что они не шевелились, а становились дыбом.

Через неделю мои опухшие на суставах стали мягкими и в этом мягком состоянии распухли чуть ли не в два раза больше. Тупая

боль протратилась, а новый зуд не давал мне покоя ни днем ни ночью.

На мои стоны и мамино беспокойство Ларионущка объяснял, что это так должно и быть, это, мол, поворот на выздоровление.

С каждым днем зуд увеличивался, увеличивалась и опухоль.

Разе два приезжал с Покровочки Александр и после переговоров с Ларионущкой просил и уговаривал меня, маму и всех остальных потерпеть и верить в выздоровление.

Наконец приехал с Покровки отец.

x-- / Глава шестнадцатая.
Моя болезнь и выздоровление.

Поздоровавшись и перебросившись с нами несколькими ничего не значащими словами, отец с мамой закрылись в спальне и долгое время с чем то там совещались.

Видя из спальни, он бегло осмотрел мои ноги, потом попросил Ларионущку одеться и выйти с ним на двор. Мать с заплаканными глазами начала готовить ужию так как время было уже предвечернее.

Но витебцев, вышед без приглашения на двор Владимир, но очень быстро с недовольным и обиженным лицом вернулся обратно в дом. Через довольно продолжительное время дом вернулся отец с Ларионущкой. У отца лицо было смущенное, виноватое, а Ларионущка наоборот, как и всю последнюю неделю, улыбающийся.

Подойдя ко мне и сняв одеяло с моих ног Ларионущка сказал:

- Обратите внимание Василий Трофимович, как положительно и бурно проходит процесс выздоровления. До начала лечения опухоли были твердые как кость и какого то нахорошего синеватого цвета. Это означало заупущенность, закоренелость, и такое состояние могло

остаться хроническим, на всю жизнь сделав человека калекой. Смотрите, что стало с опухолью сейчас, — малые и бледно-распухшие. Потом больной ощущает страшный ноющий зуд, а это же явный признак выздоровления. Я и сам такого быстрого и благоприятного результата не ожидал. Ведь подумать только, пять месяцев жарил и сушил на печи не только большие ноги, но и весь здоровый организм больного. Но Илья оказался молодцом, сильным и волевым парнем. Организм его не поддавался высушиванию, хотя это уже было на грани. А теперь все это т.е. его силенка и понадобилось, чтобы выдержать, вытерпеть это по существу адское лечение и победить болезнь. Можно ожидать, что еще через пару недель опухоль сойдет ноющий зуд прекратится, а там еще через недельку другую Илья самостоятельно на своих ногах отправится и в Покровку. Но ко всему этому одного лечения недостаточно, нужно чтобы в это лечение верили и больной и все домашние и самое главное мама.

Слушая это объяснения Ларионущки все притихли и ждали, что скажет отец.

Немолчав некоторое время, обращаясь прежде ко мне, а затем ко всем остальным, отец сказал:

— Весь вопрос сынок зависит в основном от тебя самого. Если ты хочешь быть здоровым таким как обещает наш уважаемый Ларионущка, если хочешь помогать маме дома, своим братьям во дворе по хозяйству, а в свободное время богать и резвиться со своими сверстниками? — тогда давай потерпим еще недельки две три. И все остальные, если хотите чтобы Илья был здоров, значит перйте в его выздоровление. Лично мы с мамой и Пурой верим, что он в скорости будет здоров, верим и нашему лекарю и желаем ему успехов в его благородном деле.

После таких аргументов отит все с облегчением вздохнул, а я, набравшись духа, сивозь слезы вымолил:

- Буду терпеть и верить беспренословно Ларионушке не только две-три недели, а два и три месяца лишь бы только встать и быть здоровым.

- Да-три месяца не потребуются, а вот две три недельки потерпи крепко сжав зубы и дуцкая здоровым. Еще раз попросил Ларионушка.

Этим разговором, волнующий всех нас вопрос и все наши сомнения были полностью решены.

На следующий день пришел пестом с Попарочки Александр. Я в это время лежал на дворе на своем лежаке и первым сообщил ему о приезде отит. Радостного и приятного было много, ведь с нового года впервые собралась вся семья вместе.

Кто-кто, а мама как говорится, поговорка, была от радостей на тридцатом небе.

Вечером за ужином отец рассказывал, что купил в Покровке полторагодовалую телку. Лето она пробудет в Покровке в общем стаде. Там у них имеется общественный пастух и отец с этим пастухом договорился. Осенью на зиму заберем телку домой, а там даст баг и весне и с своим молоком будем.

- Значит ничто сена купил носить в два раза больше прошлогоднего? - спросил Владимир.

- Не в два, а в три раза. - Ответил отец. - Кто знает как оно обернется к будущему году.

Имею сведения, что в нашу Тунгусскую волость едет много переселенцев и уже есть предписание расселять их по реке Тунгуске.

Как только вскрылся ото льда Амур и Тунгуска, обещает прибить и нам из Переселенческого управления землемер и с нашими уполномоченными поедут по Тунгуске определять места будущих поселков.

Если действительно к первому мая будут упрямлены на истинный период паводка на полустанках, а тебя Шура буду рекомендовать уполномоченным к землемеру. Правда, экспедиция будет тяжеловатая, гнус, бездорожье, бесприветность, придется не раз и самим братья за весла и продвигать лодку. Зато будет много впечатлений, много нового. Кстати, ты уже немного с Тунгуской знаком хотя и не напродолжительном ее расстоянии. Знаком и с некоторыми Гольцами, а это для экспедиции очень много значит.

Второго уполномоченного видимо старшина подберет сам из своих покренских жителей. Эта работа будет оплачена.

- Спасибо папа, что не забываешь меня. А я рад всей душой попутешествовать, - ответил Александр. - От гнуса дымок и палатка, а уют найдем и у гольцев. Вот что только будет за тин этот землемер, а то может и всю экспедицию попортить. А впрочем не побоят ханты не зная и не видевши человека.

- Вот эти последние твои слова Александру Васильевичу дороге золота, - сказал Ларионушка. - Не зная человека, даже не видев его, судить о нем больше чем преступно. Поизнакомился, узнай, потом рассуждай. А сына Василия Трофимович мы накосим и на три теленка, если вы до сенокоса не выдворите меня из своей семьи. В этом будьте спокойны.

При этих разговорах открылась наружная дверь и в избу ввалились сразу четыре человека: Яков и Илья Волочаевы, Лука Кучмишак и Василий Алексеевич.

Здороваясь, Василий Алексеевич сказал:

Так в разговорах, потом с музыкой на скрипке и просидели до поздней.

Трем после завтрака Лариончик с Владимиром ушли на строительство на половину уже срубленной конюшни. Антония шкурить бревна!

Сруб пока складывают рядом с конюшней, потом его разберут и вновь на месте старой конюшни сложат уже на мох фундаментально. Меня, как и каждый день вынесли на двор на солнышко. Толя и Гриша в отремонтированных Лариончиком обушках большую часть дня проводили на дворе мешая работать другим.

Когда все разошлись и в доме остались только мать и Александр, отец повелел им следующее:

- Вы немного уже знаете о Лариончике, Шура из моей записки, а маме я немного рассказал вчера вечером. Но сейчас я вам расскажу более подробно, что это за человек. Его прислали к нам в волость из Хабаровска сопровождающего полицейским акрашником со всеми на него документами и предписанием нам о его дальнейшем содержании и охране.

В переданных нам в волость его осмысленных документах сказано, что в 1902 году в таком то селе, такой то губернии крестьяне отказались платить государственные подати, забунтовались и написали царю неслухую жалобу на выдуманный произвол местных губернских властей.

Основным бунтовщиком и выдумщиком этой жалобы являлся житель того же села Ларион Ларионов, который и был послан во всем миром села с этой жалобой лично к царю. Но царя он понятия не имел, его дорогой в своем же губернском городе задержали и осудили как зачинщика бунта на семь лет каторжных работ и после каторги на три года ссылки. Срок каторги он отбыл, а в этом году осеню заканчивается и срок его ссылки.

Документы его положительные, в них сказано, что осужденный на каторгу и ссылку отбывал без нарушений и не имел никаких административных взысканий, за что ссылка по Высочайшему повелению ему на один год уменьшена.

В предписании нам в волость требовалось, чтобы сильный был определен на работу или желающему взять его к себе хозяину так как он обязан сам добывать себе пропитание и одежду. Взявший его, обязан дать подписку об охране и наблюдении за ним. Об сроке его ссылки и освобождения будут даны особые распоряжения.

Сразу мы его определили отопником и сторожем волостного правления. Он оказался добросовестным исполнительным и любезным человеком. Пробыл он при волости месяца полтора и постоянно содержал помещение правления в теплоте, чистоте и надлежащем порядке. Хозяину дома помогал в хозяйстве, привести сена, дров, накормить и напоить домашних скот и прочее, за что хозяин его кормил.

Мы к нему привыкли, но из Хабаровска сообщили, что отсрочить при волости сильного, где хранятся правительственные документы и другие материальные средства, — запрещается и я тогда взял его сюда к нам дав подписку наблюдать за ним.

— И зачем ты это сделал Вася? А вдруг сбежит или сделает что-либо нехорошее в нашей деревушке. Тогда тебе придется отвечать, — сказала мать.

— Не бойся Сама. Он и по документам и за то время сколько мы его знаем, проявил себя порядочным честным и трудолюбивым человеком. Смотрите сами сколько он за эти три не полных недели сделал хорошего здесь у нас. Он будет хорошим помощником нашим ребятам по хозяйству, да видимо и простым народным лекарем будет лучше на-

него уважаемого фельдшера не говоря уже о бабке Тихоновой. Я верю, что он Илему да и тебя Саша вылечит.

- И я в это верю. Потом мама он уже отбыл около девяти лет, остается каких-нибудь шесть-семь месяцев и он будет дома в орде своей семьи. Не настолько он глуп чтобы пуститься сейчас в бага.

- Правильно, Шура, правильно. Но послушайте что он мне рассказывал сам:

В 1902 году был страшный неурожай во всей их губернии. За все лето не выпало ни капли дождя. Многое посеяное в сухую землю даже не взошло, а то взошло сгорело на корню. Образовался страшный голод, болезни и за ними эпидемия и смерть. В их селе не было ни единой бедняцкой семьи, где бы не умерли с голода. В некоторых семьях смерть подобрала до единого человека. Не успевали даже хоронить.

И вот, вместо помощи голодающим, в это время прибывали их село с полицией сборщики государственной подати. Но везде голод, смерть и нет ни у кого рубля, чтобы уплатить подать. Тогда начали забирать все ценное: последнюю скотину вплоть до курицы, чтобы продать с торгов богачам кудакам за бесценно в уплату податей.

Сам Ларионушка из большой, богатой, кулацкой семьи, которая имела запас хлеба, сала и других продуктов на два-три года и про-шлогодных кормов для полного двора скота.

В семье он старший сын, женат, имеет жену, сына и дочь. В свое время, будучи из богатой семьи Ларионушка закончил гимназию или какое-то училище с уклоном сельского хозяйства.

Видя бедность кулака-отца, который не помог куском хлеба ни одному умирающему с голода ребенку, видя произвол прибывших в их село сборщиков податей, Ларионушка восстал против отца, а затем и

против сборщиков. Его поддерживали восставшие чуть ли не все жители села. Тут же написали милостивую просьбу царю, чтобы в связи с неурожаем перенести сбор податей на будущий возможно урожайный год и жалобу на произвол, грубость и бессердечность местных властей по сбору податей. Ходатаи царю с челобитной просьбой и жалобой на местных властей избрали и снаряжали Ларионушку.

Дошел он только до своего губернского города, там был арестован и заключен в тюрьму. Через непродолжительное время в тюрьму пригнали человек десять односельчан арестованных за восстание и подпись в жалобе на властей. Остальных немощных и больных оставшихся еще в живых выпороли плетью. Их судили. — Ларионушку на семь лет каторжных работ и после каторги на три года ссылки, остальных на разные сроки тюремного заключения.

Отбывая каторжные работы прежде в рудниках где-то около Нар-ченска, потом последние пять лет на Сахалине, ссылку в Николаевске на Амуре и заканчивает вот сейчас у нас.

Вращаясь больше среди политических заключенных, много многого узнал и полезному научился. У него я вам можно многому, хорошему научиться только нужно прислушиваться.

Этот разговор пока не подлежит оглашению, придет время расска-зем и другим.

Возможно Ларионушка и сам вам что-либо добавит, но он осторожный, пока не проверит человека, ничего не скажет. С старшицей волости он был сдержан и не распространялся.

Ну, время уже двенадцатый час, мне пора к Макару Семеновичу Волочаеву. Письмо, которое мы получали из его села, я покажу вам после.

И приходу к Волочаеву, там уже находилось человек десять олаосельчан. Все они были рады встрече и горели желанием узнать городские и волостные новости.

О вчерашних разговорах с Яковом, Ильей, Лукой и Василием они уже знали, но хотели это услышать из уст отца.

Многих интересовали ожидаемые переселенцы, но некоторых, таких как Григорий Павлович Кошель больше интересовал кетовый навод на *паях*.

Рассказав подробно, что слышно о переселенцах и предписании заселения низин реки Тунгусски, о предполагаемом въезде туда землемера и о других новостях, касавшихся нашей волости, отец тут же сказал, что имеет намерение приобрести саженей тридцать кетового невода и, если кто еще из Волочаевцев изъявит такое же желание и куске невода, тогда можно будет создать и свой невод на паях.

Все эти новости живо, но с разными понятиями были ~~и~~ восприняты слушателями. Одни с желанием ждали переселенцев, другие были противники их приезда.

- Для чего нам еще переселенцы да еще по Тунгусске? - орал Григорий Павлович Кошель. - Вся реку загадят, рыбу попилят и леса попирут и попортят. Чего тогда будем ловить, чем будем питаться?

- Ну и жалко ты Григорий Павлович. И рыбы тебе мало и леса жалко. Все хочешь захватить сам, а другим мол ишь под нос.

Ты, не имея своего невода от рыбы можешь лопнуть, а что если зашьешь свой кетовый пай о котором говорит Василий Трофимович. Тогда заорешь, что и вся Тунгуска твоя. А лес? Да тебе и своим дворе хватит на два года его пирувать. А тебе все мало. Вот уж правда "Очи завидуя руки загребущи" - отпаривал ему Василий.

- Ты бессилен твоя душа голодранец. Тебе теперь ничего нена-
доед. Отправив женку, детишек, нехай дед кормит своих внучат, а
родитель тут погуляет и постанцует с хлопцами. Теперь тебе одному
той рыбы што осеити поймав на целый год хвата. Помогача би бес-
тыдник.

Таких пререканий и ругани хватило бы допоздна, но поднялся
Макар Семенович и произнес:

- Хватит вам мужики по бесполезному оскорблять один другого.
Давайте решать дела без ругани и по деловому. Лично мое мнение
такое: подождем пока потеплеет и подсохнет, а там соберем сходку
всех наших жителей, пригласим на эту сходку Василия Трофимовича
как представителя волостного правления и решим все наши вопросы
и о переселенцах и о неводе. Впрочем, невод это личное дело каж-
дого из нас и пусть он думает сам как ему поступить, учитывая
свои возможности. Мои хлопцы настаивают приобрести кусок невода
и я такого же мнения.

Теперь давайте разойдемся, у меня есть служебные вопросы
к Василию Трофимовичу.

Когда все разошлось, отец попросил Макара Семеновича при-
крыть плотнее дверь так как имеются секретные разговоры и изда-
вая их сказал:

- Вы уже вероятно слышали Макара Семеновича, что у меня в доме
живет уже третью неделю посторонний человек?

- Да, да Василий Трофимович. Вот именно по этому вопросу
я и пригласил тебя к себе. Слышу живет у "роценко какой-то чело-
век и якобы хиток от переселенцев, но ко мне, как к старосте до
их пор он не обращался. Кто он? Откуда, и зачем он у нас в дере-
вне?

- Здесь я виноват Макар Семенович, что не написал с ним вам записку, но это не из фальшивомонетчиков какого в прошлом году подсылали к нам. Кто он? Откуда и почему находится у меня? Сейчас объясню. И он пересказал почти все то, что пару часов назад рассказывал дома матери и сину.

- Ко всему этому, чтобы лучше убедиться мы официально запросили старосту того села откуда этот осмыленный Маронов. На днях пришел ответ подтверждающий его личность, что он действительно бывший житель данного села, но за голодный бунт в 1902 году был арестован и осужден властями. Семья его, жена, сын и дочь все время проживают в этом селе и клут родителей домой. - Да вот и этот ответ, прочтите сами. - Я верю ему Макар Семенович, ручаюсь за него, поэтому и дал властям за него подписку. Одним словом, прошу быть спокойным за его здесь проживание.

А судя он после осмыли действительно мечтает перебраться с семьей и подговорить других калашных. Там ему после всего этого уже жизни не будет, хотя он и пострадал за голодный народ. Да и со своим таким отцом ему уже не ужитья.

Все это желательно пока другим не распространять, пусть он некоторое время побудет холоком, а придет необходимость, запросите волость, а лучше вызовите меня, соберете сход и я все объясню уже официально.

На этом и порешили.

В тот же день вечером Александр ушел на полустанок, а на следующий день отец уехал в волость.

Примерно через неделю после отъезда отца в волость мои опухоли заметно стали уменьшаться, становились какими-то мягкими, рыхлыми, — нажимая на опухоль пальцем и образуется глубокая впадина медленно сглаживавшаяся, но зуд в коленях хотя и небольшой, все же ощущался.

Как то вскоре, на праздничные дни пасхи, обратно приехал домой отец и привез с полустанка Александр. Она очень радовалась моему выздоровлению и полнейшему порядку во дворе. Было заметно, что они в душе и от всей души были за все это благодарны Ларионушке, но старались в этом не показывать лица. Но больше всех радовалась мать, она перестала бояться Ларионушки и опасаться его деятельности в моем лечении.

Уезжая после праздничных дней обратно в волость, отец собрал нас всех после ужина и объявил следующее:

— Об этом и предполагал поговорить только с мамой и Шурой, но передумал и решил посоветоваться со всеми Лили и Ларионушкой.

Дало в следующем: — В связи с тем, что писарей на полустанках действительно на летний период сокращают и Шура будет бесспорно уволен до ноября месяца, я договорился в волостном правлении, что он поедет сопровождающим землемера и его помощником по изысканию и определению трех-четырех мест для поселков и нарезки в них усадеб для предполагаемых переселенцев по реке Тунгуске. Вторым сопровождающим рабочим поедет митель Николаевский заготавливающий лес по Тунгуске для лесопилки и знающий кое какие места удобные для поселков.

До Николаевки землемера подбросит из Хабаровска катер, а дальше будут продвигаться на лодке. На лодку с катера будут обеспечены два матроса. Вся эту работу предполагают закончить за месяц-полтора.

К 20-му мая Шуре нужно быть в Николаевке. К этому времени должен подойти туда катер с землемером и подедет старшина или я с документами для писаря. Скорее всего в Николаевке придется быть мне.

Но это не все. В двух верстах от Николаевки, вверх по Тунгуске находится кирпичный завод. Его хозяин митель Хабаровского

видимо обанкротился, или как говорится прогорел на кирпиче и намерен завод ликвидировать.

До июля будут обжигать изготовленный сирец, а в августе ему требуется грамотный человек, желательно местный житель который бы взялся погрузить все наличие кирпича и другое снаряжение в подаваемые баржи и направить в Хабаровск, потом постепенно увольнять оставшихся рабочих и ликвидировать весь завод.

Если такой человек найдется, проси послать его к 15 мая к нему на завод для договоренности и ознакомления с работой.

Я Шура рекомендовал на эту работу вернее ликвидацию тебя, но хочу услышать твое желание и, что на это скажут все остальные?

- Я папа с большим желанием и с землемером и с заводчиком. Ведь это все для меня новое, интересное, увлекательное. Вот только сомневался с этим заводчиком и его ликвидацией. У землемера полагаю пустяковая работа, не много требуется ума нарезать угодь бы. Правда, определить место для поселка, - это более сложное, тут требуется знание на каком расстоянии ^{от} будущего поселка удобные земли для пашни, сенокосные угодья, выпасы и многое другое. Твердо нужно знание затопляемые и незатопляемые места. Но на то он и землемер, чтобы это знать. Да и нам со стороны будет кое что видно, а вот увольнять рабочих, закрыть и ликвидировать целое предприятие, лишить этих рабочих заработка, а это значит и куса хлеба, тут другое дело, - это уже посерьезней.

- Но ты же прежде посидишь, посмотришь, все разузнаешь, договоримся. Потом не ты ведь увольняешь рабочих, а хозяин, заводчик, а ты только выполняешь его решение, а потом и тебя уволят так же как и их. Но если сомневался, не веришь в свои силы, в свои способности, тогда, понятно не следует и браться. Помним кого-нибудь другого.

-Ну это уже чересчур, последние твои слова прямо такие оскорбительны. Ведь сам ты знаешь, что трудностей я не боюсь, а после такого твоего заявления ни за что теперь не отступлюсь от заводчика.

С точностью 15 мая буду у него, а там и дождусь землемера.

После этих разговоров заохала и запричитала мать:

- И зачем это ты Илья вздумал мучить ребятиш? Все зиму не сиди дома, работал как бешенный, не отдохнул и недели, а ты опять его гонимь и надеждашь не один, а целых два хомута. Тут и землемер и какой то заводчик ликвидатор, а там смотри еще что либо придумаешь.

- Ну мам, я уже кажется из ребенка вырос. А на счет отдыха? Так я ^{весь} всю зиму отдыхал на этом полустанке, и сейчас чувствую себя от зимнего безделья отдохнувшим, здоровым и способным выполнять любую работу. Паше я только благодарен за уважительные и полевные для меня предложения.

После этого разговора, счастливым и радостным уехал отец в волость, ведь он любил и в душе гордился своим сыном. Александр ушел на полустанок, он еще работал.

И все еще был лежачим, но болезненно нerving зуд прекратился, суставы в особенности колени изредка чуть-чуть почесывались, опухоль совершенно спала. Однако от питья ^{воды} противной известковой воды Ларионушка не освобождал, а я заканчивал пить уже вторую бутыл, боюсь всем своим существом, чтобы Ларионушка не изготовил третью. В конечном счете третья бутыл не понадобилась.

Как то в средине числа мая, лежа на жарком солнышке с открытыми коленями, как приказал уже недели две тому назад наш лекарь, я набравшись сил начал постепенно поднимать под себя правую ногу медленно сгибал ее в коленке, и от радости чуть не заорал на весь двор благим матом. Нога хотя и с большой болью поднималась и коленко согнутым торчало вверх. И это та нога, которой многие, а даже наш уважаемый переселенческий фельдшер пророчили быть не сгибаемой весь век.

Через некоторое время, преодолевая сильную боль я ногу положил в прежнее состояние с попыткой поднять лежущую ногу ничего не получилось.

Не сказав об этом никому ни слова, на завтра, я повторил этот прием уже обеими ногами. А ночью когда все уснуло, я потихоньку подошел к краю нар, сел, согнул ноги в коленях и опустил их на пол. Так со шкотной болью чуть зевая ногами просидел минут 10-15. Потом улегшись обратно в постель, я уже от радости не мог уснуть до утра.

Утром, когда все уселось за стол завтракать, я так же как-то проделал ночью, потихоньку подошел к краю нар, сел и сгибая ноги в коленях опустил их на пол, но не утерпел и от боли чуть-чуть охнул. На мой вскрик все обернулось ко мне и уже ажнули не от боли, а от удивления и радости. Некоторые бросились ко мне, но я боясь, что потревожат меня, сделал мне больно, заорал:

- Не подходите, ой не подходите! Лучше подождите ко мне стол и я с вами вместе позавтракаю.

- Правильно говорит Илька. Давайте-на подождите к нему стол, только осторожно, чтобы не задеть его ноги. - Поддержав мою просьбу Ларионушка.

Когда операция со столом была проделана, мама поставила передо мной полную тарелку дымящуюся паром закуской, со свежих карасей ухи. Сама она после этого уже и не ела, а радостными глазами взглядывала то на меня, то на других, то с особой благодарностью на Ларионушку. Последний ухмляясь, уплетал уху за троих и повидимому был рад не меньше матери.

Я был "на седьмом небе" и также за обе щеки уплетал уху, ведь я опять за семь месяцев впервые сел со всеми за стол.

В таком состоянии я высиживать долго не смог так как в коленях чувствовалась острая боль, но я сколько мог терпел и не подавая вида на боль, потом будто бы внезапно, произнес:

- Ну на первый раз хватит! И потихоньку отодвинулся к постели, но когда начал разгибать колени, не выдержав, и от боли уже не охнул, а застонал как положено.

Радостное настроение во всех было неповторимо: одни только Ларионушка улыбался произнес:

-Ничего. Не беспокойтесь, все нормально. Так оно должно и быть. И ты Илька не отчаивайся.

Все проходит правильно, как и подобает.

После завтрака обратился ко всем, он сказал:

- А теперь братва идемте, поднимем Илькин лежак повыше, чтобы сидя, его голые ноги не касались земли. Земля еще сырая, а это очень вредно и опасно для больного ревматизмом. Впрочем Ильке нужно беречься целый год и избегать сырости. Зимним летом тем более осенью, даже избегай лезть в воду или промокнуть на дожде. И кетсунг рыбалку в этом году в особенности "тонить г.уэзла" ему нужно запретить окончательно. Хорошая предосторожность - хороший, добрый врач.

Подняв и установив на более высокие чурки двери приспособления под лежак, Ларионушка, Александр и Владимир вошли в избу и предложили мне подождать на край нар. Когда я подошел, Ларионушка сказал:

- Ну что ж наш герой, давай будем пробовать становиться на свои ноги. Обними за шею ребят и поднимайся. Когда пойдем, ты повиснув на руках начинай переступать ногами слегка касаясь ними пола, а я на всякий случай буду поддерживать тебя сзади. Таким путем попробуем выйти на двор.

Поднявшись на плечах ребят и чуть-чуть касаясь пола ногами, я действительно уже на половику сам вышел во двор. Все это было еще больно, но от радости терпимо. Таким же путем меня вывели в дом на обед и обратно вывели после обеда. Обедая я сидел за столом так же как и в завтрак.

Радостная мама при каждом передвижении следовала за мной готовая в любую минуту броситься мне на помощь.

На следующий день лежал на дворе, и попросил поднять мне на ноги мои черевички и поводить меня по двору. На третий день тренировки, я утром подошел к краю нар, держась за стенки попытался без помощи других встать на ноги. Это мне удалось хотя и не на долго.

Днем Ларионушка сделал мне два костыля, на просто две хороших прочных палки с прибитыми на верхних концах поперечных подпятников. Вручая просил почаще на них подниматься и начинать учиться ходить самому.

На вопрос почему костыли такие неудобные, ответили: — временные, через неделю они тебе не понадобятся и ты их бросишь.

Через три-четыре дня, я на этих костылях почти уже бегал, а еще через три дня отбросил их в сторону и пошел на своих ногах без поддержки.

К 30-му мая как и пророчил Ларионушка, я еще хотя и осторожно, потихоньку двинулся, но уже на своих ногах и не чувствовал никаких в суставах болей.

К концу июня я уже с Ларионушкой был на сенокосе не пока только наблюдателем, а в августе уже косил со всеми наравне и даже по детски с подпрыгиванием.

Осно большую часть мы заготавливали в лесу где не затопляет некоторую часть заготовками лугового с вывозкой конен на высокие релки. Накосили много с учетом и на будущую корову.

Как-то в конце августа приехал в Волочанску известный нам переселенческий фельдшер. Приехал он в основном поохотиться на уток, но попутно осмолить больных и выдать им неизменные и ничего не лечащие порошки. Придя к нам и увидя меня здорового и загорелого на ногах, он изумился, но узнав о лечении, поднял на Ларионушку неистовый шум с угрозой наказать за самовольство, знахарство, колдовство, шарлатанство. Впрочем пытался принести ему все то, что действительно в те времена в России не пресекалось, а наоборот процветало и поощрялось.

На все его нападки, Ларионушка не повышая голос спокойно ответил: — Это не знахарство, тем более не колдовство, а способ лечения испытанный и проверенный столетиями простым народом. Если за такое самовольство начать наказывать, тогда нужно наказывать всех, в особенности деревенских родителей, которые самовольно лечат своих детей и друг друга своими способами не спрашивая врачей, так как пока научная медицина и ее персонал находятся от них за сотни верст и практически недоступна.

— Вот да? Много ли приезжали в Волочанску за ее двухлетнее существование? — говорят, два раза. А ведь люди в особенности

дети болеют часто и им требуется чуть ли не ежедневной медицинской помощи. Потом судят тех кто калечит, а тех кто лечит и поднимают прикованных к постели больных, — народ благодарит.

— Вот лично Вас, стояло бы за Илью сурово наказать. Ведь это по Вашему велению его полгода без всякого лечения и невидимого света жарили и сушили на горячей печи. Не подоспел я с своим "колдовством", он так бы там на печи и засох признанный Вами злым колдун.

А теперь смотрите, встал, здоров и никакой калека.

Как реагировал на эту историю Ларионушки фельдшер? Упоминать не буду. Одно скажу, что в защиту Ларионушки встала не только наша семья, но чуть ли не вся Волочевка, да видимо и в волости ему кое что ~~сказал~~ сказал и наш отец. Кончилось тем, что он пообещал взять Ларионушкино лекарство в Хабаровск на анализ и научно доказать его шарлатанство, но вот взял ли в действительности он это лекарство на анализ сказать не могу, но разговоров об этом впоследствии не было.

Все эта история моей болезни и метод ее лечения истинная правда, истинная боль, но применять этот способ лечения без ведома врача ни в коем случае нельзя. Возможно Ларионушка и извещал что либо добавлял, а одна известковая вода окажется для организма человека опасной и больше того — отравляющей.

Ларионушка прожил у нас до октября, чуть больше шести месяцев. К нему мы привыкли как к родному. Все случившееся у нас он получил на наш адрес из дому два письма, — одно от жены и второе от сына. И жена и сын ждут недожидается мужа и отца домой.

В октябре Ларионушку вызвали через волостное правление в Хабаровск и, с тех пор мы этого милрого, доброго и дорогого нам человека не видели.

В Хабаровске ему выдали все отпускные документы и уже через месяц-полтора он был дома в своей семье. Из полученных нами от него писем известно, что отца в живых он не застал. После смерти отца большое кулацкое хозяйство, земля и все движимое и недвижимое имущество было разделено между родственниками согласно завещанию. Его семье досталась доля от хозяйства

обеспечивая существование среднелюдей семьи и он решил пока с места не сниматься. В селе он уважаемый народом человек.

Потом грянула первая империалистическая война 1914 года и навсегда связь с Лармонской прекратилась.

Глава седьмая.

ПОКРОВСКИЕ — СТАРОИВЕРЫ

15-го мая Александр как договорился с отцом отправился в Лукашевку, но прежде по собственной инициативе и своей неуемчивой натуре направился в Покровку в волостное правление. Отец был рад приходу сына и после приветствий и расспросов о доме, повел его во двор знакомить с хозяином и старшиной волости.

Христиан, рыжий, борокатый мужик Карсанов, старовер-сирмак и он же старшина, в то время нализывал и смазывал на дворе телегу. На представление отцом сына и приветствие Александра, он что то пробурчал, вытер об штани руку и протянул ее Александру. Рука была смазана колесной мазью, но ради приличия пришлось ее помыть покрепче.

— Дина каков у тебя сын Трофимич. Это тот старшой с которым ты рассказывал?

— Он сын Барфоломеевич. Вот приехал получить ознакомиться и разузнать о предстоящей поездке с землемером.

— Умно, умно Александра, что явился раньше ознакомиться. Ну вот наизусть телегу и за оседом потянем.

Он с отцом вернулись в здание волости.

Этот большой двухкомнатный дом со входом с улицы через крыльцо, Карсанов сдал под волостное правление. В большей комнате разместились правление, а в меньшей жил отец. Там стояла его кровать, стол с книгами и газетам. У другой стены стояла другая кровать для приезжающего начальства. Сам хозяин с женой и дочерью жил в другом тоже большом доме, двухкомнатной пристройке, но немного меньшем сдаваемого под волостное правление, и с входом со двора.

В передней комнате-кухне большая русская печь, оплошная лавка вдоль стены, перед ней средних размеров стол, а дальше простая кухонная мебель. Тут же в углу при входе деревянная бочка с водой крытая деревянным кругом. В левом углу комнаты три больших деревянных иконы, в середине богородица с младенцем на руках, а по бокам какие то угодники с пиками и мечами.

Рядом на стене прибита или приклеена бумажная без рамки картина изображающая рай и ад.

Внизу картины с левой стороны нарисовано сплошное пламя в котором сидит голый, толстый и страшный сатана, а рядом с ним большущий котел с кипящей смолой. Тут же внизу с правой стороны три мохнатых, богатых и хвостах чертика тянут баграми к кипящему котлу гленика, бородастого, изможденного и худого, ушаравшегося мужика— это ад.

В верхней части картины изображен рай.

Три больших дерева с румяными большими яблоками и летающими вокруг птичками, под которыми стоит нагие Адам и Ева, а у самого края сидит с большой связкой ключей Николай Чудотворец. В самом верху на белом облаке восседает бородастый бог Саваоф.

В другой по больше размером комнате— светлица в правом углу целый иконостас: две больших изображенных на досках черных законченных иконы Иисуса Христа и божьей матери. Обтянуты они вышитыми полотенцами, а перед ними мерцает лампада. Иисус висит распятым на кресте худой, длинный с раной мозку выпуклых от жудоба ребер, из которой капает кровь. Богородица Мария с большущими глазами, с тонкой белой полоской замонавшей нос и алтосеньким ртом склонилась длинную тонкую шею и державшему на руках младенцу, который обхватил невыразимо тонкими руками ее шею. Вокруг этих двух еще с десяток средних и совсем маленьких икон. Все это не естественно в особенности лице богоматери и некоторых святых апостолов, а весь иконостас изображает страшный пугающий вид. Приведи сама не сведущих детей, — перепугаются на смерть.

Что предполагали богославы малая этих страшных святых, — трудно понять.

В углу перед иконами стоит стол покрытый цветастой скатертью, вдоль правой стены сплошная лавка, под иконами за столом тоже небольшая лавка. — Это красный почетный угол за который садят в определенное время почетных и уважаемых гостей.

Тут же в светлице стоит у левой стены козьяя донья кровать.

Хозяйки дома прохоть стоят в комнате кухне, а дочь летом спит на чердаке дома, а зимой в комнате на печке.

Обедали в комнате-кухне. Сам хозяин хотя и старовер, садился со всеми за общий стол и ел со всеми с одной общей сковородки, которая ставилась среди стола с жареной рыбой, картошкой или чем либо другим. Хозяйка с дочерью за общий стол не садилась, ели отдельно и с отдельной своей посуды. Вся другую общую посуду они считали "поганой", даже брали из бочки воду отдельным своим ковшом.

Вся обстановка в этих комнатах была как у замкнутого крестьянина, но на какой то староверческой лад.

- Когда нас позвали обедать - рассказывает Александр - в кухне находилась молодая лет сорока хозяйка дома, и добродная, длинная здоровьем, рыжая и вся в веснушках, как воробьиное яйцо лет двадцати девяти. - это хозяйка дочь Дарья.

Хозяйка с высоко поднятой по бокам и заткнутой за поясск обке, возилась с ухватом у печки, а дочь поставив на стол три гончарные расписанные цветочками миски, деревянные ложки, нож и хорошо выпеченую из размоленной муки булку хлеба, села на кровать матери и с лукавой усмешкой поглядывала на меня. До этого, расставляя на столе миски, она приболсно наступила мне на ногу. Я чуть не ухнул, но сдержался и невольно подумал, что землемеру выгодней идти с собой не менѣ, а вот эту Дарьяшку, она не только лодку, а двухгодовалого быка удержит за рога.

Хозяйка достав из печи увесистый чугунок наваристой ухи, наполнила ей все три миски положив в каждую по большому куску жирного сала. По комнате разлился аппетитный аромат сразу возбуждавший голод. Хозяин поднялся, размямлив двумя перстами перекрестился, чуть ли не от макушки головы до самого низа живота, Отвесив иконам два или три поклона, обратно сел за стол, взял нож и отрезал три больших ломтя хлеба. Отец садясь тоже перекрестился, и не поднялся и не перекрестился так как дома у нас это было не заведено и сразу начал уплетать уху.

Это видимо заметили все, но промолчали, только Дарья усмехнувшись, что то тихо сказала матери и начала одергивать на височной груди заправшуюся кофточку.

После ужина хозяйка положила среди стола деревянный кружок на который поставила большую сковороду с запеченной на сметане и поджаренной картошкой. И уха и картошка были очень вкусными. Ели молча.

Когда после еды подали по кружке хлебного кваса, хозяин обратился ко мне спросил:

- Сколько Александра Васильич годков тебе будет, не молод ли ты будешь для поездки с землемером?

- Да вот уже восемнадцать лет Лазарь Варфоломеевич и я думаю, что для землемера мой возраст будет подходящим.

- Ну ясно. Осемнадцать, - эта уже солидный мужик и, обратился к отцу сказал: - да он у тебя Трофимич уже заним, да еще и ученик, добрый растет помощник.

- Да это не все Лазарь Варфоломеевич, дома у меня еще пятеро мужиков растут. За Александром Владимир уже взрослый парень и отлично все хозяйство ведет. Да вот как никуда с"ездим я сам познакомился с моей семьей. Правда, ему в хозяйстве много помогает наш Ларионушка.

- И не говори Трофимич. - Это не Ларионушка, а клад из чистого золота, а вот не разрешили его содержать при волостном то правлении.

Счастливы ты Василь Трофимич, ох как счастлив, и синов много и Ларионушка у тебя, а вот нас с Глакерией бог сильно наказал, не дал наследника, кроме вот Дарьишки, но сами ведь товар чужой, чуть выросла и покинет из дома.

При этих словах Дарья поднялась и вышла из дома, а хозяйка покурив лицо стала убирать стол.

- А знаком ли ты Александра с землемерской работой? - продолжал допрос старшина.

- Никогда не работал на этом поприще, но думаю, что ничто хитрого в этой работе нет. Потом мы ведь поедем с землемером, что он покажет, растолкует то и сделаем. Да меня я самого больше десяти лет учили, чему-нибудь да выучили. Правда, я по специальности народный учитель, но кое что и в земле знаю.

- Умно, умно сказано. Каков молодец, а уже продел большую науку - промолвил старшина и сразу обратился с каким то вопросом к отцу.

Я улучив момент поднялся, сказал спасибо и вскочил во двор. Там около амбара ~~сидел~~^{встал} на телегу и болтая ногами, ~~сидела~~^{стояла} Дарьшма. Подошла к ней я спросил:

- Почему Дарьшма вы с мамашей не сели с нами за один стол обедать, а за столом было столько свободного места?

Глядя на свои болтающие ноги дарья ответила:

- Мы староверы и нам грешно сидеть с антихристами которым не осаня свой лик красным знаменем садятся за стол трапезничать.

- Но отец то твой ведь сидел с нами и он с одной обшей скворода, а он тоже ведь старовер.

- Папаниа начальник. Он старшина всяк волости. Ему Христос простит. Да он и осанился.

Вздвинулся за край телеги, я подскочил и сел рядом с Дарьей. Она не тронулась с места хотя я сел вплотную.

- Почему же Дарьшма тебе вот не грешно сидеть рядом со мной на телеге, а за столом грешно?

- На дворе можно, а в избе грешно. Там ведь иконы, святые лики и маманиа рядом.

А она у нас ой как строгая, даже с папанией низачто рядом не сидит. Папаниа тоже по работе опоганился с вами.

- Вон какая у нас строгая маманиа, но спит то они люди вместе.

- Нет, папаниа спит в сестнице, а маманиа в передней. Сам видишь где ее кровать стоит.

- А я подумал, что это твоя кровать, ты на нее так много усе-лась когда мы обедали.

- Нет, я сплю вон там на вышке, а когда холодно в передней на печи.

- На вышке, одна я не боюсь?

- А чаво бояться, я уже не ребенок.

- Да это я и сам вижу, что взрослая, невеста хоть куда. Поди уже и женихи приходить.

- А хоть и приходили, тебе то что. Папаниа говорит вот осенью замуж выдст и Паныку в прием возмет.

- Ну а ты то сама, любишь ли Паныку? Правый он вообще то парень. Поди в темную пачку и на вышку к тебе заглядывает.

- Какой там он бравый. Я сама знала яго на выжку, зинь боятся лезть, знает, что турну с лестницам голом пятой в лоб. А вот Петруня бы не турнула. Не парень, а сокол юная.

- Вот тебе бабушка и юрьев день. А зачем же ты будешь выходить за Паньку коли больше любишь Петруню?

- Папань говорит, что Петрунь хоть и здоровый, бравый и красивый парень, но голышба и работник будет некудильный. Потом он мой упрямый, своевольный и непослушный, а Панька хоть малоросток, хилый, но послушный и работник судя добрый и хозяйни отменной.

- Горькая у тебя судьбина Дарьинка. Жить весь век с малым человеком, потом такой здоровый, ядерной и сильной женщины с хилым недоростком. Да это же мука на всю жизнь. А ты возьми и непослушай отца, настой на своем и уйди к Петруне.

- Так мне и Петруня говорит, но грех на свою душу я брать не стану, да и послушная я у родителей, против их воли тоже грешно идти.

- Ну ладно Дарьинка об этом еще поговорим когда я вернусь от землемера. Постараемся и папаню твоего уговорить чтобы не навалил за Паньку. Об этом нам поможет и мой отец, а теперь скажи, турнула меня пяткой в лоб если я попытаюсь ночью пробраться к тебе на выжку.

При этих словах Дарьинка повеселела и усмехнувшись сказала.

- Кто знает Александра, а ты попытайся, может так быть, что на то время я головой лягу к дверцам, а ногами в другую сторону. Вот только табашник, нехрист ты, да и выйдешь ми с тобой впервые. Но я гляжу ты отчаянный парень, а мне это ох как по нраву.

- Попытаться дедушка, можно, но я без попытки уже отведать твоей пятки когда ты под столом наступила мне на ногу. До сих пор пальцы ноют. Для чего это ты сделала?

- А чтобы дольше жила помнил.

- Как маль Дарьинка, что не придется мне к тебе пробраться. Говорят сегодня идет в Николаевку один человек, которого я сулит мне в попутчики. А как бы мне хотелось рассказать тебе

о нашей и вашей вере, о тех страшных ликах изображенных на наших иконах. Я Дарьшюка много учился, умные, ученые люди много нам рассказали. Несмотря, что я малод и многое видел на свете, был в больших церквях, монастырях, молельнях, но таких страшных икон как ваши я не видел.

Я как увидел на иконе маму богородицу с большими телячьими глазами, чуть было в штаны с перекугу не нап....., ой про- сти за нескромное слово. А Христос и угодники, — это же страшнейшие пугало. Этими иконами только детей пугать. Тот нечистый — сатана, что на картине в горящем аду нарисован и он не такой страшный как все эти святые. Да ты наверное и сама этих икон боишься.

— Ой Александра, с тобой страшно рядом сидеть. Разве такое богохульство можно говорить о святых ликах. Гореть тебе в аду и весь век кипеть в смоле рядом с нечистым.

— Вот видишь Дарьшюка, тебе среди дня со мной грешником страшно, а ночью с этими иконами и с этим сатаной и чертикой разве не страшно. Они могут и во сне присниться.

— Когда я была маленькая, тоже страшно боялась и икон и картин и все пряталась мамине за юбку, потом подросла и пообвыклась.

При этих словах Дарьшюка соскочила с телеги, в дверях показались выходящие старшина и отец. Я поднялся обеими руками Дарьшюку головой и пошел в след за волостным начальством.

На крыльце волостного правления сидел поджидавший нас какой-то человек. При нашем подходе он поднялся и вежливо произнес приветствие. Он был высокого роста, опрятно по городскому одет и производил впечатление культурного, на вид интеллигентного человека.

— Здравствуйте еще раз уважаемый Иван Карлович — ответил на приветствие отец. Быстро Вы справились со своими делами и надеюсь не так долго нас ожидали.

— Да нет уважаемый Василий Трофимович, я только что подошел и готовился раскурить свою трубку.

- Ну в таком случае заходите в контору, мы кое о чем посоветуемся а потом и покажем Вам счастливого пути во светос. К стати Вам и полутчик об"явился. Знакомтесь, это мой сын Александр собирающийся с партией землемера по Тунгуске.

- Ага, очень рад познакомиться. Для партия землемера, и я кое-что подсказку полезное. Я уже не один год занимаюсь заготовкой дров по Тунгуске для Амурского пароходства и знаю на сотни километров местность по реке.

- Да об этом мы и сами хотели нас просить. Кому-кому, а Вам территория Тунгуски знакома как никому другому.

В дополнение к нашим советам, наш, уважаемый Лазарь Барболовевич договорился в проводники с одним местным охотником ежегодно промышляющим на зверя по Тунгуске и ее притокам. Он всю эту местность знает, как он сам выражается - на хороший зубок.

- Это кто же, случаем не Семикотов?

- Да кому же быть больше как ни ему. Он эту реку прошел вдоль и поперек. Вот и сейчас собирается пантовать, а по пути и землемеру помогает.

- Да богатырь мужик и знаменитый охотник. На его счету не один десяток добытых медведей и изобрет-пантачей не считая дикой козы, которой добывает за сезон сотнями. Говорят он одними большими руками закинул медведя в берлогу хотя и сам изрядно пошатился. Я сам видел глубокие следы на его теле.

- Все это верно - сказал отец, - но есть и другие разговоры, что помимо охоты он и опротоное отменяет. С корчевой стражей у него якобы рука руку моет.

- Опротоносов у нас хоть отбавляй, но нам с ними воевать нечему, на то есть корчевая стража - заключил старшина.

С этим разговором мы вошли в канцелярию волостного правления.

Получив нужные указания, раз"яснения и советы в работе с землемером и записку отца к хозяину кирпичного, я был готов к походу в Николаевку. Задерживали какие-то служебные разговоры старшина и отца с Иваном Карловичем.

Пользуясь этим случаем, я спросил разрешения пойти проститься с хозяйкой.

Простясь с хозяйкой и выйдя из квартиры, я увидел возникшую у амбара Дарышка. Подошёл к ней и сказал:

- Ну что и красавица, давай попрощаемся, через полчаса ухажу с попутчиками в Николаевку, а когда возвращусь, если не задержит в тайге медведь, обязательно приду к вам в Покровку и попытаюсь пробраться к тебе на вышку и познакомиться с твоей пяткой.

- Ну таких отчаянных табашников медведи не задирают. А скоро ли Леонида возвращеешь?

- Кто его знает, видимо месонца через два.

- Два, - это не так долго, но в другой раз и один день кажется в целый год. А до завтра запужался остаться, застрашился моей пятки.

- Да нет Дарышка, и на три дня, и на неделю бы остался не отращивая анюк на лбу от твоей пятки, да твой и мой отец велит уйти сегодня. А лоб мой, я уверен тебе покажется. Правда ведь Дарышка.

- Бог знает как бы оно было, но жалко такого как ты терять. Ох скушно мне Леонида, де, нутра скушно. А может до вечера останешься.

- Нельзя Дарышка, нельзя красавица, не в моей это воля. Да отчего тебе скучать, у тебя тут рядом и суженый Пашка и возлюбленный Петруня, а вот мне в тайге действительно будет скушно. Правда, есть там одна знакомая мне деушка гольдичка в стойбище Улино, очень красивая и милая. Это не обыкновенная деушка, а особая. Она и замечательная мастерица по рукоделию, и рыбачка замечательная, и охотник на зверя отличный. Несмотря, что ей всего 17 лет, а она наравне с мужчинами и рыбачит и охотится и правит собачьей партой, чудесная деушка.

В прошлом году во время кетовой рыбалки я два раза был в стойбище и там познакомился с ней вот так случайно как сейчас с тобой, а потом уже позже, по снегу, охотясь с приятелем на зверя еще раз побывал в Улино и подружился с ней и ее родителями.

Проведу зиму, на новый год, она с отцом и другими голы-
данами приезжала на собачьей карте к нам в Волочаевку и гостила
у нас два дня. Мне в подарок привезла красивые, сделанные и
расшитые собственными руками горбоса из лапок изюбра и вот
этот расшитый кисет. Я рад, что когда поеду с землемером, с
ней вновь встречусь.

- Питерь пресвятая! Да что ты молел Александра? Бита косо-
глазая, сопливая и грязная азиатка и красивая и мила тебе.
Он до чего ты грязен парень. Да с тобой я разговор вести
грязно и противно. Ты поди яме и обманя и расколовал енту
грязную голыдицкую диварку. Итфу на тебя Александра, а яло соби-
рался ко мне на вишку. Да я не только одной пяткой обами нога-
ми, а то и колом тебе турну. Итфу, итфу на тебе, уходи немедля
отсюда. Гореть тебе в аду кроменном.

- Постой, постой Дарышка! Упокояйся и выслушай меня. *Р*
ведь тебе еще ничего не о"янил, а ты раз"являлась как тигр, итфу.

- Ничего на хочу слушать. Сказано убираться отсюда. Иди к
своей грязной азиатке.

- Вот видишь какая ты злая Дарышка, навряд ли такую
злую, заходят взять в жены и Петруня с Павкой! Ты вот обозна-
ла голыдицкую девушку не видя в глаза, и грязнулей, и косо-
глазой, и сопливой, и азиаткой. А ведомо ли тебе как нас с
тобой называют богатые, чистенькие жабаровские чиновники и
другая дворянская и купеческая знать? Не ведомо. Так знай, они
также и нас зовут грязной деревенщиной, никультурным мужичьем.
Ты думаешь этот выколенный чинуша подает тебе здоровяясь свою
беленькую ручку. Нет он брезгает взять нашу рабочую мозоли-
стую руку в свою. Правда, если омазливенькая, королевская, он
после горячий ванн взбрызнет тебя духами, одеколоном и
тогда уже расцелует и соизволит пригласить тебя в свою постель.
Все это мерзость, но все это правда. Они не видят того и не
хотят понимать, что мы с тобой в десятки раз их чище и чище,
правда не мозолистыми руками и босыми ногами, а чище душой и
совестью.

При этих словах раскочиваясь девушка сразу прыгнула и стала неловко поднимать свои босые, не совсем чистые ноги под юбку.

Потом посмотрела на меня и уже сдержанно сказала:

- Пусть он целует свою белоручку пахучую барыню, а нас и свои деревенские расцелуют и помараче их. Истинно они нас срам-ятся, а вот хлебушко и всю озябу нашу та жрут и молочко пьют довно нашими грязными руками, сметанку пьют и не брезжут.

- Вот видишь, даришка, ты наконец сама поняла как некрасиво, не честно и несправедливо относятся к нам эти чинуши белоручки называя нас грязными, не обтесанными, деревенскими, мушкетерами. А как же позволяй спросить и понять тебя, когда ты не выцел в глаза обзвасаешь гольцадку девушку и грязной, и сопливой, и азиаткой и тут же, за мое с ней знакомство триниди плежула на меня и валяко обозвала вплоть до противного грязника, да еще и кол пообещала на мою голову если я захвачу к тебе на ваху.

- Да они енти гольцы и зпраны, гльзны и сопливые азиатки. Ты поди бывал у них в фанзах?

- Это правды, что они живут не опрятно, грязно, сидят в фанзах вместе с собаками, почти всю жизнь не моются. Вот не знаю носят ли они нижнее белье. У них нет никаких школ не говоря уже о своей промышленности, нет никаких больниц и ничего другого указывающее на культуру. Это лесные люди в основном живущие по рекам и вся их жизнь и быт зависят от условий реки и тайги. Никто им не признает никакой культуры, никакой цивилизации, а наоборот разные проходчики, обиралы опмизают их опириом, грабят, отбирают и ныряют за греновый порох, табак и прелую чумизу драгоценную пушнину, обманывают, превращая в вечных своих должников, а в некоторых случаях насилуют и отби-рают якобы за долги их молодых жен. И представь все это проходит безнаказанно, ведь на гольдей ни суместушные законы, ни судьи не распространяются.

Вот тебе и дикари.

Ну а мы даришка далеко ли от них ушли? Правда, мы можем хотя и не всегда мылом, но субботах париться в курных банях.

метом и моем поим в наших домах, не оним с собаками, не краем сироту рыбу. Ну а культура, образование, наука и вообще какая либо цивилизация, где они у нас? Не будем брать нашу Валочавку, она только два года как основалась, а вознем нашу Покровку, она уже десятка два лет существует, да и ты видимо уже в Покровке родилась, а вот где ваша школа, где больница (хоть к Вам из Хабаровска изредка приезжает фельдшер) где ваша библиотека или какое другое культурное предприятие? Нет ничего этого как и у голыдей я, видимо не скоро будет. Вместо всего этого у нас один староверческий маленький дом в котором дурманят нас так же как маман дурманит своих голыдей. Разница здесь только в том, что маман поим и проповедники выбрав нам в головы святых угодишков, а маман наоборот выбрав из своих соотечественников злых, дьявольских духов.

Вознем хотя бы тебя Дарьяшка, — умешь ли ты читать и писать? Была ли хотя один раз в театре или кинозритель? Держала ли ты хотя один раз в руках хорошую книгу или газету, а ведь в них не редко пишут хорошее и умное и про нас.

Нет, ничего этого с тобой не было.

Ты вот назвала девушку голыдичку с которой я знаком и дикаркой и азиаткой, а вот знаешь ли ты что такое Азия, в которой козати ты сейчас и живешь? — не знаешь, Азия эта часть света на нашей земле в какую входит и весь наш Дальний Восток с Хабаровском и нашей Покровкой. Значит и ты азиатка, а коли не грамотная, значит не культурная, а если не культурная, значит и ты такая же дикарка только особого рода.

Однако при всем этом в противовес нас староверов, и у этих дикарей голыдей большая тяга, большое желание к учебе, знаниям, к культуре. Я бывал у них сам в этом убедился, но они всеми заброшены, никто им ничего не подсказывает, не помогает, не организует. Сами они организовать не способны, так как живут разрозненно по всему Амуру и его притокам в маленьких в две-три фанзы стойбищах, при этом на больших расстояниях фанза от фанзы, стойбище от стойбища.

Во многих случаях живут одиноко одной семьей, а некоторые из них не имеют и постоянных бань, живут не оседло, а постоянно кочуют. О таких кочующих мне рассказывали: ушел в тайгу из-за или член семьи, усил крупного зверя, вслед за оленником к этому усилному зверю передвигается вся его семья, ставят там свой лагерь и живут пока не съедят добычу. Потом таким же порядком все продолжается снова и снова.

Страшно в это верить, но говорят, что еще встречаются такие кочующие семьи.

Жизнь в таких условиях, разве этот засильи, а поэтому и вымирающий народ в состоянии построить себе школу и учиться. Поистине, без большой государственной организованной помощи, они ни на что пока не способны.

Ну а вот вы, Покровчане, староверы, или карьяки как вас больше называют живете у самого города на хороших землянках, сенокосных и выпасных угодьях с удобным водным сообщением с городом и базой флотилии. У вас тут все, — посевы, охота, рыбалка. Все вами производимое и добываемое вы обмениваете горожанам за частую монету. Рядом китайская граница, занимаетесь и контрабандой. Живете богато, могли бы без помощи государства построить у себя не только школу, а целый университет и отгнать на всю Тунгусскую волость больницу. А что у вас есть? Моделный дом и больше ничего. Много ли у вас грамотных на все деревни? — два — три человека умеющих только с трудом читать и писать, а из женщин ни одной. Гольды от условия тесной разрозненной жизни не могут учиться, а вы ирдяки от бескультурядности и какой то кулацкой выгоды не хотите учиться. Вот и решил кто же больше диньки, — гольды или вы.

Как то мне отец говорил, что в Николаевке и во Владимирове школы существуют, хотя в обширных лесах, а детей учат грамоте.

— Ну и пускай учат, а нам это ни к чему, мы и без грамоты хорошо проищем, а вот, что ты нас с гольдами порождая и таким же азиятами обозвал — это насмешка.

— Да ты дарышка я вижу ничего из сказанного мною не понял. Разве можно гольдой равнять с вами, гольды-нищета, убожество,

голод, болезни я зависими от всех проходящих, куликов, мовонников, которые держат их в кабале, а вы богаты, у вас всего доволь, сити, здоровы ни от кого не зависими. Вирочем напрасно я тебе все это об"ясняю. Об этом лучше бы поговорить с Василием отцами на оходе. А с тобой у меня еще будет разговор когда я вернусь с Тунгуски.

В это время забежали во двор какие то двое ребят и сказали, что меня зовут в волость.

- Ну что ж Дарышка, познакомилась, а теперь давай попрощаемся и я протянул ей свою руку.

Она помедлила, оглянулась вокруг и убедившись, что никого во дворе нет, протянула свою руку и сказала:

- А ты не брезгишь Александра взять мою руку в свою, а я думаю?

- Напрасно ты так подумала Дары Лазаревна. Я не такой барчук и чинуш, о каких я рассказывал. Я волоочовский житель, больше года проработал на полустанке ямником и писарем, а теперь еду рабочим с землемером. Руку эту крепко всем кто не брезхует моей. До свидания. Эди. А поговорить с тобой нужно еще о многом.

- Еду ехать Александра, еду ехать.

Войдя в помещенье волости я застал всех троих за развернуто на столе картой реки Тунгуски. Об"яснял что-то Иван Карлович.

Увидя меня, отец сказал:

- Вот ему проку Вас Иван Карлович и об"ясните все по подробней. Как только мы обоедемся картой, эдак она у нас единственная и отдать Вам ее мы понятно не можем.

- Не беспокойтесь Василий Трофимович, карта дома у меня есть и более подробная, более правильная. По ней я Александру Васильевичу и покажу более удобные места для поселений.

- Вот и прекрасно. Василии Шура и ты на нашу карту и соберайтесь в путь-дорогу. Время уже перевалило за полдень, а вам идти целых пятнадцать верст.

Пятнадцать это по времени и проезжей к Ивковским дороге, а мы пойдем по тропе, срежем угол и сократим путь на целых три версты.

- Ну Вам Иван Карлович виднее, Вы эдакий знател и всеходы и выходы знакомы.

Рассматривая карту, Александр сказал:

- Хорошо вы сшить копию с этой карты, а проезжая по реке с землемером, я многое вы уточнил и нанес на эту копию. Я уже вижу неточность на этой карте. Реку и всю местность от сопки Балаганского до гольдженского стойбища Уланке, я хорошо знаю. Здесь неправильно, не точно нанесена протока на которую живет с семьей голыдь Анка Гельди. Совершенно отсутствует вытекающий в нее приток речушки Поперечка с большими Комариными оз. Нет второго притока с громадным озером Ханы-Талга. Впрочем многое нужно уточнить и дополнить.

- Копию мы сделаем в Николаевке, карта дома у меня есть, а времени у нас будет достаточно, ведь до приезда землемера у нас впереди еще целых пять дней. Да и землемер видимо придет не с пустыми руками, у него должны быть и более уточненные карты и все другое требующееся для нашей экспедиции.

- Это верно, что у землемера будет все для оного дела нуное, а вот эти протоки и озера я полагаю вам ни к чему. Вы едете на озера считать, а наметить будущее по Тунгуске деревни, нарезать для них участки под жилью, выделить оленосные угодья и прочая.

Я полагаю, что у землемера будет на сей счет нужные указания слыше, - выказал свое мнение старшина.

- Да как же это получается? Нет, я с Вашими выводами Лаз Варфоломеевич в корне не согласен. - Возмущился Александр, хотя и знал, что это не тактично. - Организовали у нас новую Тунгусскую волость и мы не будем знать ее точной территории что на ней находится.

Вам нужно воспользоваться этой поездкой и нанести на карту точные географические данные всего бассейна Тунгуски, всей той местности где мы побываем. Как это можно, живя в Тунгусской волости и не зная, что на ее территории находится, не зная где эти большие озера и порезавшая всю волость речу

Поперечка. Я предлагаю, для изучения территории нашей волости, в будущем создать специальную экспедицию и если на это не выделит орадеть, организовать ее на добровольных началах.

- Хорошая мысль и дальное предложение. Это действительно нужно, сказал отец, но где взять деньги, а их потребуется не малая сумма. Мы же на это мероприятие пока не имеем ни копейки. Добровольные начала, - это пока красивые слова, да и на них все равно потребуется какая то сумма и нужные материалы.

В поездке с землемером так или иначе, но бесспорно придется заносить на карту рельеф реки, определенные места для селений, но это будет вероятно делать сам землемер. Вы можете уточнять и заносить в свою карту что Вам угодно, но учтите, чтобы это было без ущерба делу.

- Горячь ты Александр Васильич, ой как горячь,

- промолвил старшина. - В этих вопросах наперед нужно бы обратиться к старшим и узнать, что для этих экспедиций мы имеем. Слышал, что ответил тебе отец. Молодо-зелено, а узнать старших все же нужно.

- Я поддерживаю Александра Васильевича, что данную поездку с землемером нужно в какой-то степени использовать более широко и разумно - вмешался в разговор Иван Карлович. -

- Мы дадим ему копию своей карты, а он имея для этого желание пусть в свободное время, без ущерба основному делу, исправляет и заносит в нее все что увидит и до самых мелочей. Впрочем мы это с ним обсудим детально. Надеюсь и убежден уважаемый Лазарь Варфоломеевич, что его добровольная работа над картой ничуть не отразится на общем ходе работы с землемером.

В вопросе специальной экспедиции для изучения территории волости, мы с Александром Васильевичем продумаем и внесем свое предложение. Лучше всего вызвать в волость или в другое место по одному из каждого села и стойбища желательно старых знающих охотников и с их слов и рассказов составить примерную карту.

Потом постепенно ее уточнить до выделения средств на это мероприятие. Впрочем мы как-нибудь после, но не откладывая в долгий ящик представим Вам в взыскость свои письменные соображения. А теперь Александр Васильевич давай отправляться в путь.

Вот таким путем и в таких обстоятельствах я познакомился с старшиной, его дочерью Дарьяшкой, их староверческой Повровкой и с малейшим человеком, жителем Николаевки Иваном Карловичем Корбергом.

Глава Восемнадцатая.

- 251 -

ТУНГУССКА

В Николаевку Иван Карлович пригласил Александра до приезда землемера погостить у него. Их радушно и гостеприимно встретила молодая, красивая и приветливая хозяйка, жена Ивана Карловича Александра Николаевна.

Еще дорогой идя в Николаевку Александр узнал, что Иван Карлович сын осмьного польского немца. В Николаевку он живет с начала ее основания с 1899 года. В свою очередь Александр в кратце поведал, что и его семья является "добровольно" осмьной.

За ужином только и были об этом разговоры и распросы.

После ужина немного отдохнув и выслушав пушиное с киричином заводе и его хозяевам приступили к обсуждению основного вопроса заселения реки Тунгуски.

Карта бассейна реки у Ивана Карловича оказалась более подробной чем та которая имеется в волости, но обе они доходили только до безымянного гольдинского стойбища впоследствии названного Иманкой. Дальше находилось "белое пятно".

Для Александра умевшего не плохо рисовать, снять точную копию с карты не представляло большого труда, но эту работу отложили на завтра - послезавтра.

На всей карте по Тунгуске от ее устья накаплившегося в 15 верстах от Хабаровска вниз по Амуру - значилась: первым из нескольких фанз гольдинское стойбище Эликоо; вторым - два русских домика и две гольдинских фанзы у подножья именной сопки находящейся рядом с Николаевским заливом; третьей - значилась по

заливу деревни Николаевки и лесопильный завод; четвертой - в протоке в одной версте от Балаганской сопки корейская фанза соея, которой обрабатывала участок земли, на котором выращивала картофель, овощи и соея мак для опиума. Фактически эта земля принадлежала Хабаровскому жителю Голубеву; местим значилось из нескольких фанз стойбище Улино. Последним в 20-25 верстах вверх по реке значилось стойбище Шаманка.

На этом карта обрывалась.

Протока в восьми верстах от Волочаевки на карте обозначена, но на фанзе в которой живет голыд Анно Больды, на притока Поперечки с двумя большими озерами на карте не было.

Объясняя карту Иван Карлович говорил:

- по моему мнению самые удобные места для будущих сел, - это у каменной сопки в пяти верстах от Николаевки, говорят все - вышенное место, хорошая земля и большие сенокосные дуга где живет и обрабатывает землю кореец. Это почти рядом с Балаганской сопкой, но я там не был и точно не знаю. Дальше верст двенадцать от Балаганской сопки стоит на берегу реки еще одна небольшая сопка, а за ней вдоль берега версты на три высокая незатопаемая воя в дремучем лесу местность. Напротив через реку хорошие релки для пашни и большие сенокосные дуга. Потом дальше хорошее место для заселения у стойбища Улино. Дальше верстах пятнадцать по реке Кур большая до самого голыдинского стойбища Шаманка возвышенность вполне удобная во всех отношениях для большого села. За последним стойбищем местность ни - чем не плодородна и известна она только голыдам охотникам. Говорят там дальше никаких стойбищ нет.

Для установления ясности следует сообщить, что Тунгусской река называется только до ее разветвления начинающегося в нескольких верстах ниже стойбища Улино. Дальше идут два притока, составлявшие Тунгуску, левый река Кур, правый река Урин.

Кур до самого последнего стойбища судогодный, возможно он судогодный и дальше - но это пока не выяснено. По реке Урин недалеко

от его устья начинаются большие перекаты через которые могут проходить на своих плоскодонных лодках только специалисты охотники гольца.

Говорят выше по Урми за его перекатами хорошие удобные земли и немало находится гольдичьих стоян.

Все это еще требует проверки, исследовать.

- Как увлекательна интересная и заманчивая вся эта неизвестность - сказал Александр -. Я бы сегодня прямо на крыльях улетел в верховья этого Кура и на этот загадочный Урми, но с такими тупицами как наш уважаемый старшина, высоко не прыгнешь, далеко не уедешь и многого не узнаешь.

Крепко еще притеснены и замкнута наша воля и стремления, и представляете не только высоким начальством, а и такими вот маленькими, безграмотными но много враждующими начальниками как наш Лазарь Варфоломеевич.

Вся Надежда на землемера, но каков будет, он ?

На следующий день позавтракав Александр отправился на кирпичный завод, он находился примерно в двух верстах от Николаевки.

Это было примитивное, сделанное на скорую руку предприятие состоящее из трех крытых узких и длинных навеса под которыми сушился сирец кирпич, большая половина в земле кирпичная печь для обжига кирпича и летнего типа барак для жилья рабочих.

Местность была удобная возвышенная. Тут же рядом в заболоченном месте находилось болотце из которого бралась желтоватая, вязкая глина, рядом и в болоте и в реке вода, а на берегу хороший песок. Дрова бралась часть из отходов лесопилки, а часть крепкой породы привозилась бартами по реке.

Еще вчера, будучи у "вана Карловича, Александр узнал

некоторые подробности возникновения этого завода и о его хозяевах. Оказалось, что два компаньона рабботавших на золотых приисках, затемли в Хабаровске строить кирпичные дома для сдачи их квартиропанимателям, а уже выстроили рядом с Муравьев-Амурской площадью четыре трехэтажных больших дома. Для этой цели был и построен этот кирпичный завод обеспечивавший всю их постройку. Последние годы они выгодно продавали кирпич другим строителям, но потом, чтото они между собой не поделили, компания их распалась и они решили кирпичное предприятие продать. Покупатели видимо не нашлось, а рядом почти в черте города строился другой кирпичный завод, который уже являлся их конкурентом. Вот по этой причине они и решили его ликвидировать.

Старик, бывший компаньон темных делов, а теперь домо-владельцем города Хабаровска, — ныне является членом городской думы. Эти "опыты города" богатеют, живут от взимания арендной платы за сдаваемые дома предприятиями и богатыми квартиропанимателями, а их сынки вроде этого щеголя ликвидатора завода, — разложившиеся ресторанные путилы. Ко всему этому этот сынок имеет в Хабаровске жену и тут бездельничает, изливает, страшно скучает и торопится все это скорее прикрить, ликвидировать. Вот этот сыночек и уговорил своего папашу подписать кого либо другого завершить эту ликвидацию.

— Между прочим этот Паша веселый и любезный молодой человек. Он от скуки частенько ходит к нам — дополнила рассказ Ивана Карловича его супруга. Как то даже задумал и за мной познакомиться, но незнаю, что сказал ему мой муженек, только после того наш Паша сразу охладел.

— Ну и задумница ты у меня Саша. Никакого разговора на эту тему у меня с ним небыло. Это ты просто сочинила и навесил себе пену. Да ты и без этого у меня золото неразменное. А ходит он к нам не ради твоих хороших глаз и любезностей, а ради твоего хорошего борща и прекрасно приготовленной рыбки. Да и расписать ему из своих запасов бутылочку одному скучно, вот он к нам и повадился. А притих он видимо потому, что один раз не помню где я его крепко осадил когда он расхвастал-

он о своих любовных похождениях и предупредил, — не вздумай мол проявить эту подлость здесь у нас в Николаевке, здесь большинство жителей из бывших осмыленных каторжан, а поэтому народ прямой, честный и никаких подлостей среди себя не допускает и не терпит подлости со стороны. А он порядочный трусишка, вот и притих.

С этим ликвидатором Павлом Кирилловичем Александр познался очень быстро и не на заводе, а у него на квартире. Жил он рядом с лесопильным заводом снимая комнатку в доме заводского рабочего.

Он действительно оказался молодым, симпатичным и веселым парнем.

Узнав кто я такой и зачем явился к нему, он сразу чуть не задушил Александра в объятии и тут же сразу перешел на ты и на Шурку, а себя приказал называть только Пашкой.

Рассказав кратко о злодешнем предприятии, которое поручили ему ликвидировать, и о страшной здесь скуке, и если бы не прелестная Александра Николаевна и не увлечение охотой на водоплавающую и боровую дичь к которой он пристрастился, то в пору хоть в петлю лезь.

На стене у него действительно висело двухствольное центральное боя ружье которые в те времена были большой редкостью. Рядом висел патронташ со всеми ружейными принадлежностями.

После всех жалоб на судьбу, пошли уже вместе осматривать его "злодешное" предприятие.

На заводе было всего 13 человек рабочих. Из них 8 китайцев изготавливавших кирпич сирец и укладывавших его для просушки под навесом, и пять человек русских работающих на обжиге кирпича. Руководил и поделкой сырца и обжигом кирпича большой квалификации мастер, тоже из бывших сахалинских каторжан зачисленный сюда из какого то большого русского города. Он умел выработать и выжигать высокого качества кирпич, выдвигав

живший столетие существовании при любой климате и при любых климатических условиях. Ему я платил козлева двойную или тройную ставку жалования.

К рабочим он был добр, но и требователен. Не терпел и не допускал никакого брани. К хозяйству относился презрительно и так же не терпел никакого вмешательства в свои дела. Да этот хозяйчик и сам никогда и ни во что не вмешивался.

Познакомившись с мастером и со всем другим, что ему хотелось знать, Александр и Павел Кириллович пошли вместе обедать к гостеприимной чете Хербергов. По пути Павел Кириллович заскочил на минутку к себе в комнату. Вынул прибранный, прилизанный и надушенный дорогим одеколоном.

Перед обедом у Хербергов он достал из кармана бутылку хорошего коньяка и поставил на стол. Иван Карлович сразу нахмурился.

- Сколько я раз тебе Павел говорил, чтобы ты не смел с этим зельем являться ко мне на квартиру и сколько об этом еще нужно тебе говорить

- Да не жмурься Иван Карлович. Честное слово даю, что это последний из последних раз. Потом это ведь ради знакомства с Александром Васильевичем и поверь, это последняя у меня бутылочка, которую я так долго и тщательно хранил для такого случая. Я ведь знал, чувствовал, что мне смена наконец будет.

- У тебя Павел это уже десятая и все последняя. А насчет смены поторопился, она будет не раньше чем через два месяца. Не знаю разрешит ли нам Сама ради знакомства выпить по рюмочке, теперь все будет зависеть от нее.

- Теперь коли бутылка стоит уже на столе разве от вас отвяжется. Поневолье разрешить. А за знакомство с Александром Васильевичем я и сама не рюмочку, а целый бокал выпью.

- Вот и прекрасно Александра Николаевна, скорее ставьте Ваш большой бокал и наши маленькие рюмочки, но ждать еще два месяца пока мы их сменить, я не в силах. Буду просить Александра Васильевича, чтобы уже через неделю, самое большое через две, он у меня привал все это глиняное дело с рук на руки. Иначе не выдержу, наложу на себя руки и висеть мне где либо на сухой осине.

- Видернись и три месяца. У батя твоего характер крутой, что прикажет то и будешь делать, хотя ты и делать ничего не умеешь - ответил на его слова Иван Карлович.

- Что верно то верно, такого изверга как мой батя не сыщешь и на краю света. А жалко, денег у него я в банках и дома можною лопастся, а чтобы выудить у него на личные расходы какую нибудь черт-вертную, бочку слез прольешь. Выручает бедняк и всеотерявший мамаша. И если бы не любимая мною мать и Наташенька, не маиновать тебе Иван Карлович снимать меня с сухой осины и вынимать из петли. Для этой цели я постоянно и патрон с крупной картечью имел наготове, - не петля так пуля.

- Будем надеяться - сказала улыбаясь Александра Николаевна, - что ты Ната ради мамы своей Наташеньки и нашего знакомства сохранишь свою драгоценную жизнь и дождешься возвращения Александра Васильевича. А ту злосчастную сухую осину немедленно прикажи срубить и сечь на обжиге кирпича.

Так в разговорах, в работе над картой и знакомством с Николаевкой незаметно и пролетели четыре дня, а на пятый к вечеру появился в заливе джампий черной гарь переселенческий катер "Переселенческий катер" "Переселенец" на котором прибыл землемер Аркадий Брынович Земсков.

К этому времени прибыли в Николаевку старшина и отец.

Землемером оказался лет тридцатипяти довольно улитанный с небольшими браком и энергичным лицом человек.

На практике он показал себя всеотворонне знающим, деловым и прекрасным специалистом. Был на деле начальником и учителем, а в жизни хорошим компанейским товарищем. Все двухмесячную экспедицию он наравне со всеми выполнил всякую работу, жил в одной палатке и ел с одного котла. Нелюбил разгильдяйства, лени и попустительства. В этих вопросах был требовательным к себе и к другим. Он с первого дня расположил к себе всю артель. Был он и заядливый охотник и рыбак. Помимо всех нужных инструментов, материалов и продуктов, воз с собой хорошее дукье с достаточным количеством боеприпасов,

небольшой кусок ставной трехстенной сетки и гитару.

Встречать землемера были на берег старшина, отец и Иван Карлович. Все они с ним виделись раньше в переселенческом правлении, поэтому были примерно знакомы.

Появление парового "Переселенца" в Николаевке в заливе было редким событием, поэтому на берегу уже толпилась куча любопытных зевак включая и женщин. Среда зевак в сторонке стояли Александр и Паша-ликвидатор.

С уттера сошли землемер и степенный, седовласый капитан судна. Поздоровавшись все шитеро направились в дом Ивана Карловича. Зная, что сегодня нас к Ивану Карловичу не пригласят, мы с Пашей ушли ночевать к нему на квартиру.

Утром в доме старости села куда Александра позвали уже находились землемер, старшина, отец и четыре других человека.

Увидя Александра, отец обращаясь к землемеру сказал:

- Вот мой сын Александр которого мы рекомендуем Вам Аркадий Бржевич вторым рабочим. Инженер мальком взглянул на меня промолвил:

- Молод, боров через пару дней к маме запросится. Мне нужны здоровые, крепкие и выносливые ребята. Вот такие молодцы как этот и он указал на здорового лет тридцати мужика сидевшего на лавке. Мужик взглянул на меня; улыбнулся и как то бравадски подкрутил свои усы. "Смотрите мои каковы я".

- Да нет, он не мамин сыночек - ответил отец. Несмотря что молодой, а он уже зиму проработал ямщиком и писарем на полуостанке. Он и охотник и рыбак не плохой и Тунгуску немного знает. Так, что напременно вы о маминем сыночке Аркадий Бржевич.

- Ну что ж, дело понамет. А о сыночке я так между прочим, но вот писарь мне действительно понадобится. Потом обращаясь уже ко всем сказал:

- Я думаю господу предложение Самыхатова очень правильное. Ведь в самом деле нас легче и быстрее забросить пароходом до са -

ного крайнего столбика чем подниматься туда против течения на лодках. Обратно по течению мы на легке будем спускаться назад и выполнять свою работу. Господин Семакотов как знавший Тунгуску нам много поможет, да и два матроса с катера нам уже не понадобятся.

- Я господин начальник буду с Вами не больше 20 дней, а 10-го июня я уже уеду на промысел.

- Маль, очень жаль. Хотя до 10-го июня тоже не плохо, а я предполагал, что Вы г-н Семакотов пробудете с нами всю экспедицию, да и заплатят ми Вам не плохо.

- Что мне Ваша четвертная. И при удаче заработаю если завезу два пачека в десять раз больше. Показать я Вам все успею когда будем проклинаться вперед по реке.

- Все это ясно и понятно, остается только решить вопрос с топливом. - подал голос капитан. Мой ковчег хотя и не велик, но дров поглотит уйму.

-Об этом Вам следует беспокоиться меньше всего - сказал Иван Карлович. Все заготовленное мною зимой и сплавное пароходству дрова, стоит целенаправленно по берегу реки. Первая партия верст в тридцать отсюда у одинокой сопочки, а остальные в устьях притока Кочугана. Дрова у самого берега, берег высокий, подход глубокий в плотную к берегу, подходи и сваливай дрова на катер.

-Это уже выход с положением, но дрова ведь не наши и не Ваши Иван Карлович, а пароходства.

-Ответственность за влезные дрова беру на себя - заявил землемер. - С пароходством договоримся в Каберовске.

- Тогда чтобы не расходовать топливо при стоянке, давайте готовиться к отплытию. Разрешаю всем отплывающим разойтись по своим делам, с таким расчетом, чтобы через час не позвонил полтора всем быть на судне. Подал команду капитан.

Дальше вспоминает и рассказывает Александр о всех дальнейших

прекращении экспедиции.

- Через полтора часа мы действительно уже выходили из залива. Немного задержал нас Семухатов привезший чуть не все своих припасов и снаряжений.

Против течения наш "ковчег" как называли его машинист и матросы продвигался медленно, и к Кочугану где находились заготовленные дрова добрались далеко за полдень.

К погрузке дров приступала вся команда катера: - два матроса, кочегар, Семухатов, я и второй рабочий, мой коллега которого привез старшина из Покровка. Это был молодой, здоровый и симпатичный парень, но чересчур застенчивый и робкий. Он оказался тем Петруней в которого была влюблена Дарышка.

Его видимо умышленно старшина выводит из Покровка, чтобы не мешал выдать дочь за Паньку.

В погрузке дров принимал участие и землемер, исключение имели только капитан и механик. Дрова были рядом в двух-трех саженик от приставшего вплотную к обрывистому берегу "Ковчега" и погрузка проводилась споро.

Торопаясь с погрузкой капитан так как до Улики нужно было продвигаться еще верст десять. Торопая Семухатов, старался всей силой работать и я в желании скорее попасть в Улику где предполагалась ночевка и где у меня все стояли друзья. Там ведь и эта милая девушка Таня при воспоминании которой невольно останавливалось сердце в сладкой истоме.

И частенько ловил сам себя на мысли, - не влюблен ли я в самом деле в эту голышанку доушную. Но это было бы полной трагедией. Если серьезно любить, значит нужно брать ее в жены, а жену голышанку не только отвергнут родители, но это и окончательно убьет больную мать. Да и в самой Волочаевке при существующем строе ей не будет прохода и никакой жизни. Чего доброго, - это может отразиться и на службу отца в войска. Нужно полагать, что и родители Тани этого не допустят и отвергнут такое родство. А

обмануть, использовать чистые чувства девушки. Я не мог позволить всем своим чувствам.

Вот с такими мыслями и замирающим сердцем я и торопился грузить дрова, чтобы скорее увидеться с Таней-Танэ. Да и перед землемером нехотелось оказаться мамлиным сыночком.

В Улице прибыли и вечеру. На берег смотреть эту диковину вышло все население стойбища. Большинству из них в особенности женщинам и детям впервые пришлось видеть такую большую лодку с дымящей трубой.

Как не подошла к берегу я увидел среди стоявших женщин Таню. Она стояла рядом с матерью, наблюдала за подходящим на — тером и слушала ослух, огорченную старушку, которая рассказывала как она была в большом стойбище Хабаровка и видела большие плавающие лодки на которых стоят большие фанзы с дверями, осями и трубами величиной с громадное дерево. Один раз и ей пришлось плыть на такой большой лодке по реке Амур который много больше нашей Тунгуски чуть не до самого стойбища Троицы и Нейки.

Когда причалив и установив трап мы сошли на берег многие узнав Семикатова и меня начали нас бурно приветствовать, а Таня в простой рыбацкой из кетовой кожи robe, радостная и смущенная старалась спрятаться за мать.

Поздоровавшись с знакомыми мужьями и женщинами я подошел к Тане, взял ее за руку и сказал:

— Что причешься Танэ, разве не рада нас видеть ?

— Ой-я Цурка. Танэ много радуется. Много раз просил папа Волочайка ехать — ответила за Таню мать. Она много и много скучала.

— Мам, — завопила от смущения Таня и зажала ладонью рот матери —

От таких простых и откровенных слов сказанных сейчас матерью Таня и от такого смущения самой Таня, я окончательно убедился,

что эта дочь тайги, эта милая "дикарка" действительно, и, видимо всем своим юным и пылким сердцем меня любит. О радость. На мгновение я потерял над собой власть и бросился схватить, обнять и расцеловать это невинное чудесное существо, но она успела меня предупредить, увернулась и скрылась в фанзе.

Все эту процедуру капитан и землемер созерцали из капитанского мостика, они знали, что мы с Семихатовым здесь не впервые и все население стойбища нам хорошо знакомо. Понятно, чувства мо- их к этой голышковой девушке никто не знал, да я и сам их в полной мере не принимал.

Два старика голыда подошли к мостку и начали приглашать капитана и землемера к себе в стойбище на кружку чая. Послед- ние от чая не отказывались, но прежде попросили ознакомиться их со стойбищем.

В осмотре стойбища и окружающей местности участвовали Семи- хатов и я. Этим осмотром мы положили начало нашей основной ра- боте. Примерно через час мы вернулись на берег и катеру при- мерно осмотрев близлежащую к стойбищу территорию.

К этому времени проворные матросы и кочегар, под общим руко- водством механика уже сварили целовое ведро жирной сазаньей ухи, вынесли из катера большой стол и тут же на берегу у костра организовали общий ужин.

Старшие голыды от приглашения поужинать в компаниях не оти- залась в надежде, что их угостят водкой, а это входило в ^{наш} ~~наши~~ землемера в надежде, что многое помогут и подскажут в его ра- боте местные жители голыды.

Семихатов и я от общего ужина отказались и ушли в стойбище к своим знакомым.

Когда я вошел в фанзу, на Тана грязной рыбачьей росы из кетовой кожи уже не было, на ней был чистый чудесно расшитый на-

циональный калат. В нем она выглядела красавенькой, размале -
ванной куклой. В фанзе было все аккуратно прибрано и чисто под -
мостено.

На столе покрытом желтой, выдавшей видн окатерью, лежало
горной нарезанное тонкой длинной лентой вяленое мясо изюбра
и сухое яблоко веты. В гончарной чашке находилась только что
приготовленная сазенья тала, а в другой миске дымившаяся паром
отварная, жареные куски сазана. Вместе хлеба стояла в чугушке
оставшая наша из чумизы. На печурке капал медный чайник. Знал
гостеприимство гольдаей, я понял, что все это приготовление
имело непосредственное значение к нашему приезду.

- Здравствуйте еще раз, дорогие хозяинши - приветствовал
я, рассматривая нарисован Мом и Тано и "багато" накрытый
стол. - Наверное не ждали нас так рано весной?

- Как не ждал, Семикат ждал маленьки лодки его, охота хо -
ди панта. А тебе зачем большой лодка води рыба пугаль, зверь
пугаль? Иди берега начальнишка большой лодка фанза зони, вся
старика зони однако говорил надо.

- Почему я должен звать, ты мом хозяйка, тебе и нужно при -
глашать гостей.

- Однако верно, ходи моя и тебе Цурна.

Она что - то сказала на своем языке Тано, взяла нас
обеих за руки и повела на берег к катеру.

К намечу приходу уже все усадили за общий стол у костра.
Матросы поставили ведро с ухой рядом со столом и готовились
разливать в миски. Мом что то громко сказала мужу и старикам
гольдаям. Те согласно закивали головами и встали из - за стола.
Потом обращаясь к капитану она сказала:

- Чего тебе начальнишка берег костра кушаль, моя фанза
уж готоваль. Ходи моя фанза.

Вслед за ней, все старики и по русски и по гольдяшки нача -

ли приглашать отужинать в фанза.

- Ну что подлазешь. Нужно для большего знакомства ува-
жить и хозяев. - Сказал капитан. - Оно, это знакомство гляди
когда -нибудь и пригодится.

- Что верно то верно. Это укрепить и расположат к нам
местное население дружеским отношением, а дружба с ним нам к стати
сейчас очень нужна.

- Тогда господа - обратился капитан к механику и другим -
разливайте уху в себе по мискам, а половину ведра ухи мы уно-
сим с собой. Без такой ухи и ужин не ужин.

- Коли так, перетаканывать не будем - согласился землемер,
забрав Александр уху и идите в фанзу, а я следом за вами,
захвачу только парочку горькой.

За стол в фанзе сели капитан., землемер, три гольда
старика помимо хозяина, две привидных старухи с грустными во-
зду и я. Как я не отказывался, но мне насильно усадила меня.

По лицу капитана было видно, что ему мое, простого ра-
бочего присутствие среди начальства не весьма нравилось. Он
молчался, сонел но помалкивал.

- А где же Семикатов - обратился к присутствующим земле-
мер. -

- Его ходи Егорка, однако компания охота панта собирай.
Его шибко товарища.

Когда немного подвыпили и изрядно подзакусили, старики
гольды и старухи поджили между собой спор. Потом один из них
поднялся и обращаясь к землемеру сказал:

- Его наша люди говорили тебе начальнишка хоту Тунгус делал
русски стойбищ делал? Его шибко бонса. Руски стойбищ худо. Лес
рубиль, трав кошель, совсем тайга зверь пугаль. Большой лодка с

труба Тунгус ходил рыб пугаль, лес плавал совсем рыб пропади. Зверь нет, рыба нет, как наша гольда наша. Нет кушаль, совсем помираль. не нада Тунгус волость, наада руски стойбица.

Приутахили старика и старуха качали головами и в такт говорившего повторили его слова.

- Крепко сказано, а мы ждали помощи от местного населения. Надеюсь, что они будут рады русскому заседанию Тунгуски. - Сказал капитан. - С их мнением понятно никто не считается, но все же и нашим переселенцам не весьма приятно будет иметь таких соседей.

- А чем же наши русские им помогли, в данном случае наше переселенческое управление, чтобы они были нам рады. Они больше рады китайским "искумеза" которые снабжают их боеприпасами и громовыми товарами, сплавляют их, забавляют, и отбирают за это драгоценную пушнину, при этом превращая их в вечных должников. А чем я как помогли наши власти этой обездолой, вымерзлой пародности. Высказал я, хотя и знал, что это создаст конфликт.

Эти слова окончательно вывели капитана из равновесия, он побагровел, всем туловищем повернулся ко мне и тихо но злобно промолвил:

- Рано и непозволительно начал вмешиваться в дела старших. Знай сверчок свое место. Работой что прикажут я крепко прыкну ланк.

Землемер видимо не ожидал с моей стороны такой смелой откровенности, испуганно посмотрел на меня, усмехнулся и обращаясь к капитану сказал:

- Конечно, с одной стороны молодой наш рабочий и прав, но об этом пущно говорить не здесь, а в другом месте и при других условиях.

- Таким бы я сказал крамольным разговорам нигде нет места! А потом кто он этот говоривший. Его взяли в экспедицию работать,

а не рассуждать. Трудно как я вижу Вам придется Аркадий Кривяч, работать с такими вот умишками.,, ох как трудно.

- Не беспокойтесь, уважаемый господин капитан. Мне не впервой раз. Как набудь справлюсь. Опыт имею, я научился работать с любым сословием и категорией рабочих. Думаю будет работать как положено рабочему. При этих словах он ободрился взглянул на меня.

Боясь, чтобы не нагрубить капитану, я поднялся из -за сто - ла, вышел из фанзы и сел не вдалеке на опрокинутую морочку.

От получившейся нехорошей перепалки и злобного поведения капитана, заволновались козлева фанзы и все присутствующие воляды.

Чтобы как -нибудь замять ооздавшееся положение и вместо дружи не получила вражда с местным населением, поднялся зем - лемер и обращаясь ко всем присутствующим сказал:

Напрасно вы уважаемые старики и старухи беспокоитесь, будто бы предполагаемые русские переселенцы на реку Тунгусску вам в чем то помешают , разгонят зверя и уничтожат всю рыбу. Тайга по реке Тунгусске велика и необозрима. В ней полно всякого зверя и птицы. Моря, озера и реки наши не исчислимы, широки ,глубоки и обильны. В них водятся неисчерпаемые запасы разной рыбы и мор - ского зверя. Разве можете выловить и уничтожить всю рыбу в такой великой реке как Амур. А в Амуре водятся сто пород всевозможной рыбы и каждый год идет с моря в Амур, сюда к вам и во все его другие притоки - реки и речушки такое громадное количество кеты, гор - горбуши и других лососевых пород рыб, что ее хватит и вам и рус - ским на многие сотни лет. Вы охотитесь рядом, в двух - трех верстах от реки, а что имеется дальше, вглубь тайги за десять, двадцать верст от берега вы и сами толком не знаете.

Наша русские переселенцы не охотники и не рыбаки, они бу - дут пахать землю, сажать хлеб, картошку , овощи, разводить скот,

свиной. В новых деревнях русские купцы откроют лавки, в них будут продавать всякие продукты и товары. Вам будет легче жить рядом с русскими, все можно достать и купить тут же на месте и в любое время не ожидая китайских купцов которые вас действительно грабят.

Вы ведь слышали и знаете, что по реке Амуру имеются большие русские села: Елабуга, Тропкое, Вознесенское, Пермское и многие другие, а рядом с ними большие голышские стойбища такие как Сакачи - Алли, Найкин, Муха и многие прочие. Живут они мирно и помогают друг-другу. Звери никто не распугал и рыбы лови сколько тебе нужно. А по Амуру тоже ведь ходят большие пароходы. Когда сюда приедут переселенцы, так будет и у вас на Тунгуске.

Недослушав громко говорившего землемера, я поднялся с омы - рочки собираясь уйти на берег к катеру где после ужина у костра матросы и кочегар затеяли разудалые песни, а вокруг них собралась молодежь стойбища, но предчувствие мое оправдалось. В это самое время вышла из фанзы с букварем в руках Таня, робко подошла ко мне и тихо спросила:

- Зачем тебе Шурке ходи большой лодка, твоя тоже хочу делай руски стойбища ?

- Да Таня, я тоже еду искать хорошие места для русских стойбищ, но это большой вопрос и чтобы его разъяснить нужно много времени, а мы завтра рано утром пойдем катером дальше вверх по реке. Когда назад будем возвращаться, мы у вас здесь поживем дней пять, а то и больше вот тогда и соберу всех жителей нашего стойбища и постараюсь подробно все разъяснить о заселении русских реки Тунгуски.

Сейчас слушая ваших стариков, я понял как они обеспокоены и боятся переселения сюда русских. Сами ли они такого мнения или их кто настраивает, но факт остается фактом. Ты Таня передай от - ричкам пусть они не беспокоятся и живут спокойно пока мы вернемся сюда назад. Это Таня начальники русские плохие, а простой русский

народ, очень хорошие люди и вам местным жителям действительно легче и лучше будет жить в соседстве с ними.

Впрочем когда я вернусь сюда обратно, все вам объясню и растолкую.

- Я плохо понимаю. Школу хочу учи руски грамот. Тебе нет, другой показат не могу. А когда тебе назад ходи, скорей или много долго.

-Точно незнаю милая Танюша, возможно дней черед пятнадцать, а то и через двадцать.

- Ай - я, зачем много долго. Ваша большой лодка быстрее плавать, скоро пазади ходи.

- Нет Таня мы едем работать на долго. Большая лодка по русски называется катер или пароход отвезет нас далеко вверх по реке Кур до крайнего стойбища. Там мы останемся, а пароход вернется обратно в Хабаровск. Потом мы оставшиеся четыре человека будем медленно спускаться вниз по реке и смотреть хорошие и удобные места для переселения на них русских.

Ну а ты Таня как здесь живешь, весело или скучно проводишь время. Я очень соскучился за всеми вами и за тобой соскучился малая девушка. Садись со мной рядом и рассказывай все, все.

- Весело нет. Много скучно, скучно. Его душа груди сердца боли боли и моя много плакала.

-Ой Таня, так ты выходит сильно больная.

-Нет. Совсем больной нет. Охота ходи, рыба ходи. Одни сердца боли.

Потом она повернулась и медленно пошла к стоявшему сажених в тридцати большому раскидистому дереву.

Я понял ее состояние и у меня самого забилось сердце так как бьется только что впущенный в клетку перепуганный птичка.

Я подпрыгнул и медленно пошел вслед за ней.

Когда я подошел к дереву она стояла закрыв обеими руками лицо, я порывисто обнял и крепко прижал ее к своей груди. Оба мы невольно и как то передугано застонали и заколотались, загорелись и забались в унисон наши сердца. Отстраняя ее от себя и отняв руки от лица, я увидел как из ее черных чуть раскосых, но таких милых глаз выкатились и потекли по смуглым щекам две крупные кристальной чистоты слезинки. Красная кровь заволновалась до преледа и наши уста на долгие замкнулись в горячем и крепком поцелуе.

Что мы говорили дальше, я ничего не помню, но радостные кажется покаялись друг друг любить до гроба.

Очнувшись мы когда крикнула Таня выведывая из фанзы мам. Отстранявшаяся от неожиданности Таня вновь склонила свою голову мне на грудь прошептала:

-Шурк, моя шурк. Ненадо ходя парход, наша живи, охота моя компани ходя, рыба компани лови. Компани увей кругом. Парход ходя,, моя серца, боля и много мно плакаль.

- Нельзя этого делать. Я не хозяин. Хозяин большой в Кабаровске и меня послал на парход.

Но ты иди меня, малая Танюша. Иди, я скоро вернусь.
Мы еще раз обнялись и крепко расцеловались.

- Сколько буду жива, каждый день буду иждат иждать - прошептала она сквозь слезы. -

И мы расстались.

Спать я ушел на катер хотя переночевать у них, меня усиленно просила родители Таня. В фанзе у них обитковенные сплошные нары служящие для она всей семьи. На нах же лежат и случайных гостей, поосетителей.

Во избежание чего -либо недостойного со стороны меня или Таня находясь в такой близости друг от друга после таких бурных

объяснений в любви, и под разными предлогами отказался от их приглашения.

Во время этих переговоров, Таня с замираньем сердца наблюдала за мной и когда я отказался переночевать у них, она не сдержав слез убежала в фанзу.

Бедная милая, глупая девушка. Она и в самом деле могла натворить непристойных глупостей.

Не уснул почти всю ночь и я. Разные кошмары лезли мне в голову. Я убедительно сознавал и ясно понимал всю невозможность тесных обличий меня с Таней, но сердце диктовало свое и это было мучительно.

Глава девятнадцатая. Шаман.

Шла детвора и юноши, старики и другие взрослые были надути, нахмурены. Среди провожатых была и Таня. Она стояла рядом с матерью и радостная и грустная махала мне рукой. И только я смог ей послать воздушный поцелуй.

Не успев наш катер отойти от берега как вся детвора бросилась в оморочки и почти полную вероту провожали нас то обгоняя, то отставая.

До крайнего или последнего стойбища добрались в тот же день без особых приключений если не считать убитых землером двух диких гусей налетевших прямо на нашего "Переселенца". Ружье у землемера было действительно красивое и с резким сильным боем. "Зауэр три кольца" с гордостью называл его обладатель.

Семьхатов выжидался добыть более крупного зверя если в указанном месте причалит к берегу минут на тридцать-сорок. И действительно, причалив к высокому берегу с низкими сопочками, он сразу скрылся в зарослях дубняка. Не прошло и пятнадцати минут, как за ближайшей сопочкой раздавался выстрел, а еще

минут через штинадцать появился с большим пудом в два - три динии козлом и сам Семихатов. Вместе с козлом он бросил на пуду - бу "Переселенца" и найденный красивый рог изюбра.

- Ну брат и молодчина, это действительно охотник - промолвил подошедший капитан. - Прямо как по заказу. А почему только один рог, а где же второй? Я помню, что у оленей растет какется по два рога.

- Верно уважасный господин капитан, что растут два рога, но не в одно время и не на одном месте они их сбрасывают и те - руют. Возьмите себе пока этот один рог, а я обещаю Вам достать и второй который добуду во время своей охоты.

- Ну что ж и на этом спасибо, а в Хабаровске после другого рога, добрал выпивка за мной.

- Да вишь мы мастака и без рога, но с рогами, - это будет уже каким то почетом.

- Вот именно - подтвердил капитан.

Воспользовавшись стоянкой я взял острогу одетившую на время нашей экспедиции у отца Тани и пошел вдоль Обрывистого берега реки. В одном месте у самого берега я заметал сторожившую добычу крупную щуку и метким броском остроги поразил ее в самый пробет.

Чтобы легче вытащить на крутой берег сильно бьющуюся в воде щуку, я соскочил вниз на большую отвалившуюся от берега глыбу земли, но глыба была растрескавшаяся и начала быстро разрушаться и оседать в воду. На мой крик подбежал ко мне стоявший не вдалеке Петруня и помог мне уже мокрому по пояс выбраться на берег. Не выпуская поводка из рук мы уже вдвоем вудала усмирившую полу - чудовую рыбку на берег.

- У. У, махина, будь ты неладна, - проговорил Петруня и как онто ты Александра подданил такую?

- Этому искусству научили меня голыш, живущие на одной протоке недалеко от Воложаевки. Отец я два сына. Очень хорошие люди, у меня с ними большая дружба. На обратном пути обязательно побываем у них. А искусству добывать рыбу я тебя научу.

-Зачто меня учить, я и сам мастак рыбалить, но вот таковой осторожны еще не видал. Мы обыкновенно рыбалим сетями.

С такими разговорами мы вернулись на "Переселенца". Там уже было все готово к отчаливанию.

-О, о. еще добыча, да и солидная - рассматривая еще трепещущую щуку проговорил подошедший капитан. - Ну Вам Аркадий Ерьевач с такими хлопцами голодать пожалуй не придется. Такую щуку зафаршеровать, дажину хороших едаков насытить можно.

-Ну что ж, освободите ее от внутренностей, ложите на лод и возите на фарм в Кабаровск. Надеюсь Александр возражать не будет. - Промолвил землемер.

Как я небил зом на этого чинушу капитана, но сделать непротивное землемеру не мог и безразлично ответил:

-Зачем возражать. Я попытаться добыть для капитана еще и тай - меня, но не ручаюсь, так как здесь не бивал и условий местности не знаю.

-Добудешь я очень легко. Здесь рыбы уйма и никак не пуганая. - Подтвердил Семикатов.

В стоябище в котором намечалась наша конечная остановка при - были довольно рано. На берегу нас встречало с десяток пугливо настороженных ребятшек и ни единого взрослого. Когда мы причалили и вышли на берег детвора кучей отбежала сажень на тридцать в сторону фанз.

- Ану Егорич поднимись и дай тридцать хороших протяжных гудков, - авось проснутся. - Приказал стоявшему на палубе машинисту капитан.

У "Переселенца" гудок был особый. Прежде чем загудеть, он

начинал шипеть, кричать, свистеть и как то по своему лаять, а потом уже выровнявшись вдруг выл как стая собак на непогоду. Этого гудка не любил и даже чуть побаивался и сам канатан, по этому очень редко, только в вынужденных случаях его и применял предварительно заткнув уши ватой.

- Матросы говорили, что в Хабаровске по просьбе главного врача городской больницы, городничий голова запретил "Переселенцу" гудеть в пределах города так как ж-его вой присоединялась и начинала выть вся многотысячная свора хабаровских собак отчего у многих старух и детей с перепугу начиналась трысучка и больница переполнялась.

Анекдот это или правда, но разговор такой о "Переселенце" действительно был. Удивляло другое, - старик смазчик "Переселенца" всей душой любил этот вой и с наслаждением готов его слушать часами.

От первого шипенья и свиста всю детвору как ветром сдуло с берега, а когда он уже протяжно завыл, не только дети, но и все женщины забегали в фанзах под нары. Другие из них широким взглядом такое ревущее страховиде.

Во всем отойбище было пять небольших фанз. Все они стояли на возвышенности кучкой не далеко от берега и одна шестая побольше особняком стояла саженей на сто пятьдесят от прочих.

После третьего протяжного ревущего гудка из фанзы наконец вышел в стороне не выходя, буквально виснучий в разноцветном грязном халате примерно средних лет голыдь. Халат был перекачен поясом на котором висели десятки разных звериных костей, кабаныи илиня, черепа барсука или енота и черепи каких то крупных рыб. Там же висели и несколько порошковых костяных банок из под консервов и еще какие то побрякушки. В руках этот сумасшедший держал бубен увешанный костями, кусками кости и разноцветными лентами. Он не шел, а подсакивал, приседал, кружился, трясся всем телом и без конца бил бубном по рукам, ногам, го-

лове и по всему телу издавая дикие вопли и грохот своим убранством. Лицо его было вымазано сажей. Такими прытками и подскоками оглушая воплем окрестность он приближался к нам.

Капитан подал сигнал прекратить гудок.

Когда это чудовище приблизилось к фанзам, из них начали выходить трусливо оглядываясь старики, женщины и дети и следом за ним приближаться к нам.

- Тамая, - проговаривал Семикатов. - Это он считает нас злым духом старается нас напугать и не дать обосноваться в их стойбище. Трудно нам здесь придется, а возможно придется и уйти не солоно хлебавши. Я знаю этого шамана. Его считают знаменитым во всем гольдическом населении Тунгуски. Первый раз когда я сюда приехал на охоту, он и мне устроил такую же встречу и настроил все стойбище против меня. Я было струсал и отступал, а потом сообразил и подарил его подарками, а остальных водкой и потом остался у них своим человеком. Теперь каждый год когда я еду на охоту беру шаману подарки, а остальным гольдам угощение табаком и водкой иначе никакой удачи на охоте не види.

- И это мы слышим господин Семикатов от вас. Уйти не солоно хлебавши. Чего не доставало. Из-за этой дикой оргии, этого размалаванного бешеного клоуна срывать государственное мероприятие заселения русскими Тунгуски. Да прислать сюда десяток полицейских, разогнать этих дикарей и сметь это грязное гнездо. Видал я не один раз ваших "знаменитых" шаманов и не подарив подарками и водкой, а подчинил нашим законам и иногда и этим, - И капитан показывал свой увесистый кулак. - Вы что те господин Семикатов того. Ану Егорич, - крикнул он, - дай еще разок послышнее и с перерывом.

В это время шаман с воплями, выкрутасами и попой у рта приблизился почти вплотную к нам, а следом за ним боязливо

подославо несколько стариков, женщин и ребят. В это время и подал свой шипящий и воющий голос гудок "Переселенца".

Как отал перепуганных диких животных, но только с криком и воплем бросились все пришедшие обратно в фанзы, а Егорич продолжал подгонять их прерывистыми гудками.

На берегу остался не шелохнувшийся с места только один старик. Шаман гликнув на убегающих сородичей, камнем грохнулся на землю, стал кататься и биться как больной в припадке.

- Остановив капитана гудка, моя говоря надо - Оборотился старик к капитану.

Капитан махнул Егоричу рукой и злобный рев гудка с надрывом прекратился.

- Ну что скажешь старина ? Так то вы принимаете на нашей русской земле русское начальство. Запугать нас этим чудесом вздумали ? И он указал на катавшегося и бьющегося на земле шамана.

-Чего пугаль. Его не пугаль а шамани, гони злой духа. А тебе зачема пугаль саба и маленька детиска своя страшна гудка.

- Так это по твоему мы злой дух ? И этот бес хотел нас напугать чтоси мы не разговаривая с вами и не выполнив своих заданий отсюда убрался ? Ану сейчас же прикажи этому напугу немедленно отсюда убраться и прекратить все эти фокусы, иначе до утра буду трубить и вить своим гудком.

При этих словах капитана, шаман прекратил биться и раскидался на земле притих. Было ясно видно, что он прислушивается к разговору.

- Мой шаман приказывал не могу. Его одинаково руски доктор, одинаков руски пона. Руски пона бога гонять, наша шаман злой духа гонял.

- Не можешь ? Так я приказу сам. Ану Егорыч.

- Обозните господина капитан. Давайте попробуем какнибудь миром. Разрешите разговор мне. - вмешался землемер.

- Пожалуйста уважаемый Аркадий Юрьевич. Не мне здесь ра - ботать с этими дьяволами, а Вам. Пропу.- я капитан демонста - тивно повернулся поднялся на пароход.

Обождя пона капитан зашел в кабину, землемер обращаясь к старику голыду сказал:

- Вот что уважаемый старик: Я землемер Хабаровского пе - реселенческого управления. Прибыли мы сюда не пугать и не оби - зать вас, а выполнять на своей русской земле государственное задание. Но прежде чем приступить к делу, мы хотели обзвать всех взрослых жителей вашего стойбища, побеседовать с вами, объяснить цель нашего приезда, посоветоваться с вами и попро - сить вашей помощи в этом большом государственном мероприятии, а вот получилось как то не ладно. Кто в этом виноват, искать виновных сейчас не будем. Исно и так, всю эту канитель органи - зовал вот этот валяющийся здесь шаман, но с ним у нас будет разговор особый. Тебя старик просим, иди объясни своим людям пусть соберутся все в одном месте, мы к вам придем будем гово - рить мирно, по хорошему и будем просить вас чтобы вы оказали нам кое какую помощь.

- Сейчас вся люди стойбища нет, его рыбаки придет только вечер.

- Хорошо. Мы обождем, разведем здесь костер, приготовим ужи и приглашаем вас всех стариков с нами покушать и выпить по рюмке водки.

При этих словах шаман зашевелился, встал на четвереньки,

с глубоким стоном подлился и еле передвигая ноги волоча за собой бубен направился в ближайшие заросли.

К вечеру начали съезжаться кто на оморочке, кто на лодке рыбаки и рыбачки. Некоторые из них услышала гудок "Переселенца" и поторопились возвратиться в стойбище пораньше. Всего их отаутовало и возвратилось человек двенадцать.

Семихатов после своего рассказа о шамане, за все время конфликта не проронил ни слова, а когда начали съезжаться рыбаки, ушел к знакомым в стойбище.

Изготовление ужина из мяса убитой косули занялись машинист Егорч и кочегар, мы остальные за исключением капитана и смазчика которые оставались на пароходе, приступали к устройству табора, — установке палаток и выгрузки имущества, снаряжения и продуктов экспедиции.

Продукты на весь сезон экспедиции. Мука, крупа, картофель, консервы мясные, масло растительное, макароны, соль и другие, были выданы хозяйственной частью переселенческого управления с последующим вычетом их стоимости с причитаемого жалованья. Мясо и рыбу мы добывали сами и в них никакой нужды не ощущали.

На приглашенный ужин никто из стариков гольдов не пришел. Землемер послал меня разыскать Семихатова и узнать почему не являются приглашенные. Семихатова я нашел в фанзе старика, который объяснялся с капитаном, там же находилось и несколько только что прибывших рыбаков. Все они были уже на веселе.

На мой вопрос почему не идут приглашенные старики на ужин и соберутся ли сегодня жители стойбища для разговора с землемером, уже знакомый нам старик ответил:

— Кухаль наша фанза своя есть. Собирайся слушать начальника буду другой день когда уходить стойбище парохода.

— Хорошо, я это передам начальнику. Но вы друзья хорошенько подумайте. Ваше упрямство и запугивание шаманом ничуть вам не

помогут. Наоборот сами себе хуже сделаете. Экспедиция прибыла по государственному заданию и выполнить это задание никто не помешает. А такие как наш капитан, чего доброго и солдат сюда привезут. А солдаты — это война, на войне разрушат все. Впро-[?]чем подумайте и будьте благоразумны. Начальник наш землемер ви-
димо очень хороший человек, никакого зла он вам не сделает.

Вас гражданин Семикатов Аркадий Юрьевич просит к себе.

— Хм, гражданин. Ну ладно Александр — Шурка яда сказал Арка-
дию Юрьевичу, что через десяток минут буду.

Я доложил землемеру все сказанное стариком и Семикатовым,
а минут через пятнадцать явился и сам Семикатов. Вслед за ним
подожли к табору старик и три прибывших рыбака.

— Здравствуйте друзья. — приветствовал прибывший землемер. —
Никто из прибывших не отозвался. Ну что старик скажешь на мою
сделанную тебе просьбу? Почему не пришли старики с нами обедать?
Соберетесь ли сегодня как я тебя просил для общего разговора.

— Наша кушаль дома фанза. Наша кушаль компания бояся сердца —
та капитана. Сейчас соберай люди помогу, его рыбака устал и мало-
мала одидай. Утро парохода уходя, все люди соберай, можно говори.

— Ну что ж, утром так утром, мы не сильно торопим вас. Отдыхай-
те и собирайтесь, только не так как сегодня с шаманом, а тихо,
мирно и по хорошему. А вот обедать с нами отказываетесь — это
напрасно. Хотя ущем, время для этого впереди у нас еще много.
Мы у вас проживем возможно целую неделю.

Голды молча повернулись и ушли в стойбище.

На вопрос Семикатов сообщил, что старики, женщины и дети
находившиеся в стойбище сильно напуганы и собрать их сейчас
трудно и даже опасно так как капитан может применить обещанную
угрозу. Когда завтра пароход уйдет, они с удовольствием сразу

не соберутся. Все они страшно обижены за оскорбление их шамана. Со своей стороны я прошу Вас Аонадий Юрьевич не задавайте и не обижайте этого шамана. Он у них как говорится царь и бог и они за него стоят горой.

- С шаманом у нас будет разговор особый. Задабривать подарками его как это сделала Вы, мы по-настоящему не собираемся. О том, что капитан проявил некоторую не сдержанность и даже грубость - это верно. Но как по Вашему? - нужно было снять шапки, низко поклониться и с хлебом солью преподнести ему подарки. Мы ведь сами видели, что первым шаман učinяла эту дику нам встречу и назвал на скандал капитана. Простить этого шамана нельзя. Судя по приему нас в Улино и вот в этом шаманском стойбище, чувствуется, что кто то их настроил к этому рьяно. Рука здесь приложена со стороны и видно не с проста. Впрочем утро вечера мудренее, а сейчас ужинать и спать.

Эту первую ночь мы спали в палатке. Недоверия шаману от которого можно было ожидать чего угодно, капитан и землемер установили ночное дежурство. Дежурили все поочередно кроме капитана, машиниста и смазчика, но больше всех дежурил землемер. У него были часы и он всех будил на дежурство. Семяхатов не дежурил и ночевал у знакомых в стойбище.

Прохальное утро с "Переселенцем" было солнечным, теплым и особо ясным. До завтрака капитан и землемер долго совещались в каюте. Как в последствии выяснилось, помимо служебных вопросов, речь у них шла и о Семяхатове которого капитан подозревал в подстрекательстве голдей на сопротивление - лие властям заселению Тунгуссии русскими. Предупреждал землемера пресматривай и не доверять этому подозрительному типу. -

Так оно в действительности и оказалось, но об этом позже.

Позавтракав, распрощавшись с ними "Переселенец" дал

прохальный и прода уже не злобный гудок и вскоре и скрылся из вида.

Никто из стойбища не вышел его провожать.

Примерно через час после ухода "Переселенца", отдельными группами сначала мужчины, потом женщины и после всех ребята - танки начали подходить к нашему табору - землемер всех встречал приветствием.

Когда собрались все, а их оказалось человек двадцать пять вместе с ребятами, землемер обратился ко всем сказал:

- Рассказывайте друзья кто как может, у нас с собой стульев нет. Стол и скамейки мы здесь соорудим немного позже.

А где ваш шаман? Что то среди вас его не видно.

- Шамана много болел. Его капитан ой - я как пугал., - ответил знакомый И старик.

- Большой. Ну что ж, тогда сходим и навестим больного. У нас есть кое какие лекарства и мы оказем ему помощь.

- Ходи его ненада, его баба здесь есть.

- А причем здесь баба. Она не приходила вчера нас пугать и не плясала дикие танцы. Да она и не больная, а мы больному лекарство понесем.

Народ зашевелился, заронтал. Трудно было понять одобрят он или осуждает, но видно было, что спорят - значит есть за и против.

- Ну ладно друзья, это вопрос второстепенный, давайте го-
ворить о деле. - Приехали мы сюда к вам по большому государст-
венному вопросу. ^{Начальство} ~~важной, а мы почитно с ней~~ ^{решило} ~~оплотнее~~ заселить Дальний Восток, в котором мы с вами живем -
русскими. Из России едет сюда много переселенцев. Река Амур

вверх от Хабаровска заселена амурскими казаками, а внизу по Амуру тоже много больших русских селений и голышских стойбищ. Река Уссури заселена Уссурийскими казаками. Там же река Иман, Бикин, Хор и другие так не полностью заселены. Теперь очередь пришла заселить русскими реку Тунгусску. Потом землемер повторил все то, что говорил голыдам на Ушакэ.

«Повторю — продолжал он, — что русские переселенцы не охотники и не рыбаки. Они будут пахать землю, сеять хлеб, крупы, картошку и выращивать другие овощи. Откроют в своих селах лавки, будут торговать всеми товарами, которые нужны крестьянину, охотнику и рыбаку. Вам будет много легче и лучше жить рядом с русскими.

Вы в свою очередь будете охотиться, рыбачить. Звери и рыбы хвалят на всех.

Русские люди очень честный, прямой и хороший народ если к ним хорошо относятся. Хорошие мирные люди и голыды и я уверен у вас с русскими будет большая дружба.

Мы вот своей партией будем спускаться вниз по реке, выберем штук пять-шесть хороших и удобных мест, нарезим на них участки для будущих переселенцев.

Определить хорошие, не затопляемые места без вашей помощи мы не сможем, а поэтому обращаемся к вам и просим чтобы вы оказали в этом нам помощь.

Нам сейчас нужен на один месяц местный житель хорошо знающий удобные места по Тунгусске. Дайте нам такого человека. Мы ему заплатим за работу наравне с другими.

У нас есть свой проводник, вот уважаемый господин Сомахатов, но хотелось бы еще вашего, местного.

По всему этому крепко предупреждаю: — если кто вздумает

нам помешать, так как это сделал вчера ваш шаман, пусть тогда пеняет сам на себя, а если вы всем стойбищем вздумаете оказать нам вместо помощи сопротивление, то нашему начальству не долго послать сюда солдат и полицию, а тогда уж добра не ждите.

Давайте жить дружно и работать вместе по хорошему. Шамана мы предупредим сами, но со своей стороны предупредите его и вы. Если он еще раз учинит нам какую либо подлость или вздумает чем либо помешать в нашей работе, он будет немедленно арестован и отправлен в Хабаровск.

Ну кто жалуется что оказывать, мы вас слушаем.

После некоторого между собой и видимо горького спора, вы - ступил вперед молодой, лет тридцати голыд и чисто почти без акцента сказал:

-Сейчас мы пойдем в наши фанзы и там решим как и чем вам будем помогать. Никакой вред вам никто не сделать, Шаман сам за себя отвечает, мы к нему не насветом.

-Ну что ж. идите решайте, только решайте правильно, а за действие шамана будет отвечать все стойбище.

Мы сейчас уходим осмотреть место вокруг вашего стойбища, в палатке у нас имущество и продукты, на берегу лодки и оморочка, сторожа мы не оставляем. Надеемся все будет в целости и сохранности.

- Э начальника, чего палатка так бросай. Его собака могу лезай, могу мишка - медведя ходи и вся ломай. - Запротестовал знакомый старик.

- Ваши собаки не залезут если человек не откроет палатку. Ваши ребята тут играют, пусть и наглядывают за собаками. Это уже и будет первая ваша помощь. А на мишку медведя у нас есть хорошее оружие.

На этом разговор с населением стойбища был закончен, а

примерно через час мы все четверо ушли осматривать местность в районе нашей остановки. Осматривая местность, мы иногда расходились по два человека. В первый день решили далеко от стоябима не отходить и часа через четыре уставшие и проголодавшиеся возвратились обратно на табор.

Поблизости играли ребятишки, а свора собак лежала около самой палатки. Одна из собак при нашем подходе ощерилась и заворчала, намеваясь нас не подпустить к палатке. Потребовалась помощь ребятишек, чтобы ее отозвать.

- Вот вам и сторож, даже козлов к дому не допускает, а старик грешил на собак. Да и ребятишки видимо неотходили от палатки, это уже хороший пример дружки. Их обязательно нужно чем то угостить и подружить покрепче. А у нас кроме сахара галет и сахаров ничего из угощений нет.

Ребята никак не хотели взять сахар и галеты из рук землемера, видимо побаиваясь и бзяли только из рук Семихатова.

Впоследствии они к нам привыкли и заходили даже в палатку. Один из ребят, парень, лет двенадцати понимал и даже кое что сам говорил по русски и был хорошим нам осведомителем.

Привыкли к нам и собаки и уже на третий день нашего пребывания, две из них были постоянными нашими спутниками при обследовании местности. Не плохо подкармливали их и мы во время наших обедов и ужинов.

В первый же день когда мы пошли осмотреть местность вокруг стоябима, Семихатов начал утверждать, что здесь ежегодно начинал с июля, в особенности в августе и сентябре был местность вокруг стоябима на несколько километров затопляется наводнением, в особенности правобережье, где расположены дуга и хорошие места для пашень. В тайге здесь сплошной болотистый топь, частые непроходимые буреломы, а летом и осенью туча гнуса который габелью является для диких животных не говоря уже о домашних. В у-

дет мол просто преступлением с нашей стороны нарезать участки в этом гиблом месте для русских переселенцев.

Присматриваясь к поведению Семихатова, я все больше начал убеждаться, что он никоим образом не заинтересован в заселении Тун-гуски русскими, а наоборот стал чуть ли не противником этого. Своими замечаниями и сомнениями я решил поделиться с землемером.

Улучив как то время когда он сидел на берегу на лодке и что то записывал в свой блокнот, я подошел к нему и сказал:

- Не помешает ли я Вам Ариадий Брьевич если оторву Вас от работы минут на десять-пятнадцать своими сомнениями ?

- Николько, Александр Васильевич не помешает, тем более сомнения. Слушаю тебя. Присаживайся, места на лодке хватит.

- Спасибо.. Вам не кажется Ариадий Брьевич странным пере-
мена во взглядах и вообще поведение Семихатова с момента пребы-
вания нас у гольдей в отойбищах.

- Нет, пока ничего не замечал. А в чем эта перемена выра-
жается?

- Незнаю как это Вам и объяснить. Видите, что то в нем,
вернее в его поведении показалось мне подозрительным и я начал
за ним наблюдать еще с отойбища Улук. Он с нами там почти не
общался и все время был у гольдей, там и ночевал.

В защиту нашего мероприятия он там перед населением не
высказал не одного слова.

- Постой, постой ! Семихатов действительно молчал и не ска-
зал ни слова в пользу нашего мероприятия, зато ты крепко вы-
сказал капитану, необдуманно проявил вольность обвиняя власти в
безразличии к гольдам, встал в их защиту обвиняя и китайских
так ты выразился "кумеза". Это твое заявление или высказывание
было не в пользу, а во вред нашему мероприятию. Капитан был

возмущен и мне пришлось вмешаться, чтобы приостановить на - зревающий конфликт.

- Это создаст другой вопрос. Я и сейчас за интересы и за помощь этому таежному оставленному на произвол судьбы народу, забытому и ограбленному китайскими дельцами. Но я крайне заинтересован и заселением Тунгуски русскими. Это хотя и какой то мере облегчит участь местного населения и избавит их от грабежа китайских купчиков. Хотя и наши русские крестьяне не далеко ушли от голыдей, такая же не просветная темнота, нищета веками торжествавший произвол, бесправие и жестоко эксплуатируемая мироедами помещиками и кулаками. Но это вопрос уже другой. А ваш капитан - это закоренелый чиновник. Он свысока и брезгливо смотрит не только на этих "туземцев" как он их называет, но с таким же презрением на нас крестьян и рабочих. Он вообще этих "туземцев" не считает и людьми, а какими то дикими животными.

- Крепко, ой как крепко связано, и с какой силой и убедительностью, - тихо и видимо сам для себе промолвил землемер. - Потом обращаясь ко мне спросил:

- А к какой категории ты меня Александр Васильевич причисляешь?

К Вам Аркадий Ерьевич по правде сказать я еще не при - считывался, но глядя на Вас, Вы видимо человек с настоящей человеческой душой. Но как говорит, чтобы человека узнать нужно с ним пуд соли съесть, а мы еще всей артелью фунта не съели. Вот поживем, поработаем и узнаем кто чем дышит.

-Правильно, исключительно правильно. Теперь меня ните - ресует такой вопрос. Твой отец как то сказал, что ты где то работал писарем, скажи Александр Васильевич где ты учился и что закончил ?

- Это Аркадий Ерьевич к нашему разговору и делу совершенно не относится, но уж коли Вы спросили, я обязан ответить. Учил -

он и в Устьлабе vicino города Екаторинадара. Окончил учительскую гимназию, имел диплом народного учителя. Применять мою специальность здесь негде так как во все Тунгусской волости нет ни одной школы если не считать, что во Владимировке и Никольевке училось десяти по полтора ребят не в специальных школах, а в крестьянских избах. Для города я еще не гокусь, молод, мне не хватает еще требуемого возраста. Но вернемся к Семяхову.

Он и здесь почти с нами не общается, живет в стойбище и распыляет с ними привезенную волку. Потом его рассказ о подарках шаману и просьба Вас не трогать и не беспокоить этого шамана. Вы обратили внимание когда сегодня объясняли населению о целях нашей экспедиции, какой он стоял насупившийся и не проронил ни слова, а ведь он наш проводник, обязан был что то сказать и спросить у голыдов. Потом сразу же с ними ушел в стойбище. А как вы расцениваете сегодняшнее его разглагольствование о сплоченном наводнении, гиблом месте и преступлении переселить сюда русских переселенцев.

Все это мне кажется не только странным, но и убедительно подозрительным.

- Так в чем же конкретней твоя подозрительность ?

- Во всем мной сказанном. Из всех этих моих наблюдений явствует, что никто другой как ни сам Семяхов настраивает голыдей протестовать переселению сюда русских. Мне кажется он для того с нами поехал, чтобы настроить и подлить бунт местного населения. Та чужая вражеская рука о которой Вы говорили, на мой взгляд и есть рука Семяхова.

Но и этому нужно еще и еще раз приглядеться и проверить.

- Все, что ты сказал является и на мой взгляд заключительной истиной. Я все это наблюдал и сам, но я наблюдал после твоего выступления на Улице и за тобой уважаемый Александр Ва -

сильнее.

- Значит подозреваете и меня ?

- Подозревал. Но сейчас, после твоей откровенности эту ошибку исправлю и подписываюсь: - Исправленному верить.

- Спасибо за исправление ошибки, а как быть дальше с Семихатовым ?

- Помалкивай и не подавай вида продолжай наблюдать. Смотри все делай осторожно, чтобы он не заметал твоих наблюдений. Иначе спугнем. Завтра в это время здесь же информируем друг друга наши наблюдения.

В это время из фанзы вышли три старика и с нами тот молодой голландец, который хорошо говорил по русски. Подошли к нам они усадились рядом с нами на лодку, раскуривали свои трубки с длинными мундштуками поплавали как то по своему, по - голландски, а потом уже один за другим повторили буквально все то, что говорил нам о наводнениях в габлом месте несколько часов назад сам Семихатов. В дополнении затвляли и заверяли, что по всему Куру и до одинокой солончи, что ниже стоябила Улино, нет ни одной голландской фанзы, потому, что вся эта местность затопляется водой и для жилья негодится.

Из этого их рассказа сразу стало ясно, что это работа Семихатова, научая подослал их к нам бесспорно он. Не умно, грубо и наумело начал атаку Семихатов явно выдавая сам себя и свое подстрекательство.

- Спасибо старики, спасибо друзья за ваши сообщения и советы. Мы все это учтем когда будем обследовать местность по всему Куру и Тунгуске, но мы проверим имеющимися у нас приборами, которые точно определяют возвышенность от уровня средней воды в реке. А вычислить что тонит самым большим наводнением, потом уже простое дело. Еще раз спасибо - поблагодарил их землемер.

Когда посланцы ушли землемер в раздумье сказал:

-Коня Александр Васильевич, по всему Куру нет места для

поселков. Правильны твои выводы. Теперь Семихатов окончательно разоблачал себя и поистине попался с поличным, но мы понеблю - даем еще малость, а сейчас пошли ужинать и отдыхать.

- Во время ужина еще раз подняли разговор о Петруне, который продолжал есть и пить только со своих миски, кружки и своей ложкой. Другую наду посуду он считал поганой коти в слух так ее не называл. На наши замечания, что он наливает в свою чашку суп из общего котла и общей "поганой" налей поварешкой, так почему же в таком случае нельзя или грешно есть и пить из наших чашек и кружек, - он только сопел и молча ел.

Землемер оказался ярким атеистом и много интересного рас - сказывал о религии вообще и о староверах в особенности. Петруня внимательно слушал но молчал.

Больше всех над ним насмеялся и явно надевался в этом вопросе Семихатов. Однажды после обеда Петруня ушел на берег набрать ведро воды, но ослышавшись оставив на столе свою чашку и деревянную ложку. Семихатов быстро схватил большого отварного караса воткнул в него ложку Петруни и бросил рядом лежавшей самой прожорливой собаке. Та на лету схватила караса и разжевала с ним ложку оставив один черенок.

Толпившиеся рядом ребятаки хохотали до слез, а девочка, хозяйка собаки разревелась побежала в банзу, принесла большую грубо сделанную ложку и положила ее в чашку Петруни. Придя с берега и увидя чужую ложку в своей миске и названный черенок своей ложки, Петруня ахнул. Узнав в чем дело он схватил ложку размахнулся и запустил ее в реку, а чашку запустил в стоявшего недалеко Семихатова. Последний еле увернулся, а чашка понав в лежащую колоду разлетелась вдребезги.

В тот же день вечером Петруня попросил у землемера запасную ложку и попросил у меня разрешение если я не брезгую кушать со мной с одной общей миски. Так Петруня отказался от старовер - ческих предрассудков и прекратил вечерами отбивать в угол палат-

ни поклонны.

С того дня мы по уговору прекратили его называть Петруней, а стали ~~Хри~~меновать Петром Степановичем.

Поужинав и отдохнув я попросил у Аркадия Юрьевича гитару и мы с Петруней отправились к фанзам с целью вызвать парней и девушек на вечеринку. Их в стойбище находилось человек шесть — семь.

Когда усевшись на опрокинутую сморочку я заиграл тихонько подпевая, из фанз как из мешка горох высыпали ребятники и обступили нас, волею за ними вышли парни и девушки, а уже через несколько минут толпились вокруг нас почти все жители стойбища. Не было только Семихатова и двух трех стариков.

Увидя такое собрание, подошел к нам землемер, взял у меня гитару сразу громко запел аккомпанируя:

Накинув плащ с гитарой под пояс
К ее окошку приник в тьме ночной.
Не разбуку ль я песней удалой
Распознавший сон — красавица младой...

Голос у него был сильный и красивый и я не утерпел, что — бы не составить дуэт.

Цели мы на пару "Хазбулат удалой": "Вот вспыхнуло утро, румянится вода", "Дивлюсь я на небо та думку гадаю"... я еще что то.

Через время вышли из фанзы Семихатов и старика. Один из стариков изрядно охмелевший подошел к землемеру, потрогал рукой гитару и глумливо затянул что — то вроде: "Харирё, Харирё, ишка науиби, науиби". Его немедленно обступили и втолкнули обратно в фанзу. Что это было, песни или ругань, мы так и не дознались.

Вечер был теплый, тихий, чуть шумела протекавшая в реке вода. Весна издавала все запахи оживающей от зимы природы, даже слышно было как пахнет земля и небо. Хотелось вдыхать в себя все эти запахи, объять не объятное и кричать, кричать, радуясь всему окружающему мирозданию.

Глуса еще не было и вечер проходил весело и мирно. Эта вечеринка заметно вселяла к нам большее доверие со стороны населения. Впоследствии вечерами приходили к нам в палатке парни и девушки, затовали игры и песни за ними подходили женщины и мужчины.

Так образовалась у нас дружба с населением стойбища.

На следующее утро когда мы уже собрались обследовать левобережную тайгу и правобережные луга, к нам подошел молодой голыдь хорошо говоривший по русски и обращаясь к землемеру сказал, что он хочет пойти с нами посмотреть как прибор будет узнавать затопляемую и незатопляемую местность. Землемер был рад новому местному проводнику, но предложил сегодня пройти для ознакомления местностью, а завтра уже с указательным прибором...

Разбился на две группы: - Землемер, Семихатов и новый проводник обследуют правобережье реки где по словам Семихатова находятся луга и прочая затопляемая местность, мы с Петруней пойдем в левобережную тайгу проверить габлую топь, буреломы и посмотреть нет ли среди тайги хороших полн удобных для распахивания и возможных сенокосов.

Не успели мы с Петруней отойти и ста саженей от нашего табора как нас догнали двое ребят и один из них тот, который немного понимал и говорил по русски.

Запыхавшийся паренек заявил:

-Наша однаго ходи вама.

- Зачем идти с нами, вернитесь домой, нам будет сердито.

- Ходи, ходи, запротестовали ребята и как мы их не гнали, они настояли на своем и слодом шли за нами.

Оказалось ребята знали лес и его расположение как свои пять пальцев и этим оказали нам большую услугу показав три больших поляны на которых по их рассказам все лето растет много разных цветов. На этих полянах можно распахать без большой карчевки до тридцати десятин хорошей земли. Вывели нас ребята к протекающему ручью по которому оказались сотни десятин сенокосных угодий.

Ребята рассказывали, что вправа там растет выше их роста. Лес в большинстве чистый и редко завален подгнившими деревьями. В основном кедр. Встречаются пихта и ель. Есть и буреломы и небольшие солотисные места - топь.

Все это не далеко, в трех - пяти верстах от отойбища.

Когда мы примерно к четырем часам дня вернулись уставшие но радостные к табору, землемер уже у разведенного им костра разделял подстрелянных им двух уриковых селезней. Помедлив пока мы переобулись и немного отдохнули, он обращаясь к Петруне спросил:

- Ну что вы выходили хорошего моя славные помощники, рассказывай Петруня.

- Почему я, ну дай расскажет Александр.

- Я хочу чтобы доложил ты Петр Степанович, ты же являешься равноправным членом нашей партии, а что ты упустишь, дополнит Александр Васильевич.

Петруня покраснел и как то робко посмотрел на меня.

Я понял, что Аркадий Брзевич старается подбодрить этого молчаливого и застенчивого парня, внушить ему, что он такой же член нашей партии как и все мы, поэтому не замедлив кивнул ему головой и подбодрив сказал:

- Давай, давай Петруня. Ведь не я, а ты проверял на полях землю ковыряя ее в нескольких местах ногом. А по ключу ведь там ты вычислил сколько там можно сеян поставить.

- Правда Ариадий Брявич, каковы большущие тра луговинки среди леса недалеко отсюда. А земля, на ней не только картошка, что угодно уродится только паша да сей. А по ключу а впрямь ее - на можно поставить на все нашу Тунгусскую волость хватит.

- А как же Семикатов вчера заверял, что там только буралоши, гиблое место и топь.

- Есть и буралоши и топи, на то она и тайгой зовется, а в целом лес что надо. В него летом только с дукошником ходи да грибы и разну ягоду собирай. А Семикатов надо полагать там никогда не бывал, ему и вери мало.

Ребята здешние все знают, они увязались за нами и без ошибок к полянам и ключу нас вели. Без них мы пожалуй сразу этого бы и не нашли.

- Спасибо вам обоим за хорошо проведенную сегодня работу, спасибо тебе Петр Степанович за содержательный доклад, спасибо и ребятам помогавшим вам в обследовании, хорошо и правильно сделали, что взяли с собой ребят. Угостите их получше сахаром и сухарями, и покрепче подружите с ними они много нам помогут.

Ну а теперь послушаем, что добавляет ты Александр Васильевич?

- Совершенно ничего добавлять, Петруня все выложил как на исповеди.

- В таком случае давай Александр Васильевич разделивай карасей их прямо руками наловив за кочками в одной протоке нам новый проводник, а ты Петруня сходи подалее на берег и принеси хороших, сухих дров для костра. Обед готовила общими силами.

На этом обеде и получалась история с ложкой Петруни, но с того же обеда мы стали чаще величать его не Петруней, а Петром

Степановичем.

Глава двадцатая. О другом районе.

После обеда мы с Арнадием Брєвичем отправлялись на берег, там он мне рассказал, что во время осмотра правого берега Семихатов все время старался завести нас в самые низменные и явно затопляемые места, а один раз завел в болото из которого

але выбрались. Ралки и возвышенные луга всеми способами старался обходить. Гольд провожник упорно молчал и слепо подчинялся его указаниям, но увидев время когда Семихатов отлучился, подошел ко мне и тихо сказал, ~~что Семихатов отлучился, пошел ко мне и тихо сказал,~~ что Семихатов противится заселению русскими

Кура и Урма и этому настраивает всех жителей нашего стойбища. Запугивает всех в особенности стариков и женщин, что русские начнут истреблять и выжигать лес, чтобы пахать землю. Начнут косить по всем клочкам сено, зверь от этого уйдет за сотни верст в глухую тайгу, вам тоже тогда придется уходить за зверем, а кто в такую даль повезет вам снаряжения, муку, крупу, табак и все другое. Русские хотят здесь по Куру и Тунгуске поселить десятки деревень, а что тогда будет с рыбой, все выловят и унучатомат. А что он сам делает, — каждый год приезжает и бьет осеннюю ходовую козу по 150 — 200 штук за сезон и все обвозом Тифон-тая увозит в Лабаровск там продает и мясо и мех. А в июне он по Куру бьет изюбра пантача и выручает большие деньги. Поиниюгу он торгует табаком и спиртом, забирал у пьяных хорошую пушнину.

Он говорит, что защищает нас, а сам один человек истребляет зверя за один сезон больше чем мы всем стойбищем.

Мы понимаем, что он просто сам боится русских если они здесь поселятся ему уже здесь будет нечего делать.

Вот так вел себя сегодня "уважавший" наш провожник и такую новость рассказав о нем гольд данного стойбища. Правда, мы кое что о его действиях уже знали, но рассказ гольда дополнил

и влияли его личность полностью.

Разоблачать Семихатова пока не следует, от него можно ожидать чего угодно, даже порчи нашего имущества и людей, но не считаясь с его действиями мы упорно будем выполнять порученное нам дело и нарезать участки для переселенцев в подходящих для этого местах.

В конце июля должен подойти к Улину "Переселенец" привезет нам продукты, кое какое снаряжение. На нем должен прибыть нам на помощь мой племянник, гимназист, но боевой парень. Вот тогда там в Улине и разоблачим этого авантюриста, введем как говорится его на чистую воду и расскажем гольдам кто он в действительности.

Завтра я с Петром Степановичем пойду посмотрю лесные поляны и расположение ключа, а ты Александр Васильевич с Семихатовым и гольдом, которого зовут Кириха, осмотрите еще раз правобережье. Будь осторожным, не спорь с Семихатовым, но действуй по своему осматривая Луга и речки. Замечай что затопливает водой, это видно по наносам плавника, валуны и другого мусора.

Вечеринку сегодня повторим, гольдам вчера понравилось, а этобливает.

Вечером усевшись у нашей палатки Аркадий Ирьевич заиграл и мы с ним запели "Вечерний звон". Немедленно появились всевозможные ребята, за ними подошли парни и девушки, а через десять минут нас окружало население всего стойбища.

Сначала робко затем смелее запели свое песно ребята их поддерживали дедушки. Потом затаяли свои игры. Но больше всего им нравилась гитара и наши песни и они без конца просили нас играть и петь. Вечер прошел весело.

Шаман все время болел или представлялся что болеет, мы уважая не Семихатова, а стариков решали его не трогать, но преду-

прядили стариков, если хотя один забитый нами колик будет вынут или нарушен, отвечать будет один шаман вплоть до ареста.

Через день рядом с стоящим приступили к нарезке участков (дворов) для будущих переселенцев. Нарезали всего двадцать дворов по пол десятины. Определили район будущего поселения. Подсчитали, что на 80 душ мужского пола имеется достаточное количество удобной не затопляемой земли по 15 десятин на каждого не считая сенокосных угодий и выпасов.

По предложению Аркадия Брзевича, в шутку назвали будущий поселок Шаманкой.

Закончив работу, на восьмие сутки мы погрузились на лодки для продолжения работы вниз по Куру. Провожать нас вышло все население стоянка. Многие искренно жалели нашему отъезду, в особенности молодежь.

На прощанье Аркадий Брзевич достал пару бутылок водки и угостил мужчин, одной старушке дал коробку галет и фунта два кускового сахара и просил разделить всем женщинам, девушкам и ребятишкам поровну.

Расставались друзьями. Ребята на оморочках провожали нас версты две.

С нами согласился поехать дней на пять — шесть провожником подружившийся с нами голыдь — Кирюха. Семикатов был надутый и молчаливый.

Часа через три, верстах в двенадцати от "Шаманки", остановились на высоком берегу, примерно там где несколько дней назад Семикатов подстрелял козла.

Разбив бивак, мы приступили к обследованию местности. Местность здесь оказалась более удобной. Рядом имелась обширная территория покрытая кустарником пригодная для пашни, большие сенокосные угодья и выпасы. Лес был смешанным. Отдельные массивы кедра, ели, пихты занимали сотни тысяч десятин.

Прибрежные места заросли ясенем, бархатом (пробковое дерево), иланом, манжурским орехом. Встречались большие массивы березы - ка, осняка. Великанами по берегам стояли тополя. Крупнейшие не затопленные сонокошные дуга и между ними дубовые ралки. Все это благоприятствовало и обеспечивало созданию здесь большого поселка не менее в 200 дворов.

Вечером мы с Петруней поставили почти рядом с нашим та - бором в небольшой проточке кусок ставной сетки, но через пару часов пришлось ее вытаскивать полностью набитую рыбой. Два крупных сазана мы оставили для двойной рыбачьей ухи, а остальную вытрях - нули обратно в реку. Времи было нереста и сазан шел руном в протоки. Еще днем Аркадий Брьевич подстрелил шесть рыбчиков, саз - рала их сразу все в одном ведре и Аркадий Брьевич уверял, что такого расового супа он никогда не пробовал даже в первомклассном Хабаровском ресторане. Я не спорил, но сомневался насчет существо - вания в Хабаровска первомклассных ресторанов.

В связи с изобилием боровой дачи, решили крупного зверя не отстреливать, а питаться в основном рыбчиками, из-за нереста рыбы не ставить и сеть, а добывать по выбору и сколько нужно острогой.

На следующий день приступили на высоком правом берегу на - резать участки дворов. Если в Шаманке нарезали всего двадцать дворов, здесь решили нарезать пятьдесят. Попутно продолжали обследовать окружающую местность и заносить ее на карты.

Пробили мы здесь около десяти дней.

Пошимо специальности землемера, Аркадий Брьевич был еще прекрасным краеведом и сборщиком экспонатов для создающегося в Хабаровске краеведческого музея. Он в Шаманке приобрел дере - вянный самострел устанавливаемый гольдами на тронах крупного зверя и своеобразные куленки для лова колонка, соболя и другого маленького пушного зверька. Обещался в каком либо стойбище выме - нять или купить берестяную оморочки. Обещался и я кое что достать для музея, а в Забелово у Петрова и Балтибина я видел интересные вещи принесенные из китайского городка *Иркн*. Сейчас у нас задание

подбирать встречавшиеся сброшенные рога. Уже были найдены: — один великомерный рог лоса (сохатого) пара рогов изюбра и несколько рогов дикого козла. Нужно было еще достать клыки дикого кабана.

Заключив работу по нарезке этого большого поселка, мы медленно начали спускаться вниз по реке исследуя приобретенную местность заноса все на карты. Выезжая еще из Николаевки, по предложению Ивана Карловича, решили составлять карты две. Самостоятельно будет вести одну землемер и отдельно и тоже самостоятельно буду вторую карту составлять я. Землемер сразу посмеивался сомневался в моих способностях но однажды заглянул в мою карту, призадумался и стал давать мне некоторые советы и частенько спрашивать совета у меня. Но работу над картами мы проводили строго самостоятельно.

Как то на одной почтовой пересте в десяти от Улики, Семихатов категорически заявили, что дальше они спускаться с нами отказываются так как время пикетовки уже подошло и дальше медлить нельзя. Все уговоры Аркадий Юрьевич остался еще пару дней он отклонил и следующим утром распрощался с нами и ушел на своей лодченке обратно в Шаманку.

— Не иначе учуял неладное, — констатировал Аркадий Юрьевич. Но мы его разоблачим и в Николаевке.

В тот же день медленно спускаясь на своей лодке зарисовывая на картах по пути берега, мы в послеполуденное время прибыли в Улику.

Все переселенное население Стойбища были кто на охоте, кто на рыбалке, поэтому встречать нас были только ребяташки и две — троеженщины.

Палатку установили на берегу где с приходом "Переселенца" готовили умин.

В тот же день к вечеру когда все возвратились с промысла мы собрали всех жителей стойбища в одно место и рассказали им все, что произошло с нами в Шаманке. Начиная от фокусов шамана и кон —

чал нашей большой дружкой с жителями стойбища. Подробно рассказывал о провокаторских действиях Семикатова и объяснял с какой целью он всё это проводил.

По ходу собрания было видно, что многие были согласны с нами, верили нам, но из заданных некоторыми стариками вопросов чувствовалось, что они против заселения Тунгусска русскими.

Следующий день, когда это было воскресенье, Аркадий Ерьевич объявил на рабочем, нужно было привести в порядок изрядно износившуюся нашу одежду и обувь.

Хочу в связи с этим немного вернуться назад. Я ведь до сих пор не сказал каким я являлся в Николаевку. Уходя из дому я захватил с собой только лишнюю пару лаптаного белья и полотенце. На мне была кроме штанов и рубахи старенькая студенческая тулупа и на ногах именные голенища. Как говорится, вышел налегке, хотя кроме этого, ничего в запасе не оставалось и дома. Ничего не мог отец добавить мне и в Покровск.

В Николаевке Александра Николаевна узнав в чем я еду в длительную экспедицию, захватила и тут же безоговорочно вручила мне старенькое ватное одеяло, небольшую ватную подушечку и две пары хороших портянок.

- В верховьях реки еще холодно, там поди еще снег в колено, а ты без постели едешь, - запричитала она. - Это походная постель моего Ивана Карловича, но он летом в походы не ездит и она свободная. Когда промокнешь, намерзнешься, залезешь под одеяло - ло и меня вспомнишь.

- Нуна ты ему как летное колесо к телегу, чтобы тебя вспоминать - промолвил Иван Карлович - но категорически предложил постель взять так как заморозки в верховьях как правило дергаются до июня.

- Ничего Ваня, нашего брата большей частью под одеялами и вспоминают - Возвратила она -

О Папе - ликвидаторе и говорить не приходится, он готов

онл отдать все, что у него было лишь бы я скорее возвращался и принял от него это "несчастное" предприятие. И действительно, не успели мы на "Переселенце" выйти из Николаевского залива, как землемер передал мне котомку, сказав, что это оставил ему для меня в подарок или в счет будущих расчетов за работу Павел Кириллович. В котомке оказались почти новые болотные сапоги, брезентовый дождевик и несколько пачек легкого, любительского табаку. В одном из сапогов была записка, "Знай Шурка, ручье мое уже твое, торопись иначе под горячую руку продам".

Старенькой носульев шкурой для подстилки снабдила меня в Улике Тая.

Как все это пригодилося в таежной жизни нашей экспедиции я я частенько задумывался, чтобы со мной было если бы не эти пишущие практику добрые люди.

О том какая трогательная вторичная встреча и вторичные расставания были у меня с Таней, поведав после, сейчас скажу лишь одно, что Тая была расположена ко мне всем своим существом, но я дав слово порядочности к этой милой "динарке" как окрестила ее дарьюшка не позволял османуть и надругаться над ней, ^{никогда не забывай} унаследовать с дарьюшкой у нее на выносе.

Отдохнув за день я привел в порядок одежду, обул и себя в порки — док, мы и здесь резали с помощью вечерников поближе подружить с населением. Вечером мы с Аркадием Ерьевичем под аккомпанимент гитары около своей палатки затали песни. Даль нам в этом деле ничем не мог помочь застенчивый Петр Степанович и вместо трио у нас получалось только дуэт. Но вечер удался. Пошли сначала ребятами потом раскурив свои трубки осступили нас и многие взрослые.

В двух верстах от стойбища находилась вдоль по берегу высокая равнина покрытая сплошной лядиной, это говорило за хорошую плодородную землю. Там же между Куром и Ури на несколько

ко верот тинулись дуга большинство из которых не затоплялись паводковыми. На них можно было заготовлять сено в неограниченном количестве. Здесь можно было поселить до пятидесяти семей переселенцев и мы присутствовали к нарезке участков будущего села.

Парохода "Переселенец" еще не было, а некоторые продукты у нас были на исходе, приходилось экономить. В дарах Тунгус-ски и тайги недостатка небыло, мяса и рыбы было вдоволь.

На второй день в трюх приступили к работе, работа продвигалась медленно, но появлялись ребятами и предлагали свои услуги. Аркадий Ерэвич немедленно распределял кого готовить колущи, кого ставить мети и работа с шумом и смехом пошла скоро.

На третий день задолго до вечера пришел долгожданный "Переселенец" и дал свой страшный шипящий гудок приветствия. На его палубе выстроилась немногочисленная команда за исключением на мостике капитана и машиниста, руководивших ходом судна. Среди команды стали Паша - ликвидатор и незнакомый молодой парень. Оба они орли благим матом и махали нам руками. Не успели матросы спустить трап, как вперевки выскочили на берег и бросились обнимать один Аркадий Ерэвича, а второй обнимал меня и тряс как сумасшедший.

Успокоившись, парень подошел ко мне, подал руку и произнес:

-Анатолей, а в общем Толька. Прибил вас на подмю.

-Александр, а в общем Курка - ответил Я.

-Слышал, и почти все уже знаю. Этот увалил всю дорогу только о тебе и бубнил.

Радостям нашим небыло предела. Прибыла подмога, продукты, сетки от комаров, а они уже начали основательно допекать, и главное, - это возможность помыться на пароходе под душем и горячей водой.

Добив два или три крупных сазана, матросы под руководством машиниста затеяли готовить на костре около палатки ужин. К ужину пригласили стариков стойбича.

После ужина затеяли под гитару и балалайку песни и танцы. Сошлись почти все жители стойбича. Доверие к нам и дружба закреплялись.

Следующим утром "Переселенец" готовился уходить обратно, отплевывая на нем в Николаевку и прогуливающийся Пама.

Перед отплытием принес с парохода свое ружье и небольшой ящик с принадлежностями и боеприпасами и передавал на прощание:

- Бери Пурка, я считаю с сегодняшнего дня его своим.

От радости я чуть не бросился его расцеловать, но опомившись ответил:

- Нет Пама, я его еще не заработал, а принимать такие подарки отказываюсь, я их не заслужил.

- Не отказывайся Александр Васильевич, бери - посоветовал присутствующий Арнадий Юрьевич, - Все равно тебе не избежать ликвидации его предприятия, а ружье считай как аванс за будущий труд.

- Ну если так, принимаю, а если что с работой не выйдет, возвращу в целости и сохранности.

- Выйдет. И буду с нетерпением ждать тебя еще две недели, на третью схожу с ума, на четвертую уже буду висеть на сухой осине.

- Дядя, но боюсь, что придется снимать себя с сухого дерева так как по нашим подсчетам у нас еще работы на месяц не меньше.

Договорились, что пароход придет за нами в Николаеву ровно через 25 дней. За это время мы должны кроме Улики обследовать и нарезать участки еще в трех местах; - у небольшой сопки, на притоке у корейской заимки, и у каменной сопки вблизи Николаевки.

На этом мы с "Переселенцем" распрощались.

Таня оказалась прекрасным во всех отношениях парнем. И на работе, на танцах, на пикниках, он везде первый. На второй вечеринке он уже как свой парень учил парней и девушек русским играм и танцам и сам активно участвовал в их играх хотя ничего в них и не понимал. Ухаживал почти за всеми девушками и получал крепкого тумака от одного молодого гольфа за проявленную вольность к его жене. Он и тут не растерялся, а извивавшись превратил все в шутку.

Вскоре с большой помощью Анатолия работа в Улике была закончена, готовились спускаться ниже.

Нечайным было последнее на этот раз свидание с Таней. Я не успевал вытирать слезы на ее смуглых щеках и еле сам сдерживался чтобы не разреветься. После прощальных поцелуев договорились по возможности встретиться почтее.

Я знал, что Таня скоро продадут за большой каменный куда-нибудь в другое стойбище. Это было неизбежно. Знала об этом и Таня, но однажды в пылу страсти сказала:

- Я или на века твоя, или на века Тунгуски.

- Как это Тунгуски? - непонимая спросил я.

- Очень просто. Брошусь в реку и останусь в ней навеки. Буду такой русалкой как в сказке, которую ты однажды рассказывал.

Все это было связано с акцентом, но ясно и понятно для тоскующих сердец обоих.

В конечном счете русалки с Таня не получалось, но об этом в последующих главах.

Проводить нас пришли как и в Шаманке почти все жители стойбища и многие стояли на берегу пока мы не скрылись из вида.

Через несколько часов бивак установили на высоком берегу недалеко от небольшой сопочки в дремучем лиственном лесу.

Напротив через реку правобережье мне было знакомо до полуостанка Поперечка и до Волочаевки. Большая часть этой территории с многими озерами и заболоченными болотами затоплялась во времена наводнений, но имелись большие речки и высоко не затопленные дуга пригодные для пашень и сенокосов. Среди этой местности протекала речушка Поперечка. Поселок на левом высоком берегу можно было нарезать в тридцать - сорок дворов, и мы сразу приступили к работе.

Тайгу левого берега мы обладавали почти до реки Кочугана по которому тянулись сплошные леса хвойной лиственницы.

Нарезать участки в этом дремучем лесу было много труднее чем на ровных, безлесных равнинах допекал и ползавший гнус. Испортилась и погода, три дня не переставая моросил дождь. Все это угнетало и мешало работе. Вместо предполагаемых пяти дней, работу еле закончили на восьмые сутки.

С большой радостью покидали мы это не приветливое для нас место и не с меньшей спускались вниз в протоку к замке короенца.

На высоком ровном берегу протоки стояла одинокая фанза с двумя маленькими амбарчиками, сараем для коровы и хлевом для овицы.

Вокруг фанзы примерно с десятину или немного больше было распаханой и разделанной ровными грядами земли. Вся земля зеленела и радовала глаз прекрасными всходами разных овощных культур и картофеля. Дальше вся вспаханная территория была покрыта белозеленым цветом. - это начинал цвести особый сорт мака с которого собирают опиум.

Официальным законом производство опиума в России было запрещено, но большое начальство его производство не замечало, а в некоторой степени даже посев мака поощряло так как особые чины имели от этого большую выгоду. К примеру: Много позже, в 1917-1918 годах шел упорный разговор, что сам штатмейстер двора Его императорского Величества, наместник края,

генерал - губернатор Гондатти занимался контрабандой за границу крупными партиями опиума.

Обитатели фанзы и посевов зная закон о запрете, сразу нас перепугались, так как были случаи, что иногда мак полиция оклаивала, но узнав кто мы, радостно стали приглашать к себе в фанзу.

Хозяевами займки оказались, - старик кореец лет шести - десяти, его сын лет тридцатипяти и молодая миловидная невестка. У молодёжи было трое ребят, два сына двенадцати и восьми лет и трюлетняя девочка.

Молодой хозяин и его старший сыншка говорили по русски не плохо, старик и его невестка "понимай еса, говори нету" то - есть понимают русскую речь хорошо, а сами говорить не умеют.

Пока мы занимались разгрузкой лодки и развешиванием на показавшемся ослице промону за три дня непогоды палатку и одежду, у хозяина уже был готов обед и нас пригласили в фанзу пообедать вместе с хозяевами.

Какой вкусной нам показалась отварная рассеченная картошка и малосольная отварная туша. Поданая вместо русской гор - чины корейская соя была особым деликатесом, а о пампушках приготовляемых на пару и говорить не приходилось. Аркадий Кривич в знак знакомства достал бутылку водки. Мужчины выпили, а хозяйка чуть хлебнув, дальше пить отказалась.

В свою очередь хозяйка угостила нас своей хмельной квас - сой и мы с Петром Степановичем и Толей тоже пресощались по одной чашечке.

Обед прошел в разговорах и расспросах.

В этот день мы к работе не приступили и первую ночь хотя и в тесноте, ночевали в фанзе.

Местность всего правого берега протока оказалась очень удобной для большого поселения и не затоплялась до самой вре -

защиты (полесухи) находившейся в пяти верстах отсюда. От заимки до Балаганского озера было не больше полторы версты, до Волочаевского верст - девять. Чуть ниже по Тунгуске находилось большое стойбище Дзармен.

Лучшего места удобного во всех отношениях для большого поселения трудно было найти и мы на другой день разбив на берегу свой табор, сразу же приступили нарезать вдоль берега протоки участка. Заимку корейцев оказавшуюся в центре будущего поселения, обозначили площадью для возможной постройки школы или другого общественного предприятия. Место было ровное без крупного леса и работа у нас ~~предназначалась~~ продвигалась быстро.

Через неделю мы закончили всю работу нарезки шестидесяти дворов и определяли границы будущего села с расчета пятнадцать десятин удобной земли на сто пятьдесят душ мужского пола.

Хотелось коротенько остановиться на хозяевах заимки. Придическим хозяином этой заимки числился некто Голубев, житель города Хабаровска, которому фактически хозяева корейцы, обрабатывавшие эту землю, отдавали третью часть всего своего урожая только за то, что он русский и имел право (в действительности он такого права не имел) и хотел иметь здесь такую заимку. Такую возможность эксплуатировать не русскоподданных ^{корейцев} китайцев "имел право" каждый русский крестьянин и городской мешанин. Это владения не преследовалось, а если кто подальше от взора саял и маял для ошума, то такinho и поощрялось.

Данная корейская заимка была дружная и трудолюбивая. Работа - ли все от зари до зари за исключением трехлетней девочки. Основным работником была корова. Ее впрягали в двухколесную арбу (навазину) возили заготовляемое сено, дрова, свозили весь урожай в определенное место. Впрягали в соку и осляк для пахоты и прополки. При этом один из мальчишек садился ей на хребет, а второй за повод водил ее между гид. Когда короной везли сено или дрова обязательно хозяин восседает у нее на хреб-

ту. Ее вообще никогда не доят, телок выдвигает ее на свое телячье умотрение.

Кроме коровы у хозяев имелся прошлогодний бычок, нынешний теленок, свиньи и две женские собаки. Петруня уверял, что собак корейцы режут и едят при больших своих праздниках, но этому мы не хотели верить.

Все взрослые и маленькая девочка были одеты в белые особые корейского покроя одежды, на обоих парнях были обычно женские русские штаны и рубахи.

Расставались мы с хозяевами дружелюбно, как хорошие знакомые.

Как мне хотелось сходить хотя бы на пару часов в Волочевку навестить дом и больную мать, но оставалось до прихода "Переселенца" в Николаевку всего пять дней, а нам предстояло нарезать еще один поселок у каменной сопки и это не позволяло отлучаться ни на один час.

Прибыли мы в Николаевку примерно в обеденное время. Разгрузив все имущество на берег, Аркадий Бржевич ушел к Жербергам, мы с Толей к старосте за подводой, Петр Степанович - Петруня остался на берегу с грузом.

Через час мы прибыли с подводой. На берегу нас ожидали Аркадий Бржевич, Иван Карлович и сидевший Цама. Погрузив на подводку груз, вытаскивая и поставив боком для просушки наш баркас, все тронулись к гостеприимной чете Жербергов. Так как до следующего утра был объявлен отдых Аркадий Бржевич отпустил Петра Степановича сходить помыться и переодеться в Никровку с тем расчетом, чтобы к восьмью часам утра он вернулся обратно. Я попросил Петруню, чтобы он ^{сходил в Никровку и} передал мой большой привет ^{отцу, сестрам и} дедушке.

Александра Николаевна встретила нас радостно, но просила не подходить к ней и не заходить в квартиру, пока не вымоется в приготовленной бане.

Быстро развесив во дворе подальше от дома палатку и свою постель, мы все трое направились в конец двора к топившейся небольшой бане. Первым делом приступили к стирке снятого с себя белья и портинок так как чистого в запасе не имелось. Выстирав мылом, сразу же развесили его на солнце на ранее растянутую веревку.

Взвешивая и одев полусухое белье, распаренные явились к столу установленному под деревом в тени и уже накрытому любезной Александрой Николаевной. Расспросов и рассказов хватило на все дни нашего пребывания в Николаевне.

Отдохнув час другой после обеда, приступили к сверке своих карт. Бесспорно карта Арнадия Брьевича была лучшей, но хорошей была признана и моя, в ней больше было внесено разных географических мелочей. Было решено из двух карт составить одну общую. Для составления общей карты, Арнадий Брьевич взял мою подлинную с собой в переселенческое управление.

Как не уговаривали Иван Карлович и Александра Николаевна остаться перепочевать у них, Паша настоял на своем и увел меня с собою. Он еще раньше приготовил для меня постель установив в этой комнате вторую кровать.

Утром все в четверик на легкой лодке ушли к каменной сопке. У подножья сопки на западной ее стороне и вдоль берега реки, можно было нарезать не больше дворов двадцати. Удобного места для пашни небыло, но сенокосные угодья были не ограничены, дуга тянулись с травой чуть не в рост человека на несколько верст. Дуга были в большинстве не затопляемы. Строительного леса вблизи небыло. Верстах в двенадцати за тихой речушкой Талга, виднелась сопка заросшая лесом.

Кто знал, что десять лет спустя под этой самой сопкой Александр будет зверски казнен белобандитами атамана Калмыкова. Но об этом подробно будет сказано в последующих главах.

За первый день была осмотрена вся окружающая вокруг сопки территория, за следующие два дня нарезали у подножья сопки 18 участков.

Наконец работа нашей экспедиции была закончена оставалось подвести некоторые итоги всей работы подсчитать стоимость израсходованных нами продуктов для удержания из заработка, дожидаться "Переселенца" получить расчет и распрощаться.

Оказалось расчетная ведомость будет составлена в Хабаровском переселенческом управлении и направлена с причитающейся суммой денег, в Тунгусское волостное правление где мы и получим окончательный расчет. Нам с Петруней после всех вычетов выдана по этой ведомости по тридцать шесть рублей. Мне за составление карты вроде премии выданы дополнительно еще двенадцать рублей. Эти сорок восемь рублей для нашей семьи оказалось большим подспорьем. Все мы хотя в китайскую саринку и бабу, но оделась я немного преобразилась.

"Переселенец" пришел как и договаривались к двадцать пятому июля. Прощальный обед настояла Александра Николаевна у них под деревом. За два месяца работы, мы дружно и хорошо сработались, жаль было расставаться с хорошими людьми. Аркадий Кривич дал мне свой Хабаровский адрес, просил когда буду в городе, чтобы обязательно навестил его. Канитан сообщил, что в Хабаровск прибыло много переселенцев идут перевозки их на Тунгусские участки.

На этом обеде мы распрощались, ушел и "Переселенец".

Уговорив Паму остаться еще одному три дня пока я схожу навестить родителей, мы сразу же с Петруней отправлялись в Покровку.

Пришли в Покровку рано, в волости застал одного отца. Старшая с Дарьяшкой и работником были на поезде и приезжали домой очень поздно. Отец до их приезда и ушли от себя не отпустил и интересовался всеми подробностями нашей — экспедиции. Моим рассказом и работой экспедиции отец остался доволен, но тут же заявил, что в волость из канцелярии заместителя края поступило предписание в котором предлагается проверить и доложить о грубом притеснении работниками экспедиции коренного на —

селения Тунгусов, издевательство и вмешательство в их религиозные обряды и избияния их главного шамана. Старшина думает проверить после сенокоса думать проехаться по Тунгусам лично сам.

Когда я рассказывал отцу о фокусах шамана, который учинил их с единой целью напугать нас чтобы мы отказались нарезать участки, и отпоедь ему капитаном парохода своими действительно страшными гудками, — отец расхохотался, а когда я рассказывал о провокациях Семихатова и науськивании им гольдов против заселения Тунгусов русскими, отец помрачнел и негодованием произнес, что давно бы нужно было разоблачить и судить этого контрабандиста, но с ним пидьчатся, а многие даже побаиваются. У него есть сильный зацепник из большого начальства или богатого и влиятельного человека.

—Бесспорно это дело агентов Тифонтая — сказал в заключение отец, — а Семихатов их ставленник и чуть ли не монополист охоты в верховьях Кура. Казаня из Забелова тоже ему не помешает, она больше охотится на Урми.

Я высказывал отцу свои соображения, что лучше всего вызвать в волость из крайнего стойбища, которое после фокусов шамана мы в шутку называли Шаман-ой, одного гольда по имени Кирюха, который подробно расскажет как уговаривал их Семихатов и сколько он там ежегодно истребляет дичи в целях обогащения и как спивает их контрабандным спиртом выменивал на спирт лучшую пушнину.

Старшина с дочерью и работником приехали из сенокоса поздно вечером. Я вышел во двор и поздоровался. На приветствие ответил один хозяин. По лицу было заметно, что Дарьшанка моему приходу обрадовалась. Через полчаса нас с отцом пригласили укать. Ужинали как и в первый раз втроем, Дарьшанка переодетая, умытая и причесанная сидела на кровати матери.

Пожинав старшина предложил зайти в волостное правление и выслушать мои объяснения о работе экспедиции. Я рассказывал, что работа проходила нормально определили и нарезали шесть будущих поселков, объяснив в каких примерно местах. Впрочем повторил

все то, что час назад рассказывал отцу.

- Говорить работа проходила нормально, а как вы там вмешивались в божественные обряды гольдов и несли их шамана? - спросил старшина.

- Мне об этом отец говорил, но это Лазарь Варфоломеевич явная ложь.

- Как это ложь. Из канцелярии генерал-губернатора предписано мне и по твоему это ложь?

- В предписании не утверждается Лазарь Варфоломеевич, что это факт. - вмешался отец - в нем сообщается, что имеются сведения и просит вернее предписывает эти сведения проверить.

Когда я рассказал о шамане и его фокусах и как ему гудками ответили каштан и о провокациях Семикатова, старшина только крикнул и пообещал как только закончит сенокос, лично проедет по всей Тунгуске и проверит все сам.

Продержав меня в волостном правлении около часа, наконец отпустили. Войдя во двор я увидел Дарьяшку и какую то другую девушку, сидевших не далеко от крыльца дома под ветвями большой черемухой. Когда я подошел и поздравил доброго вечера Дарьяшка сказала:

- Поздно Александра явился, теперь я сижу с маманей в доме, а как хотелось послушать твои богохульные байки. Да и пята моя не отведает.

И еще днем заметил, что лестница на вышку была убрана.

- Как мать Дарьяшка, а я все ~~те~~ эти два месяца только и мечтал о тебе и твоей пята и бак приготовил уйму.

Сидящая рядом девушка засмеялась, а Дарьяшка вздохнув спросила:

- А азияшка своей случаем пята не чесал?

- Некогда было, да и работали почти все время в тайге да -

леко от гольдящих стойбищ. Один только разочек и выделся с моей знакомой девушкой.

-Девушкой - брезгливо промолвила Дарья. - Поди с радостью и обманяй?

-Всего один разочек и чмокнул в щеку, а остальные раз держал для тебя в надежде: прилеку, заберусь на вышку, почечу по-легоньку щипку, потом крепко обниму и расцелую милую Дарьяшку.

Рядом сидящая подружка охнула, потом хихикнув зажала себе рот ладонью. А Дарьяшка сладко потянувшись промолвила:

- Как славно и сладко ты Александра башь, да с тобой ведь грешно, ты безбашник и табашник.

Мне стало весело от таких разговоров, хотя и досадно, что сорвались все мои надежды на вышку, я подошел вплотную к Дарьяшке, взял ее за плечи и сказал:

- А ну давай сейчас крепко расцелуемся и посмотрим, никакого греха не будет.

Не успел я ее обнять как во двор вошел старшина, подошел к нам приказав девушкам немедленно идти по домам. Делать было нечего, я повернулся и вышел со двора. Вслед за мной вышла со двора и девушка. Я подошел к ней и предлагал ее провести, она засмеялась, хлопнула меня по спине рукой крикнув - "в другой раз" и убежала.

Мне ничего больше не оставалось как уйти в комнату отца и улечься спать.

Утром с восходом солнца нас подняли на завтрак. Дарьяшка восилась во дворе около телеги. Было видно, что она ожидает меня. Когда я проходил мимо, она шепнула:

Недельки через две, когда откосимся, папаша собирается на-долго по гольдам. Узнавай и приходи я буду ждать на вышке.

- На крыльях пралечу, я ведь рядом буду работать в Николаевке на кирпичном заводе.

Что было дальше у Александра с Дарьяшкой осталось на века тайной.

Быстро позавтракав я налегке ушел в Болочавку.

Отлагав тридцать верст на своих двоих, я через шесть часов входил в свой двор. Дома была только мать с малышами, а работники Владимир, Илья Ларионовича и Антоний были на покосе.

Успокоив мать от радостных слез, я в кратких рассказах о Покровке, Николаевке и обо всей нашей экспедиции. На сенокос к ребятам меня она не отпустила, да я и сам был рад отдохнуть от усталости.

На этом рассказ Александра о Покровке, Николаевке и обо всех происшедших в экспедиции на Тунгуске заканчивается.

В связи с начавшимися наводнениями, мы начали косить сено недалеко в лесу, которое можно вывезти осенью на телеге.

Идя перед вечером из сенокоса и увидя брата, нашим радостям, распросам и рассказам не было предела. Поужинав, Александр увлекся скрипкой. Мы от музыки и усталости притихли, узнав о приходе Александра незамедлили литься Василий, Яков, Илья и Луна, пришло выйти во двор на лежащие бревна. Через полчаса уже было человек пятнадцать ребят и довушек, началась игра, танцы, шутки. Разомлились с песнями за полночь.

Спали мы все кроме мамы и маленькой Нини на вышке, там комаров не было, разговоров хватало до утра.

На следующий день мать не отпустила никого ни на какую работу, настояла на общем отдыхе.

День прошел в вопросах и рассказах, а вечер в играх, танцах и песнях на мосту.

Утром распрощавшись Александр ушел в Николаевку пообещав примерно через месяц к началу кетовой рыбалки быть дома.

Закончив все дела по ликвидации кирпичного завода Александр как и обещал явился к первому сентября домой. С собой он принес прекрасное двухствольное 12 калибра ружье центрального боя. Свои вещи и принадлежности к ружью оставил на подстанке в Демьевке. Их с первой оказией привезут к нам. Попутный ямщик привез вещи через два дня. В котомке кроме личных вещей Александра были

почти новые болотные сапоги, кожаная тулупка, брезентовый дождевик и в небольшом ящике полный набор принадлежностей к ружью с запасом металлических патронов, пороха и дроби. Это был аванс, вернее заработная плата за работу оставленная хо- зяином Натей.

Дома все основные работы были закончены, готовились к летовой рыбалке. Рыбачить как и в прошлом году собирались у Балаганского, своих неводов ни у кого еще не было. Илья Волочаев подобрал почти всех из прошлогодней артели за исключением Василия Алексеевко, которого Балаганский принял на свою рыбалку категорически отказался. Василий не унывал, бондарной работой засалил себе рыб на меньше любого артельного.

Помни советы Марисонюшки, меня на рыбалку не отпустили, Владимир был принят в артель полноправным пайщиком. в помощь ему отпросился Алтонян.

Александр как и в прошлом году категорически отказался ра- ботать на обогащение Балаганского и ушел к гольцу Андрей. После летовой рыбалки и осенней охоты его вновь приняли на по- лустанок Поперечка, где он и проработал всю вторую зиму ящиком - писарем.

Еще в июле м-це, сразу же после нарезки участков для на- селенных пунктов по реке Тунгуске, пароход "Переселенец" выгру- зил с баржи первую группу переселенцев у небольшой осыпки верстах в 10 - 12 выше Балаганского. Вторую артель рыбаков Бала- ганский подобрал из этих вновь прибывших на таких же кабельных условиях как и артель волочаевцев.

Выручало и смягчало кабельные условия то, что кета шла ва- дом и рыбаки обеспечили и себя, и всех жителей Волочаевки и вновь прибывших переселенцев на круглый год рыбой.

Картофель в следующем году волочаевцы садили много больше прошлогоднего так как именно он являлся основным продуктом не считая кеты, и заменял хлеб. Все выкопав в домах погреба или просто в сараях и научились сохранять картофель до но- вого урожая.

Учел пребывание переселенцев и Балаганский и увеличил посадку картофеля и запас соли в два - три раза.

Все же народ был нищенски, безденежно и очень трудно. Дети если выкивали росли рахитичными. Ходившая в народе поговорка: перебиваемся с хлеба на воду, и нам применялась иначе: с картошки на воду. Однако кое-что следует сказать и в нашу пользу: в огородах капуста, фасоль, кукуруза и тиква давали хорошие урожаи и это было большим подспорьем в питании, но беда была в том, что унавоженные огороды были мизерные и этих продуктов редко у кого хватало и до половины зимы.

Пшеницу, рожь, просо, гречиху, кукурузу на полях почти никто не сажал, да и где же было размолоть на муку, не повезешь же в Хабаровск на мельницу Тифонтия мещок яриш или кукурузы, да он не станет с мешком и возиться, а Бордихов построил в Дешневке ветряную мельницу много позже.

Так и прозябали полуголодные в пуще и бедности пока не началась постройка Амурской железной дороги проодившей через Волочаевку. В последующие два-три года Тунгусск быстро заселялась русскими. Появились в Тунгусской волости новые деревни: Ново-каменка, Калиновка, Даниловка, Архангеловка, Улиха-Чавловка, Восторговка и Шаманка.

«Черное время» почему то Архангеловку называли Тифонтовской. Это видимо было связано с китайскими «купеза» - агентами Тифонтия, грабившими все коренное население Тунгусска. Позже рядом на сопочке обосновался монастырь «архангела Гавриила» или какого то другого архангела и деревушку переименовали в Архангеловку. За Шаманкой так прозвине и осталось данное экспедицией.

- 38 -
Глава двадцать первая.
Моя первая любовь.

Летом 1909 года в Волочаевке насчитывалось нас, юнцов - ребят и девушек уже примерно 16-18 человек, но из нас, кое кто был на год, два, а то и три старше или младше других. Дружили мы не всей компанией, а отдельными группами по несколько человек.

Наша компания из закадычных друзей состояла примерно из пяти-шести человек. Меня, брата Антонина/ Владимир был как то уже взрослее и меньшеучаствовал с нами/ Ивана Тихонова-Саженьки, Ивана Кучмахака и Мишки Чернышева.

Мы своей компанией были почти везде не разлучны: и на рыбалке и по сбору грибов. По ягоду голубнику ходили больше женщины и девушки, но боясь медведей, которых никогда никто не видал, всегда брали в провожатые нас. Воображаю, если бы в самом деле встретили медведя, то мы, провожатые первыми испачкали-бы свои штанишки. Но всегда обходилось благополучно, медведей на грех не было.

На большой мост, на времянке водить хоробыды и попеть с девушками тоже ходили вместе, а петь мы с Иваном-Саженькой очень любили да и пели на пару хорошо. С братом Владимиром пели мы еще лучше, но это уже по просьбе и по заказу.

Под большим мостом была большая и глубокая яма, всегда полная прозрачной воды. Вода быстро протекала по ручью и всегда была чистой. Под мостом в летнее время мы всегда в этой яме купались, но купались не только мы своей компанией, а уже все ребята. Купались постоянно и девушки, но тогда, когда выпроводят нас. Была среди них одна отчаянная девушка Нюра Новиченко. Она на один год старше меня, та никогда не дожидалась, когда мы уйдем, а всегда начинала раздеваться при нас, а бывали случаи она совершенно нагая бросалась в яму, когда мы еще купались. Нюнятия о трусах и купальных костюмах, тогда и в помине не было.

Купаясь под мостом, мы любили устраивать разные фокусы, в особенности на это был мастер Колька Слинко. Его номер показывать "лысого вола" всегда проходил классически, а содержание вари-

включалось в том, чтобы при плавании, как можно выше приподнять голую задницу. В особенности он любил это проделывать выплывая из под моста, когда на мосту было много ребят и девушек.

Часто мы купались в нашем Волочаевском заливе, но почему то, в то время его заливом никто не называл, а звали озером. Иногда ходили купаться на реку Тунгусску, но на это походы Мишка Чернышев не всегда был охочь.

Зимой каталась с сойки на самодельных санях, на которых помещалось пять-шесть человек, а иногда цеплялось и до десятка, мы тоже были всегда вместе, но на таких катаньях участвовали в основном уже почти все ребята и девушки, а иногда и взрослые. Ну, а на проводимые читки книг и журналов из библиотеки отца летом у нас в будке, а зимой где придется у кого из ребят, но больше у нас тоже собирались вместе.

В те времена из всех Волочаевцев выписывал и то одну единственную газету "Примурье" только наш отец, которая поступала адресату обмусоленными истертыми лачками в две-три недели один раз. Мы ребята на своих читках газет не читали, ничего интересного в них не находили. Видимо кругозор нашей грамотности был не для газет, а возможно и газеты тогда писались не для лица простого люда. А вот на закрутки и козын ножки газеты шли на расхват, но этим уже ведал наш отец. Нам редко удавалось стинуть одну-две газеты для себя и ребят для курева.

Как то, помню зимой, в ясный погожий день, мы, ватага ребят и девушек каталась с сойки на саделных больших санях по прорубленной провеке на быстром, крутом спуске опрокинулись. Я, вылетев из опрокинутых саней, случайно очутился в одном большом сугробе, рядом чуть ли не в обнимку с моей соседкой по дому Феней. Протирая лицо от снега я спросил: "Сильно ушиблась Феня."

-Нет ничутьючку Илья.

Так меня никогда и ни кто не называл и я сказал:

-Я Феня Ильяшкa, а не Или, ведь меня все так зовут.

- А почему ты назвал меня Феней, а не Фенькой, ведь меня тоже все так зовут.

Я хотел сдуть с ее щеки снег и нечаянно коснулся щеки губами.

Она засмеялась, порывисто прижалась своими губами к моим губам и оторвавшись сказала: - "запомни этот сугроб Илья, я долго долго буду его помнить.

Потом быстро схватила, отряхнулась от снега и побежала к опрокинутым саням, у которых уже встали ребята и девушки.

Мне после этого так не хотелось вылезать из этого сугроба, а губы мои так обожглись, что я невольно стал глотать снег. Ведь мои губы никто до сих пор не целовал, кроме мамы.. Да и поцелуй мамин был какие-то простые, обыкновенные, милые, хорошие, а Фенин жгучий и заколодил всю душу. Я забывшись и мне казалось - не уйди отсюда Феня, я мог бы лежать с ней в этом сугробе, - день ночь и даже всю жизнь. Потом очнулся и услышал, как Феня со смехом звала девушек выручать Ильюшку из сугроба. Я не стал ждать и быстро выбрался из сугроба сам.

С тех пор у меня в душе что то перевернулось, чувства мои, как-то вроде по новому пробудились и я стал взрослым, хотя мы по существу с Феней были еще же не дети, то и не в полном смысле юности. Мне было около шестнадцати, а Фене пятнадцать лет.

Не видя долго Фени, мне становилось смучно. С Феней тоже видимо такое творилось, она часто стала приходить к нам, то книгу попросит у отца для мамы, то у мамы сковородку или ухват, а через время приносила их обратно. Я понял, она не видя долго меня тоже скучает, - значит любит, и я от радости, был как говорят на седьмом небе.

Али мы соседями и наши дворы разделял забор в две-три жерди.

Впоследствии она была одной из всех девушек постоянным слушателем наших общих чток.

Читать с ребятами книги из библиотеки отца нам удавалось только по праздникам и воскресениям и только дини. Вечерами и ночью, когда мы были свободны от дневных дел, устраивать читки не представлялось возможным из за отсутствия керосина. Основным светилем во всей Волочаевке была тогда луна и каганец, направленный бобовым маслом или другим каким либо жиром, но и каганец в

экономии масла закигали в особых, редких случаях.

Однажды кто то из ребят принес немного топленого, барсучьего хира и мы растопив жир в каком то черепке, заправили кагеец и затагнули читку до полночи.

Мы уже жили в своем доме, а читки проводили в нашей будке.

Я уже давно стал замечать, что к Фене равнодушны двое из моих товарищей, - Иван Тихонов- саженка и Мишка Чернышев.

Иван Саженка, это мой лучший, как тогда выражались-закадычный друг, симпатичный и веселый. Мишка красивый, но какой то ехидный и гордый парень. Все мы его не любили. Был и третий ухажер за Феней, - это Василий Новиченко, но он никакого участия в наших читках не принимал. Все они трое, мои ровесники.

Во время этой читки Иван-саженка и Мишка меньше уделяли уделяли внимания читке чем Фене, я это заметил и во мне вскинуло новое чувство - ревность. Заметила мое волнение и Феня и тут-же поднялась и сказала:-

Мне пора домой ребята. Проводи меня до забора Иля.

Это она второй раз назвала меня Илей, но теперь уж при всех ребятах. Мне было и радостно и приятно, но в то же время и как то стыдно перед ребятами.

- Иля, - усмехаясь скавал Иван Кучмиха, которого прозвали "буйволкой", за его сутулость и неповоротливость, -Илька он, а не Иля.

- А ты бы помолчал Иван, я ведь не к тебе обратилась. Потом, хотя ты и младше нас, но я тебя ни разу не назвала прозвищем, а теперь скажу, что ты настоящий буйвалка.

Все ребята засмеялись, а буйвалка" насупился и засопел, как настоящий буйвол, хотя настоящего буйвола никто из нас никогда и не видел.

Я вышел с Феней из будки. Дойдя до забора Феня шепнула: -Проводи ребят, а я здесь обожду и юркнула под жерди забора в свой двор.

Дальше читка уже не клеилась, через десять минут все вышли во двор. Была теплая летняя ночь. Громадной, багровой физиономией

улыбалась и ярко светила луна. Расходится по домам нехотелось, но знал, что где то рядом идет меня Феня, я, притворно зевая сказал:

- По домам хлопцы, по домам, ведь уже поздно и проводил их со двора на времянку.

Воротясь, я увидел стоявшую у стены будки Феню. С замирающим сердцем я подошел к ней.

Она порывисто бросилась ко мне, обхватила руками за шею и прижалась лицом к моей груди.

Сердце мое бурно заколотилось и я боялся, что вот-вот оно выпорхнет наружу.

Я легонько оторвал ее лицо от груди, наши уста слились в долгом и згучем поцелуе:

Когда мы отрывались друг от друга, Феня прошептала:-

- Милый, люблю на всю жизнь. Но я боюсь всех и отца своего и братьев Васю и Колю и сестру Нату, которая старше нас всех. Боюсь кое кого и из ребят. Все они наблюдают и следят за мной.

- Милая, родная, Я люблю тебя больше жизни, а ты не бойся своих родных. Чтo в том такого плохого, если мы любим друг друга. И отец мой и мама тебя уважают. Как то отец при всех нас сказал маме, - "хорошая у Слинко растет дочь Феня, хорошая будет и нам невестка и вопросительно посмотрел на меня.

- Правда это, или ты шутишь. - зашептала она.

- Правда Феичка, правда милая.

Она снова обхватила меня за шею и наши уста вторично замкнулись.

Потом она молча взяла мою руку и приложила к своей груди. Сердце ее билось в унисон моему.

- Ну Иля пора. Ни малейшего вида на наши чувства. Я тебе все напишу, и юрикув под-жержь побежала к своему дому.

Так началась моя первая, юношеская любовь.

Глава *двадцать вторая.*
с 24 забайкальцами.
ПОСТРОЙКА АМУРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

1. Изыскание

Наступала ранняя весна 1911 года.

Вне зимой в волости стало известно, что идет изыскание постройки Амурской железной дороги со станции Кузнецка до города Хабаровска.

О том, что железная дорога пройдет через территорию Тунгусской волости было ясно, но гадали пройдет ли она понад Амуром через села Лугоуку, Забелово, Нижне-Спаску, Самарку, Владимировку и Покровку или ближе к Тунгусске через Волочаевку, Дашневу и Покровку.

Сомнения решила прибывший из Хабаровска партия изыскателей из четырех человек.

В тот же день вечером на созванной у старости Макара Семеновича Волочаева сходке они объясняли, что прибыли для изыскания и прокладки просеки для постройки железной дороги идущей из Забайкалья до города Хабаровска. Дорога будет проходить через Покровку, Дашневу и Волочаевку параллельно с проходящей грунтовой дорогой, временкой. От Волочаевки временка круто поворачивает влево и через полустанок Поперечка идет к Амуру и дальше понад Амуром через незначит. станции до Благовещенска. Трассу железной дороги намечено из Волочаевки проилладывать правее, через тайгу, болота и горы. От Амура до Покровки и дальше села до Волочаевки ведет проилладку другая партия изыскателей. Наша задача проилладывать просеку дальше от Волочаевки и встретится где-то на середине с партией изыскателей вышедшей нам навстречу от реки Бара. По Амурской области ведут проилладку просек несколько изыскательских партий. Для проведения вышеуказанных работ мы просим выдвигать нам пять человек здоровых выносливых ребят. Труд будет оплачиваться по утвержденным государственным ставкам. Загтра должны подойти из Дашневы еще три человека.

Требуется от вас и одна бычья лошадь за которую будет оплачиваться как и человеку. Вторую лошадь приведут из Даженов. Завтра один день на обори, послезавтра приступаем к изысканиям и прикладные просеки. Возможно первые три или пять дней будем возвращаться на ночлег в Волочанку, потом уйдем дальше в необжитые, незаселенные места на сотни верст".

Люди зачарованные слушали рассказ начальника изыскательной партии. Ведь это начиналась по существу новая жизнь для жителей Волочанки, да и не только новая жизнь для оед Тунгусской волости, а новая эра для всего Дальнего Востока.

Кому нехотелось сейчас не устроиться на работу и улучшить материальную жизнь своей семьи, но побаивались такого быстрого поворота: - "Завтра день на обори, послезавтра уходим". Да и уходить не на неделю, не на месяц, а на все лето в такую даль и в неизвестность.

После некоторых вопросов начальнику партия и домашних совещаний согласилась идти с изыскателями: Яков и Илья Волочанки, Дуся Кучмашик и Мари Зиньковский, рассчитывая этого захватить с полустанка Поперечка Александра. Василий Алексеевич хотя и был "занятый холостяк" и жил одиннадцатым бобылем, идти в тайгу, гнилые болота, на съедение гнусом - отказался. Не на весь летний сезон поднимался с лошадью и Яков Волочанка. У него уже состоялась помолвка с Ольгой Кидай и летом или осенью предстояла свадьба.

Не замедлил явиться с полустанка и Александр. Очень хотел поработать с партией и дружок Александра Петр Петров, но он был казак и у него предстояла летние казачьи сборы в Михайло-Семевском, а казак в те времена прежде всего должен быть казак и верным царским слугой.

Первые дни изыскателя уходили и возвращались на ночь в Волочанку, потом перебрались на полустанок Поперечка, а дней через десять ушли дальше в неизвестное изредка проезжая на лошадях за продуктами доставляемые на полустанок ~~на~~ Поперечка почтовыми из Даженов. Потом ишли как в воду на несколько месяцев.

Партия где то в конце августа встретилась выходящее возло - женную на них работу, и волочанские изыскатели обросшие, загорев-

шие, оборванные и изрядно похуленные и изданные гнусом вернулись в Волочанку.

2. Смерть матери

Подходило время летовой рыбалки, готоваясь третий раз рыбачить у Балаганского.

За прошедшее лето Волочанка значительно увеличилась, приехали и поселились несколько семей переселенцев.

В семье нашу семью постигло большое и тяжелое горе. Умерла тяжело болевшая наша мать. Это был тяжелый удар и настоящий перелом. Отец все еще работал в Покровне в волости и в связи с разварачивавшейся работой постройки железной дороги проходившей через всю Тунгусскую волость, работы в волости было непереворот. Он сумел только на пять дней приехать домой на похороны матери. От Александра и всей изыскательской партии небыло никаких известий. Осупшийся, согнутый, убитый горем покидал нас отец уезжая обратно в Покровну. Не менее убитые горем, растерявшиеся оставались дома и мы.

Сердцоболезные соседи приходили к нам, помогали по дому, но это не могло долго длиться и мы сами между собой распределяли обязанности: Владимир оставался общим хозяином двора и дома, на меня возлагалась кухня и выпечка хлеба. Я еще при жизни матери помогал ей на кухне усвоил эту специальность и впоследствии был прекрасным хлебопекон. Некоторые вершители и вероиды хозяева не раз приходили к нам и удивлялись моему мастерству на все лады хвали мое изделие. Антону был поручен присмотр за младшими, хотя за ним самим еще требовался добрый присмотр.

Как то само собой получалось, что и нам пришла прислугой Меланья Копель. Готовала нам, обстирывала нас, убирала после нас, и главное наблюдала за младшими. Нам стало много легче. Прожила она у нас примерно с полгода, но видимо надоело ей с нами возиться и она приехавшему навестить нас отцу заявила, что больше работать у нас не может. Отец видя безвыходность, договорился со старинами Новаченко, что хотя бы на время отпустили и нам свою дочь Юру.

И, вот эта отчаянная Юрия Номиченко поселилась у нас. Она была на год старше меня и на год младше Владимира, умела не плохо сна-
 рить борщ и приготовить по деревенски что либо другое, постарать-
 ся, подмести и помыть пол, но что главное - это взять нас всех в хо-
 рошие шоры. Не стеснялась дать хорошему подзатыльника не только
 маленьким, но и мне. С Владимиром спорила, грудила, но руку не
 прикладывала. Спала покоем со всеми нами на общем нарах и ничего
 абсолютно не стеснялась.

Прошла она у нас весь остаток зимы и до половины лета 1912
 года. Потом ее родители что то усмотрели наладное в ее чрезмерно
 вольном поведении к Владимиру и ко мне и забрали ее домой.

Скучно нам стало без веселой, отчаянной во всех отношениях и
 слабодетой в некоторых девичьих отношениях Юрия, но драться было
 некуда, ее готовили и в скорости выдали замуж за здорового
 стража полиция Стегана Пратулу. Маль-нам было впоследствии ее до
 слез, глядя как этот изверг над ней издевался, избивал и глумился,
 возможно за потерянную девичью честьность, а возможно просто, -
 "зана да убоялся своего мужа".

Осталось им жить одни, все шло само собой, но маленькая
 Пина без железного присмотра придавала нам много хлопот. Отец все
 еще работал в колосте, а Александр где то на железной дороге и
 редко был дома.

Наконец приехал отец и сразу пошел к Дроздовым договорился
 с Марфой и нам в приданое, и тут только выяснилось из метриков
 или других документов, что она не Марфа, а ~~Марфа~~ *Марфа*, о чем видимо
 она и сама не знала. Она была старше Александра на год, старше
 Владимира на три, но это уже была настоящая хозяйка умная ра-
 зумно командовать и наблюдать за нами, за двором и за домом.

С наступлением лета 1912 года, начали разворачиваться под-
 готовительные работы постройки железной дороги.

Для постройки железнодорожных мостов, станций и станционных
 зданий которые начались строится в 250 сажнях от нашего дома тре-
 бовалось много крепкого, не боявшегося сырости леса. Таким лесом
 являлась лиственница и небольшими рослами ель по Тунгуске.

Для этой цели еще зимой на приток Кочутан были направлены

работы в основном местные жители для заготовки леса. Как только закрылась отойда Тунгуски, лес начали сплавлять в устье волоочевского залива и выкатывать на высокий но в большую воду за - топленный берег.

В это время начали прибывать большими партиями в Воло - чевску рабочие в основном контрактники из Инской губернии. Жизнь в Волочевске приобрелась и не следовательно трудно было в ней разо - браться. Началась спешная постройка для жилья из местного леса бараков. В домах , в сараях начал по договоренности с хозяевами размещаться прибывающий люд. Во всех дворах появлялись палатки и палатки. На берегу волочевского залива , рядом с сошкой появля - ся целый палатный и палаточный городок.

При строительстве этого палаточного городка было заметно от оставшихся ям и бичевых землянок , что здесь несколько лет назад при постройке арестантской колонии находился огромный лагерь который отстоял от грунтовою дорожке. Там же заросших кустарником ям на берегу залива насчитывалось около десятка. Вдоль были очерчены могилы замученных и забитых розгами заключенных.

При раскопке одной ямы была найдена поразительная цепь от бичевых кандалов.

Для вывозки бревен леса, началось прокладка, от Тунгуски до Волочевки временная, односторонняя железнодорожная ветка. Голыш и другое оборудование и снаряжение подводилось из Кабаровска по Тунгуске на баржах. Появился маленький локомотив времен "Стя - фенсона" способный тянуть один-два вагона леса.

Волочевка

3. Парубки

Волочевка шарилась , росла не по дням , а по часам. Прибыва - ющее много переселенцев требовавших участки для застройки.

Вслед за контрактными рабочими , появлялись разного рода деловые люди, начали открываться торговые лавки, сто - ловые, харчевни , кабаки, игральные дома и другие темные притоны.

Вскоре как то на очередной сходке волочевцев появилась здоровенная , расфуфыренная женщина с пышным и громкогласным заявлением , о том, что она желает прописаться жительницей Воло -

чезла и просит прописать ее в такое. Пока отказа в приеме не было и ее решили принять в жители Волочаевки. Получив выписку из протокола, что она принята обществом в семье Волочаевцев, она немедленно уехала в Болость, а оттуда в Кабаровск и дней через десять явилась в Волочаевку с сотней рублей переселенческой ссуды. Таких крутых оборотов, пока еще никто не умел делать.

С приездом в Волочаевку, эта унаследованная жителями волочаевки, сразу же приступила к от пятидесяти саженей от нашего дома, почти рядом от места будущей железнодорожной станции, строить свой какой-то дом типа большого барака. Сразу после окончания этого дома-барака, в нем был открыт "ресторан-отомоная". Этот ресторан состоял помимо хозяйки, из повора китайца и трех славянских здоровенных девок. Дальнейшим выяснилось, что хозяйка и каждая девица в этом ресторане-бараке, имели отдельные комнаты, в которые приглашали на ночь, славянки и обирали подкулиных рабочих и прочих гуляк. При всем этом, для разнообразия все девицы и хозяйка принадлежали к разным нациям: сама хозяйка значилась русско-подданной немкой, одна из девок русская по имени - Мура, вторая полька-Эва и третья цыганка - Лада. Все это было подобрано по желанию и вкусу посетителей. Цыганка умела хорошо петь аккомпанируя на гитаре, гадала на картах и предсказывать судьбу "позолоти ручку". Полька умела пылко любить, а русская притворно-грустная и задумчивая надот-рога, так всегда была печально загадочная, что на ее удочку шли многие чем-то опечаленные и опускали все карманное достоинство. О самой хозяйке еще на первой сходке смотря на ее телеса и дорожность, Василий Алексеевич сказал: - "Это не просто баба, а царьбаба. Так она навсегда и осталась Царьбабой для всех волочаевцев и всех рабочих. Вдобавок к этому прозвищу, кто-то написал на наружных дверях этого "ресторана": Бард... - Царьбаба. И это название закрепилось за этим притоном.

Вдобавок к этой интерье, учитывая и повора, в "ресторане" обитал здоровенный с незданным оспой лицом мужчина, под кличкой "Гигибабло". Шел разговор, что он самозванец царьбабы. Он действительно умел выпябить за дверь любого подкуливающего и очкастого скандалиста. У него за голяницей сапога всегда валялись какой-то кинжол, а в карманах всегда находились стальной напесть.

Весь этот притон и теория в нем длинная не преследовалась,

а наоборот поспрашивали сластями. Примером этому служил тот факт, что прибывший в Волочаевку двадцатисемилетний, здоровенный верзала, малограмотный страж полиции по фамилии Степан Притула, был постоянным заведующим этого притона, забегавшего пропустить очередную и бесспорно обслужить по роду службы хозяйку и по очереди ее девок.

Под прикрытием и с помощью этого отряда, Царьбаба и ее девки чувствовали себя свободно и умели очаровывать, сплавлять, развращать и вымочивать карманы заходящих с радости или гора в их заведение, а "вышибайло" и этот государственный страж - полицейский умели наводить порядок, уговаривать, усмирять и скупать скулы расхаживавшимся бунням или протестующим за очиненные карманы. Пьяный и уснувший за столом или под столом просто выламывали за ноги в рядом проходившую канаву. Матерщина, сквернословие и другие похабщины вообще не возбранялись.

Помимо этого темного заведения в Волочаевке была открыта большая частная лавка и рядом с ней хлебопекарни снабжавшие всех прибывающих рабочих и местное население продуктами и товарами. Здания под эти предприятия были построены буквально за каких-нибудь пятнадцать дней. С открытием водного пути по Тунгуске Кабаровск - Волочаевка все материалы, продукты и товары привозились на баржах к устью волочаевского залива. Впоследствии начал курсировать пассажирский катер "Большой". Жизнь бурно развивалась, Волочаевка преображалась.

4. Контрачные

Сотни захарбованных из дальних российских губерний "контрачных" как их тогда называли наводнили Волочаевку. Но это был организованный марный и туподольный народ. Они были организованы по специальности в артели, отдельно, плотники, столяры, землекопы и разнорабочие. Каждая артель имела своего артеля самостоятельно имела своего выборного старшего. Питалась артель вместе общим котлом питанием. Старшой у них ведал всем, и расстановкой людей на работу, и котлом, и всеми финансовыми расчетами. Ему беспримысленно подчинялись все и во всем.

У нас в будке помещалась артель плотников численностью в двадцать человек, а мне лично приходилось наблюдать их порядок

и интересный образ жизни. Без решения избранного старшего, ничего серьезного не делалось. Даже при еде "трапезе" существовал свой порядок ^{и. особый} ~~отдельный~~. Заключался он в следующем: ели человек по семь-восемь из одной общей искусно сделанной деревянной маски, деревянными самодельными одинакового размера ложками. Старшой садился в центре стола. Ложки опускали в маску по круговому порядку. Отлибнув каждый по три-четыре раза общего супа, старшой ударял по краю маски своей ложкой и первым запускал ложку поглубже выуживая кусок мяса или рыбы, за ним по кругу делали это все остальные. И так до конца еды.

Перед едой старшой нарезал ровные ломти хлеба каждому по числу сидящих за столом.

Готовить обеды и ужины отпускаясь ^{с работы} очередной на полтора-два часа раньше.

В некоторых артелях были специально поставленные к котлу женщины стряпухи которые готовили пищу, обстарили и чинили одежду артельным.

В артеле занимавшей нашу будку была стряпуха тетя-Моти как звали ее мы, а Мотри или Косьяновна как звали ее артельные. Это была малая, трудолюбивая и всех уважающая лет сорока женщина. Она умела каждому угодить, каждого успокоить, старалась чем то и кому то помочь. И так изводя в день, не было случая чтобы она опоздала с приготовлением пищи или в чем либо другом из возложенных на нее обязанностей. Ее все уважали, некоторые постарше как оесту, а молодые как мать. Оберегали ее и старались чем только можно помочь. Жила она в будке вместе с бригадой, спала в отдельном уголке отгороженном полотняной ширмой. Все члены артели и стряпуха были если не родственники то обязательно из одного села.

Для удобства приготовления пищи, артель построила в стороне от будки и конюшни навес, под этим навесом сложили из глины плитку с вмазанным в нее большим котлом в котором постоянно была горячая вода. Под этим крытым навесом тетя Моти готовила в любую погоду пищу.

Артель состояла из плотников, строила пона временные бараки для жилья прибывающих рабочих и готовилась с поступлением леса из устья Тунгуски строить стационарные здания.

Каждый член артели имел свой личный топор и брусок для точа топора и несколько артельных поперечных и две продольных пилы. У некоторых имелся и столярный инструмент.

В артели существовал свой патриархальный порядок, дружба и коллективная сплоченность, как говорится: один за всех, а все за одного. В праздничные дни они артельно отдыхали, приходя себя в порядок, а заглавие к царьбе не ходили, так как весь заработок был на счету артели и излишки средств от заработка переводились семьям тоже артельно. В большие праздники позволяли в меру артельно выпить. Для этого тети Мотя или Касьяновна готовила особый обед. Не обыкновенный постоянный кандер и квашенная каша, а мясные щи или мясные клецки, жареная пчучина или жареная рыба. Родку отмерял каждому поровну старшой.

После сытного обеда запевали свои интересные песни. Иногда упрямившись спеть и тетя Мотя. Развеселившись она пела как то по своему, очень интересно и артельные и все мы любили ее слушать.

Знала она много и веселых и грустных песен, но грустные пела тогда была одна, а в таких случаях запевала веселую:

До ворот гусли вдарили

Ох, вдарили, вдарили.

Про меня и младу баили

Ох, баили, баили.

Что в мене и молодой муж ревнив

Ох, муж ревнив, муж ревнив.

На на улицу не пускает

Не пускает, не пускает.

А как пустят, то пригудят

Ох, пригудят, да пригудят.

А как и младя гулять пойду

Гулять пойду, гулять пойду.

Кочет поет я и нейду

Ох, я и нейду, я и нейду.

Второй поет я и нейду

Ох, я и нейду, я и нейду.

А как треть запоет, я и пойду

Ох, я и пойду, я и пойду.

Дома муж сепит пугается

Ругается, ругается.

Где ты щельма щатаешься
Щатаешься, щатаешься.

Пела она подбоченясь приотпыная ногами и разводя руками в такт песни. Все это у нее получалось мило, красиво и озорно. Слушатели прихлопывали руками и разноголосно выкрикивали: ой, да Мотя, ой да Касьяновна. Вот отдерет. Ух, ты щельма. Ну и дает и т.д. и т.п.

В такие праздничные дни проходили и ним земляки из других артелей, их угощали кушаньем а иногда и выпивкой.

В одной из артелей была особого рода гармонь. На вид не — большая, квадратная, но растягивалась на полный размах рук взрослого человека. На обеих ее сторонах помимо клавишей имелись и бубенцы и колокольчики. "Тальянка" как ее называли все. На ней залахвостки играл с припевами один молодой, красивый и веселый парень.

На их праздничные гулянья приходили и наши деревенские парни и девчата. Сначала ознакомились потом познакомились, танцевала вместе, водили хороводы, пели песни. Молодежь контрачных была мирная, любезная.

Естественно когда в Волочаево понаехал разный разбойный и озорной народ, такие гулянья без потасовок и драк не обходились.

Иногда на такие гулянья являлся и страж Притула, но не для развлечений, а как он сам объяснил: пронохать, не пахнет ли здесь крамолой? Понимал ли он сам что либо в этой крамоле. Трудно было поверить.

5. Конфликт

Однажды в праздничный свободный от работы день пришли из пелаточного городка в нашей будке с тальянкой а пенсиями парня из контрачных с ними и наши деревенские хлопцы и девчата. Затеяли танцы и игры у нас во дворе. И вдруг не звано и не хвадо зашли —

лись во двор разодетые, напудренные и напозаженные все три девицы царьбобы. Чуть погода появилась принарядившийся и причесанный "Жи-шабейло".

Присутствующие девушки сразу прекратили игры и отошли к тете Моте стоявшей в стороне. Цыганка - Лада с апломба подошла и гармонисту, сделала реверанс и тоном приказа сказала :

- Ану Ванчо , сыграй какойнибудь цыганский романс , а я его вам спою.

- Я не Ванчо и цыганских не играю. Хот отхвачу русскую барыню.

- Ну что я , коли не учю цыганским романсам, давай русскую барыню, только перебери лад своей тальянки сначала медленно , потом все чаще , чаще и чаще.

-Добро, - произнес гармониист и растянул свою тальянку.

Цыганка шевельнула сначала одним плечом, потом другим, затем обоими вместе, затрясла всей грудью , потом одним только задом и наконец затряслась всем телом выкрикивая : " быстрее", " быстрее", прпевая : - барыня ты моя , сударыня ты моя.

Зрители действительно были ошеломлены. Все разинув рты и затаив дыхание смотрели на ее выкрутасы. Это были не мажорские дикие оргии , а танец , причем красивый увлекательный танец . Даже польва - Зоя успевая усесться за стол и ногой - то обмарать и та обернулась и засмотрелась на подругу , а русская - Мура грустная с начала на лице и притворявшаяся несчастной , облокотилась на забор огорода наблюдала эту сцену в ясном ожидании, что кто то к ней подойдет.

Наконец цыганка остановилась, махнула гармонисту рукой чтобы прекратил играть , запела :

Эй, цыгане веселей,
Ходу , ходу , ходу .
Мы правили воду пить
Всеравно как воду .

На шаг установилась тишина. Затем подошла к ней Марк Зинь - ковский и любезно сказал :

- Крепко отдираешь. Нашим девицам так не сумеешь. Жаль нет Ва-

сая Алексеевну, он бы тебе составил компанию. Только он не являет задом как ты, а в присаду так идет, что земля гудит.

- Бон оно каков у нас Василий. А он не из цыган.

- Да вроде нет. А почему ты назвала гармониста Ваньчо, когда у него совсем другое имя?

- Разве у него другое имя? А я думала все Витасию Ваньчо. Если желаете я расскажу почему я так думала.

- Давай, давай рассказывай, время у нас для побасенок есть.

- Тогда слушайте. Давно это было, лет двадцать пять назад. Я была еще маленькая и жила с родителями в цыганском таборе. В таборе был медведь уменей показывать как бабы на коромысле воду носят, как мужик одевает лапти. Умел переворачиваться через голову, стоять на передних лапах вверх ногами. И этот медведь часто выручал весь табор от неминуемого голода. За его фокусы давали нам я хлеб, и сало, разные овощи и медные питанья.

Кочевали мы табором и по малым селам и по большим городам. И, вот однажды кочуя по Витской губернии, мы зашли в большое село, а медведя как правало звали вперед. Сотни зевак окружали нас и вот когда мы зашли на площадь на которой стояла небольшая церковь, один старик выскочил вперед замахал руками на колокольню и заорал: "Ваньчо бей в колокольню богорадицу ведут, в медвежьей шубе и кольчуге". Вот я с тех пор и думаю, что у нас вичих все Ваньчо.

Болочавские девушки и парни засмеялись, а артельные насупились. Тогда старшой подошел к цыганке и сказал:

-Стари дэжа твои побасенки, ми про цыган и по своей знам.

-Пра, пра Потапыч, расскаж ей как цыган у богатея сало носил, или в бочку с медом каравай хлеба уронил.

-Вот чудо, - Потапыч. А мы котати в таборе своего медведя потапычем звали. Но я Потапыч знаю много и новых побасенок. Ты вот что, приходи к нам в ресторан со всей артелью, ми вам споем под гитару и цыганские и русские романсы. А станцую так, что и на завтра придти к нам захочется. Тебе Потапыч я расскажу особые побасенки и приголублю как медведя.

- Ты что ^мсмерла явилась сюда с пакостями и хочешь сообрать артель. Вон отседова.- Тако но внятно сказал старшой.

- Тиме , тиме , - подал голос "вышибайло", смотря обоим в затылок .

Старшой повернулся , подошел вплотную к "вышибайло" и еще тиме произнес:

- Ты зачем сатанинский помазания сюда явился и привел это злое племя. Прому добром убавайся отседова и впредь не задумай показаться.

"Вышибайло" медленно полез рукой в карман.

- Не угрожай своим кистенем. У нас есть погрозеней орудье. У каждого топор востер. Ану родн! - и он обернулся к своим артельным.

Бияг очутилось у каждого в руках по увесистому полону . "Вышибайло" крикнул, издав горлом какой то клич и медленно пошел к воротам. Подхватив юбки бросались вслед за ним все три красавицы.

День был испорчен, тулянье не клеилось и гости постепенно начали расходиться. Оставалась еще сидевшие с Маврой подочерские девчата и ребята.

6. Поднимая Притула

Не прошло и часа как явился вооруженный с ног до головы стражник Притула. Обыкновенно он винтовку при себе никогда не носил , а сейчас был при полном боевом: при сабле, патане и винтовке.

Подойдя к сидевшим за столом артельным, Притула громко окомандовал! - Встать !

Все вслед за старшим медленно поднялись. Обращаясь ко всем сразу Притула грозно изрек:

- Кто тут из вас старший артели ?

- Старшой артели буду я. - Произнес Потанич.

- Собираюсь и пошла со мной.
- Куда и зачем мне идти ?
- Там узнаешь. Потарганивай.
- Никуда я не пойду. Сидись ребята. Присядь и ты с нами
господин отстранник и объясни толком.

- Это что бунт ? Неповиновение властям ? На людей топора
поднял ?

- Никакого бунта нет. Мы народ самый мирный. Зря куку не
обидим. А сегодня праздник никто топора и в руки не брал.

- Что врешь. А почему в ресторации люди с перепугу в об-
мороне лежат ?

- Да то не опуху, а поды от земли валются от потаскухи.
Ты страх поникай чем от них прет. Спереди поды выжили, а сзади
не иначе падали.

- Не сказала, а просто выпалила тетя Мотя.

- А ты баба помолчи коли не никала чем наша холодная пахнет.
Бот запру дня на три в месте с пьяными мужиками, там напихаемся.

- Ой ли. А этого ты не жила ? И она подбочняв подоснула
ему под самый нос увеселитель кушине.

Сидевшие на бревнах девушки засмеялись.

- Ну ты сумасшедшая баба. - Отстранявшись произнес отстран-
ник. - погоди и до тебя доберусь.

- Мотря Касьяновна ототань. Без тебя разберем.

- А что он меня. Потопыч холодной пугат, да еще с пьяны-
ми мужиками и за что ?

- Ладно, помолчи уж Касьяновна. А тебе господин отстранник
еще раз говорим, что мы народ мирный и не баловая по дьякам и
ресторациям. Никого мы не обижали и впредь не обидим если нас не
обидят. А уж если кто вздумает не справедливо нас затронуть,
пусть потом сам не обижается. Себя в обиду мы не дадим.

С тобой идти мне нечему. Никакой вины мы за собой не чуюм.
А дьяком из ресторации передай если их увидишь наш поклон, а царь-
бабе скажи если она еще раз подохнет к нам своих делок, мы тут
не при всем честном народе задержим им юбки и вымажем их толще про-
лести датем. И конопатый пусть не является к нам с своим кистелем,

угрожать нам нечему да и незачто.

- Смело говорит старшой, даже черезчур смело. Смотри не спотыкнись.

- Пока крепкие ноги держат, постараюсь не спотыкаться. Я уверен господин стражник, что все обойдется тако и мирно. Вот подвезут лес, заработам вам хорошую станцию и с пятком других станционных зданий. Распрошамся и уйдем строить другие станции. Быть мо- жет следом и тебя туда перебросят, вот и будем друзьями.

- Волки вам друзья, а не я. Чего я друзьями лезешь.

- Вот видишь, мы тебе любезны слова, а ты оскорбительны. Честник и мирных людей не прошто волками обзавоешь. Не хорошо это.

- Что хорошо, что плохо мне лучше знать, а тебя спрашиваю еще раз, пойдешь добром или уводить?

Поднялся большой, крикливый и плотный старик и отвечая за старшего произнес:

- Накуда мы одного Потатыча не отпустим. Если тебе страх так сильно и обязательно нужен наш старшой, тогда с нам пойдем всей артелью, а нас двадцать человек.

- Правильно, пошли все гурьбой - выкрикнул присутствующий здесь Марк Заньковский - нас тоже здесь с десятками будет человек пятнадцать.

- Накуда мы не пойдем. - Завопили все дружно.

Будя такой оборот дела, Притула обратился к Потатычу она - зал:

- Хорошо старшой, сегодня явку отстаю, а завтра я пришлю тебе повестку. Попробуй не явись.

С этими словами он по солдатски повернулся и важно пошел со двора.

- Не только Потатыч, всей артелью мы явимся по требованию твоей повестки. - Бросил ему в догонку крикливый старик.

Повестку Притула так и наприносил, а через понятого старосты передал, что он новеллит проведет и артельные действительно оказались невиновными, а за обман, якобы артельные набросались с топорами на служащих ресторана, он полицейский Притула посадил охранника ресторана на двое суток в холодную.

Никто повзвизгивать никакого кофронта не разбарал, никого Притула в холодную не сажал, но весь скандал на этом был закончен.

7. Первый паровоз

Строительство железнодорожной ветки от Тунгуски до Болочаевки уже заканчивали. Последние звенья ее тросы проходили позади нашего и Сливьковского депо и заведения паробеди и заканчивалась тупиком около временки где предназначалось место постройки железнодорожной станции со всеми требующимися к ней зданиями.

О том, что сегодня первый паровоз пройдет по ветке от Тунгуски до Болочаевки и его организовано будут встречать около палаточного городка у Болочаевского залива, знали уже все. Готовилась его встречать и артель плотников из нашей будки. Ведь она то его и ждала с лесом для начала своих основных работ.

Не успели мы подняться с постели, как во двор к нам вошел Иван-Сатенка и обращаясь к Владимиру, мне и Антону крикнул:

- Чего дергаете засоны до обеда, на озере у палаток уже сотни людей собралось. Вчера батенько приходил домой и говорил, что они на паровозе с одной платформой выйдут от Тунгуски часов в восемь утра, значит часов в десять обязательно будут у нас, - одевайтесь, а я обегу крикну Кольке и Феньке Сливько и айда на озеро.

- И как же на заминку? Вы же обещали прополоть сегодня картошку. - Спросила подопедавшая Маша.

- Успеем и завтра, а сегодня такой день, что все оставит свою работу и пойдут встречать паровоз. Ведь не откажемся пойти на озеро и т.д. - Сказал Владимир.

- Так то оно так, только бы погода на завтра не испортилась.

- Да сколько той картошки, мы ее и в дождь за два часа прополем, - Естал свое слово я.

- Какой ты Ильяшка быстрый. Ну если так, свари быстроенно
шпенной кашки поедем и пообедаем.

- Не успели мы поесть как обратно прибежал Савенька с
Колькой Слинко.

- Фенку сейчас не пускают, придет после св. воени. Айда
побежали.

Такое объяснение Савеньки испортило мое радостное нас-
троение, но приходилось мириться. Не будешь же причать о своих
чувствах к девушке и требовать чтобы она обязательно сейчас
была с нами, тем более, что о наших чувствах знали мои сопер-
ники только Иван Савенька и Мишка Чернышев. Договаривались и
другие в особенности Василий Новиченко которого Феня очень не-
навидела и боялась. А как мне хотелось чтобы Феня сейчас, в
этот торжественный час прихода первого паровоза и нам в Бело-
часку, была рядом со мной. Незаметно взять ее постоянно го-
ричую руку в свою, пожать и улучив момент прижать эту руку к
своей груди. Но такое нам удавалось не очень часто, иногда
после наших коллективных чтот нокда проводил ребят возера -
палась мы во двор или вечером когда она прибегала за чем либо
к нам. Подождая в сенях хватая ее за руку и если не успеешь
крепко поцеловать в губы, чмокаешь на ходу в щеку, на этом и
кончалась вся наша любовь. О сугробе на сонне, о первом нашем
признании в любви, мы не забывали оба.

Не закончив завтрака мы поднялись и по железнодорожной
сетке побежали и палаточному городку на озеро.

Мавра и Владимир на время задержались, было заметно, что
она несмотря, что старше Владимира на три года, имеет или
делает какие то накладки на него, заметно было, что и он к ней
приспособился, но это их дело, а в результате оно оказалось
не реальным. Через полтора года он женился, раньше его женили
на хорошей, скромной девушке Лизе Артеменко.

На озере у палаточного городка народа действительно собра-
лось уже много из прибывших рабочих и наших деревенских люде-
лей. Стоили отдельно группами контрачные, отдельной группой
прибывшие дамами и разный сброд, отдельно группировалась и во-
лочевцы. Маленькая шмарала везде и всюду.

Болочаевцы решили встречать первый паровоз с хлебом-солью. Еще вчера на сходке обсуждали и спорили кому из троих оказать честь преподнести хлеб-соль машинисту паровоза.

- Я думаю будет самым правильным получить передать от болочаевцев хлеб-соль машинисту паровоза нашему старосте Макару Семеновичу, а еще двоим нужно избрать из самых старших наших жителей. Предложил старейший Владимир Терентьевич Фролов.

- Старших у нас много и Григорий Павлович Кошэль и Макар Михайлович Дроздов, и Антон Амбросович Калам, но не в старших ведь дело, нужен грамотный, чтобы сумел правильно сказать приветствие при вручении хлеб с солью. Выказался ехидный Максим Чернышев.

- Ишь куда прет бесова дума. Он бачите грамотей и ему по-лучать передачу хлеба с солью. Макар Семенович сумел сказать, что треба. Ты Максим без года недели как в Болочаеве, а уже поровнишь верховодить. Выкрикнул Григорий Павлович.

- У нас самая старая баба Тихонша вот ее давайте и пошлем, хей хлебушку и преподнесо - Съехидничал Макар Михайлович Дроздов.

- Сума ты зийшов Макара. Я до твоей чортошкалки и близко не подйду, а ван с хлебом. Иди сам, коли ты такой гумный. Запращивала баба Индошка присутствовавшая на сходке.

- Ну коли баба боится паровоза, придется идти с Макаром мене та Григорий. Сказал Макарец.

- На душник, чекайте трохи. Ясно треба еченого, тоди пошлемо с Макаром Семеновичем нашего Тимохтея Наумыча Сигала, але ван добру грамоту має. - Внес свое предложение Антон Амбросович Калам.

- Треба посилати старовила, а ти Антон коли прихав с своим Сигалом?

- Хватат старики спорить. Самое правильное будет если хлеб-соль преподнесом я как староста, Григорий Павлович как староник и Тимофей Наумович как умный, уважаемый наш односельчанин. А что он на один год позже нас приехал в Болочаевку, значения большого не имеет.

- Погодь Макар Семенович. Значит Сигал умный, а мы вых-
дит дурак? Коли уже так тоди лучше ^{тоже, как и Сигал} ~~исходить~~ в начальники лезе.

- Ну довольно Макар Михайлович, я никого ведь глупым не назвал, Так что старина, так и порешим? Так и порешали.

Раздался далеко еле слышно гудок или паровоза или идущего по Тунгуссии и пристани парохода.

- Идет. Раздался из толпы чей то голос.

- Бегим встречать до второго моста, - Крикнул Колька Сливно, и мы все гурбой подростки и малышня бросались бегом за ним.

Второй мост был построен на узком переходе нашего залива и первый из год его постройки был снесен наводнением. Он находился в полторах картах от соли.

До бывшего моста железнодорожная ветка шла понад заливом, а от него круто поворачивала вправо шла стороной до самого его устья, к месту выкатки на берег бревен.

Безать с нами устала и Феня Сливно, но не успел я оглянуться как и ней подбежал Мишка Чернышев и хватил ее за руку. Она вырвала свою руку и подбежала ко мне. За ней подбежал и Мишка.

- Чего привязываешься, противный? - Уходи. Крикнула она Мишке и привалясь ко мне.

- Боя ты как! Ну погоди мы еще посмотрим.

- И смотреть нечего - Проваливай. Вот слышу Кольку, что нахально пристаешь, тогда сам посмотришь.

Ее брата Кольку побивалась все. Он был старше из нас года на два, да и в поздороной. Причем отчалил. Ему ничего не стоило дать поуху любому из нас и за самый малый пустяк. Зная это, Мишка моментально от нас ретировался.

Подбежали следом и мы, но тихонько, чтобы подальше от него отстать. Добежав до первых кустов, мы с Феней останавливались и как то невольно; само собой потянувшись друг к другу и крепко обнимаясь.

- Он, какая радость Илья, ведь к нам идет настоящий паровоз, а через время пойдут и целые поезда.

- А у меня сейчас две радости первая-это идущий к нам па-

ровоз, а вторая — это ты моя малая, славная радость.

Мы отянувшись, крепче прижались друг к другу и уста наши слились в горячий поцелуй.

Когда мы добежали к бывшему мосту, паровоз пытел и изредка подавал гудки где то верстах в двух от нас.

Но вот показалась и вся двуглазая процессия: впереди медленно шла дрезина, за ней небольшой паровоз толкавший впереди себя двухосную платформу. На дрезине сидело три человека: уже знакомый нам начальник пута, вновь прибывший в Головачевку начальник дистанции и третий тоже в форме инженера никому еще неизвестный. На платформе стояло человек двадцать рабочих строителей железнодорожной ветки. Человек десять сидело на тендере паровоза. Трехцветный государственный флаг развевался впереди на паровозе.

Колька заранее всех предупредил, как только подойдет паровоз и он машет рукой, чтобы все мы дружно гаркнули УРА. До прихода паровоза мы раза два или три прорепетировали и на наш взгляд получалось неплохо.

Пропустив мимо себя дрезину с надутым как сичи воссоединен на ней начальством, мы дружно крикнули УРА подосевшему паровозу. Рабочие с платформы и тендера более дружно отыгали тем же УРА, а машинист дал трехкратный гудок. Впечатление получилось торжественным. Остановилась на шаг дрезина и начальство сняв форменные фуражки замахало ими нам. Это придало еще большему нашему шуму и обмену торжеству рабочих.

Через две-три минуты, процессия тихо двинулась вперед, а мы не заставив себя ждать бросились бегом обратно к палаточному городку, чтобы и там так же торжественно встретить впереди прибывающий в Головачевку паровоз.

Увидя идущую впереди паровоза дрезину с начальством, стоявшие с хлебом-солью головачевцы растерялись и подняли спор неужели же теперь преподносить хлеб-соль, или начальству или машинисту паровоза.

— Только начальству, — Наставлял Андрей Федорович Сняжно — ведь они строят железную дорожку.

— Они ничего не строят, начальство только командует, а

строит рабочие.— Разразил стоявший рядом Басилий Алексеевич.

— Не болтай, Басилий зря.— Перебил его Андрей Федорович.— Вот ты хороший мастеровой, чуть выше простого рабочего, а сможешь ли ты командовать рабочими и без начальства построить железную дорогу?

— Интересный вопрос. Я ведь не инженер и не специалист по этой части.— Ответил Басилий.

— Тот же. Значит специалистам и инженерам нужно и преподавать.

Кто знает сколько могли бы еще спорить, но дрезана приближалась и спор был прекращен.

Процессия приближалась медленно. Не дойдя к нам еще саженей на сто, рабочие на платформе и теплере опередили нас дружно крикнув УРА. Контрачные подхватили. За нами мы и все остальные. Паровоз прерывисто подавал гудки. Полетела взвесь головные уборы и весь этот шум превратился в сплошной вой.

Когда процессия подошла вплотную и инженеры сошли из дрезаны, Макарь Семенович, Григорий Павлович и Тимофей Неумович подошли к ним и протягивая хлеб-соль Макарь Семенович произнес: "Добро пожаловать к нам в Волочаевку с первым паровозом. Примите по русскому обычаю в знак благодарности наш хлеб-соль".

— Спасибо за привет и уважение, а хлеб-соль преподнесите машинисту паровоза, ведь мы встречаем не нас, а первый паровоз.

Соединив с паровоза машинист, помощник и пачегар слыша этот разговор присошались и сняли головные уборы. Подойдя к ним, Макарь Семенович повторил то, что сказал только что инженерам. Машинист низко поклонился, взял хлеб, поцеловал и передал его своему помощнику. Потом еще раз поклонился и произнес:

— Спасибо вам добрые люди за привет и торжественную встречу. Спасибо и за наш русский обычай встречать полезное и приятное с хлебом-солью. Это мы встречаем как говорится перцу госточку, а фактически паровоз-кукушку. Через два-три года через нашу Волочаевку будут проходить эшелоны за эшелоном пассажирские и товарные поезда. Жизнь у вас будет краше и выгодней.

Потом объял и поцаловал Мавра Семеновича, Григория Павловича и Тимофея Наумовича.

Притихшая на это время аудитория вновь задумала и опять раскато громко прогремело УРА с гудами паровоза.

Только за полдень добрался паровоз до тупика будущей станции где ему тоже была уготовлена хорошая встреча.

Всю следующую ночь везелся и ресторан парьбаби.

Началась вывозка леса от Тунгуски в Болочавку. В наличии пока имелся один небольшой паровоз и две небольшие двухосные железнодорожные платформы.

Паровоз в погрузке на платформы леса небыло, пока груженую паровоз отвозил в Болочавку и возвращался с порожней, очередная была уже загруженной. Частично задерживала работу колес железнодорожной ветки. Во многих заболоченных местах подложенный под шпалы накатник сильно погружал в мягкую почву и ее постоянно приходилось ремонтировать.

Период для паровозов делал только два рейса в день, потом дело налаживалось и в дальнейшем уже ухитрились делать по четыре, а иногда и по пять рейсов. Это уже вполне удовлетворило строительство станции и других станционных зданий.

Старались создать запас вывозимого леса на время возможного осеннего наводнения.

Из Кабаровска по Тунгуске на Болочавскую пристань начал поступать разный строительный материал - кровельное железо, оконное стекло, шарниры, гвозди и другое. Для снабжения рабочих: Мука, крупа и другие продукты и товары требующиеся в обиходе. Из Николаевского завода пиломатериал и все это немедленно по железнодорожной ветке вывозилось в Болочавку.

Артели плотников, столяров и другие приступали к строительству станционных зданий, складов для поступающих материалов, товаров и продуктов и баранов для жижи. Работа кипела, люди в особенности контрачные трудились от зари до зари и к ночи буквально валялись с ног.

Заработки были по тем временам большие и это создавало азарт, энтузиазм, строительную лихорадку.

В такой будне, да и везде меньше стало шумок, не стало слышно песен. Через некоторое время опустел и палаточный городок у залива, люди перешли во временные бараки.

8. Наводнение

Обыкновенно наводнения Тунгусских всегда учиняла в августе, сентября месяцах, а сейчас не гадано, не клано года бурно прибывать в них. Не прошло и пяти-шести дней, как вода вышла из берегов, а еще через неделю затопила большую часть железнодорожной ветки и штабеля выкатанных на берег бревен, раздувая их и разнося лес по затопляемой территории.

Работа на ветке прекратилась, а всех волочатских подвинули на аврал по спасению разносящегося водой леса.

Ушли на эту орочную работу и мы с Владимиром. Это было у нас начало трудового стажа по найму. Дома с сенокосом у нас было все закончено, оставалось на осень заносить поблизости копен двадцать, но с этим Антонин должен справиться и сам с помощью меньших. Он оставался дома за главного хозяина под общим руководством Марьи которая все еще жила у нас.

В артели по спасению бревен было несколько ребят моих сверстников: Колька Славко, Иван Тихонов, Степан Черминов, Василий Ногаченко, Борис Дроздов и другие. Всего со взрослыми нас было человек двадцать не меньше. Руководил нами, вернее операцией по спасению бревен уполномоченный подрядчика некто Синочкин Леонид Андреевич. Это был невысокого роста полный и красивый лет сорока интеллигент, по натуре добродушный и во всех отношениях милый человек, понаблюдому родственник подрядчика который заготавливал лес и которого никто из нас еще не видел.

В Волочаевку Синочкин приехал с женой. Это была действительно красавица, тонкая изящная шатенка, добродушная, обходительная и малая лет тридцати женщина. В общем под стать один другому. Был разговор, что он взял ее в жены из Кабаровского дома терпимости.

Приблиз на Тунгуску на нескольких лодках. Мы действительно увидели неутраченную, разрушающую стихией картину. Несколько штабелей

леса было водой разрушена и многие сотни бревен течением и ветром были разметаны по затопляемым болотам и другим низинам.

В нашу задачу входило срочно опоясать проволокой еще уцелевшие штабеля бревен, потом уже собирать и сплавлять разбросанный лес. Проволока и скобы уже были доставлены из Хабаровска и находились в большом рабочем бараке.

К нашему приезду несколько штабелей уже были опоясаны находившимися на пристани востыми рабочими, — грузчиками леса на платформы. Для задерживания попавшего в Тунгуску леса был срочно построен в Николаевке бок на котором дежурили люди.

Барак на пристани уже был затоплен и на высоко поднятом его пол уже просачивалась вода. Пришлось по верх пола делать настилы к нарам. Нары были сухие, до них еще требовалось прибить воды больше аршина. Выгрузив из лодок на нары свои вещи и продукты, мы сразу же приступили к спасению леса.

Хотя вода катастрофически прибывала, но погода благоприятствовала, было очень тепло, солнечно и тихо. За два дня все штабеля леса были опоясаны и закреплены один за другой. Эта гарантировало их устойчивость.

Приступили к ^{сбору} ~~сбору~~ разнесенного водой леса. Лодки в наличии было восемь, из них пять пригнаны к нам из Волочаевки, а три были местные. Говорят местных было пять, но по недосмотру две из них в первую ночь угнали наводнением. Они были на берегу Тунгуски, значит их где то поймать.

Собирать и сплавлять лес по два три бревна лодочной буксировкой было дело трудное, поэтому работа подвигалась медленно. Да и опыта у нас не было. Еще труднее стало когда начала убывать вода и разбросанные бревна оказывались в мелководье или совсем на суше. Убывавшая вода нас торопила и приходилось работать от зари до зари, а другой раз проработать и позднего вечера. Самейшим обещал весь труд наш учесть и действительно свое ^{обещание} ~~обещание~~ честно выполнил.

Дней через пять после нашего приезда, перед вечером послали на лодке двух человек в Волочаевку за продуктами с тем расчетом, что следующим утром к началу работы они были уже здесь. По большой воде прикиком это не далеко и вполне возможно.

К указанному времени они не явились и, такий, всегда спойный наш Леонад Андреевич начал метать гром и млины. " Это- го я не потеряю, нельзя же так бесхозяйственно нарушать распорядок и обманывать людей. Эту поездку я не забуду днем". Но вот вместо семи часов утра, в одиннадцатый дня показавшаяся подплывавшая лодка и в ней ^{вместе} ~~кроме~~ двух наших сидела третьей каная то женщина.

Когда о подходе лодки доложили Сивейкину, он сразу же вышел на порог барака и бегом посмотрев биноклем сплывул и про бурчал:

- Я так и предполагал, что вместо работы начнут раскаты- вать и привозить сюда или для чего доброго даром. Но через мину- ту, чем больше вглядывался, тем больше лицо его преобразилось и он вместо свареного тигра превращался в ласкового котенка. Она- зывается в лодке сидела никто другая, а его собственная жена.

Не успела подойти к берегу барака лодка как он с провор- ством спортсмена, раскула поплыть в воду вскочил в подплывавшую лодку, поцеловал руку жены и осторожно вывел ее на пристань в бара- ке.

- И как это ты надумала малая моя Эма, тем более риску- ю и отсылаешь в такую стихию.

- Соскучилась за тобой Леня и захотелось немного отлучиться путешествовать, приключений и развлечений. Да вот немного со оборона задержала ребят, а они так беспокоились и торопились прибыть сюда во время. Ты уже прости Леня всех нас, но за задержку винов- на только я.

- Пустыня Эмочка, пустыня мое солнышко. Я наоборот им бла- годарен, что в целостности и сохранности они доставали тебя сюда. Вот только боюсь за тебя. Здесь ведь никаких удобств, один толь- ко лишения.

- Это ничего не значит. С тобой рядом нестрашны никакие невзгоды, никакие лишения.

Слыша и видя такой оборот дела, ездившие ребята воспряли и в душе, и от души были благодарны защитнице от ожидавшего разрыва.

Все это нам рассказывали присутствующие в то время в бара- ке рабочие и ездившие в Колочееву ребята.

Для обзора расплывшего леса и его сплава к штабелям обыкновенно садилось нас в лодку три человека, один на весла, второй за руль, а третий орудовал багром подтягивая бревно к лодке и закрепляя их бунксиром. Во время бунксировки он или брался за весло или помогал толкать лодку шестом. В отдельных случаях в ту или другую лодку садился четвертым Синочкин для обзора разбросанного леса.

Однажды в ясный и особо жаркий день, селись в нашу лодку. Леонад Андреевич распорядился прежде сплавать к устью Болотчаевского залива впадавшего в старую Тунгуску и проверить как бунтует наводнившим река и заметно ли убывает вода.

Устье залива которое когда то ~~и~~ Александр называл за шмер - цем в нем глубокое улово "Чертова ворота" находилось от нашего барака примерно сажень в четырехстах. Вокруг устья редко стояли затопленные небольшие но высокие кусты тальника, малины, а на более возвышенных местах росли боярышник, черемуха, дикие яблоньки. В некоторых местах их оплетал лимонник.

Возвращаясь обратно от Тунгуски к бараку мы проплывали мимо небольшого одиноко стоявшего до половины затопленного куста тальника и печально задела его веслом. Вдруг куст алобно загудел и через секунду - две вылетел из него рой ос и сразу же бросился на нас в атаку.

От неожиданности, страшных укусов и наших прямо таких диких воплей, трудно было понять что творилось у нас на лодке. В мгновение лодка качнулась, накренилась и в нее зачерпнулось до половины вода. Это Колька Сильный, от первого укуса срезмаха бросился за борт и накренил лодку. Лодка остановилась. Синочкин с криком натянул шаровую рубаху на голову, перегнулся через борт на половину затонувшей лодки и начал руками разбрызгивать вокруг себя воду. Оси напали на его спину и беспорядочно жалли. Я схватил плавающий в лодке деревянный черпак и стал нам и водой отбиваться от назойливого врага. Не растерялся только Степан Пермяков. Он схватил весло и с силой толкал лодку прочь от осного куста в тоже время отбиваясь от ос. Помогал толкать лодку и Колька находясь в воде, глубина которой доходила ему примерно под руки. При этом при каждом укусе или вообще с перепугу, он дако брал и нырял с головой в воду.

На наш крик поспешала к нам на помощь находившаяся около барака лодка с рабочими. Хотя от ос мы уже удалились на порядочно расстояние и основная атака врага была отбита, но некоторые издимо самые злые все еще нас преследовали и одному подоспевшему нам на помощь рабочему был нанесен коварный удар в лоб. Подоспевшие рабочие с трудом перетаскивали из нашей затопленной лодки в свою лодку мокрого и всего измученного Синейкина, вытаскивали из воды Кольку и помогли подтянуть лодку к барану.

Услышав наш крик, жена Синейкина чуть не лишилась сознания.

Все мы были укушены и с опухшими лицами, но больше всех пострадал Синейкин, на него даже страшно было смотреть. Один глаз почти совсем закрыт опуханием и вся спина была в укусах. Он стонал, метался и все просил к нему не прикасаться. У него действительно поднималась температура.

Меньше всех пострадал Степан Перминов, у него было только два укуса, хотя он меньше других отбивался от ос и все время толкал лодку.

У Кольки и меня было по три укуса, а у Синейкина целых семь, — один под глазом, один на руке и пять на спине.

Примерно через час ~~час~~-полтора когда Синейкин немного утих от каных то сделанных ему примочек, его и его жену на лодке отправили в Волоцкэву.

Уезжая Синейкин с охавьем и стоном просил чтобы мы поторопились со сборкой леса так как вода стала на уровне, а это значит начнется ее убыль, тогда не собранный лес неминуемо погибнет. Старший из находившихся здесь постоянных рабочих заверил, что будем работать как и раньше от зари до зари, а разнесенный водой лес постараясь любыми средствами спасти.

Из нас измученных осами в этот день работниками были плохое, я чувствовал, что и у меня поднималась температура и боялся чтобы не заболеть и не выйти совсем из строя. Но как горюхитос слава богу пронесло и к утру ~~чуть~~ только болели места укусов.

Вечером когда совсем стемнело, Колька пожевываясь от боли наливал в консервную банку керосина нагреб на нарах охапку сена,

образгал его неросинком, взял спички сел в оморочку и поехал к осиному кусту. Минут через пятнадцать зашишал среди моря воды яркий костер, а еще минут через десять явился и виновник этого чуда.

После ужина когда укладывались спать, один из рабочих постарше других возрастом обращаясь ко всем и ни к кому сказал:

- Оса насекомое малое, от ее укуса страшная боль, но серьезной опасности нет, а вот шершня, это уже другое дело. Это грозное и опасное насекомое. Три шершня способны убить на смерть человека, а пять шесть шерстней убивают даже лошадь. И оси бывают разные, - большие злые, средние и совсем малые почти не кусачие. Боятся еще и земляные оси, их гнезда в земле, но те почти не нападают хотя укусы их тяжелые. Эти, что вам сегодня дали нагу выдать из больших, злых, ашь какой дружной и злобной атакой она на вас напала, да и опухла на ваших телах это подтверждает.

- Ну чтобы шершень убил лошадь, это дали ты уже того? - Возразил кто то из рабочих.

- Ничего ни того, а того самого. - Доводил и защищал свою правду говоривший.

И пошли разговоры, удавления, возражения.

- Ну я этим гадам сейчас тоже хорошую атаку устроил, полди до самой воды весь куст и их подлое гнездо сгорело. Сама вывели как полыхало.

- Молодчина Колька, отплатил ты им по заслугам, а вот когда нырял, я все думал, что вот вот ты покажешь им голого "Лысого вола", ашь нет, только макушку головы высунув у самого борта лодки.

- Ох и брешешь ты Ильяша как святой мерен.

Ничего ты не наблюдал, а сам ораи благам матом и молоди руками как мальчишка. - Перебил мой разговор Степан Паршинов.

Потом разговоры становилось все меньше и меньше и наконец совсем прекратились. Послышался хрен, сонные и сонные стоны.

10. Сплоченность и победа

Пробыли мы на пристани Тунгуски недели две, разбросанные бревна в основном были собраны. Если кое где и оставались заостренные в чокках, но их уже нельзя было брать. Вода обмелела и продвигаться на лодках по разлику уже было невозможно.

Позже уже в заморозки были посланы люди разнести оставшиеся, с тем расчетом, чтобы зимой по снегу вывезти их на лошадях. Вывозили их или нет, для меня осталось неизвестным, но уже позже даже через десять и больше лет Волочаевцы находили выброшенные водой на высокие релки или застывшие в болотах не один десяток бревен и вывозили их на свои нужды.

Когда вода спала и ушла в русло реки, сразу же приступили к ремонту размытой и разрушенной железнодорожной ветки. Недели через две работы по ремонту были закончены и вывозка леса паровозом возобновилась.

Работы как и в Волочаевне, производились по всей магистрали Амурской железной дороги, приступили к постройке через Амур железнодорожного моста в строительство которого, правда, уже в 1914 году пришлось участвовать и мне.

Приближался октябрь и начало нетовой рыбалки. Волочаевцы заготавливались. Соль, бочки теперь уже не дефицировали, их можно было приобрести и в Волочаевне. Заготавливались и припасы жителей и деревни. Теперь уже ту злобастую тройку для покупок у Балаганского считая штук четких, не нужно было измываться экономай на всем, а главное на своем желудке. Рабочая сила требовалась везде и можно было заработать копейку. А вот нетового невода не было еще ни у кого, да в связи с постоянными заработками, во многих отпало желание его и приобретать.

Из купленного мной отцом в Волочаевне матауза, невод не был еще связан по причине "теперь не надо невода" когда убита побочная работа на железной дороге.

Свой пай матауза отец сдал для вязки невода в Николаевку известной Боброку, но там тоже все ушло на заработки, а оставшемуся одному старику с радио помогающей невесткой, хватит вязать до рыбалки следующего года. У Волочаевцев дело было еще хуже. На

хозяйстве оставался один только Яков, хозяйство было большое и на вязку оставалось очень мало времени. От пенсия тем более от дачат пользы было мало, да и не было у них никакого опыта.

В таких условиях с неводом откладывалось до следующего года и это значило, что нынче опять нужно идти в Балаганскому.

Балаганский уже приходил в Болочасну договариваться с Ильей о подборе двух артелей на его два невода. Он понятно уже знал, что наш невод не будет готов до осени будущего года. Поэтому заранее пошел к нам договариваться. Илья не было, он, Луна и другие где то были на трассе за Ольхтой, но его ^{брат} Яков и Григорий Павлович Косель заверили, что Илья скоро будет в артели и сразу она подберут.

Где то там за Ольхтой или около Ины находился и наш Александр, он тоже нас заверил, что обязательно к летней рыбалке и охоте будет дома. Мама нам тоже заявила, что уйдет на летнюю рыбалку, а это для нашей семьи было уже целой катастрофой. Мы уже к ней привыкли как к родной, а не представляли, что без нее может получиться у нас в семье. Большие косяк колновался я, да и было от чего. Если Мама уйдет, значить дома за хозяйку придется оставаться мне и, прощай моя рыбалка.

За несколько дней до начала рыбалки приехал из волости отец и сообщил нам радостную весть о том, что он уже окончательно решил уйти из волости и наконец за два с лишним года отсутствия будет жить дома с семьей. Остаете еще какихнибудь месяц-два пока он подготовит себе смену, ознакомит и порадует новому человеку все волостные дела.

С Мамою тоже были улажены вопросы, отец раза три ходил к Дроздовым и просил ее родителей чтобы уговорили или как то повлияли на дочь остаться у нас еще месяца два-три пока он не закончит дела в волости и не приедет домой.

Отца вообще в Болочасне уважали, на его просьбу пошли и Мама осталась у нас. В свою очередь отец договаривался с Ильей и Яковом, чтобы вместо Мама приняла в артель рыбаков ее брата Бориса, а отцу Мама Мамаю Михайловну поощрял во время хода сети купить у Балаганского сто штук рыбы.

В последствии, когда уехал отец, Мама категорически заявила,

что она во время хода сети обязательно, хотя на одну неделю, но уйдет на рыбалку якобы помочь Борису в разделке и посоле рыбы, а это так или иначе вынуждено меня оставаться дома. В результате, когда я остался дома, не ушла на рыбалку и Мавра. Потом уже после я узнал ее коварную хитрость, но это уже наша с ней тайна.

Ничего о Борисе Дроздове. Это мой одноклассник, но здоровый, неповоротливый, малоразговорчивый увалень. На вид угрюмый, суровый. Лицо все в прыщах, но за этой наружной на первый взгляд неприязн — линой оболочкой скрывалась добрейшая, честнейшая и милейшая душа человека. Он за все время никого не оскорбил, не обидел, а вот помочь меньшему, разнять дерущихся или выручить попавшего в беду, он всегда был первым. Он был почти не грамотный, из наших смертников, он в нашу компанию не был причислен. Как то два раза буквально заставляли мы его на наши читки, просидит я вроде прослушает до конца, потом так же "внимательно" не задав ни одного вопроса, ни оборонив ни слова, молча поднимется и уйдет.

Несколько раз Сеня пыталась вызвать его на разговор:

— Понравилось Боря тебе то, что мы сейчас читаем? — спрашивала она.

Он поднимает голову, подумает и кивнет. Это означало, что ему понравилось.

— А понял ты о чем шла речь? — приставала она к нему.

— Угу. — Пробурчит он.

— Ох Боря, Боря, даже двух слов сказать не хочешь.

А вот я назначу тебе вечером свиданье, ты придешь, а тебе обману и покажу. Что ты мне тогда скажешь? Или промолчишь и там?

— Да иди ты. Вот пристала. Так я тебя на твоё свиданье и прийду. Хди.

Вот таким в молодости и был этот малейший парень Борис Дроздов.

Примерно за неделю до начала рыбалки прибыли домой Илья, Луна и другие, вслед за ними прибыл и Александр. Артели подобрала из прошлогодних рыбаков. Вместо Мавры был принят Борис.

По настоянию Александра, Василия Алексеевича и других, было принято решение организованно потребовать от Балаганского не

половину как он сам назначил, а две третьих улова для артелей. Когда вторично явился Балаганский в Голочаевку, разговор получился следующий:

- Вот что уважаемый рыбопромышленник господин Балаганский. Артели мы подобрали на оба твои невода, но рыбачить им за половину улова несогласны. Требуем две трети. Думаю я надеюсь все здесь присутствующие с моим требованием согласны. - Заявил взявший первое слово (как и уговаривалась) Алексеевко.

Все присутствующие в разброд зашумели, но больше всех поднял крик Балаганский.

Когда все успокоилось, Балаганский разъяренный, с пеной у рта подскочил к Алексеевко и с перекошенным от злобы лицом прошипел:

- А я тебе голодранец, босяк и смутлян подбирать артели и не подучал. Это я просил сделать пока придет Илья Макарович его брата Якова и Григория Павловича Кошеля. Сейчас они здесь все трое, вот я хочу послушать их, что они скажут.

- Они свое слово скажут последними, а сейчас пусть подумают, что скажем мы. - Выступая вперед сказал Александр. - Правильно сказал Василий и, ни все слышали он сказал громко и не одним словом не оскорбил Балаганского, а что ответил ему Балаганский? - и босяк, и голодранец, и смутлян.

Он человека отстаивающего у эксплуататора свои права за труд называет смутляном. А как же тогда называть его, требующего и бесстыдно отстаивающего половину улова за подстеганные снасти которые постоянно нужно чинить, чтобы что либо ними поймать? Помоему ему или мироед, грабитель. И, чтобы не допустить такого грабежа нужно всем вам дружно потребовать две третья улова, а то и три четвертих. Я хотя, в ваших артелях не состою и рыбачить к нему не собираюсь, но голосую вместе с вами за справедливое ваше требование.

Спорила долго и в основном все требовали две третьих улова. Нашелся один и подхалим в надежде на брошенный лишний кусок хозина, но его быстро урезонили.

Как не злобствовал своей жадностью Балаганский, но они вынужден согласиться на две третьих улова артелям.

Это была первая победа благодаря твердой сплоченности артелей рыбаков.

II. Экскаватор

Все в августе как только спала вода от июньского наводнения и произведен ремонт разрушенной наводнением железнодорожной ветки, начали на баржах поступать из Хабаровска на пристань и перевозиться на платформах в Полоческу большие части обитые досками какой то машины и складывать их в специально построенный для этой цели большой склад. На разговоре, что это поступает частями второй более мощный паровоз. Впоследствии, когда с очередной партией ящиков с частями этой машины прибыл в Полоческу два специалиста-механика для ее сборки оказалось, что это поступил в разобранном виде экскаватор, машина извлекающая грунт и держащая весы для полотна железной дороги.

Когда все части экскаватора поступили, сразу же приступили к его сборке. Сборкой занималась шесть человек под общим руководством старшего механика Филиппова. Машина была заводского производства громадная, неукомплектованная и непригодная к сырому, глинистому и вязкому грунту. На высоких сухих, песчаных редких экскаватор работал более устойчиво, но там почти не требовалось весить, а в низких или чуть заболоченных местах которых на всей трассе Тулгусской волости было до восьмидесяти процентов, его многочисленные ковши забивались вязкой глиной, прорезиненный шланг конвейера загрязнялся, заклинивался глиной, постоянно рвался на швах и экскаватор выходил из строя. В результате он больше ремонтировался чем работал.

Собирали экскаватор рядом со строящейся стенишей где был построен под его части временный склад. Устанавливали его на рельсы широкой колеи которую прокладывали в сторону Кемеровке рядом с будущей трассой железной дороги.

Со сборки заступили до глубокой осени и опробование его работы до заморозков проводилось не больше двух недель. Результаты проверки его работы были хуже чем неудовлетворительными. Что то у него часто появлялось, а еще чаще рвался конвейерный ремень. Здесь сказывалась или недостаточная квалификация наших сборщиков, или неудачная, плохая конструкция громоотводной неуклюжей машины или неподходящий нам дальневосточный климат для этого "иностранца", но он капризничал, рвался, ломался и не хотел работать. В результате когда земля уже основательно замерзла, его обрели частично разобрали и укрепили до весны будущего 1913 года.

12. Кружок самодеятельности

Механик финлянов и его помощник (фамилия его не помню) оставшись зимовать в Волочевске изучая сложную конструкцию и плохой механизм экскаватора. Это были потомственные заводские рабочие и видимо не мало почерпнули от революции 1905 года. К ним они приходили очень часто бесушудни, а иногда и спорили с Александром не редко и с этим не эту тему.

Они быстро познакомились со всеми волочевскими интеллигентами в особенности с ребятами и девушками. Все они были холостыми, хотя финляну было около тридцати, а его помощнику и $\frac{1}{2}$ того больше лет. Зимой к новому году они с Александром и другими организовали кружок самодеятельности в который

входили: Филиппов, его помощник, Александр, Василий Алек-
сеевич, Василий Чернышев, Сосен Кучинский, Наталья Сивинко,
Акулина Тихонова (тетка Иване Селезни) и молодой веселый
и симпатичный Иван Сивинин работавший кладовщиком продо-
вольственного склада и кажется ведавший хлебопекарней. Это
закреплено культурный этап Волочанск.

В большой хлебопекарне они соорудили подобие сцены
зависав ее занавесью, там разместили постеножки, проводили
репетиции и ставили спектакли. За сценой были поставлены и
не плохо: " Наташка-Понтерка", "Кум Мирошник обо стене в бочии"
"Борис Годунов" и две комедии.

На концертах выступали с рассказами, стихотворения-
ми, песнями. Пели и мы с Владимиром: " Дело было у Арту-
ра". Я кое что декламировал из Чтен-декламаторе, Александр
играл на скринке, Василий Чернышев хорошо играл на трех-
рядной гармонии, Василий Алексеевич рассказывал смешные
украинские басни и рассказы. Приглашена даже перьбебину
пиганку Лоду которая выжигивая на гитаре пела чудесные
пиганские и русские романсы.

Кладовых посвятить постановки было очень много. Тут и
служившие конторы участка, и конторские строение станион-
ные здания и другие помещавшие в Волочанску, даже дере-
венские старухи и старухи приходили посмотреть "Кумедии".

Всех насчитать понятно хлебопекарня не могла и это
создавало много неприятностей. Приходилось одни и те же по-
стенки и концерты ставить по две разе, отдельно для во-
лочанцев и для строителей и прочих.

Не пропускал посидеть постоновки и концерты уже известным нам по спасению леса Синейкин со своей прекрасной женой Зинкой. Сейчас он руководил вывозкой леса с Тунгуски в Юлчовенку.

В последнее время он еще больше растолстел и был как хорошо откормленный боров. Его Зиночка носила по стериному на нее на золотой цепочке маленькие часы которые находились у нее на груди под платьем. Прадья на постоновку Синейкины всегда садились на скамейки в первом ряду ближе к сцене.

И, вот неми постоновщики решили эту милую чету развредить.

Зная, что я изучил пенаусть почти весь "Чтен-деканатор" они уговорили меня выступить с двумя стихотворениями по существу высмеивающими Синейкиных.

Как мне не хотелось обидеть хороших, добрых и милых людей, но под нажимом стержих пришлось согласиться. И когда об"являли, что следующим со стихами выступить Ильа Пронепко, Леонид Андреевич Синейкин и его Зина Львовна первыми зааплодировали вызывая меня на сцену. Знали ведь мы друг друга давно, еще по спасению леса на Тунгуске и войне с осами, а теперь вот ни с того ни с сего приходится их обидеть, надсмешаться.

Небревшись духе я вышел и продекламировал:

Однанди у деревни нашей

В самую жару дневную

Брени две брете, — Коля с Яшей

И встретили озинью б-о-д-е-а-у-о.

Смотри слышишь какая с поля
Идет, заметил Коля Яно,
Она пожалуй будет Коля
Толстей не вид чем нам попеню.

При этих словах Синейкин заерзал на скамейке, и продолжал:

Но Коля молвил: полно Яно
К чему оболтнул ты эту фразу,
Таких синей как нам попеню
Я и не видел ни разу.

В зале зашумели захлопали в ладони. Синейкин осязочил о скамейки, но Яно удержав его за руку что то непоняло и усевшись обрел его на скамейку.

Когда шум в зале утих и вышел вторично и продолжал:

Мой сосед большой философ,
Что ни слово, то совет
И на каждую остроту
Неприменно даст ответ.

И спросил его однажды
Для науки или для красы
На груди пол оным сардинем
Носит капиши часы?

И с улыбкой яловатой
Был таков ответ его:
Пусть хоть что нибудь да бьется
Где не бьется ничего.

Зел не дружно отозвался эплюдиementами, видимо многие не поняли суть сказанного, но Синейкины сразу поднялись и демонстративно покинули пекарню. Мне было жаль, стыдно и обидно не себя и не всех за напрасно нанесенную обиду прекрасным людям. Не находил я себе места думать о предстоящей встрече с этими добрыми и милыми людьми. Не оборот получился неожиданным: Буквально на второй день, вечером когда мы приди с работы сидели после ужина все доме и беседовали с отцом который уже как дома, явились к нам супруги Синейкины. Я от смущения, неловкости и стыда, и предчувствуя недоброе, сразу выскочил из кухни, в спальню.

Не успев поздороваться Синейкины обременен и Александр спросил:

- А где же Александр Васильевич? Ваш вчерашний артист?

- О ком Вы спрашиваете? Их вчера выступило до десятка.

- Не хитрите Александр Васильевич, я спрашиваю где Ваш Килья.

- Отец не зная и ничего не подозревая позвал меня из спальни.

Видя безвыходное положение я смущенный и видимо красный как кулич вышел из спальни.

- А вот он. Ну здравствуй наш крестьян певец. Как это у тебя? - "Таких свиной как наш певец". Вы не представляете Василий Трофимович как он вчера выступая в концерте нас обоих с Эммой Львовной окрестил, вернее разделил, - просто поразительно, ему непостижимо. Мы от обиды и смущения вынуждены были сразу подняться и уйти.

Потом, уже дома порывавшись, хохотали чуть ли не до утра. Ну и молодцы, ну и молодцы.

- Де разве этоя я, это ведь из книги стихотворения

- Правильно Ильич, мы ведь тебя и обвиняем.-

ответила Эмма Львовна. Мы хотети и прашни попросить у вас эту замечательную книжку хотя бы на перу дней. Надеемся не откажете Александр Васильевич, ведь Вы в этих вопросах тут главенствующий.

- Ну что Вы Эмма Львовна. Просто грешно Вам в этом отказать. Возьмите и на неделю.

- Вот и прекрасно, а книгу вернем в целости и сохранности.

После некоторых разговоров и благодарностей за книгу, перед уходом Сявешкин сказал:

- Чуть было не забыл сообщить и предупредить Вас о готовящемся на Вас посягательстве. Как только мы вчера поговорились и возмущившись вашим из хлебобулочной, за нами следом вышел стражник Притуло. Догнав нас, он тихонько по злобе зашипел, что по его наблюдению в проводимых Вами постановлениях чувствуется явная криволапность которая по его мнению вредна и недопустима и он намерен это зло ликвидировать, а вас как он выразился вертетенно-командировать разогнать, а кое кого и упрятать за решетку. Но прежде он намерен внезапно произвести обыск в доме Проценко и Алексеевко и в квартирах Филиппова и Синичина. Он твердо уверен, что у Вас имеется запрещенная литература. Учите это Александр Васильевич. Он Вас больше всех подозревает и постарается

без шума сообщить об этом Филиппову и Синичину. Проведо ни от спороосенного обыска едѣ уговарива, он он упрям и может перепрыгнуть даже сегодня.

— Большое Вас спасибо увезенные Лернид Андреевич и Змио Львовиче за сообщение, доверие и доброе расположение к нам. Поблагодарил их отец. — Притулу ни знаем и я уверен, что у нас он обыск производит не позволит, а если и раскиснет, то и уйдет не солоно хлебавши. А вот Филиппово и Синичине сегодня не нужно предупреждать. Кто знает, что у них там может быть.

— Правильно сказал отец о несолоно хлебавши. Ребят хотя и предупредили, но тем и без предупреждения будет твоё "не солоно" — Эту тушину и осляную голову Притулу ни знаем и вдоль и в поперек. Знаем чем он дышит и что замышляет. Но он везде и всюду останется в дураках. Знаем мы и о том, что Вы Леонид Андреевич и Вы Змио Львовиче люди как говорится большой души и за это Вам от меня и от всего нашего и дружно большое спасибо. Вот только Вы вчера напрасно потрудились сразу жить. У нас даже было в плане нашего репертуара сразу же выйти и об"яснить что это не больше как дружеский шутка.

— Ну что было то произошло, а вот через неделю ни с Змио Львовиче обязательно придется проситься в Ваш кружок сени-дентальности и не кем нибудь, а "комедиянтими". Надеемся примете, а мы постараемся оправдать ваше доверие.

— Да это будет для нас неопенимый подарок. Добро позво-ловать хотя сегодня, но прежде Вы проверьте не поминает ли это тушине Притулу Вас использовать в роли проконсульторов или

просто стучачей.

От него можно ожидать всех гадостей.

- Об этом мы уже думали, но в этом вопросе у него получить ся больше чем "не солено хлебавши". Но прежде все это пунк-но будет обсудить с руководством внешнего кружка.

В результате через небольшое время Синишкины обе всту-пили в наш кружок и были самыми активными и способными его членами. Они много помогли в приобретении и поделке костю-мов, декорации, гримов и были лучшими исполнителями и учет-никами всех постановок.

Притих и не проявивший никакой активности и Притуло, хотя и не прекращая посещать "Кремольные" постановки.

13. Возвращение отца

Предидущим подзаголовком я немного забежал вперед, те-перь немного приходится отступить назад.

Отцу моего кетовая рыбалка 1912 года о которой коротень-ко было описано впереди. Рыбаки возвратились с хорошим уло-вом обеспечивав на год себя и чуть не всю Волоочевку кетой. Гордились своей победой над Волеженскими.

Начали резвешивать во дворах уже пропитавшуюся "душком", а по сущности заговянувшую рыбу. Имя дворе Кучиняков не затк-нув себе трудно было и пройти. У них от чрезмерной экономии соли, рыбе каждый год получалась не с "душком", а просто конюшня, и действительно когда они ее привывивали, с неделю вовсе развонсился не вся деревня, а имя их дворе действитель-но проходить было трудно. Такое честенство было и во дворе Волочевых.

как *только* разнесется вонь по деревне, острее не обоб-
вляне женщины задрев посох провозглашали. " ^{уже} Кучинские или
Болоччи рыбу вялят".

И это было безопытно.

После рыбалки и несложных домашних дел, многие ушли на
разные работы. Мы с Владимиром ушли как и многие другие на
заготовки панетники тут же рядом из местного леса.

Александр в ожидании стиг из волости, на работу пока
не устраивался и занимался его любимым делом, — охотой с Голь-
дом Андреем и его сыновьями Мишкой и Ванькой на пушного зве-
ря.

Он по сусалам у Андрея в фензе и жил. Домой приходил
только за хлебом и другими продуктами, принося добытых гу-
сей и уток.

Придя домой много рассказывал о своих охотничьих при-
ключениях и о жизни и быте Гольдей. Он упорно изучал их язык
и не плохо его понимал. Везде носил с собой тетрадь в кото-
рую записывал их слова и названия предметов. Сейчас расска-
зал, что переключился на пушного зверя и уже добыл несколько
колонки, снопа и берсуке. Почти две ночи сидел в засаде
подстерегая выдру, но так ничего и не получалось, а лису
без помощи добыть очень трудно. Через неделю-две как только
замерзнут устья притоков, переключится на лоб лиски.

В начале ноября передал новому писарю волости все дело,
возвратился домой после трехлетнего отсутствия отец. Он после
смерти матери значительно изменился, стал нервный, раздра-
жительный. Если при жизни матери он ко всем нам относился
дружелюбно и по отцовски ласково и редко когда мы видели его

ским и расстроенным, то теперь он был постоянно хмурым, раздражительным и всем недовольным.

Александр он вообще любил хотя часто и серьезно с ним спорил. К Владимиру и ко мне как к более взрослым относился хотя и с покровительством, но без домогательств, а для остальных начиная от Антонины и до Ирины занимал хороший ремень, а в последнее время специально отрезанный кусок ремня от экскаваторного привода которые пускал в действие. В некотором отношении он стеснялся Мавры которая еще продолжительное время оставалась у нас жить, и это спасало мамину от его расстройства и очередной забучки.

Его перемена характера нам была понятна. Живя три года в стороне от нас в своей холостяцкой комнате при помощи почти всегда один, он понятно отвык от семьи и от нас и тем более от шума и разных детских проделок. В свою очередь, мы, живя долго без отца и матери, а честно и без острого брета Александре, тоже отвыкли от родительского надзора, ласки и порядка и действительно распустились.

Все это и обрушилось на отца и подействовало на его характер.

Еще работая в волости отец договорился с начальником строительного участка конторы которого находилось в Вологде на работу табельщика с окладом шестьдесят рублей в месяц.

Александр до весны работал с Филипповым по изучению документации экскаватора и изучал теорию строительства деревянных железнодорожных мостов.

Жизнь нашей семьи была не определенная и трудно было в ней разобратся. Кто мы были на самом деле: Крестьянами мы никогда не были потому, что ни на Кубени ни здесь хлебопашеством, вернее земледелием не занимались, а выращивая двадцать-тридцать мешков картошки и кодаку копусту в год «крестьянами» не назывались. Промысловиками тоже не были, а вылавливая чужим неводом на небольших условиях двести-триста штук кеты в год и добывая копальным дробовиком несколько десятков боровой и водоплавающей дичи, три-пять косуль и несколько шкурок лосенка и енота, — это не промысел. Рабочей или служащей семьей нас тоже нельзя было назвать так как отец работал полностью писарем или отдельно в тридцати верстах от нас, а Александр работал и рабочим и ящиком и писарем на полустанке. В действительности мы косили сено для своего коня, а потом и для коровы. Возили своим конем для своего коня сено. Выгребали из под своего коня и коровы мучи навоза, молоком от своей коровы занимались только по кружечке ^{по} и по большим преддникам в основном на рождество и на пасху, так как от сухого жесткого сена и ледяной воды у колотых вместо молока от дрожавшей от холода ^{хорошо с} удручаемого пастухов сарая, — ждать было нечего. Вдобавок истребляли подряд на дровах окружавший нас в основном белую березу, а не сосны дубы и отпиливали этими дровами наши хаты.

Трудно было и назвать наше состояние, социальное положение и квалификацию.

А теперь: С началом постройки железной дороги, возвращаемся опять в семью и работой его табельщиком, Александра государственными контролером на постройке деревянных железнодоро-

рожных мостов Владимир и меня работавшими на заготовке и вывозе из местного леса нектанника, — мы уже становились настоящей рабочей и служащей семьей.

14. Кулики и кизнокрелы

Заготовка нектанника проводилась из местного листового смешанного леса стоявшего вдоль пролегавшей трассы. Нектанник требовался из любого леса от четырех и выше вершков толщиной и полторы сажени длины. Требовался он в основном для подкладывания на грунт под шпалы прокладываемой линии для анкавотера. Заготовку в лесу его начали с лета со складкой в небольшие штабеля с тем расчетом, чтобы зимой по снегу вывезти и развезти его вдоль трассы.

Мы с Владимиром сразу же после рыбалки и уборки картофеля еще до приезда отца с группой односельчан создали артель и ушли на заготовку нектанника. Работали почему то не с кубатур, а поделано, полтора рубля в день. Для подвоза над нашей работой был поставлен какой то дежик, но он по существу не требовался так как мы и без присмотра работали добросовестно от зари до зари боясь потерять такую выгодную многооплачиваемую работу.

Как^{то} в декабре, работая уже табельником отец прийдя с работы сообщил нам, что на Хеберовске гонят табун лошадей частями оставляя их в Покровке, Дажневке и определенное количество пригонят в Волочанку. Лошадей этих раздают местным жителям имеющим осяно и другой корм для лошади на следующих условиях: желающий взять лошадь обязан на ней от-

работать на указанной ему работе тридцать дней бесплатно, после этого лошадь уже останется взявшим, его собственностью. С одной стороны это очень выгодно: Взяв лошадь, отработав на ней месяц и лошадь твоя собственность. С другой стороны, под этой операцией кроется идея кулинишки комбината. Как выяснилось хозяин этого предприятия договорился бесспорно за большую взятку о выбраковке в воинских частях частей (артиллерии, кавалерии) лошадей. Взятка понятно помогла частично выбраковать и здоровых вполне еще пригодных к военной службе лошадей. Стоимость выбракованной лошади оказалась пятнадцать-двадцать рублей, а рабочий день человека с лошадью у нас на учете оценивается в сумме трех рублей. Выходит человек взявший лошадь за тридцать дней заработает девяносто рублей и за это получит в собственность пятнадцатирублевую лошадь, а комбинатор кулик эксплуатировав человека и спекулируя на лошади заработает семьдесят пять рублей. Но как бы мы эту комбинацию не называли, - кулинической, мошеннической, в одну лошадь придется нам взять. Я постарался избрать чтонибудь получше, а тебе Илему придется отработать первый месяц на хозяина. Затем последующие месяцы будем уже не руги получать полностью девяносто рублей в месяц и лошадь будет наша. Работу я постарался подписать сам, понятно не бравше возить, а чтонибудь полегче, ну хотя бы волю возить для отечественных рабочих и служащих.

Это сообщение отце и редовало, что возмем вроде бесплатно лошадь, и это "бесплатно" отработав я, а значит и заработав целую лошадь своим личным трудом, с другой стороны оторчалось и смущало, что придется целый месяц работать и только рас-

писаться в ведомости, в какой то дядя-проходимец получит все девяносто рублей за твой труд. Правда, покупая такого коня в Хабаровске на базаре, нужно за него заплатить сорок-пятьдесят рублей наличными, а здесь вроде даром, бесплатно.

Коня мы все же взяли, а отец как и говорил устроил меня на этом коне возить воду на станцию рабочим и служащим. Работе было не из тяжелых, но и не приходилось сидеть в сложенные дуки. Владимир не нёс "Сером" вывозил некатник.

Но этим оказывается махинации и жульничество не закончились, много еще раз приходилось быть свидетелем и соучастником казнокрадства.

Прошел месяц. Перед получкой заработка отец вечером позвал Владимира и меня в спальню и заявил:

- Вот что дети, завтра после работы будут выплачивать в конторе участка заработок рабочим, значит получите свой заработок и Вы. Но дело в следующем, когда Володя кассир назовет твоё имя и фамилию ты подойди к окошку и распишись в ведомости против своей фамилии. Следующей ниже фамилией будет Владим Стрелков, Против этой фамилии ты тоже распишись, но уже не своей фамилией, а распишись Стрелков. Потом получи свои девяносто рублей. На домой иди один, а с односельчанами с кем работал. А то не развеи час, жульни много развелось. Ты Илья тоже, когда назовут твоё имя и фамилию распишись против своей фамилии. Рядом ниже

будет стоять фамилия Илья Ковен, ты против нее расписался фамилией Ковен и уходи домой. Запомниши? Между прочим где расписываться вам поможет кассир.

- А что все это тебе значит? - спросил Владимир.

- Это все тоже комбинации и махинации, - ответил отец. -

Но будьте осторожны и умеете держать язык за зубами. Что происходит и что под этим кроется, я вам объясню после. Я и сам еще много не пойму.

- А как же тебе у меня получится? Владимир принесет двести рублей а я месяц проработаю за двести расписался и без копейки приду домой.

- Как без копейки! С той минуты как ты расписался, "бу-денке" уже твой собственный.

На следующий день как отец и говорил, к вечеру около конторы учтены уже толпились народ. Начали выплачивать заработок рабочим.

Коридор в котором через небольшое окошко с широким подоконником кассир выплачивал деньги, был небольшой, в него можно было войти не больше шести-восьми человек. Комната конторы из которой производилась выплата была большая. У самого окошка за столом сидел кассир, рядом с ним отец с кипой расчетных ведомостей и против них за этим же столом какой то чиновник.

У противоположного конца конторы около дверей выходивших в соседнюю внутреннюю комнату сидел полицейский страж Притупа.

Вверху около коридорных дверей со свисом в руках

стоят служащий конторы и вызывая фамилии работающих на ложах приглашен очередных заходить в коридор.

Когда мы зашли с Владимиром в коридор, кассир выкрикнул наши фамилии. Расписавшемуся Владимиру против своей фамилии, он велел расписаться вторично против фамилии Стрелков не своей, а чужой фамилией, потом отсчитав ему ровно девятьсот рублей сказал: "Можешь идти". Таким же путем велел расписаться мне за себя и Коневу. После расписки он сказал: "Можешь идти теперь ложадь уже твоя собственность".

Когда я расписывался обрел внимание, что в ведомости против всех фамилий стояло к выдче сумма девятьсот рублей, однако со всех волооченцев работающих на своих ложах кассир удерживал за воскресные и праздничные дни которые они действительно не работали и выдавая кому недостадут, кому семьдесят две и редко кому семьдесят восемь рублей, действительно ими заработанные, а остальные приписанные к девятьсот прикормившими казнокрады.

Выходя из коридора многие с радостными лицами говорили: "Ну слава богу, заработал семьдесят рублей, невиданный заработок, теперь хоть немного отдохну и приобудуся и прироем свои голы беспросветную. Оно теперь не грех и к чертобе сходить на зрявения тяпнуть. А другие, выходя на обрботку ложадь выходя говорили: "Ну слава богу, теперь уже севреской мой собственности", - не ведая того, что это севреской, ченый или гислой, выброшенный из армеевской части всего на всего стоит пятнадцать рублей, а он занявша за него свои трудом и сегодншней расписью девятьсот рублей дов заработать

эксплуататору — записку чистогоном семилетят пять рублей. А я за слов "буленку" заплатил в двойне так как расписался в ведомости за это восемьдесят не получив на руки ни гроша.

Поздно вечером пришел с работы после получения расстроенный и злой отец. Мы уже поужинали и были все дома. Умывшись и садясь за стол он пробурчал: — " вот ханы, вот проходники".

— В чем дело папа? Что это ты сегодня такой расстроенный? Чтонибудь неприятное случилось на работе или еще что? — спросил у него Александр.

— Да ничего не случилось особого, просто сегодня с этой выплатой заработной работы было много и я основательно устал, вот и все.

После ужина он позвал одного Александра в спальню и плотно притворил за собой дверь.

Потом после мы с Владимиром узнали их полный разговор. Как только закрылась за ними дверь Александр спросил:

— Ну что там у вас произошло? Сын пришел расстроенный и Владимир с Ильей вроде и радостные, с хорошим заработком и своим коном явились, но чем то заметно недовольные и в коном то недовольны.

— Стрислось подлое и не мой взгляд преступное дело, но меня уверяют, что это обыкновенное явление которое делают все от большого и малого начальники. А заключается оно в следующем: При составлении ведомостей не выплату заработной, я обрел внимание, что в некоторых отчетных составляемых десятниками или старшими рабочими были подделаны

и приписаны несколько дополнительных фамилий. А в репортаже велкому Владимиру да и другим остальным были приписаны все воскресные дни в которые они в действительности не работали. С этим вопросом я обратился к кассиру.

Кассир мне настоятельно ответил, что "составляйте ведомости и включайте в них все то, что значится в репортажах. Ремизаев займется тот кому это положено". Но я ведь хорошо знал, что мой сын Владимир по воскресениям не работает. "Да разве плохо Василию сыну получить лишних двенадцать рублей. Делайте пожалуйста Василий Трофимович то, что Вам велит, а что и кем-начальству видно".

Что мне в таком случае оставалось делать, и я продолжал работать как мне приказывали.

Когда ведомости были составлены и подписаны начальником участка и кассиром, посланный т.е. кассир подошел ко мне, открыл ведомость в которой значились фамилии Владимира и Ильи и сказал: "К Вам Василий Трофимович от меня и от других просьба, - прекратите свои сыновей Владимира и Илью когда они получив свой заработок и распишутся против своих фамилий, сразу же не отходя распишутся, Владимир вот здесь против фамилии Стрелкова а Илья вот здесь против фамилии Копеева. Распишутся вторично не стояли, а эти-ли указанными фамилиями. И получив свой заработок сразу уходят домой, при выплате, я со своей стороны показываю где им нужно расписаться". Когда я запротестовал и сказал, что это уголовное дело, он усмехнулся и ответил: "Начальству лучше знать, а Вас просим выполнять нашу просьбу. Поймите так нужно

и так делают все. Потом ведомости подписаны на Вени в почаль-
ников строительного участка и мной, чего не Вени беспокоится."

Когда работа по выписке была закончена и мы собрались
рассесться, он уловив момент когда мы остались одни по-
дсел ко мне и сказал: " Вот все за свои труды" и протянул
мне вот эти две пятерки, надеюсь вы в дальнейшем будете
благородными, а сыновьям и следующий раз сам дам по орехи.
Вот куда я попал и вот что у нас сегодня произошло.

- Я просто не понимаю тебя папа. Для чего же ты у него
взял эту подделку. Ведь это вранье за молчание. Сам говорил
подлое и преступное дело. Бросил бы ему эти подлые бумажки
в рожу. - возмущился Александр?

- Попробуй не возмись? В таких случаях с такой необдуманной
горячностью как вот у тебя сразу не потворишь себе беду.
Если они уже посвятили тебя в свои преступные махинации, -
держи ухо остро. Завтра не вылетай с работы, потом оклеят
и обвинят, что сам мол вынесл вымышленные факты и под-
ставил своих сыновей получать эти воровские деньги. По-
пробуй теперь доказать, что их ребята не получали. А потом
могут запереть и за решетку. Единственное, что я попробую
сделать, - это упрямить чтобы не спутывали в эти воровские
дела моих детей.

- Значит будем упрекать за сыновей, а сам безропотно
и покорно прикинешь в цепку куликов, воров и казнокрадов.

- Что поделает? Пока придется притихнуть, промолчать,
прислушаться, приглядеться, а там дело покажет.

- Смотри отец, не впутывайся дальше. Ведь так или иначе это пахнет тюрьмой. Если можно уйди оттуда работу везде найдешь. А лучше посидел бы дома, отдохнул, а заработать на жизнь ни и сами сумеи.

" Нет сын пока уходить нельзя,, побойтесь, что разоблачу их хитрости и уловки. Попробуем, нужно по хорошему выбраться из этой пещеры.

Вот такой был разговор у отца и сына.

Так с первых дней постройки Амурской железной дороги гребины и оборудование вагонки куликов козлу. Условия для этого вполне позволяли. От Петербурга и Москвы большие тысячи верст, далеко от большого начальства, хотя видимо и там сидели свои крупные соучастники. Сибирь, Дальний Восток, глухомань, край который и сынки, таяк, теши и гробы.

Зима выдалась длинная, лютая и снежная. Ни вся зиму работы не и прежде: - отец табельщиком в конторе, Александр с Филипповым, Владимир по вывозке нектинки, потом по перевозке шпал по трассе, а я по ввзтом своим "артиллериста" "булан-ке" водовозом. Никто не учитывал сколько бочек привозил и за день воды, все зависело от желания и от их потребности воды. иной раз и двумя бочками отделаюсь, а другой раз и четырех исхвачу.

По субботам старался обеспечить водой и на воскресенье, но иногда приходилось и в воскресенье привезти бочку-другую. По воскресеньям вывозке нектинки и перевозке шпал не производилось, но в ведомостях не проставлялись все тридцать дней

и мы с Владимиром получили полностью по девиности рублей ежемесячно.

Отстоять нас распорядиться в ведомостях за "мертвые души" отцу сразу не удалось и это прекратилось кажется только с мерте и то не надолго, пока не убрали или перевезли в другое место прежнего кассира.

В последнее время нам становилось ясным, что отца спровоцировали, исподволь втянули в группу воров, жуликов и попрошайт теперь запротестовать, откешись, сразу вылетим все с работы и, что страшнее, - оклеветают и осудят отца обвинив во всем все никак.

15. "Б у л о к а".

Снечала в году возли на нашем озере - заливе, но от сильных морозов поле в заливе постепенно вымерзло и стало лилось тухлой и развон. Женщины запротестовали и я переключился на так называемое "другое озеро" находившееся не далеко на другой стороне залива. В нем вода была некая то жидкая, но наконец и оно вымерзло, пришлось пробивать в снегу дорогу на "великое озеро" которое от станции находилось в трех верстах. Озеро большое, узкое по длинное, примерно до двух верст. Находилось оно среди трясин, камыш и летом со всех сторон было трудно и нелегко подойти, но карасей в нем было много и на удочки карась брался очень хорошо. Озеро было глубокое и вода в нем никогда не вымерзала, не задыхла в нем и рыба. Вода была хотя немного желтоватой но не рябая и лучше чем в других озерах.

Ставился вопрос возить воду на Тунгуски в которой воде было чисто, светлая как кристал, в особенности зимой, но туда не привоз примерно семь верст, а по извилистой дороге и в десять не влезешь, поэтому вопрос Тунгуски отпал.

Хочется коротенько рассказать и о моем зятюге из отря-
ботки "артиллериста "буланге". Сколько я из за него претерпел неприятностей, сколько стыда перенес. И это позорившее меня
меня положение длилось месяце три с лишним пока я не восстал
и категорически не отказался возить на нем воду и пока се-
рьезно меня не поддержали в этом Александр, Владимир и Мазур.

Суть моих неприятностей заключалась в следующем. Мой
"буланге" действительно был выброшен из артиллерийской
чести. Это был крупный и сильный конь и видимо не меньше
чем в две раза старше меня. Не риск прокатить его было почти
невозможно, но хорошим шагом он мог тащить большие тяжести.
Беда в том, что он не мог сдерживать свои гужи и во время
хода громоздился и беспрерывно надавал барбецную ботанику,
а иногда и трелью с призывом в зависимости от принятого
или питательного рациона. Хуже было от некачественного сена,
тогда учинял такие ноты, что уши вяли. От овец мелодии по-
лечились типа, более восприимчивее, нежнее. Но где было наб-
раться ~~на~~ эти его концерты столько овец.

Воду приходилось везти через всю Волочаевку, около
самого мима дворов Дроздова, Болочевых, Кошала, Кучиных,
Кидова и других, а по временам, мимо Чернышевых, Артеменко,
Калесников, немого двора и дворе Сидышко где жила моя любимая
сестра. Здесь было немалое просветление мне с этой музыкой.

Потом, после, я проторил в снегу дорогу позади новых дворов, рядом с железнодорожной веткой и не стал сидеть по временке. Но это от насмешки меня все равно не спасало. Проезжая на поселку мимо сопки, некоторые насмешники из женцаи видя из хаты приехали: "Ты бы Ильяше хотя инуто-виден зеткнул ему бендуру. Смотри на некие лады и на все деревни размузичился". А стенионные женщины услышав за не-лую версту эту музичу орали: "Бобы, бери ведре никек во-долов еде".

Я уже от стыда стал набегать встреч не только с де-вушками но и с моими друзьями ребятами.

Видя такое мое горе Александр сказал:

- Забра брешини я думаю вместе с тобой рейса две-три не эгом громобое оделать. Посмотрим, прислушаемся и что нибуль соорезим.

- Да что там прислушиваться, некий зеткнул свои уши и то винут, и соорезить тут нечего. Сдам его голому ресторен-щаку татарину который строит иудель от перьбыи какое то пильное зведение на татарское жаркое или пельмени, вот и вся недолга. Хзетить ему пориочных людей сремать, пу-дой пивание послужит на зекуску.

- Ну это не верверство, какое существо и пол пол? Ты что то брешини созсем озверел.

- Так они конану едят так как мы свинину. Ни дохлых свиней не едим, в рекин живых, они тоже дохлых коней не едят, зно-чит рекут живых, и выводит, или тут все в круговую верверсто-но или никекого верверство нет.

На следующий день Александр делая со мной водовозные рейсы действительно присматривался к вариантам и приложился к потехе моего "булени" но упрямо молчал, только наречке "сехал" и сам себе восклицая: "Ну и дует подтек", ну и даст! Действительно уши вянут". Потом только вечером когда все сели за стол ужинать, он обратился ко всем, а больше к отцу окле- зан

- Сегодня я сделал с Ильей три рейса по воду и убедился, что в таком состоянии в каком сегодня находится "буленка" работать на нем среди людей нельзя, тем более провозить с грузом через всю Волочаевку. Я продумал и хочу соорудить одно приспособление вроде глушителя и завтра приступлю к его изготовлению

- Что это ты еще выдумал за глушитель? Его может заглушить только тетерин которому я всеми способами постараюсь сплавить "буленку".

- Кто это за тетерин? и, что значит сплавить буленку?

- Обращился ко мне отец.

Я промолчал, за меня ответил Александр.

- Да здесь у нас образовался новый конкурент себе. Какой тетерин якобы строит или имеет намерение построить столовую, харчевню или что то в этом духе. Три вот нам Илья и мыслит слезть своего водовоза тетерину на племени.

- Вы посмотрите какой хозяин племени! Коня на племени. Ты хоть чуточку сообразишься, что говоришь?

- Сообразил племя, и очень сообразил. Если бы ты не нам пореботал хотя три дня, явно бы сдал его на тетерину в со-

баком не о"девшие. Если кто из нас возражает чтобы я это проделал за деньги, я дарю тому это бесплатно, а если я не им не выведу больше и со двора. Хватит потерпелся.

- Что это значит я до я? Что это не наше общее, а твоё личное? - Бокниен отец.

- Да не кипятесь нене. Я эту подачу теперь заработал на свое горе собственным трудом, вот я и считаю, что я лично сам должен от него избавиться. А мое слово твердое, - не им я больше со двора не выгу.

- Ну это мы еще посмотрим, что у тебя за твердое слово. Выдешь как голубчик.

- Тут ты отец совсем не прав, обрекаешь с нами как с маленькой, а мы ведь уже не маленькие. Смотри у нас уже уши растут и тебе с этим нужно считаться. - Заступился за меня Александр, - резве тебе прямо, что твоего взрослого и и бы сказал не плохого еще деревенские бабы не всех поднимает. Прав Нико, от этой большой пошлости нужно избавиться, но понятно не по племени, и приобрести другую задорную и хорошую.

За меня заступился и Владимир. Того Марья выговорила в наш семейный конфликт, закончил?

- Вы дядя Василь Трофимович сами когда то были парубком и наверное знаете как отидно молодому хлопцу работать на ^{на} лядях такой гадкой и вредной твари. А Нико уже парубок и какого ему. Не такой скотини ни тыльки парубку, а остерому даду слытно работать. Попросить моего батьке кой воду возит, ему будет легче чем Никои воровать, а Никои молодой Никои

повозит и от насмешек избежится.

— Ну какая же ты шила Маша молодчина, прямо распеловеть тебя, да еще распеловеть. Какое справедливое наказание и какое достойное предложение. Ты пока завтра переклочи Мекера Михайловича на воловозе, а мы сейчас же с Владимиром пойдем уговоривать его своего.

— Обожайте и меня, я сейчас скоренько уберу посуду и вместе с вами схожу домой, — сказала Маша.

— Пойдите, пойдите, здесь еще не все. А как же с личиленной "буланки" с приобретением задорной и хорошей лошади.

— Об этом пока мы потолкуем завтра, а сейчас нужно обеспечить, чтобы с завтрашнего дня работал воловозом Мекер Михайлович.

Решился вопрос с воловозом и "буланкой" очень быстро. Мекер Михайлович Дроздов с радостью взялся на своем "рыбам" возить гоню. Отец узнал, что вокруг постройки Амурского моста лошади требовались дюжками и как говорится "на расквеш". Для через три отца отпросился с "ездить в Покровку в волость и с Владимиром уехали на "буланке". Там перед Амуром на строительстве несли через большой залив, сразу же продали "буланку" за семьдесят рублей и по совету нового старшины волости Никонова и на его лошади с "ездили во Владимирскую. Там у знакомого жителя Владимиром купили за семьдесят пять рублей с упряжью хорошего гнедого коня под кличкой "Пузанки" и на своих же санях обрели вернулись домой в Волоховку.

В дальнейшем мы с Владимиром уже на обеих лошадях работали на развозке шпал. На шпалах работе было много тя-

желее чем водовозом, но все же был рад что избежался от постоянных песеншек.

"Душенька" оказалась исключительно хорошей лошадью и прожил у нас лет двенадцать. За все это время он оослужил нам службу верную.

16. Год основных работ

Наступала весна 1913 года, самого бурного и интенсивного в строительстве Амурской железной дороги. Сразу же с весны начали размещать по всей трассе сотни и тысячи рабочих в основном землекопов, укладчиков пути, плотников и других профессий и специальностей. Из расстояния семи-восьми верст один от другого возникли бережные и летачные городки. В своем большинстве это были люди нонтректованные из деленных российских губерний, — Вятской, Пензенской, Тамбовской и других. Были чувши, татары и другие разные национальности. В основном серианники, плотники, мельники, почти поголовно негрешные, но трудолюбивый, добродушный, мирный и эртельный народ. Среди них были большие мастера по плотничным, столярным и каменным работам. Были и отдельные умельцы по отделкам и всевозможным тонким работам по дереву, коню, керанике и железу, подобие легендарного Леваи полковникового английскую истоллалическую блоку. Все это были семейные и хозяйственные люди уходявшие на побочные заработки группами своим селом, своей волостью. Поэтому они и селились в этих летачных и бережных городках своей деревней, волостью с преобладающим родством: дед, отец сын, а то и внук.

Вслед за ними тянулись разного рода проныры: жулики, проходимцы и другой липпен-пролетариат, но в неслеточных городских они не приживались. Там существовал свой дружный, сплоченный в единую семью порядок и особый своего рода дисциплины, поэтому этим дельцам-проходимцам трудно было среди них творить черные дела и чем либо подивиться. Селилась и приживалась эта жулики в вторые черных дел на больших стених таких как Покровка, Волочеве, Ин, Тихиньская, Бирека, Бире и им подобные, где разворачивались большие и многоотраслевые работы строились станции, депо и посёлки в которых оседло приживался народ. Сотнями ютились эти дельцы-пройдохи вокруг строящегося через Амур железнодорожного моста создавая торговые лавки, обжорки, питейные, игральные и другие темные притоны обменивая, грабя, спивая и зорячая разными болезнями неустойчивых, распутных или почему то *бывших* в отчаяние и горе людей.

Одни прогибались, другие неживались, но в общей стройке, это было капи в море.

Основная масса тружеников и чернорабочих и мастеров, и умельцев и передовая русская интеллигенция трудились в поте лица и железная дорога и Амурский мост строились и, это строительство по тем временам с тогдашней техникой действительно двигалось вперед семитерстными шагами.

Для обеспечения этих работ еще прошедшей зимой через Амур по льду была положена железная дорога по которой на левый берег перевозились рельсы, шпалы и разного рода материалы обеспечивающие прокладку пути в сторону Волочевки

и дальше в Амурскую область. Были переброшены несколько паровозов 0¹ (свечи как их тогда называли) десяти вагонов, платформы и другого подвижного состава.

С открытием навигации по Амуру, эту перевозку строительных материалов, оборудования и продуктов для снабжения в эти рабочие производили на баржах к мосту и на Покровскую пристань продвигая это все вперед по прокладываемому рельсовому пути.

Сразу, с ранней весны по всей трассе на большом тысячелетнем пути приступили к земляным работам. Одновременно сооружались насыпь под полотном дороги, строились через болотные речушки временные сооружения со шпал, а через реки и на озерах и несущих устоях (быках) — мосты, прокладывался по всей магистральной рельсовый путь. В подлежащих местах строились отенники, раз'езды, жалые железнодорожные домики, депо, волокачки и все необходимое для функционирования железной дороги. И этот упорный, изнуряющий усталости труд простого человека лишенного элементарных условий обихода и труда, с тогдашней техникой: — колы, лом, лопата, топор, пила, в условиях бедного широкоскопического правительства, без окрестности, монашества и других преступлений, — творил чудеса и почти только за одно лето 1913 года проложил через горы, леса, болота и реки железную дорогу — от Амура через Покровскую, Ямало-Сибирскую, Ин, Бирю и дальше через Амурскую и Читинскую области и где то в Забайкалье соединил ее с Сибирской железной дорогой.

Первоначально все строилось временно, неокончательно, как говорится "по черному", лишь бы быстрее пропустить поезда

но чтобы его довести до окончательного, фундаментального, потребовалось еще много времени и труда. Но путь Кузнец-Хабаровск в основном уже был приложен.

Немалую лепту в строительстве железной дороги внесла и Волочанка. Ее железнодорожная ветка от Тунгуски, большое количество заготовленного и вывезено строительного леса, первый паровоз, экскаватор и другое. Все это способствовало быстрой прокладки рельсового пути в сторону Покровки и в сторону Ине.

Изучив на практике прошлогодней работы неполадки и ненадежные детали "иностранца" экскаватора, — Филиппов с помощниками за зиму многое переделали на свой русский лад еще с осени заказав Хабаровскому заводу изготовить нужные новые и дополнительно запасные части. Заказан был и новый шкив конвейера.

К весне экскаватор был обновлен, собран и установлен на проложенный ширококолейный путь. Рельсовый путь экскаватора не пролежал от сжигания, пройдя вперед, сюда путь разобрали и нестилали на грунт вперед. Таким способом путем он продвигался вперед пока не дошел до Покровки. несшая вал земли для будущей линии. С частичной русской переделкой этот "иностранец" работал немного лучше, но для заболоченного, глинистого и вязкого грунта с его огромностью и неукротимостью он был непригоден и до последнего конца работ с перебоками и частыми поломками.

Экскаватор ушел и больше ~~ни~~ его не видели, возможно его перебрали в разобранном виде в другое место на более сухой участок, но Филиппов на Волочанку сразу не уехал. Он занялся

Антонова Иване тетке- Акулине. В первую мировую войну он погиб как и многие другие.

Основные работы постройки железной дороги проводились государственными предприятиями, но многие работы выполнялись и честными крупными подрядчиками. К примеру, деревянные мосты на сваях отроги от раз'езда Ольгохта до Покровки подрядчик некто Пискунов.

Как только сошел весенний снег, сразу же приступили по этой трассе к забивке в грунт деревянных свай. Забивке свай первоначально проводилась ~~попраж~~ с ручным, лебедочным под'емом беби, потом вскорости переключались на пневматические.

Чтобы технически правильно распознаться свая, и главное, их забивке в грунт до полного отгнуса, к подрядчику Пискунову был приставлен государственный контролер. Этим контролером над работой подрядчика и оказался Александр. Он еще зимой договорился на эту работу и основательно изучил технику постройки деревянных железнодорожных мостов.

Как только закончивалась забивка свай очередного об'екта, сразу же плотники мостостроители приступали к строительству моста на сваях.

Постройке этих мостов на территории Тунгусской волости Ольгохта - Покровки проводилась весь 1913-й и 1914 годы. Эксплуатация железной дороги осуществлялась эти годы по ⁶обходным временным мостам сложеным из шпал.

У подрядчика Пискунова которого почти никто никогда не видел так как работой руководил не лично он, а его управляющие, - было три племянника: Дмитрий, Александр и некто Алексей примерно ровесники контролера Александре. Эти цеголи

племянники учились в Кеберовском кадетском корпусе и в праздники и каникулы частенько приезжали в Волоческу к своим друзьям управлинцам. Снегача они к Александру относились с высоко-визинством, потом узнав, что он хорошо играет почти на всех струнных инструментах: скрипке, гитаре, мандолине и баянчике, подружился с ним, заходил к нему слушать его игру на скрипке, пел песни, но когда я им прочел стихотворение "Соня-Луна" они возмущались антирелигиозным произведением, а когда мы им спели " Дело было у Артура, они отнехнулись считая это опасным и тем же как Притуло кременьным.

Гордясь своим кадетским, будущим офицерством, буржуазным и господствующим сословием, они считали себя порядочной светской молодежью, членами привилегированного господствующего общества. В действительности ничего порядочного в них не было, скорее всего это были кутиты, разложившиеся распутники, "потомки известной подлостью прославившихся отцов". Они и в Волоческу приезжали чтобы попользоваться от родителей кутнуть и пораспутничать с перьбебинным дежоником".

Впоследствии когда они убедились, что Александр строго требует выполнения технических условий забивки в грунт своей чем не имеет машинцами и культичеству их подрывнику-дядюшке, они дружбу сменили на вражду.

Потом после, в дни гражданской войны на Дальнем Востоке когда вся эта троица окуталась в стене головорезов кровавого этанена Кешикова, они не забывая отерой вражды и беспорно являлись организаторами жестокой казни Александра в деревне Ке-линовке Кудуринского района.

17. Новые переселенцы

Волочаевки ширилась, росла, умножалась населением и становилась многонациональным скоплением людей: русские, украинцы, белорусы, литовцы, татары, чувши, китайцы, корейцы и другие. В основном это были не оседлые жители, а приходившие и уходящие армия строителей железной дороги.

Помимо этой передвигающейся армии в Волочаевку приезжали и много новых переселенцев осевших в ней постоянными жителями. Про некоторых из них необходимо коротенько кое что сказать.

Еще весной 1912 года приезжал с семьей из Приморья железнодорожный рабочий ранее оторванный Китайскую Восточную железную дорогу (КВЖД) Иван Дмитриевич Серый и с своей большой семьей временно поселился в подотке в новом дворе. Ему волочаевцы видели на северной стороне озера участок и он немедленно приступил к постройке своей хаты и раскорочке двора под огород. Сыновей у него было трое: Семен, Александр и Арсений примерно ровесники Владимиру и мне. Четвертой ~~девятилетней~~ ^{летней} была дочь - Мерфе. Это белобрысая, дразнивая и вредничающая девушка немало причиняла нам неприятностей. То на огороде на грядах овец пасет, то заберется к нам в дом, и сотворит разные чудеса, что Мерфе часами убирает, то хвостит чью либо корову за хвост и ищет за ней кричит бегая метом по всей улице. Раздразнит, разобьет нос сосисками ребятни или расцарапает их физиономии. Много она допекала насши Толе и Грине, хотя и те ни один раз расклевывали ей нос. Да и к нам сзади подберется озеда, приболбает дернет за ворот или за ухо и с визгом убежит. Много хлопот она причиняла не только нам

но и соседки. Не раз Невре жаловалось отцу, чтобы выселил их из этого двора или оно будет вынуждено уйти от нас сама из-за этой озорной и вредной девчонки. Больше всего переносила неприятностей из ее вешостей своей доченька ее мать, милая и добрейшая старушка измученная большой семьей и честными пересадками по переселению.

Одними в воскресный день мы собрались в невестин "меденной хатке" (так называли мы уютный в доме небольшой однокомнатный домик в котором мы старшие из братьев и невесты жили) — на очередную читку принесенной феей Силиной новой книги о знаменитом восточном сыщике Нерлок Холмсе на которой присутствовали: Я, брат Антоний, Иван Тихонов, Миша Чернышев, Иван Кучинкин и мой друг из вновь прибывших переселенцев Вильям Колесников. Книжку читала фея. День был солнечный, жаркий, потому обе окна в домике были открыты. И в тот самый момент когда знаменитый сыщик востиг неуголовного преступника и скончался "духи вверх", — (эти слова фея приподнялась и выкрикнула стоя,) к нам сидим в кучу влетела в открытое окно с грохотом прыгнула кошка с привязанной к хвосту порошковой консервной банкой. Взмах и грохот банкой, кошка с перепугу намереваясь выпрыгнуть в окно у которого сидел Иван Кучинкин, прыгнула ему на голову ударив привязанной к хвосту банкой его по губам. Иван с перепугу и боли заорал как обваренный кипятком и сбил с головы кошку на стол за которым мы все сидели. И так же с перепугу кто бросился к двери, а кто не верил, а Иван сам наведен как ошутился под столом. Выпрыгнув в окно

пошло с криком и грохотом пробежав через двор прыгнуло через плетень тотанником забор к нам в огород. Застыжши в заборе бабка оборвалась, но кошки исчезла не веки. Впоследствии говорили, что видела ее одионою в лесу, но при встрече с человеком она с криком убежала.

Когда мы очутились и выскочили из домика, увидели только сверкавшие босые пятки в конце нашего огорода. Это убежало от очарливой продажи вредная девочка Марфа.

Когда обрелю в доми, раскрывавшаяся феи подомы к поблудившему Ивану-буйволу и уносясь сказки: "Томе мне герой Верлок-Коимс! А еще при чите выириве^{ру}сь, - я-би, де п-би, о сем от конки под столом очутился. Если еще хотя раз хвостеня, аней, возму за ухо и как мальчишку выведу за дверь". Сметясь никто не посмел, потому, что это одионого относилось ко всем.

Читая дальше не измелось, начали обсуждать, что предпринять к этой девочке. Выскочившись по³ роному, в конце концов приняла предложение *Фана*: - Поручить мне и себе купить сладостей, пригласить этого басенки, угостить и между разговоров об"яснить им нехорошо думать плохое не только людям, но и животным и птицам и как приятно быть хорошей и умной девочкой.

- Доведите только когда будем с ней разговаривать не забывать ее Марфа, а забывать Ивана. Это детворе очень нравится. - Предложил Иван Тихонов.

- Томе мне сладости и Иван. Я бы ее за пятки и...

Не успев доискаться до концы как бы он поступил, как

к нему буквально подскочило фея и схватив его за ухо приказала: — Рука "Чернок", марш за дверь!

Иван уперся, а вы уже тут дружно дали полную волю своему смеху.

На этом порешили пойти все на озеро купаться. Проходя сады немего двора увидели в кустах виновницу бедного немего переплоха. Фея сразу же подошла к ней и пригласила ее пойти с ними на озеро купаться. У виновницы от радости заискрились глазенки и она спросила:

— А драться за конку не будете?

— Да нет Маша, что ты. Мы ведь большие а ты еще маленькая. Поидем.

— Маша на озеро не пускает.

— Это тебя одну не пускает, а с нами пустит.

Идем к маме я тебя отпрошу. А вы ребята идите вы Все догоним.

Вопрос с мамой был улажен быстро и купаясь в стороне от ребят фея сказала:

— Мы сегодня вечером опять соберемся в маменькиной домике и будем читать страшную сказку про бабу-ягу костяную ногу. Потом про Ивану перемича, Елену прекрасную и серого волка. Приходи Маша послушаем. Очень интересно.

— Я боюсь клопцев и маме вечером не пустит.

— Клопцев не бойся, они все хорошие, потом ты будешь со мной и моей сестренкой Иной, а у мамы я тебя отпрошу.

— Нет феяшка, не все клопы хорошие. Он тот букалка ох и вредный. Я сейчас подпину к нему и больно ущипну.

—Что ты Маша. Никогда этого делать. Щипаются только самые плохие девочки, а ты ведь хорошая. Прощай?

К вечеру я купил фунты лже кедровых орехов, фунт фисташек и пять штук больших красных конических грибов изобретенных лисицей, лебедей, слонов и других зверей.

Как уговорились, еще засветло собралось у нас в "меленькой хатке" обретно все. Пришли и сестренка Ивон и с отпросившей на сказку Мамой.

- А коте тоже опять не примете? указывая на Мому спросил Ивон.

- Коту нямэ, а для тебе прозь другие принесло - ответила Мамэ. И села рядом с Ивоню.

Тот зевая и отодвинулся.

Читке сказки нечелось все притихли и с вниманием слушали и, вот в тот самый момент когда себе-пте хренела в слюси излуки на курьих ножках, Ивон не прерывал, а Ивон-букашю схватился с нэр и зорел как действительно фунвол, а Мамэ как пуля выскочила в дверь и открылась. Оказалось, когда все притихли и сосредоточили все свое внимание на сказку, Мамэ пододвинулась к Ивону и с силой потянула ему булавку в его широкий зед. Обнаружив булавку мы громыхнули со смехом, а Ивон опозоренный и злой со слезами убежал домой.

Кто знал, кто помышлял, что не любимая мной сестра по существу уже нареченная мне в невесты, а именно эти забеломония и зана девчонки Мамэ, через семь лет станет моей подругой жизни с которой в 1963 году справляли золотую свадьбу и выросли большая семья несчитанную детей-ми, внуками и правнуками пятнадцать человек.

Но об этом позже главы вперели.

В целом семья Серых оказалась хозяйственной, активной и общественной в жизни Волочанска. Владимир из сыновей Арсений, участник партизанского движения и волочанских боев. И сейчас еще внуки и правнуки Серых живут на второй Волочанске.

Сын Арсений с семьей в настоящее время бодрствует и живет в Запорожье.

Весной того же 1912 году на очередную сходку жителей Волочанска пришел маленький, худенький, с торчащей или выном вперед бородашкой, вертячий мушкетер. Попросил слово сказал:

- Я господари мушкетер - Фоме Кобзар, приехал до вас в Волочанску с бабой и двумя сыновьями из дальней Венгерской. Хочу поселиться у вас на новое жителство. Ковняюсь вам и проку доты мне приписку, выделит двором и полугосподской земляшкой о чем и ходятелствую.

Потом помолочки крикнул: - "Кузь подь сюда" - на его зов вышел такой же маленький, но плотный телом, лет двадцати двух перень.

- Это мой остеренький Кузьке, - продолжал Кобзар, - есть и маленький двадцати годовок бабашино.

Клонился обществу Кузь, валь проку приписку и надея дворе с земляшкой. Кузьке сразу же поклонился на все три стороны и пово и стал рядом с отцом.

Отказы в приписке переселенцев не было и Кобзарым выделити участок по временнике срез, за мостом в сторону Демнежи, с выдел земли и других угодаи выбирей мол сам где хочешь и сколько хочешь.

Не успели выйти со сходки Кобзевы как инок Тихонов заметил:

- Ты чи буде який толи из оцх Кобзевих, душе нела до нивон земли, та якийсь зовсім неземитни..

- Велика фігура де дуре, а вел золотник де дорог.- Ответил на это Василий Алексеевич.- Поживем увидим.

С первых же дней брошенное слово не Кобзев, а Кобзак, тем же ным и осталось до конца. Инокину, прозвище быстрее воспринимается и закрепляется чем действительность.

На участке который выделили Кобзевым были сплошные копки чуть не в пояс человеку. И вот, видимо первый раз в жизни человек получивший кусок своей личной земли которой еще только он сам, но никогда не имели ни его отец, дед, прадед и до них другие, с некой то жадностью рвением приступил к ее разработке. Их можно было видеть на своем огороде в любой час дня и даже ночи. Из вырубесных копек они соорудили забор, и не просто забор, целую крепостную стену, но отдача за свой поистине одеский труд они от этой земли так и не получали. Старший сын Кузьма после неудачного световства Лизы Артемченко, вскоре не как то женился и уехал куда то из Волочанки. Вторым родин сын Федор устроился на работу постройки железной дороги, в Фельшан, чуть ли не в десятину огород обрабатывать старшим стал не под силу, начал зарастать сорняками, забор разрушаться и все пошло прехом.

Отдельно коротенько о Кузьме Кобзаке. Тихий, добрый и общительный перень, но в некоторых отношениях с амористическими склонностями. Говоря о нем, необходимо коснуться дру-

того обстоятельстве: Телеграфная линия из трех проводов проходящая рядом с грунтовой дорогой из центра России до Владивостока, являлась большой опасностью для перелетной птицы. Об ее проводах ~~было~~ *было* в весенние и осенние перелетные сотни уток, гусей и других ~~перелетных~~, в зимой в основном тетеревей.

В сезоны перелетов достаточно пройти три-четыре версты по-над телеграфной линией чтобы с хорошей подобраной дичью возвратиться домой. Сколько ее гибло без пользы никто тогда не ведал, да и сейчас видимо никто не ведет никакого учета. Зимой 1918 года на территории Тунгусской волости выпало снега до полутора аршина, это в некоторой степени затрудняло работу на постройке железной дороги, но разь сейчас не о строительстве, а о перелетах и Кузьме Кобзеве.

От большого снега и сильных морозов, много погибло тетеревей. Немало их побилось и о телеграфные провода. Зная это, Кузя в одно воскресенье достал где то дробинки и ушел по привычке по-над телеграфной линией в сторону Поперечки. Подняв двух убитых об проводах и мералых как кость козочей он в скорости вернулся в деревню с подвешенными к поясу тетеревами заходя в некоторые дома якобы передохнуть и согреться.

Так зашел он и к нам. Молча поставил дробинки у порога, снял рукавицы и шапку, позлоровался ося на табуретку, потом уже спросил:

- Можно мне согреться? Морозов такой *ли* весь продрог.

- Пожалуйста, пожалуйста Кузьме бонич раздевайтесь оноее согрестесь. О, да вы с добычей. Кеним это обрезаю? Пригласил и спросил его отец.

- Да задумалось попрощаться. Иду леском, гляжу сидит. Непонятно - бож, ушеле. За поясок и попов. Иду деле. Гляжу сидит. Непонятно, бож - ушеле, За поясок и попов. Это мне Весиль Трофимич не впервой.

При этом он встряхнул и показал прежде одного, потом таких же изаром второго тетерева.

Обращаясь к нем отец сказал:

- Вот ребята, берите пример и учитесь как в такой глупый снег нужно охотится. А где же Вени Кузьма бонич были?

При этих словах и вопросе Кузьма растерялся, но быстро и не смело ответил:

- Вся в том и беда Весиль Трофимич, что я без этих лыжей ушел, поэтому только вот парочка, а будь со мной лыжи, я бы их десятком приволок.

Таким путем под шаркой перелохнута и отогреться, зашел он в дом Артемько у которых старшая дочь Лиза была уже взрослой невестой и нареченная немого Владимира на которой он в 1914 году и женился.

Лиза светлая и Кузьма, вот он и решил блеснуть перед невестой своим удальством. Объясняя как он вторую "за поясок и попов" он встряхивая отбавляя одного косача и лося - не стои промолвил:

- А это я постерялся для подарка своей невестушке Лизе-ветушке.

- Ох Кузьма, какая там из Лизы невеста, ей и невестности еще нет. Вот обожди еще годик, тогда и приходи, - отвечало ему мать Лизы.

- Что ни мать целой годин. Лижеветунки и сейчас уже добра невестунки. Ми би и по молодости свинянь, свабинсь. А годон идеть мне никак невозможно, вот братуха Федяшка нек подрос то-го и гляди, что попросит у родителей рече меня благословения не обручение. Все тогда мне в позоре ходить и быть холостым.

Лиза знала, что Кузя приходит только осветиться или при-едемсь или убежеле из дома.

- Грешно Кузя до нестнудности выдвать дочь замуж, ми не не писане, не буюрными конис, а претославные. До ты сам то с ней разговаривай об этом или нет.

- Пытался мать, пытался, но она и слушать не хочет. Вся надежда на Воне родительское ей внушение и благословение.

- Вот видишь, сам говоришь, что слушать не хочет, а не-волить грешно, ведь счастье не будет. Потом Кузя она уже просветене Володей *Проценко* *любезни* они друг другу. Как только ей будет нестнудность, ми их и погоним.

- Кель мне Елизаветунку. Я би по венце ей в жизни счастье принес, но видеть неохотно ми не будель.

На этом световотте Лиза и Кузя и закончилось, а Ку-зя получил новое прозвание, - "Зв похосок и похос."

В действительности вся семья Козбевых оказалась общественной, трудолюбивой и активной во всех сельских мероприятиях. Сам отец Козбев участвовал не только в деле Володочевского общества, но и в деле участка постройки железной дороги и везле похо-дил келье то неспорячки спорил, доказывал, изловелся. Кроме это-го он как то по своему житей приходу. Если Григорий Павлович Косель от жадности захватить все, вырубил с сыновьями пенью,

участки, совершенно ненужного ему леса который так и гнил на месте вырубил так как срубленного вывезти ему было не под силу, — то Кобзев наоборот, болел душой за каждое напрсно вырубленное дерево, за каждый сложенный напрсно кустик. Он на каждой сходке за это жаловался почти на всех, но больше всего на Кошеля который вырубал целые рощи березняка и осинника. Помимо жалоб на сходках он строчил жалобы в волость, в переселенческое управление, Кеберовскому полицмейстеру и даже на имя генерал-губернатора и наместника края. Ответа он от наместника края ницати не получал, да и что было за дело этим разложившимся передворами до некого то волочевского леса, когда они не торгнув глазом торговали целой Россией продавая целые чести света, и примеру это золотое дно планеты не-ну Аляску.

Как был рад этот Кобзев, когда на одной поляне лесов прижавило большой срубленной березой и переломило ногу Григорию Павловичу Кошеле. "Бог милостив к своему творению природу, и крепко наказал этого изверга", — твердил он после это везде и всюду.

Впоследствии Григорий Павлович недорвал своей женой обоим своим сыновей Алексея и Афанасия погрязав их обоим пеховыми грибами и они рано в расцвете своей жизни обе погибли.

Когда по личной просьбе освободили Макаре Семеновиче Волочеве от обязанностей старости Волочевски и избрали старостой кому Кобзеву — его энергии, энтузиазму не было пределов. Вышивете он продолжал по все деле, которые совершенно не относились к волочевскому обществу. Бедня в Кеберовск с

челобитной к наместнику края Гондэтти о жалобой на строителей железной дороги которые вырубает без разрешения волочевский лес и подкладывает его под шпелы излишне ровящего землю экскаватора.

Понятно, его к наместнику края чиновники не допустили, но обещали жалобу рассмотреть и доложить их светлости. Разбиралась ли его челобитная, докладывалось ли о ней "Его светлости" так никто никогда не узнал.

Прожили Коззевы в Волочевке лет пять-шесть, но так и не обрели счастья на своей земле. Куда они уехали никто не знал. Когда мы вернулись с первой мировой войны их в Волочевке уже не было.

Всех прибывших переселенцев и поселившихся в Волочевке при постройке железной дороги в 1911 по 1914 годы описывать нет надобности, так как они по окончании основных работ на дороге, начале мировой потом гражданской войны на Дальнем Востоке, пораз"схались на оставив ничего существенного в жизни Волочевки, но в некоторых из них, оставивших хотя маленький, незначительный след сказать кое что нужно.

Сразу же после приезда и приписки Коззевых, на одну из сходок жителей Волочевки пришли четыре здоровенных мужика. Старший из них лет под шестьдесят мужик попросил слово и сказал: " нас четыре брата и все мы Бендурки. Я старший Василь Бендурка, потом Кирило, Хрисантий и Конон. При названии имени каждый из них поднимался и кланялся головой. " Приехали мы из Армовира и хотим поселиться в Волочевке. Просим вас наделить нас рядом дворами и все, чем полагается".

Возражений о прописке не было и им выделили по временке за мостом по соседству с Кобзевым четыре двора подряд. Быстро они построили каждому больше по тем временам дома, обзавелись хозяйством, но дворы по десятине, как это сделал Кобзев не переделывали. У старшего брата Василия были взрослые сын и дочь, у Кирилла ждался два взрослых сына, у Хрисония тем же взрослые сын и дочь, а у младшего Констан пять дочерей, старшей из них лет шестнадцать, а остальные мал-мала меньше.

Жили Бензурки каждый в своем дворе, но семьями жили дружно, во всем помогали и выручали друг друга. Редко можно было встретить такое единство и дружбу еще не в разделенной одной семье какая у них была в четырех больших и самостоятельных семьях.

Главенствовал у них почему то не старший брат Василий, а второй большущий ростом Кирилл. Он командовал, распоряжался и его все четыре семьи слушались, подчинялись. Его слово было законом. Никогда и нигде по большому семейному или общественному делу они не ходили в одиночку, всегда все четыре вместе. Подрялись на какую либо работу или выступая на сходках, никогда и никто из них не говорил только за себя или свою семью, а всегда говорили и действовали сразу за всех четырех братьев, за все четыре семьи. Все из их семей способные работать по найму, работали в одной своей артели на постройке железной дороги.

До этого они жили где то под Армавиром на своем хуторе и видимо не бедно так как приехали в Волоочевку с хорошими средствами.

В добелок сумели оформить и получить переселенческую суду. Потом не плохо они заработывали и своей семейной артелью

работы на постройке железной дороги.

Прожили они в Волоочевске не долго, тоже лет пять-шесть как Кобаски и другие, ничего существенного и положительного не оставив. Разразившаяся мировая война опустошила Волоочевску, началось разоружие, голод и они все четыре семьи как одной большой семьей уехали обрести куда то на хуторе под Армавир. Памятью о них осталась дочь Василия Бендушки - Прасковья (Перенька, как ее тогда все именовали) на которой после женитьбы брата Якова на Ольге Кидан, женился Илья Волоочев. Долго еще оставалась в Волоочевске их поговорка: все четыре брата и все Бендушки".

Так приехали, припасались, прожили пять-шесть лет, но остались в памяти:

1. Колесников поселившись соседями с ними. Жене его было криворотая, говорила как то в нос, так что трудно было понимать ее разговор. За это ее все называли "гундоской". Женщине она была паршивая, вечно ходила грязная, оборванная, растерянная. В дом к ним из ее грязи противно было заходить. Сын их Филипп, мой ровесник все три-четыре года был моим большим другом, в это годы на три года сестренка Оришка, осталась для меня памятью на всю жизнь.

2. Денизнич. Это денкиетный мужчина, деревенский мастер на все руки. Он плотник и столяр, замечательный печник, стекольщик и сапожник. На всех свадьбах, именинах, крестинах и других торжествах не заменимый скрипач. На своей скрипке он весело отзеркивал бесконечную польку, берину и бесконечного трепана под которые танцевали, зализывали и отплясывали в присядку до упаду. Имел он троих прекрасных дочерей, средняя из которых Марфа в дни гражданской войны первой из женщин вступила в нем

партизанский отряд И.П.Медвучке в котором пробыл с начала его организации и до конца участвуя во всех его операциях.

В.Медведевский, Кензязев, Власов, Родков, Хлевной оставшие какую то часть в Вологодские в которой и до сего времени живут их потомки.

18. Арестанты

Все железнодорожные станции и станционные здания строились по своей Амурской железной дороге в большинстве с правой стороны считая с Востока на Запад. Так строились все станционные здания и в Волочаевске. Крайним зданием саженях в сорок от наших домов было построено еще зимой в половину меньшее здание чем другие жилые дома. Его поэтому просто и называли полудомик, оборудован этот полудомик был раньше других зданий и в нем помещались плотники строившие станцию.

С обеих сторон станции уже была построена земляная насыпь, которая уходила в даль, но на самой станции по сооружению насыпи никакие земляные работы еще не производились. Требовалась хотя не высокая, но широкая для трех разъездных путей примерно тридцатидесяти саженная насыпь.

Этот вопрос неизменно по существу никакого отношения к нам, все же не пропал мимо нашего разговора, а потом уже и в натуре коснулся нас.

Как то в начале июня месяца придя с работы за общим столом ужина отец сказал;

- Еще одна непредвиденная новость. Поступило сегодня распоряжение на имя начальника строительного участка, немедленно освободить занимаемый плотниками полудомик для прибывающих рабочих особой категории. Которые прибдут к нам дня через два. Когда мы начали выяснять, что это за особая категория, оказалось, что гонят этапом из Хабаровска партию арестантов, которых используют по сооружению насыпи на станции. Вот для них и освобождается полудомик. Сегодня уже прибыло человек десять из их партии для подготовки лагеря и постройки какого то заслона или заграждения вокруг полудомика. В партии их говорят человек семьдесят.

- Выходит гонят арестантов и к нам. - Сказал Александр. - Об этой партии каторжан я уже слыхал. В прошлое воскресенье, когда приезжали эти ханжи племянники Пискунова, они рассказы-

вели, что из Сахалина через Николаевск по Амуру доставили в баржах в Хабаровск пятьсот или тысячу пятьсот колодников, как они их называли, якобы для самых тяжелых работ на амурском мосту. Их дядя почитался человек пятьдесят заподучить, ведь дарован рабочая сила, но ничего не мыло, охрана стоит дорожке вольнонаемных рабочих. А он хотел на шаряк. В теперя вот гонят уже их к нам.

- Не только к нам, и на станцию Ин гонят их человек полтора-два. Да видимо растолкают их и по другим станциям.

- Ну чтож, не плохие у нас будут соседи. Поживем, подружим и что нибудь полезное узнаем и для себя.

- Вот, вот. Так тебя в обнимку там и прикут. Пожалуйста уважаемый Александр Васильевич, проходите, садитесь, за кружкой чайку и поговорим. Да сообразив ли ты глупая голова, что говоришь? Это же каторга, строжайший режим. К ним и воробья на сто саженей не допустят, а он знакомство, разговоры. Ты еще со скрипкой и с концертом со своими артистами к ним сходи так сказать для просвещения. А какое там просвещение ты и сам знаешь, кандалы, розги, а то и пули.

- Да все это понятно папа, кому-кому, а мне тем более, но жить то будем соседями. От полудоника до нашего дома сто пятьдесят саженей, а до Слинько дорога и того ближе.

- Значит новости не только на словах узнаем, а вочию увидим и концертов от них просвещения послушаем. Не приведи господи таких соседей.

И действительно на третий день нашего разговора, первым утренним поездом, вместо обычных брезен, на двух железнодорожных платформах прибыли от Тунгусской пристани на одной платформе штук пятьдесят обыкновенных одноколесных тачек и с сотню железных с черенками лопат, а на второй, полная платформа толстых длинных досок. Вторым рейсом, примерно в полдень, прибыли две крытых теплушки из которых выгрузили человек семьдесят или

восемьдесят арестантов и человек пятнадцать охранников. Все арестанты были в одинаковых брезентовых брнях и в таких же брезентовых рубашках. На головах у некоторых были надеты какие-то плосковерхие колпаки. Примерно половина из них были закованы в кандалы.

Прибывшими за два дня вперед свободно ходившими без охраны, арестантами, видимо отбывшими или заканчивавшими срок каторги уже был оборудован вокруг полудомника заслон, расчищен вокруг саженей на пятьдесят кустарник и построены на всех четырех углах немаленькие открытые вышки на которых стояла охрана. Вся расчищенная территория от вышки до вышки была опутана всего в три провода колючей проволокой. Этот лагерь усиленно охранялся вооруженной охраной день и ночь.

Выстроены у вагонов в колонку, окруженную охраной погна-ли в этот подготовленный лагерь. В лагере уже пылало несколько костров на которых в подвешенных закопленных котлах готовилась арестантская баландка от которой неприятный запах разносился по всей округности.

Был праздничный день воскресенье, народ отдыхал и приводил себя в порядок после недельного труда, но услышав гортанные выкрики команды и кандалный звон, многие собрались взглянуть на новое явление. Звук и со стороны станции, и со стороны деревни собралось в три раза больше арестантов и не зная правил и тюремных порядков, некоторые лезли прямо в колонку чтобы пощупать руками цепи и убедиться в самом ли деле человек закован в эти цепи. Многие сердобольные женщины успели привнести куски хлеба или другие съедобные продукты и вскакивая в колонку вручить первому попавшемуся.

Много стоило охране труда отстранить любопытных и только с подоспевшим Притулой, которого уже все знали удалось навести порядок. Когда порядок был установлен, начальник охраны вышел вперед и обращаясь к отстраненной толпе, громко провозгласил,

что ближе тридцати саженей к огражденному проволокой лагеря подходить запрещается и, что после третьего окрика последует роковой выстрел. Потом обращаясь к Притуле заявил, что за каждый роковой выстрел со стороны охраны будет отвечать он, поэтому наведите порядок и зорко следите за своей частью.

Понятно, что после таких предупреждений у многих отпало желание созерцать подобное зрелище.

Весь остаток дня в лагере каторжан, несмотря на воскресенье или усиленная работа, устанавливали какие то нары, палатки, строили крытый навес под которым сооружалась большая печь с вставками в нее чугунными котлами.

Несколько слов о самом полудомике, который долгое время оставался самой большой памятью в жизни жителей Волочаевки своими разнообразными жильцами в последующие годы.

Первыми его жителями как уже было сказано были рабоче-плотники, строившие все здания на станции, потом его заняла колония арестантов-каторжан сооружавших трехколейную насыпь против станции. После в нем жили семьи станционных служащих. В дни оккупации Дальнего Востока интервентами его в конце 1918 года заняли американские войска, которые пробыли в Волочаевке не долгое время. После них в конце 1919 и начале 1920 года полудомик заняли японские интервенты. Потом в начале 1922 года в дни Волочаевских боев в нем помещалась какая-то белогвардейская воинская часть. После волочаевских боев его заполняли подобранными трупами погибших в бою народоармейцев и партизан, которые находились в полудомике в замерзшем виде до захоронения их в братской могиле на Волочаевской сопке. Последнее время в нем помещался местный комитет железнодорожных рабочих и служащих.

Таковы были жильцы тех времен этого полудомика.

На следующий день по прибытии каторжанников в Волочаевку, ранним утром когда мы еще собирались уходить на работу, колонну

арестантов человек двадцатипять расположили против нашего и Сливного дворов за насыпь, насыпанной экскаватором. Это примерно в двадцати саженей от временки и в тридцати от наших домов.

Первым делом они проложили прямо по земле чуть подрашывая в одну доску саженей на сто с лишним в сторону станции из досок прокат. А потом начался их изнурительный труд. Человек десять из них были с лопатами, а остальные человек пятнадцать с тачками. У некоторых были тачки прикованы цепью к руке арестанта. Двое лопатами быстро заполняли большую тачку землей, работавший на тачке бегом катил ее по доскам до конца, там перевернув тачку вверх колесом и освободив ее от земли так же бегом возвращался обратно за новым грузом. И так без остановки и передышки до команды на обед и минут через тридцать-сорок таким же образом до захода солнца.

Одежи они были в брезентовые штаны, до пояса были нагие, на ногах были Китайские ульи или что-то наподобие этого. Некоторым копавшим землю были босые. Вооруженная охрана была расставлена около копающих земель и вдоль проложенных досок для тачек. Помимо охраны новелы везде и зорко следили за работой всех, особые надзиратели, по всей вероятности из своих же арестантов с обыкновенными длинными кнутами в руках которые молча подсакивали то к одному, то к другому и также молча хлестали зазевавшегося или на лишнюю секунду остановившегося по их пониманию "неродивших" а в действительности замученных и обессиленных.

Страшно было смотреть на этот злодейский порядок организации труда. Ничего там человеческого не было. Да и людей по их понятию среди них не было, а был безропотный, безмолвный, выдрессированный и забитый рабочий скот.

Такая работа была организована на территории станции сразу в трех местах, с обеих сторон от предполагаемых станционных стрелок и в центре, против здания вокзала.

Насилье в армии высоты, десять саженной ширины и тридцатидесят саженной длины таким адским трудом была насыпана этими семидесятью каторжниками примерно в течении одного месяца. Этого покаду и нельзя было сделать за такое время и экскаватором.

Наступил вечер, арестантов позванивая цепями угнали в ограду лагеря. И вдруг установившаяся тишину нарушил в лагере протяжный, злобедный, раздражающий душу не то стон человека, не то вой волка. Через время этот кричащий стон начал уменьшаться и наконец совсем заглох. Но тут же через пять-десять минут раздался второй более куткий вопль человека, который сразу же притих и из дикого вопля превратился в протяжный приглушенный стон. И так разноголосое продолжалось минут тридцать.

Некоторые из любопытных бросались к лагерю, но им путь преградили вездесудный страж Притула.

Этот куткий человеческий вопль слышался каждый вечер и было установлено, что это учинялась экзекуция, — порка арестантов за "нерадивую" работу, зернее за невыполненные сверхчеловеческие задания установленных работ.

Этот метод "воспитания" проводился следующим образом: кусок толстого бревна в одну сажень длины ложился концами на две скамейки, на него ложили вверх спиной обнаженную жертву, сдвигали под бревном руки и ноги и начинали пороть назначенное число ударов розгами. Розги заготавливались из тонких гибких прутьев или в изобилии растущей на всей Тунгусской волости. Путья предварительно распаривали в кипятке, после чего розги становились гибкими, хлесткими и не ломались до десятков ударов. Порку производил палач из своих же арестантов.

В первый же вечер когда раздался злобедный вопль и стон доходявший до нашего двора, сидя за ужином, отец обращаясь к Александру сказал:

— Ну что сын, может быть сходишь, познакомишься и за стаканом чая побеседуешь? Только иди без своего концерта, слышишь какой у них свой.

- Да напa, ты прав. Туда с нашими концертами не сунешься. Вот она на лицо, во всей красе, забитая, захлестанная, замученная наша Россиянка. Правда, среди этих каторжников возможно есть и опасные для общества люди к примеру убийцы, насильники, грабители, вори и другой подобный им элемент, которых действительно нужно держать в изоляции, а некоторых более опасных и закованных в цепи, но мы знаем, что среди этих несчастных тысячи, десятки тысяч вот так же томится и страдают передовых людей, людей просвещения, людей разума и вся их вина заключается в том, что они встали против вот такого тиранства и насилия и желают народу добра, свободы, равенства, братства и других человеческих благ. Потом, кто бы они по убеждению или по содеянному преступлению не были, но они все же люди и доброе, человеческое к ним отношение в сто раз лучше воздействует на их совесть и поступки чем дурное.

Возьмем к примеру лошадь. Ленивую или обессиленную ее подгоняют и хлещут во время ее работы, но уже дома ее не истязают, а кормят, поят, даже чистят и дают отдохнуть чтобы завтра она была бодрой и лучше работала, а что делают с человеком: загонят и забывают на непосильной работе, потом дома вместо отдыха для восстановления сил, зверские истязания, садизм, порка и другие надругательства и издевательства, а вместо пищи для подкрепления организма, - голодный паек и карцер. Какой же после всего этого будет из него работник? И чего можно от него ожидать. Так и забывают, так и замучают.

- Правильно ты рассуждаешь сын, очень правильно. Все построено так так чтобы придавить, задуть волю, дух и разум человека, да и не только это здесь, а при нашем теперешнем строе так везде и всюду. Но с другой стороны, попробуй дай этим арестантам волю, ослабь чуть дисциплину, да они разнесут всех и все. Ведь среди них немало опасных уголовников. Нет, дисциплина среди преступников необходима и достаточно строгая, но повятно не такая бесчеловечная и дикая, какая у нас существует в России. Потом поймите, за такие разговоры, какие мы сейчас ведем, тоже надевают кандалы и запирают в арестантские лагеря, поэтому прократин

об этом и в дальнейшем я категорически запрещаю заводить разговоры на эту тему.

— Понятно, в этом вопросе нужно быть осторожным и осторожным, но как промолчишь когда слышишь вот здесь за столом и звон кандалы и вопль и стон человеческий. Завтра же разучишь, только строго для себя одну из песен про этот звон кандалы, а сейчас я попробую вспомнить хотя отдельные слова из стихотворения которое я слышал про Россиньку еще будучи в гимназии. Вот только забыл его и начало, и середину, и конец, но начну так:

Бариня, судариня матушка Россинька,

Что сидишь не весело, голову повесила...

Ох отстань родимельский, отвяжись немилушка,

Без тебя тошнохонько, без тебя больнохонько.

Дело дрянз Россинька, дело дрянз Федорушка

Надо бы красавица нам с тобой поправиться.

Поправляюсь роденький, действую неповоруха

Умножая армию, завожу завариню.

И дальше:

Ну зачем же матушка так ты унижаешься?

Вспомнишь родителей, в морду бы хулителей.

Я и обижаясь, плачет — утираюсь

И прошу прощенье за свое смирение.

Впрочем я все позабыл и перепутал, но что то на подобие этого. Это большое стихотворение, только я его не так и не полностью рассказал, появилось как только была проиграна война с Японией и России с позором пришлось отдать победительнице половину Сахалина, Порт-Артур и все гряды Курильских островов.

Вечером на следующий день Александр действительно принес рукопись песни, которую он, Владимир и я, сразу же начали разучать. Мотив он знал и дополнительно исполнял на скрипке:

Спускается солнце за степи

Вдали золотиться ковыль

Колодкинов звонкие цепи

Взмывают дорожную пыль.

Динь бон, динь бон, слышу звон кандалный
Динь бон, динь бон, путь Сибирский дальний
Динь бон, динь бон, слышу там идут
Нашего товарища на каторгу везут.

Идут они с бритыми лбами
Шагают вперед тяжело
Уныло колени сгибая
На сердце раздумье легло

Динь бон, динь бон

Когда мы оканчательно разучили эту песню, мы ее спели в закрытом зале нашего дома отцу. Он внимательно выслушал, интереснейшие глаза и строго предупредил, чтобы эта песня осталась только среди нас иначе неминуемо и там звенеть кандалами.

Пробыл лагерь каторжан в Волочаевке около месяца. За это короткое время этим адским, каторжным трудом, была полностью сооружена широкая и длинная станционная насыпь. Угнали их из Волочаевки ночью тихо, никто не видел и не слышал куда они девались. Да никто и не интересовался — когда и куда, но все с облегчением вздохнули, а некоторые в добавок с грустью и тяжелым осадком на сердце.

Нам на память они оставили против нашего двора сразу за железнодорожной линией большой и глубокий резерв выбранной арстантами земли на станционную насыпь. Впоследствии он наполнился водой и голосистые лягушки устраивали нам с утра до вечера свои надоедливые концерты.

19. Давай зайдем!

В ту же весну 1912 года уже известный нам татарин, грузин или турок, кто его разберет какой он национальности, все же построил у поворота с временки к сопке свой барак и открыл в нем харчевню, вернее питьевое заведение. Само здание барака было срублено из осиновых бревен неоскученных от коры и скоженное в пазах на мох. Имела три небольших окна и одну дверь, ни с наружи, ни внутри не было обштукатурено, а поэтому выглядело пугающим, неудобным, скорее походило на утепленную конюшню. Внутри вместо деревянного пола, было привезено из под сенокоса несколько возов грунта и тщательно урамбовано. Третья часть внутреннего помещения была отгорожена досками, где с одной стороны была сложена кухонная плита, на которой готовилась пища, в другой стороне был установлен прилавок, за которым на приделанных полочках стояла в бутылках и в горшках водка и размещены другие снадобья. Все это навывалось буфетом и кухней. В передней большей половине стояло два длинных стола, за которыми вмещалось человек тридцать посетителей. Столы и около столов скамейки были вкопаны в пол и были недвижны. Имелось несколько и передвижных буфетов. На столах никаких скатертей и клеенок не было, голые, грязные доски. Снаружи над дверью было прибита выстроганная широкая доска, на которой какой то грязной краской или просто дегтем было крупно написано "Давай зайдем".

Обыкновенно до открытия своего предприятия пиву готовил сам хозяин, но у него были и помощники, - молодой лет двадцатипяти бойкий паренек и лет тринадцати шустрый парнишка. Говорили они между собой на своем языке, значит были одной национальности, а возможно и родственники.

В этом своем "ресторане" они и жили.

В часы открытия и торговли этого заведения, хозяин вообще находился за прилавком отпуская посетителям содержимое буфета, - водку, хану, консервы, вяленую рыбу, селедку, хлеб и изделия кухни. На кухне орудовали его помощники.

Иногда его старший помощник на катере "Вольный", который два раза в неделю делал рейсы Хабаровск-Волочаевская пристань, ездил в Хабаровск за продуктами и на "Вольном" же привозил сельдь в боченках, мясные и рыбные консервы, конфеты, крупу, иногда копченую колбасу и другие продукты. Вяленую и бочковую кету, а иногда и чуть протухшую кетовую икру он доставал у Балаганского, свежей рыбой снабжал его Григорий Павлович Кошель. Спиртом и китайской ханой/ханкиной/ снабжали его Нижне-спасские спиртоносы, приносявшие это селю из заграницы. Ханя или ханкина - это крепкая и страшно вонючая китайская водка. Она сутки, двое, а то и больше дурманит человека. Напившийся ее сегодня до опьянения, если завтра выпьет стакан воды, становится обратно мертвецки пьяным. У некоторых слабых организмов тоже повторяется и на третий день, правда, в легкой форме. Но от ханы и спирта отпускаемых покупателям этим пройдохой татаринам, такого чуда не получалось, он и ханку и спирт бессовестно разводил водой, а для крепости настаивал стручковым перцем. Подвыпившие клиенты мало в этом разбирались, и все это ему сходило с рук до одного рокового дня, когда пьяной толпой, организованной и науськаной царьбабой был разнесен в пух и прах весь этот притон. Этим царьбаба избавлялась от одного конкурента. Но об этом после, а пока притон действует и процветает.

Пища готовилась, в основном, из скотских внутренностей, - жареная печенка, легкие, трибуха, которыми обеспечивал его по дешевке мясник Сорокин. Гарниров служила пшенная или гречневая каша - размазня. Иногда подавалась отварная свежая рыба, а в большинстве сельдь и вяленая рыба - юколо. Готовилось и национальное блюдо "кованый гусь", т.е. отварная или жареная конина.

Бурно шла торговля этого заведения по вечерам и до самой ночи. Постоянными завсегдатаями его были - ни артельные рабочие, ни служащие участковой конторы, ни наши деревенские, а где то обитавшая, шныряющая, что то делающая босаячня и разного рода проходимцы, живущие сегодняшним днем, что заработал, украл или достал что-либо другим способом, то и пропил.

Были и постоянные прихлебатели, вечно сновавшие между столов в надежде на подачку рюмочки.

Но основными не просто завсегдатаями, а какой то главенствующей руководящей верхушкой была довольно опасная "троица", - это забойщик скота Сорокин, за свою специальность получивший кличку "резник". Второй интеллигентного вида красивый лет сорока человек, которого все звали просто Август. Как его настоящая фамилия, никто не знал, да и не интересовался знать. Работал он каким то техником какого то об"екта. - Третьим, примазавшимся к ним был наш волочаевский житель Иван Володьков. Это парень лет двадцатитрех, за кривые его ноги получивший прозвище "Иван шаберда". Жили Володьковы троим - мать старушка, Иван шаберда и младший лет четырнадцати брат, кажется Федор. Когда они поселились в Волочаевке, трудно сказать, но домик их был не вдоль, ^{по}временки, чуть наискось продовольственного магазина и хлебопекарни.

Эта "троица" Сорокин, Август и Шаберда действительно была грозой не только среди шпаны в притоне татарина, где без их ведома не начиналась очередная попойка, но их побаивались и сторонились все жители и строители Волочаевки. Это были настоящие разбойники постоянно ходившие с ножами за поясом. Самый свирепый, нелюдимый и задиристый был Сорокин. Помимо пьянства и драк, он был большой специалист своего дела. Самого большого и свирепого быка он укрощал и забивал в одно мгновение ударяя ножом чуть позади рог животного. Разделял он тушу классически быстро. Ощупав тщательно еще живую очередную жертву, он предугадывал точный вес будущего мяса и редко ошибался на фунт-полтора.

Август был специалист / как он сам говорил / по техническим вычислениям, нормативам и планированию каких - то об"ектов, или что то вроде этого, а Иван-Шаберда - это вечно пьяненький, достаточно глупый и бездарный человек. Чем он занимался, что делал, никто этого не знал, да он видимо и делать ничего не умел кроме хулиганства и пьянства.

Иной раз соберет нас подростки, усадит где-либо в кустах на травку вокруг себя и даст каждому потрогать пальцем острей его ножа.

Открытие подобных как у татарина заведений в некоторой степени отражалось на нормальной жизни в Волочаевке,

разлагало неустойчивых рабочих, чем пагубно влияло на нормальный ход работ постройки железной дороги. Протест волочаевского общества и их требование закрыть вредное заведение, не имело от властей положительного успеха на тех основаниях, что частное предпринимательство неприкосновенно, а затем вместо закрытия этого притона, вызвали в Хабаровск Макара Семеновича Волочаева и предложили ему лично открыть в Волочаевке царскую монополю, т.е. государственный кабак, и все это якобы в борьбе с контрабандой, китайским спиртом и ханой. Все это, понятно, исходило и делалось руками Хабаровского спиртозаводчика Пьянкова в его личной наживе, хотя царская монополия была на водку особо.

С открытием "монополии" в Волочаевке пьянство среди неустойчивых рабочих удвоилось. Это было вызвано тем, что заработки были хотя и мизерными, но большими, а водка очень дешевая. Потом в заведении к царьбабе и татарину не все ходили, да и водка была у них на половину разведенной / ханата, как ее тогда называли /, а в монополии без фальша чистая и крепость 40°. В дополнение, водка имела очень удобную расфасовку - пятибутылочная бутылка или четверть, так как она составляла одну четвертную часть ведра, затем бутылка, полбутылки и четвертушка, она же косушка, она же и мерзавчик - выбирай любую. Подзадоривало и то, что в монополии висело аккуратно отпечатанное объявление гласящее о том, что хозяева монополии, а хозяевами являлся царский дом Романовых, желая кого то осчастливить в тысячном или стотысячном "мерзавчике" на бумажке под пробкой ставили печать изображающую государственный герб с двухглавым орлом и если мол этот счастливчик купил "мерзавчик" и в нем оказался этот двухглавый, ему по пред"явлению тут же в монополии обязаны выплатить наличными двадцать пять рублей. Понятно никто и никогда этого "орла" не обнаруживал, но в Волочаевке прошел упорный слух, что будто бы в Покровке у одного рабочего купившего "мерзавчик" с водкой действительно, на пергаментной бумаге под пробочкой стояла печать с двухглавым орлом и ему тут же в монополии по пред"явлению этой бумажки выплатили двадцать пять рублей. В свою очередь в Покровке прошел слух, что якобы в Волочаевке кому то выпало такое счастье.

Такой слухок, со смыслом, что "где-то у других, прошел и на строительстве моста и на станции Ин, и видимо везде, где были открыты эти кабаки - монополии. Ничего подобного и нигде этого не было, а этот злобный слух просто распространялся агентами козьяв. Бери, покупай побольше, пьянсевай, авось и тебе выпадет счастье с двухглазым орлом.

Чего же тогда можно было ждать от этого неприкосновенного чистячка парлатана татарина, когда царский дом Романовых сам порождал пьянство с распространением слухов о гербе и счастье, опутывал, обманывал и спавлял своих верноподанных, развращал неграмотный, одураченный народ, пользуясь в своих корыстных целях его темнотой и доверчивостью. Но вот об открытии школ в Тунгусской волости ни царский дом Романовых, ни местные областные власти даже и не помышляли. Да это было не только у нас, а везде и всюду в бездарной царской самодержавной России.

Но народ несмотря на террор, тюрьмы, каторги и другие репрессии и притеснения - просыпался. Такие как Филиппов, Александр Проценко и многие другие все активней просачивались в гущу рабочих, в массы крестьян открывая им глаза и отрезвляюще действуя на их классовое сознание.

Если коснуться отдельных вопросов Дальнего Востока, то можно с уверенностью сказать, что народ здесь значительно отличался в своем развитии от народов / в особенности крестьян / центральных губерний России. Здесь и в городах и в старых селах и на золотых приисках, имелась большая прослойка бывших ссыльных, высланных в разное время царским правительством на Дальний Восток и отбывших каторгу на Сахалине, потом осевших здесь на постоянное жительство.

Ссылались подальше от центра на "дикие" необжитые окраины России, в основном за политические убеждения. В своем подавляющем большинстве - это был передовой и политически грамотный авангард народа.

Понимо ссыльных, тысячи, десятки тысяч умнейших людей отбывали каторгу в глухих местах Сибири, Забайкалья, Сахалине, также за политические убеждения и революционные действия. В основном Сахалин пополнился заключенными после революции 1905 года.

Из таких бывших осмыльных и отбывших каторгу имелись и в старых селах нашей Тунгусской волости, к примеру - в Николаевке Николай Наволочкин и Иван Карлович Кербергер, в Владимировке в Даниловке Михаил Петрович Голубев, или взять нашего Ларионушку и других им подобных. Эти люди своим отношением к труду, добропорядочностью к человеку, уважением и помощью другим, имели большое уважение к себе со стороны односельчан и значительно влияли не только на сознание одного человека, отдельной личности, но и в целом на все общество своего поселения.

Прибывали после 1905 года и переселенцы, из которых выделялись уже побывавшие в руках царских опричников такие личности, как из Волочаевки Александр Проценко, из Архангеловки Иван Шевчук и другие. Влияло на развитие и сознание Дальневосточников и то обстоятельство, что на Дальнем Востоке хотя уже и определялась уже некоторая часть зажиточного кулачества, к примеру наш Балаганский или Акурские стодеятники, но крупных помещиков, закабалявших как в центральной России целые села, эксплуатировавших десятки и сотни батраков, сдававших безземельным крестьянам свою землю впролом, - на Дальнем Востоке не было. Поэтому и народ здешний отличался от российского, хотя он также жил в нищете и отчаянной нужде, не имея куска хлеба насущного, так как разрабатывать мотыгой девственную тайгу было не под силу и дальневосточная земля пока его не кормила, но он был свободным от эксплуатации и вольным в своих действиях. То, что в центральных областях принадлежало только помещикам, князьям и другому привилегированному обществу, на Дальнем Востоке земля, вода, лес, рыба, охота и другие дары тайги, рек и моря были свободны, по существу никому не принадлежавшие. Бери что хочешь и что хочешь, даже иностраннопопдавшие - китайцы и иерейцы свободно приезжали, разрабатывали землю, сеяли мак под опиум, охотились на пушного зверя, занимались рыболовством, собирали жень-шенъ, намывали золото и никто им не запрещал, не притеснял, не приследовал.

В этой действительности нельзя отрицать того, что многие контрачные и вербованные целыми семьями, волостями и уездами на постройку Амурской железной дороги, живших соб-

4е
ственными глазами и познавших амурское приволье и раздолье, наслушавших призывов передовых людей подниматься на борьбу за свое право, быть свободным человеком, - уехали обратно без просветления умов. Они сталкивались по роду работы со строителями Амурского железнодорожного моста, квалифицированными рабочими, прибывшими из крупных промышленных центров, где на заводах существовал организованный пролетариат и профессиональные союзы, многие из которых в 1905 году, в борьбе с царизмом строили баррикады, состоя в нелегальных революционных партиях. Этот квалифицированный партийный пролетариат не сидел сложа руки в политических вопросах, их пропаганда влияла на исход истории, пробуждала других ото сна, открывала глаза на существующую действительность.

В общей сложности, после грозных потрясающих революционных дней 1905 года, задуманный кровавым сталинским террором, народ строивший Амурскую железную дорогу, был уже не тот народ, который десятилетия назад строил первую большую железную дорогу из Москвы в Петербург и которую так красочно описал великий поэт России Некрасов в своем бессмертном произведении "Железная дорога". На постройке Амурской железной дороги, вместо "ковток в головах" имелись среди тех же рабочих просветленные головы, которыенесли народу правду жизни, разъясняли народу пагубность прогнившего насковья царского самодержавного строя, призывая к борьбе за светлое будущее. Кое кто имел кроме брошюр-прокламаций и подлинную ленинскую "Искру". Лучшая часть из контрактанных и других рабочих возвращалась со стройки Амурской железной дороги с ясным понятием что к чему. Не спасла царизм и бойня первой германской войны, наоборот, создала условия неминуемой его гибели. Но не обошлось и без некрасовских вырахений, - "а по бокам то все косточки русские", и на Амурской - это было незначительным и в основном за счет каторжных колоний, но чуть позже косточки русские образовались миллионами разбросанных по полям первой мировой и гражданской войн.

Такова действительность, но вернемся к последнему, ранее к предпоследнему, но самому активному году постройки Амурской железной дороги.

20. 1913 год.

Труд — первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека. — Ф. Энгельс. — Но труд для человека необходим, без труда не может быть и человеческой жизни, ~~потому человек и создает труд~~. Труд украшает человека и создает богатства и могущество своей отчизны.

В наше время и в наших условиях, великий транс-сибирский путь увеличил могущество и придал красоту нашего государства. Амурская железная дорога удвоила наше могущество и укрепила Дальний Восток от всех посягательств извне. И, действительно, какая бы судьба^{на} постигла Дальний Восток в грабидскую войну в условиях отсутствия Амурской железной дороги, когда полуколонизальный Китай с нашей КВЖД и тот был в числе четырнадцати старинных организаций Антанты для удупления молодого Советского государства. Была и полная эвакуация Сибири и Дальнего Востока, было и буферное государство, были и десятки белогвардейских правительств, были и ошлые пох-атаманы, но поднявшийся народ, познавший горечь поражения в революции 1905 года, немало черпнувший истины при постройках Амурской железной дороги и Амурского моста, испытывавший всю тяжесть первой мировой войны, организованный величайшим человеком на нашей планете Владимиром Ильичем Лениным на защиту своей Родины, — разгромил всю организованную Антантой интервенцию и внутреннюю контрреволюцию белогвардейцев, вышвырнув их за пределы наших границ и на Тихом океане закончил свой поход.

Но это забегая вперед, а пока еще идет постройка Амурской железной дороги.

За лето 1912 года была проделана колоссальная работа, сооружена вчерне земляная насыпь на всей магистрали дороги, построены небольшие деревянные мосты через заболоченные места, забиты сваи для мостов через некоторые заболоченные речушки. Сплавлен по Тунгуске и выкатан на берег волочанской пристани заготовленный зимой лес и не только одна лесовозовница, как в прошлом году для строительства станционных зданий и мостов, нынче было много заготовлено и сплавлено

кедрового леса для распиловки его на шпалы и другой пиломатериал. Лиственный лес все лето вывозили по железнодорожной ветке в Волочаевку, из которого строили станционные здания и мосты. Для мостов в обе стороны Волочаевки пока развозили лес на лошадях.

Кроме леса много в Волочаевку было вывезено с пристани рельс, накладок, костылей и другого оборудования для железнодорожного пути. Осенью из Хабаровска по Тунгуске был доставлен паровой локомотив и лесопильный стан для распиловки лесоматериалов и шпал. Там же на пристани рядом со штабелями выкатаного леса был построен временный крытый навес, под которым была оборудована лесопилка и заготовка шпал из кедрового леса началась успешно. С наступлением холодов крытый навес обшили досками, вернее горбылями и работа по заготовке шпал проводилась всю следующую зиму. Шпалы на платформах сразу же вывозились на станцию Волочаевку.

Заготовкой леса и его сплавом по реке Тунгуске занимались местные жители деревень Никольки, Даниловки, Архангеловки, Восторговки и других.

Наступала весна 1913 года. Приостановленные земляные работы в зимнее время, возобновились по всей магистрали. Началось выравнивание насыпи и укладка по ней шпал. Основательно достраивались и укреплялись железными скобами сложенные весной вокруг строящихся мостов через болотные речушки обводные со шпал мосты. Эти обводные временные мосты действительно требовали большое количество дополнительных шпал и длинных брусев. Следом началась укладка на шпалы и обводные мосты рельс, подвозимых со станций на вагонетах, а кое где и на платформах паровозами. В общем строился сплошной рельсовый путь.

Еще прошлым летом водным путем во время наводнения были доставлены во все удобные пункты строящейся магистрали рельсы и другое оборудование. На такие станции как Бурей, Бира, Тохомская, Ии и другие были доставлены ^{вагоны, платформы} так же как и на Волочаевку небольшие паровозы и платформы. Шпалы и строительный лес заготавливался на месте за исключением Покровки и частично Ии, это ускорило строительство станций, мостов и на всем протяжении строительство железной дороги.

Рельсовый путь от Покровской пристани до Волочаевки в конце июля сомкнулся где то в районе Дежневки. Ожидался сквоз-

ной проход паровоза с вагонами. Прокладка пути в сторону Ина затянулась и только глубокой осенью сомкнулась в районе Ольгохта. Такими одновременными работами на всей магистрали, железнодорожный путь в 1913 году был проложен до Биры, по всей Амурской и Забайкальской областях и сомкнулся с Великим транссибирским путем на станции Кузига. Задерживали сквозной проход поездов по Амурской железной дороге большие реки - Амур, Бира, Бурей и другие, через которые строились железнодорожные мосты. Правда, зимой прокладывался путь через эти реки по льду, но это способствовало ускорению только строительству железной дороги.

Все же как бы не был проложен сквозной рельсовый путь по всей строящейся магистрали, но он был проложен, как об этом было сказано выше, только вчерне и без требующейся отделки. Шпалы были уложены неполностью, а через одну, рельсы крепились на два и редко на четыре болта вместо шести, все шпалы были уложены на местный грунт насыпи, а требовалось уложить весь путь на баласт или щебень. Мосты через небольшие болотные речушки были обводные сложенные из шпал и брусьев, не полностью еще были построены станции, депо, водокачни, не было еще жилых казарм для будущих ремонтных рабочих, а их нужно строить через пять-семь верст на всей строящейся железной дороге. На скорую руку был проведен от станции к станции и телеграфный путь.

Для полной постройки железной дороги и сдачи ее в эксплуатацию требовалось еще два, а то и три года, но пришлось поработать, как говорится, общими силами и в мирное время только еще один год, за который было сделано очень много, а главное построены взамен обводных, деревянные на сваях мосты почти на всем железнодорожном пути. Но грянула первая империалистическая война, все сомкнулось, все смешалось. За первые два года 1914 года и 1915 года все способные носить оружие мужчины в возрасте от восемнадцати до сорока пяти лет были мобилизованы и отправлены уже по Амурской железной дороге на кровавую никому непонятную войну. Погибли реки невинной кровью, а еще больше полилось слез и горя народного. Обезлюдилась мужинами Россия, да не только Россия, а вся Европа. Городов это не так коснулось, а в деревнях и селах остались только немощные старики и женщины и дети. Мобилизации подвергались не только люди, но и здоровые лошади, исправная сбруя и телеги. Но какая несправедливость за взятого отца семьи, или сы-

на, семье не выплачивали ни гроша и не назначали никакого пособия, человек ничего не стоил, наоборот за взятие лошадей, сбрую и телегу выплачивали примерно государственную стоимость. Правда, человек в наш двадцатый век уже не покупался и не продавался, он обязан был идти защищать свою веру, своего царя и свое отечество.

Постепенно опустела и Волочаевка, постепенно сокращались работы и на постройке железной дороги наконец и совсем прекратились. Все рабочие, весь прикормленный народ во всеми проходимцами, прихвостнями и прихлебателями или был мобилизован или вообще раз^еехался.

В дальнейшем кое-какая поддержка и мало-мальский ремонт железнодорожного пути производился местными жителями, стариками и женщинами-солдатками. Потом уже после летом 1916 года на Дальний Восток пригнали много военнопленных, - австрийцев, венгров и мадьяр, но почему то в опустевшую Волочаевку пригнали для ремонта железной дороги завод пленных турок. Работники из них плохие, ленивые. Одна наша женщина-солдатка без преувеличения срабатывала больше двоих-троих турков, да и руководили ими или старенький дед или подросток, из которых они мало признавали, ничуть не боялись и без конца сидели раскуривали свои трубки. Пробовали поставить к ним в руководители по работе солдатку, но и с этого ничего не получилось, они больше балагурили, чем работали. Охрана не вмешивалась в работу, заявляя: " что сработают, тем и сыты будуш. Сама и охрана была из стариков-ополченцев. Пробыли в Волочаевке они не долго, так ничего хорошего и не сделали, потом их куда то угнали.

Это немного забегаю вперед, а пока идет самый интенсивный в строительстве железной дороги и расцвете Волочаевки 1913 год.

21. Парубки гуляют.

Это тема сугубо местная, деревенская, но везде обязательная в биту русской молодежи, но вот как ее описать и сам незнаю. Она редко обходится без драк и потасовок на почве ревности, бахвальства и хвастовства.

Начну пока не с парубков, а с самой Волочаевки, ее роста, жизни и процветания.

Волочаевка богата, расцвела, росла и расширилась вдоль по времени и в сторону озера, чуть не окружая домами весь солку. Появились дома и вокруг строящейся станции и за железной дорогой против нашего и Слишковского дворов.

Волочаевцы не успевали созывать сходки для выделения участков вновь прибывающим переселенцам, потом махнули на все это руками, — поселись мол сам где хочешь. Все это было вызвано тем, что приезжали не плановые переселенцы через переселенческое управление, а отдельные семьи, приехавшие на заработки и просят приписать их в жители Волочаевки. Таким поселенцам не полагалась переселенческая ajuda.

Старожилы преобразились, такие и примеру как Волочаевы, Кошель, Слишко, Проценю, Фролов, Артеменю, Новиченко, Чернышев и другие обросли со своих домов тесовую конишную и соломенную крыши и покрыли их оцинкованным волнистым (гофрированным) железом. Вместо заборов в два-три яерды, появились заборы с лицевой стороны из досок и вместо перелазов с хорошими калитками и воротами.

Перед домами разрослись красивыми деревьями дикие яблони и черемуха. Кое кто развел небольшие сады слив, крыжовника и смородины. Народ приоделся. Зимой все были в озимых полушубках, в валенках, кто в обыкновенных черных, а кто и форсая в цветисто крашенных. Крашенным не было изюса, по два-три года ходили пока разносят, растопчут. Шапки узанки в то время в

большенство продавались из меха кентуру. Молодежь зимой щеголяла в бобринковых пиджаках-полу пальто. Летом в сапогах или штиблетах и обязательно в налозах.

Костимов почти никто не носил, ходили в штанах и рубашках косоворотках подвязанных полжонным крученым поясом с кистичами по концам.

Женщины и девушки одевались по разному и бытовало свое национальное, а в Волочаевке были и из Кубани, Украины, Белорусии и других российских областей. Но из всех национальностей девушки носили косы с вплетенными в них лентами и разноцветные головные платки. Платьев почти не было, носили юбки и кофты. Некоторые модницы, но в Волочаевке их были единицы, носили надетых одна на другую до пяти и больше юбок. Панталоны не носили ни женщины ни девушки, да они и к тому же в то время по деревням и не существовали.

Воскресенья и другие праздники Волочаевцы за исключением Василия Алексеенко ревниво и беспренословно соблюдали. Правда, и Василий ни одного гулябца по воскресеньям и праздникам не пропускал, но наперекор другим старался что нибудь мастерить, а по будням спал от врожденной лени чуть ли не сутками. Праздновали волочаевцы хотя ревниво, но отнюдь не из каких то религиозных убеждений, а просто по заведенному некогда порядку: в праздники работать "грешно". А вот, что под этим "грешно" подразумевалось, почему именно в воскресенье грешно работать - никто толком не знал. Да по существу никто и знать об этом не задумывался. Но если работать действительно грешно, то учинять скандалы, драки и даже убийства, тем более грешное, а это наоборот религией не преследовалось и не возбуждалось.

Одннадц в ясный и жаркий воскресный день собрались волочаевские парубки и девчата около двора Волочаевых. Там на улице у подножия осыки стояло основание будущего дома, - сруб из бревен в четыре-пять венцов. На этом срубе и восседала молодежь

танцуя и водя хороводы на рядом расположенный, хорошо утоптанной и не пыльной площадке. Играл на своей трехрядке Василий Чернышов. Это как уже сообщалось выше, был гордый, заносчивый и злобный парень. Он из себя корчил образованного и интеллигентного человека, на много умнее других, а вся его образованность и чванство заключалось в том, что он умел хорошо играть на трехрядной гармонике, какие то модные польки и никому неизвестные вальсы. Простую битующую в деревнях польку, барыню, гопак и тому подобные он считал некультурными, и играл только после долгих уговоров и просьб девиц и хлопцов и то не долго. Его не любили, даже больше чем не любили, а ненавидели все и девчата и ребята, а только терпели как гармониста.

На этот раз танцуя возле сруба, молодежь особо развеселилась и девчата пристали и Василию чтобы он сыграл "коробочку". (Неразосские коробейники). Эту "коробочку" тоже танцевали на подобные польки, но Василий заерепенился и издавая ответ:

- Вы неостесняны, деревенщина больше нечего и не знаете кроме коробочки гопака и трепака. Не играю я этой дрянью.

Стоявший рядом Павел Волочаев, самый младший из сыновей Макара Семеновича, небольшого роста, но задиристый и хваставший своей силой хотя много уступал в этом своим братьям, подошел вплотную к Василию и взяв за ремень гармонки с усмешкой сказал:

- Ты думал який городський найшовся? Грай коли просять, а то и градо поломаем.

Павел был уже явно подвыпившим, как говорится - на веселе.

Василий ударом по руке оторвал ее от ремня гармонки и с силой оттолкнул Павла толчком в грудь. Падая от сильного толчка Павел налетел на какую то девушку - та сперепугу завопила. Подокочивший Лука с размаха ударил Василия в ухо. Видятевшую из рук Василия гармонию подхватив забежавший перед Василием Федор Кобзев..Василий с прворством кошки выхватил из кармана

кастет и с силой ударил ним Луку по голове. Лука заливаясь кровью, чтобы не упасть схватился за оруб. Илья сзади с левой кветия Василия в висок, тот как сноп повалился наземь.

Находившийся здесь Кузьма "Кобзюк" завопил благим матом: — "Каравул наших сыть". Поднялась суматоха, крик, гам. Всех как ветром здуло с площадки. В это время прибежал отец Василия — Максим Чернышов с железной палкой с увесистым на конце набалдашником и с разгона ударил Илью по голове. От такого удара не выдержал и свалился бы замертво бы, но Илья, этот действительно геркулес не имевший равных себе по силе, только охнув качнулся и ухватился за жердь забора.

Услышав крики и увидев окровавленного брата, выскочил со двора Яков Волочаев. Затрещали заборы, замалькали колья, началось кровопролитное побоище.

Проворный, ловкий, жилистый и звереподобный Максим с таким же ловким и проворным сыном Василием, идущим один с железным ломиком, второй с кистенем успевали отступая отбиваться от почти десятка ребят нанося кровавые удары то одному то другому. По избитые, израненные и залитые кровью они не могли устоять против десятка нападающих еще успешных каждый выломать из забора по увесистой дубине и пустились на утек.

Убежать от таких ловких как Илья и Павел Волочаевы, как Лука Кучиняк и Алексей Конель, не так то было просто, их нагоняли и наносили смертельные удары. Предотвратив возможное убийство откуда то появившийся Притула преградив путь наступающим стреляя вверх из своего болтающего "Смит-Виссона". Во время этой потасовки Павел и его "начальник" задел дубиной по непрякошенному полицейскому черепу.

Пользуясь задержкой наступающих Притулой, Чернышевы успели скрыться у себя во дворе. Другок Василия Чернышева, Федор Кобзев оббежал в первую минуту скандала оставив одного своего закадычного друга против ватаги дерущихся. Его брат Кузьма с криком

"Караул наших бьет" обещал еще раньше Федора. Впоследствии Кузьма уверил всех, что "если бы не гармония, которую Федя спасал, он бы кому-кому, а Илье Волочаеву обязательно бы голову свернул. Этот наш Федина ох какой отчаянный". В действительности этому отчаянному Федине достаточно было бы одного удара Ильи кулаком, чтобы он и дух выпустил.

Конфликт драки закончился тем, что Притула обещал выжить зачинщиков и запрятать их за решетку, а Павлу Волочаеву если буждет установлено, что он не по ошибке, а с намерением поднял руку и покушался на жизнь государственного человека и блюстителя порядка — грозит каторга. Чтобы замить этот скандал, пришлось старику Волочаеву пригласить Притулу к себе, извиниться за ссн-вей и хорошо угостить. А Притула этого и добивался.

Предполагали, что Чернышны в особенности Максим после такой потасовки не выживут, но они оба уже через неделю поди-лись и стали еще злее, ехиднее и противней.

Такие потасовки, отчаянные драки и другие выходы не еди-ничны, да и учинались они не только в Волочаевке, а везде и всюду в других деревнях, селах и станциях не исключая и городов. К примеру взять Хабаровск, где на Украинской Слободке молодежь в драках доходила до убийств. В Благовещевске на Бурхановке учиналось то же самое.

Причин к дракам по существу не было абсолютно никаких, правда, в редких случаях их начинали из-за декушек или как в Волочаевке из-за капризов гармониста, а вообще дрались просто улица на улицу, слободка на слободку от безкультурья, от без-делья или просто руки чешутся, а больше от бахвальства — ни мол сильнее. Да и чего можно было ждать от празднущей молодежи при таком строе, при таких порядках, — ни школ, ни клубов, ни библиотек никаких книг, никаких газет. Если голова ничем не занята, поневоле руки чешутся, а работать в воскресенье и празд-ники грешно. Чем в таких условиях заняться? Сознание, наоборот,

Минка от стыда и обиды глотая слезы, подтянул штаны, схватил увесистый камень и с силой запустил его в голову Павлу. Павел охнул обхватив голову руками и присел на землю. Поднялся крик, шум визг девчат. Пользуясь суматохой Минка бросился на утек. Все это произошло в течение четырех-пяти минут, а когда опомнились, Минки и след простыл.

Учитывая такую ситуацию, мы были успели отойти подальше с опаской поглядывая на стоящее под срубом мазило и квач. Мы еще не были приняты в парубки, а поэтому с нами могли шикнуть любую неприятную штуку.

Павла спасла бурежка, голова в кровь не была разбита, но минка красовалась с хорошее гусиное яйцо.

Позже Лука подошел к нам отозвал в сторону меня и Ивана Тихонова и в порядке приказа сказал:

- Ночью, когда уже никого не будет на улицах и все разойдется по домам, вы возните он то мазило и квач и хорошенько вымакните ворота Даниловичевой Марии.

- Знаешь что Лука, если тебе Маруська не нравится, возни квач и мажь ворота сам, а нас в это дело не впутывай. Мария хорошая девка и нам ничего плохого она не сделала. - Ответил Иван.

- Рано рассуждаешь о хороших девках. Если не будет сделано имейте виду, что тебе Иван и тебе Иленика будет то, что получила сейчас Минка. Это запомните твердо.

- Запомни и ты твердо, что получишь то, что сейчас получил Павел от Минки. Только получишь уже от двоих, значит двойную порцию.

- Ну это посмотрим, живешь ведь рядом, но приказынные выполняйте.

Лука и Иван были двоюродными братьями, поэтому Иван так смело с Лукой и разговаривал.

Все же угроза была действительно неприятной, они бесспорно постараются ее применить если мы не выполним их приказаний. Потом, этим они уже и нас посвящали в парубки, хотя и в хулиганские, но парубки. А как не хотелось обидеть и позорить хорошую девушку Марию и ее хороших, и безобидных родителей. Был бы дома брат Александр, а бы себя обязательно от этого избавил, а возможно и совсем это хулиганское дело было бы отменено, но брата не было дома, он находился где то между Дашкевской и Поноровской со своими мостами.

Положение у нас с Иваном было безвыходным, поручение или приказание нужно было выполнять и учинять эту подлость позорящую честную и порядочную девушку только из-за того, что кому то она не понравилась или показала шизь и ней пристающим.

Далеко за полночь, мы у нас в будке отпили из бутылки в какой то черепок немного дегтя, накрутили на палочку кусок тряпки и крадучись то по улице, то понад заборами подошли к двору Дашкевичих. Ворота у них были из жердей, а калитка из старых не остроганных досок, вот мы и наизули по калитке своим помазком крест на крест в двух местах и так же крадучись пробрались по домам. Я от стыда и переживаний не мог уснуть до утра.

Утром Волочаевка узнала целую историю: у Дашкевича кроме вымазанной дегтем калитки, на соломенной крыше дома торчала в дымовой трубе оглобля отзернутая от лезаших под забором саней с надетым на оглоблю колесом от телеги; у Артемиева сняты с забора целиком ворота и занесены под большой мост на вроминше; чья то телега была затянута на вершину сопки, а чьи то сани красовались на крыше дома-ресторана царьбаби.

Все это хулиганство позорящее и себя и людей называлось со смехом и каким то восхищением: — Парубки "гуляют".

22. Гандиты.

Бытует русская поговорка: "От миру бесятся". Так безобидно и чуть ли не ласково окрестили волочаевский женщины хулиганские проделки молодежи, а мужики ограничились словами: "Вот это по настоящему парубки гуляют".

О том, что замазанные ворота дегтем и сбитые ворота с забора позорят не только невинных девушек, но оскорбляют и позорят их родителей, — никому нет дела. Это в порядке вещей и ему не предавалось большого значения. Оно не подлежало и суду. Да видимо и судебной статьи за подобие хулиганства, не существовало. Никогда подобные случаи не разбирались и на местных сходках. Да в таких случаях и сам пострадавший не пойдет никуда жаловаться. Не пойдет же девушка на сходку с жалобами, что ей хлопцы замазали дегтем ворота, она скорее глотая от обиды и стыда слезы тихо, чтобы никто не видел соскребает, состружет или вымоет и таким же образом незаметно вытаскивает из трубы оглоблю. Парубок тем более не пойдет жаловаться, что ему в ободной драке пробили в двух местах голову, подставляли под глаз синяк или наварили на голове кашку с гусиное яйцо. Он скорее будет бравировать своими ранами, синяками и шишками. Даже избитый и истерзанный старик Максим Чернышев, не заикнулся о жалобе. Ему никто и не посочувствовал, и не вынесо[б]олезнование.

Страх Притула на вопрос, почему он не пресекает хулиганство и не реагирует на подобные кровавые драки — ответил: "Это меня не касается, другое дело если бы убили человека, тут я обязан принять меры к задержанию и аресту убийцы и немедленно вызвать органы следствия. Потом недавно учиненную драку ведь я предотвратил, но подоспел еще минут из десяти, убили бы на смерть когонибудь из Чернышевых, а убийство на моем участке, — это позор для меня, а то и понижение в должности".

Выходит полицейский спасая от смерти не человека попавшего в беду, а свой престиж, свой мундир, свою шкуру.

Как-то в одно из следующих воскресений собралась молодежь на большом мосту на временке. Кое-кто из родителей, памятуя

недавние хулиганские выходки ребят побавлялись отпускать своих дочерей на подобные гулянки, но это еще хуже: "а мол, загорди-лась и не выходит", и волей неволей дочерей отпускали.

Старших из ребят, Илмы, Луки, Марии и других на мосту в ту пору небыло, главенствовал Павло Волочаев. Он любил, чтобы его звали не Павел, а именно Павло, так видите ли — солидней. И, вот в самый разгар гулянья появился на мосту пьяный Сорокин и начал приставать нахально к девочкам и прадираться к хлопцам, потом в ярости схватил из-за голенища сапога нож разогнал всех в разные стороны. Вокруг моста на порядочном расстоянии небыло ни дворов ни заборов и ничего другого, где бы можно было выломать кол или какую либо палку для самообороны, а с голыми руками на нож не бросился и хлопцам с позором пришлось разбежаться, а потом перебраться к срубе около сохи.

На следующее утро прошел слух, что избитого, окровавленного и полуживого Сорокина подобрала Притула с попутными за ними дворцами около глинища. "Собаке собачья смерть", судачили по Волочаевке старики и женщины, но он пока умирать не собирался, — выжил и дней через пятнадцать снова начал со своим помощником забивать для продовольственного склада скот, а по ночам со своими друзьями Августом и Иваном Шнебердой пьянствовать и учинять разного рода оргии у татарина в заведении. Правда, он уже небыл тем здоровым и сильным громилой перед которым трепетали все от мала до велика, а больной, согнувшийся, притихший, но все еще злой с дикими выходками бандит.

Кто его так разделил никто не знал, но знал и сам Сорокин. Из его рассказа явствовало: шел он ночью очень пьяный, а где шел и сам толком не знает, вдруг в темноте кто-то сзади его оглушил, обил с ног и он больше ничего не помнит. Все они друзья "трояки" догадывались, что это работа волочаевских ребят, но кто именно, они не знали.

Сорокин все грозился: — "узнаю сожгу, убью, зарежу". И от

него можно было этого ждать. Это был бандит коварный, востительный и злопамятный.

В последствии было не всем, а некоторым известно, что это его подстерегли и изувечили за позорное бегство с моста: — Павло Волочаев, Алексей Конель, Владимир Сикалов, Владимир Проценко и Василий Спичко.

Все эти побойцы с Чернышевскими, хулиганские выходки с воротами и оглоблями в трубах, увечье резника Сорокина не прошли мимо кружка самостоятельности и на одном из концертов в пекарне все это было подвергнуто критике и мыслили каждый участник этих походов. Крепко были раскритикованы и трио бандитов: Август, Сорокин и Иван — Шкаберда.

Волочаевские парни встретили критику за свои похождения сдержанно и как достойное, но трио бандитов в пьяном угаре восприняли критику злобно и решили отомстить и физически уничтожить главарей кружка Филиппова и Александра Проценко. Пьянствуя у татарина они разыграли на картах кому первому проводить приговор в исполнение. Пьяному до чертиков в глазах Ивану — Шкаберде они легко подтасовали карту исполнителя твердо предупредив, в случае неисполнения, ему самому будет перерезано горло.

Пьяный Шкаберда еле передвигая ноги отправился домой. У него был дробовик "бердана" со скользящим замком. Зарядив патрон тремя крупными картечинами, но по пьянке слабым зарядом пороха, он отправился кустами к пекарне где в это время шла репетиция и сел через дорогу в кустах против окна в ожидании кто подойдет к окну из приговоренных.

Пока он возился, хмель из головы повывохся и струсив он стал отодвигаться от дороги и от окна подальше. В это время подошел и стал спиной к окну Филиппов. Вспомнив о перерезанном горле Шкаберда набрался духу выстрелил.

Филиппов от неожиданности и боли заорал и повалился на
рядом стоявшую скамейку стигнув с себя шилет надетый для
репетиции. В пекарню поднялся крик, шум. Увидев в окне три
пробитых все мужчины выскочили из пекарни и бросились в кусты
по направлению выстрела. Убегая к своему дому Володьков кумел
кустами издавал себя, там его присевшего под кустом у своего
забора и настигли. Отобрав ружье и нож жестоко избили и пере-
дали в руки прибежавшему на выстрел и крик Притулу.

У Филиппова было не опасное ранение, вызванный со станции
железнодорожный фельдшер тут же в пекарню извлек из спины нахо-
дившиеся не глубоко под кожей три картечины и обеззаразил раны.
Репетиция была сорвана, Филиппов по совету фельдшера всего
три дня не выходил на работу, но раны болели недели две.

После случившегося с выстрелом и арестом Ивана Володькова,
его дружки Антуэт и Сорокин видимо боясь, чтобы арестованный и
отправленный в Хабаровск Володьков при допросах не разоблачил
их как соучастников разыгравших на картах убийство с угрозой
в случае не выполнения, самому получить нож в горло, — на время
притихли и прекратили учинять попойки у татарина, выждав
последствий суда над их дружкой.

Как только прошел слух от самого Притулы, что покушавше-
гося на убийство Володькова осудили на шесть лет каторжных
работ, оставшиеся бандиты воспряли и опять начали пьяные оргии
у татарина.

После участвовавших разгулов, пьянства и драк, и наконец
покушения на убийство, — волочанские жители по настоянию руко-
водителей кружка самостоятельности, на очередной сходке приняли
решение, просить власти о закрытии монополии в Волочанске и
ликвидации предприятия "Чай зайдень", а самого татарина с его
помощниками выслать за пределы Волочанска. О царьбебе и ее
предприятии как не шумели, но решили с закрытием повременить,
оттуда исходило меньше пьянства, зато больше "культурного"
разврата. Но не тут то было. Чихали они на решение волочан-

ского общества. Вскоре поступил от Хабаровских высших властей ответ, что царские монополии (кебаки) должны процветать и расширяться, а частные предприятия по существующим законам — неприкосновенны и вообще, подобные решения волочанское общество не вправе выносить на своих сходках, а с самим татарине никаких провинностей не наблюдалось, поэтому нет никаких оснований о его выселении. Такой ответ получили староста Кобзев, такое же предписание получили по своей инстанции и полицейский Притула.

Было ясно, что царские власти и их местные подручные ради личной наживы, разъединения народа, создания вражды между национальностями, — насаждали и поощряли пьянство, разврат и бандитизм. Но народ с этим не был согласен и возмущаясь на закон неприкосновенности частного предпринимательства, сам навел некоторый порядок в отношении ликвидации преступного предприятия "Авай зайдем". Правда, это произошло только после рокового убийства человека.

Убийство это совершилось следующим образом: После угона из Волочанских колоний каторжан. Сработавшую ими насилие против станции дополняли, выравнивали и приводили в надлежащий вид артель рабочих землекопов. Их было человек пятьдесят. Откуда они прибыли и были ли они контрачные из одного села или волости, — неизвестно, но они отличались от других артелей своей разнородностью. Были они врозь человек по пять-шесть по крестьянским дворам, сараям и чердакам. Так они не артельно, а врозь и питались. Некоторые из них по праздникам заглядывали к татарину в заведение, а в дни получения заработка устраивали кутежки и азартные игры не только у татарина, но и у царьбабы.

Однажды в ночь с субботы на воскресенье в притоне "Авай зайдем", была организована бурная попойка, пропивали и проигрывали в карты полученную накануне заработную плату. Пирожкой руководили Август и Сорокин. Кроме них были четыре человека из артели землекопов и двое завсегдатаев собутыльников.

В дальнейшем из показаний свидетелей и арестованных явствовало, что играя в "сечку", эта восьмерка много пила и еще больше буйствовала. К моменту скандала все они были основательно выпивши, а Сорокин уже мертвецки пьяный валялся под столом. Ему видимо, во время избиения, что то внутри в организме повредили и он быстро пьянел и терял сознание. И вот в самый момент азартной игры, когда на кону образовалась большая сумма денег, говорили, что большие сотни рублей, отдавая Август подтасовал себе карты. Один из артельных будучи меньше других пьяным, это заметил и сразу одной рукой схватил пулера за руку, второй рукой прикрыл на кону деньги и злобно сказал:

— Не жульничай сперва. Положь карты на стол. Смотрите ребята, он подтасовал себе туза и десятку.

Август рванул руку и действительно из его руки выпали туз и десятка. Все с шумом вскочили из-за стола. Державший рукой на кону деньги, сгреб их все и засунул себе в карман.

Поднялся шум, крик. Некоторые хватились за стол, чтобы его опрокинуть, но он был вкопан в землю и стоял как неприступная крепость. Другие схватили табуретки, кто бутылки.

Видя опасность Август выхватил нож и бросился к двери. Когда вслед за ним выскочили остальные, его уже в кустах и след простыл.

Обшарив по близости и не найдя Августа, четверо артельных разошлись, — двое отправились догуживать к царьбабе, а четвертый загребший со стола весь кон денег отправился домой.

На следующий день в воскресенье рано утром одна из женщин направляясь под большим мостом прополоскать белье, наткнулась на лежащего на дороге около моста человека. Предполагая, что является пьяным, она проходила мимо увидела под человеком лужу крови, а в горле большую рану. Подняв крик она бросилась бежать обратно.

Через мгновение весть об убитом человеке облетела все Волочаевку. Трое артельных догналивших у царьбабы признали в убитом своего товарища и рассказали Притулу вчерашнюю игру в карты и скандал с Августом у татарина.

Приказав перепуганному старосте Кобзеву накрыть рогожей убитого и поставить охрану, Притула с понатыми бросился на розыски преступника. В деревне августа не оказалось, тогда он группу людей направил на дрезине на пристань Тунгуски, а остальным артельным приказал обыскать все кусты вокруг Волочаевки. Сам с двумя рабочими бросился на тропе медведей из Волочаевки в деревню Нижнеиспасскую, находящуюся в двенадцати километрах от Волочаевки на границе с Китаем.

Обыскав все кусты и ничего не обнаружив, артельные человек тридцать собрались на мосту, где рядом лежал их убитый товарищ.

Возвращавшийся со станции староста Кобзев сообщил артельным, что из покровки выезжают следователь и полицейский чиновник для расследования убийства и приказали труп убитого до их приезда не тревожить. Поведал и о том, что волочаевское общество несколько раз обращалось к властям закрыть этот преступный притон татарина, но власти отвечали, что частное предпринимательство неприкосновенно.

Поднялся крик, шум, спор. Одни требовали немедленно разнести в пух и прах это предприятие, другие вразумительно предлагали обождать приезда следователя и полицейского чиновника.

Видя скандальное положение, вышел вперед их старшой и обращаясь к толпе сказал:

— Разнести в пух-прах мы сможем в любое время, для этого нужно немного времени, но прежде нужно обратиться к властям и сделать все по закону. Вот придет начальство и разберется.

— Чего разбираться, слышал что староста говорит. Запрашивали уже не один раз, а твои власти закрывать не разрешают.

Айда сами разберемся и закроем.

Айда, айда, айда — забурила толпа и человек двадцатый бросились вперед по временке к притону "Давай зайдем".

Находившийся поблизости моста в группе ребятшек мальчишка татарина стремглав бросился вперед.

Когда прибежала разъяренная толпа, хозяина притона и его подручных уже небыло. Были сорваны двери, вылетели окна, внутри загрохотали разбитые горшки, бутылки, посуда. Откуда то появились топоры и ломы. Полетела наземь крыша. Бегущих вокруг Кобьева и старшего артели призывавших прекратить разбой, никто не слушал, и не прошло тридцати минут как на месте бывшего грубого барака оказалась груда разбросанных бревен, досок и другого хлама, среди которых стоял нерушимый как крепость вкопанный в землю стол.

Так было уничтожено народом и стерто с лица земли зловерное позорящее людей и доведшее до убийства гнездо считавшееся властями священной частной неприкосновенностью. Помогали и им Волочаевская молодежь растаскивать бревна разрушаемой частной неприкосновенности.

Обежавшие на этот разгром волочаевские и станционные женщины подняли крик и требование идти и одним махом уничтожить царьбабин бар... Многие из разъяренных рабочих присоединились к требованию женщин и с криком и шумом готовились бежать к царьбабе, но в это время появились Притула с двумя рабочими ведущими по временке к станции на веревке привязанной к связанным сзади рукам избитого и окровавленного Августа.

Увидя ведущего Августа, кто-то из артельных заорал: — "Убийца ведут"! "Растерзать", закричали чуть ли не все разом и бросились с воплем навстречу ведущим.

Учтя угрожающую обстановку Притула поднял винтовку и сделал два выстрела поверх голов бегущих. Многие женщины и дети услышав выстрелы и свист над головами пуль, с визгом бросились

убегать обратно. Толпа от неожиданности остановилась. Притула заорал:

- Расступись за канавы. Освободи дорогу. После третьего счета стрельба в тех кто находится на времянке. Начиная считать, слушай: - Раз... два...

В это время выскочил из толпы вперед старшой артели, поднял руки и крикнул Притуле: - Стой! Потом оборотился к толпе артельных, которые уже почти все были за канавами, громко выкрикнул три или четыре фамилии и приказал:

- Сейчас же сойдите все с дороги и немедленно уведите по домам свои артели иначе первыми будете отвечать за бунт и беспорядки вы. Потом набросился на находившихся еще на дороге и начал выталкивать их за канаву. Рядом с ним бегал староста Кобзев и богом молил волочаевских зевак разойтись по домам.

Виток дороги была очищена. Притула выхватил из ножен саблю и крикнул:

- Кто только шаг сделает к арестованному располосую пополам, и конвой с арестованным прошел мимо молчаливо стоявшей толпы.

Проходя мимо разрушенного притона, он остановился как настороженный зверец и грозил саблей заорал:

- Всех зачинщиков, а тебя староста в первую очередь упрячу и огню на каторге.

Только к вечеру прибыли из Покровки на дрезину следователь и какой то полицейский чин.

После осмотра убитого и разрешения к его захоронению, приступили к допросу свидетелей, старшого артели и старосты Кобзева. В процессе допроса были арестованы все участники в пьянке и игре в карты с убитым и еще двое артельных как зачинщиков бунта и разгрома притона. Из волочаевцев небыл арестован никто.

За то, что обществом жаловались и просили закрыть предприятие татарина, грозилась наказать старосту Кобзева. Видно и Притуле убийство и бунт на его участие не прошел гладко, потому, что он стал еще злее и глупее.

Потом уже после, на сходке Волочаевского общества Притула сообщил, что Августа судили и дали десять лет каторжных работ, Сорокину семь лет. Остальные арестованные освобождены, но следствие о бунте и разгроме предприятия татарина не прекращено и кое-кому из волочаевцев не пройдет это даром.

Было видно, что Притула выдумывает все это из своей головы чтобы припугнуть. На вопрос никого до сего времени ведь не вызвали.

О татарине прошел достоверный слух, что он организовал и открыл такое же предприятие - "Давай зайдём" и меня: - "Кованый гус" на станции Биракан.

Так была ликвидирована, но уже с убийством бандитская компания в Волочаевке.

Зима 1913-1914 года прошла в основном по развозке рабочими поездам баласта и щебня и разгрузке его по насыпи всей магистрали железной дороги, в строительстве мостов через большие реки и мелкие речушки. В Волочаевке была закончена постройка станции, двух станционных больших домов и полудомика.

Тогда же сразу за западными стрелками была построена казарма для путевого мастера, старшего рабочего и ремонтных рабочих. Такая же казарма была построена в трех верстах от Волочаевки в сторону Пешовки.

В мае месяце основные артели плотников были из Волочаевки перебронены куда-то на другие станции. Из них только несколько человек были оставлены для постройки на станции багажного склада.

Несколько артелей производили выравнивание насыпи, поднимали ^{путь} ~~путь~~ и укладывали его на баласт и щебень. Такие работы производились по всей железнодорожной магистрали.

Заключивались основные работы по постройке мостов через большие реки Амур, Буру, Бурею и другие.

Амурская железная дорога приобретала настоящий вид железной дороги и постепенно входила в эксплуатацию. Незнакомое изменилась и Волочаевка, из первых 18 дворов с захудалыми домишками превратилась в большую пристанционную деревню с хорошими крытыми железом домами, лавками, государственным кабаком, "рестораном" царьбеби и школой. Изменились и волочаевские жители. Из старших ребят многие женились: Яков и Илья Волочаевы, Дуна Кучмижик, Илья Артеменко, Филиппов, Алексей Комель, Иван Синичин, Владимир Проценко, Василий Синийко стали семьянинами.

На смену им подросло наше поколение.

23. Школа и учителя

Еще в 1910 году осенью, когда уже была организована Тунгусская волость, приехали в Волочаевку учителя, средних лет супруги Станислав Иванович и Фелицата Павловна Чайковские. Это были интеллигентные и видимо высоко образованные люди. О их приезде знали раньше из сообщений отца из волости, поэтому заранее было подготовлено помещение под школу в доме Артеменко и сделаны Василием Алексеевичем четыре столিকা с скамейками на подобие парт. На время занятий, эти столিকা вносились со двора в дом, после занятий их обратно выносили во двор так как учителя жили в этой же хате.

Учеников первоначально записалось всего только восемь, в их числе вся наша компания, проводившая читки в нашем домике. После разъяснений и уговоров учителями некоторых родителей, учеников добавилось еще на шесть человек, потом опять кто-то отсыялся и так с перерывами проучились все зиму.

Сколько вложили труда, энергии и силы эти обаятельные, инные и душевные люди ведь сразу три класса (первый, второй

и третий) с восьмью, иногда двенадцатью учениками. По ним было видно, что им очень трудно и непривычно жить в такой маленькой деревушке в убогой хате с кучей полунагих и голодных ребятишек, а у Артеменко их было семеро и только два сына повзрослей, остальные мал мала меньше. Да и питание, повседневная рыба с картошкой и в редких случаях хлеб им видимо было не по жемудку, но они все это безропотно переносили и старались быть бодрыми, веселыми не выказывая неудовольствий.

Они видимо узнали от отца, что Александр имеет диплом учителя и в первый же день прибытия в Волочаевку пришли к нам знакомиться. Александр работал и жил на полустанке Поперечка, но это не мешало ему приезжать и проводить время с ними. В дальнейшем они были большими друзьями. Ко всему этому они очень любили музыку, красиво на пару пели и подружились не пропуская ни одного приезда Александрадемой чтобы не прийти к нам. Станислав Иванович тоже играл на скрипке, но его музыку мы трудно понимали. С их слов Фелицата Павловна хорошо играла на фортепьяно, но из музыкальных инструментов у них не было ни того ни другого.

Часто и помногу они вели разговоры с Александром, а иногда и крепко спорили, но Александр к ним прислушивался и всегда им уступал. Видимо в политике и жизненной практике был их слабее и частенько что то записывал в свою тетрадь.

Однажды увидев у нас "Чтец дипломат", они как дети обреченных этой книге и все говорили: "Ну кто бы мог предполагать даже поверить, что в такой глуши как Волочаевка находится такая не имеющая цены книга". Попросив книгу, они за три дня полностью переписали ее в свои тетради, а уже через пару недель Фелицата Павловна знала наизусть каждое из нас стихотворений.

Библиотеку отца они перечитали до последней книги в особенности полное сочинение А.П.Чехова. Не расставались они и с подшивкой журнала "Нива".

Чтобы хотя немного поддерживать их материальное состояние, Александр, Илья, Лука и Петр из Поперечки частенько делились с ними плодами своей охоты и рыбалки, иногда кусок мяса дикой косули, другой раз добытого тетерева, мороженого лениха, щуку или пару сигов. Все это было не регулярно, но все же являлось большим подспорьем в их скудном рационе. Как они не возражали, как не отнекивались от этой помощи, но это было железным правилом и от него они не могли избавиться. Кому либо из едущих в Хабаровск на лошади они давали деньги и просили купить им половину туши барана, кусок осетрины, крупы, макарон и растительного масла. Кое что из продуктов подбрасывал им из Покровки и наш отец.

Как то во время приезда из Поперечки Александра, они задержались у нас до поздней, в это время прибегала к нам Феня и мы с Антонином были с ней в наш маленький домик где договорились провести вечером очередную нашу читку. Там уже собралась вся наша кампания. На этот раз читали Гоголя "Тараса Бульбу".

- Куда это они глядя на ночь так быстро выскочили? - Понитересовалась Фелицета Павловна.

- Да у них в нашем маленьком домике организованы по вечерам читки. - Ответил Александр.

- Какие читки, что это за читки.

- Да обыкновенные. Собираются по праздникам или вечерами в свободное время и читают по очереди что либо из имеющейся у нас литературы.

- Вот это я понимаю. Ты слышал Станислав Иванович, что помню нас тут творится, а мы учителя и ничего не знаем. Интересно и странно.

- Интересное может быть в этом кое что и есть, но странного в этом ничего не вижу. - Ответил Станислав Иванович.

- Как ничего странного не видишь? В деревушке из двадцати пяти дворов по праздникам и вечерам проходят литературные читки, а мы учителя, уже живем здесь больше трех месяцев, не только чтобы помочь, а даже сами об этом ничего не знаем. Все это забавно, обидно и стыдно.

- Не волнуйтесь Фелицата Павловна, ни Вы, ни Станислав Иванович в этом, ничуть неповинны. Если искать виновника, то ним являюсь только я, потому, что на эту тему до сих пор не осмелился, а сами ребята понятно стеснялись Вам об этом говорить. Они уже второй год этим занимаются и пересчитали почти всю нашу библиотеку.

- Ну и ну. И что же, вдохновителем и организатором этого являлись Вы Александр Васильевич?

- Не сказал бы так уважаемая Фелицата Павловна. Если что и было, то не полностью. Началось это с нашей семьи. Организовал читки и обсуждения прочитанного дома в семье понятно я, и там наши читки начали посещать друзья-приятели моих братьев. Дальше больше. А теперь вдохновителями этого являются мой братишка Илья и Феня Славко. Это действительно активные ребята. Да и все они там собрались друг друга лучше.

- А сейчас можно поинтересоваться их читкой?
Этим мы им не помешаем?

- Конечно можно. Это я хотел Вам сам предложить. Пойдемте.

- Пойдите, пойдите! Так их можно испугнуть. Нужно как то неподвоить. - Сказал Станислав Иванович. - Лучше сходите Александр Васильевич прежде Вы сами и предупредите их о нашем посещении.

- Да ничего особенного не произойдет. Они ведь не дети. Некоторым из них уже по пятнадцать лет. - Ответил Александр. Пойдемте.

Читала Тараса Бульбу Феня, все мы тихо сидели и внимательно слушали. Вдруг наше внимание нарушил стук в дверь. Так часто к нам стучал Александр или кто из опоздавших ребят нашей компании. - "Заходи, заходи", - крикнули мы чуть не все разом.

Дверь распахнулась и на пороге появилась Фелицата Павловна, за ней Станислав Иванович и Александр.

Все мы как ученики на уроке книг поднялись.

- Здравствуйте ребята! - приветствовала нас Фелицата Павловна. - Извините за беспокойство и разрешите войти. Да вы садитесь и продолжайте вам читку, и если не возражаете, мы с удовольствием вас послушаем.

- Здравствуйте Фелицата Павловна! Проходите пожалуйста. Мы будем рады Вашему присутствию. - Не растерялась и ответила Феня и пододвинула ей свою скамейку. - Кто то из ребят пододвинул скамейку Станиславу Ивановичу. Но читка у Фени уже не ладилась.

Видя наше замешательство Фелицата Павловна попросила у Фени книгу и начала читать. У нее получалось лучше и мы постепенно осмелели, развеселились.

Так незаметно пролетел час, другой. Закончив читку, учителя попросили нас, чтобы мы их приглашали в дальнейшем на все будущие наши сборы в нашем домике и мы на их просьбу отозвались с радостью.

В дальнейшем они составили план, выбрали литературу и получилось, так, что не мы их, а они нас начали приглашать на читки в наш домик. И слушателей добавилось, читки начали посещать чуть не все ученики.

Но это продолжалось недолго. Прочув нас всего зиму у Артеменко в хате и участвуя последнее время в наших читках, - эти милые, добрые и душевные люди и прекрасные педагоги в начале мая закончив учебный год распрощались с нами и уехали.

Начальными их были проводы. Планать хотелось расставаясь с ними. Проводать их были чуть не все жители Волочанки. Укачали их до Делневки на почтовых Петр из Поперечин и Александр.

Больше в Волочанке мы их не видели, но Александр имел с ними года два переписку.

Все это было зимой 1910-1911 года, потом пошла измощанная постройка Амурской железной дороги, на учителей в Волочанку

больше никто не прислал. Следующему знику никто не учился.

В то время прошел слух, что в Дежневке, а она хотя была самой захудалой деревушкой, но находилась в центре Тунгусской волости, — началось строительство православной церкви. И действительно духовенство за год построило и оснастило большую церковь укомплектовав ее всем вплоть до церковнослужителей. В том же году в Волочанке открыли государеву монополию-кабак, царьбаба своей дом терпимости, а чуть позже татарин свой преступный притон. Все это поддерживалось и бдительно охранялось полицией и властями. О постройке школы в Тунгусской волости никакие власти и не упоминали.

Тогда же весной 1912 года когда в Волочанку приехало много новых переселенцев и сотни контрактных рабочих, а детей школьного возраста насчитывалось уже не один десяток, — на одной из сельских сходок встал вопрос о постройке школы. Долго судили, долго редили и в конце концов постановили и обязали каждого имеющего учеников, вывезти на каждого ученика по пяти строительных одиночных бревен и каждое воскресенье работать по три-четыре часа на строительстве школы. Как не протестовали в особенности женщины работать по воскресеньям под маркой "грешно", даже из Дежневки приезжали в воскресенье от строителей церкви и уговаривали не богохульствовать, все же к осени школа с классом на 25 учеников и комнатой для учителя была готова.

Школу построили по временке против продовольственного склада и хлебопекарни.

Мы с Владимиром вывезли свои десять бревен на двух учеников Антонина и Анатолия в один день и аккуратно по воскресеньям выходили на строительство школы. Я уже работал на железной дороге и учиться было некогда.

Осенью 1912 года когда школа была окончательно готова и оснащена столешками на подложке парт, пришел незнакомый из волости и учитель. От старости в школу кто то привел его из ребят.

Узнав в тот же день, что в школе находится новый учитель, мы, под вечер собрались всей своей командой и пошли его навещать. Постучав в дверь, мы услышали красивым баритоном: "войдите". Открыв дверь, мы отшатнулись. Перед нами стоял какой-то босяк, лет пятидесяти мушкетера. У него на плечах было в наизусть не то пальто, не то шинель, штаны и рубаха-косоворотка. На ногах, что то истоптанное на подобие ботинок. Из вещей на голом топчане лежал узелок в котором было грязное полотенце, кусочек мыла, несколько пачек махорки и коробок спичек. Был он весь грязный, растрепанный с нечесаной головой и бородой.

- А, а, вот вас то мне и нужно. Здравствуйте. Заходите не стесняйтесь и не бойтесь. Знакомиться будем после, а сейчас, в первую очередь мне нужно помыться и привести себя в порядок. Сумеете ли вы организовать мне сейчас баню?

- Попробуем суметь. - Ответили им невпопад, удивляясь такой встрече.

- Тогда немедленно за дело, а после бани все суда по мне. Потом, если вас не затруднит, захватите из дому каждый по двести три картофелины.

- Выйдя на улицу Мишка Чернышев сказал: - Он видимо ненормальный и какой то страшный.

- Да нет. Он просто, уставший и грязный, и видимо странно голодный. Непросто ведь картошку просит принести. Нужно ему принести чегонибудь поесть. - Сказала феня.

- А какую картошку нести, сырую или вареную? - спросил Иван-бувайла.

- Я думаю нужно принести и сырую и вареную, но больше ребята несут хлеба и рыбы-желе. Ты Мишка и остальные идите к вам и быстренько натопите баню, а мы с феней пойдем в склад и попросим у Акимова чегонибудь съестного. - Сказал я.

- Почему с феней? Иди сам. - И сдесь приревновал Мишка.

- Нет. В склад одному идти неудобно, нужно вдвоем. А ты Мишка не можешь без капризов. Иди топни баню. И вы ребята. Только не волнуйте, торопитесь. - Ответила феня. На этом и разошлись.

Через час баня была готова и учителя отвели митью снабдив его куском мыла, а примерно часа через два все мы собрались в комнате учителя сложив на столе все принесенные нами продукты. Пока мы ходили за продуктами и топтали баню, учитель затопил голландку и она пыхала паром.

Вонял учитель, мы все подылились. Он молча снял свою шинель пальто и повесил на обитый в стене гвоздь. Одежда на нем была мокрая, сам весь распаренный, красный. Пытерней причесав свои волосы и промывая:

- Ну теперь будем знакомиться. Меня зовут Иваном Васильевичем Воронцовым. Я послан сюда к вам учителем. - Показав знакомую руку и спросив ими продолжая: - Надеюсь будем добрыми друзьями. Заканчивая это по сегодняшней встрече и по прекрасной бане, которую вы для меня так быстро соорудили. Садитесь ребята.

Потом взглянув на стол воскликнул:

- А это что за лабаз? Я ведь у вас просил по паре картошек а вы что выдумали. Я еще ничто не заработал, чтобы за все это с вами расплатиться. Другое дело когда получу первый заработок за свои уроки, а сейчас у меня нет ни копейки денег и прощу меня от этого избавиться.

- Никаких денег за эти продукты никто из нас не платил, значит нет надобности платить и вам. Все это мы привесли каждый из своего дома. Мы и в прошлые годы приносили учителям картошку и рыбу и все было хорошо. - Ответили за всех мы с феней.

- погодите, погодите. Вы говорите никто за эти продукты не платил никаких денег? Но это уважаемые друзья не верно.

Мы здесь кое-чего не досказываем, а скорее всего в труде и стоимости кое-чего недопонимаем. Ведь рыба еще в таком виде сама прийти не могла. Не нужно было поймать, разделить, посолиить и потом вывезти, а это труд, а труд нечислится деньгами. Картофель тоже нужно посадить, вырастить, убрать, а это труд, а труд — деньги. Но об этом поговорим какнибудь после, но вот сейчас прямо таки не знаю как и поступить, разве ради нашего знакомства все это принять, но чтобы это без моего согласия было первый и последний раз. Я договорюсь с кем либо из селян отпустить мне до получения мной заработной платы один пуд картошки, достану полпуда соли и попрошу на рынках первое время, ну а с получением заработка замизен по многу. А теперь, пока на мне немного подсохнет выстиранная в бане одежда, я приготовлю прекрасных рыбчиков потом уже садом все за трапезу.

Оказывается у него немало сменного белья и он все выстиранное в бане одел обратно мокрым на себя. А "рыбчики" — это печеная в золе картошка на которой он и обещает прожить целый месяц до получения заработной платы.

Мы еле уговорили его не печь для нас "рыбчиков", так как мы дома поужинали и сыты, потом кто-то принес веревку картошку и ему достаточно будет для ужина.

Так мы повестили и познакомились с нашим новым учителем.

Странным и непонятным с первого раза показался нам этот по существу голый и голодный человек-учитель. Мы уже поблизались с нашим трудом нам досталась эта школа, ведь работали и строили ее по вечерам после десяти часового труда на железной дороге и по воскресеньям не давая себе отдыха и, вдруг в такую школу, в такое здание прислали руководителем такого босого голодранца. Но думать о человеке, — это одна сторона дела, а что то предпринять и как то помочь такому человеку, — это уже другое дело, и мы занялись за это другое.

Первым делом мы договорились с заведующим складом Михаилом Кузьмичем Анисовым и Иваном Максимовичем Синициным отпус-

кать в кредит до его получения продукты и выдать пару сменного белья, но каких трудов нам стоило уговорить нашего учителя согласиться получить все это на таких условиях.

В конце концов все было улажено и наш Иван Васильевич был пострижен, побрит и принял вид красивой наружности человека. Но первую неделю, он все же прожил на одних "рыбчиках" у кого то раздобыл пуд картошки и горсть соли упорно отказываясь от наших приношений.

Но как нам впоследствии было стыдно за то, не узнавши человека мысли; и босяк и голодренец. Мудрейшая поговорка гласит: — "не красна изба углами, а красна пирогами", и если эту поговорку применить к человеку, то не только наружность, вид его красит, а еще требуется ум, честь, мудрость, совесть и другие качества настоящего человека. Всеми этими качествами и с большим избытком и обладал наш новый учитель Иван Васильевич Веронцов.

Он какой то особой отцовской, даже больше, ласковой материнской любовью любил детей, а нам известен был и учителем и отцом и большим откровенным другом. Он с первого дня нашего знакомства покорила нас своим умом, откровенностью, простотой, и товарищеским, дружеским отношением. Его красивый, чарующий голос, можно было без усталости слушать часами. Сколько он знал песен, — видимо все которые существовали в тогдашней России. Много знал и иностранных. Многие его песни с нашими погодными кругозором развития мы непонимали, но когда он пел наши русские или украинские, мы сидели как зачарованные. Обладая сильным голосом особо красиво он пел: — Волга матушка река, широко и глубока; дубинушку; Есть на Волге утес; Глухой неведомой тайгой; Мой любимый старый дед, или — Рече та стогне Днепр широкий; Дышлась я на небо та думку гадав; Сонце низенько.

От других его песен и смеяться и плакать хотелось. Это был большой и одаренный артист-певец. Учитель он был непре-

взойденный.

Он знал на зубок географию всего земного шара и почти всех его обитателей, животного и растительного мира. Из его рассказов, он побывал во многих странах мира, многое видел, многое знал и очень многое перенос на своей шкуре. Участвовал в японской войне в 1904 году, попал в плен и прожил в Японии два года. Мы ночами и в праздничные дни заслушивались его рассказами. Почти с первого дня своего приезда он возглавил наши литературные читки и мы с этим делом перебрались из нашего домика в школу, в его учительскую комнату. Читал он исключительно криво и еще кривее объяснял при обсуждении прочитанного. Он был душой кружка самодеятельности, и много вносил в него новое хорошего. Уважаемый и бреди деревенских читателей в особенности на сельских сходках. Ученики от третьего до первого класса все одинаково к нему относились, любили и уважали как родного, несмотря на твердую его дисциплину во время занятий и строгую требовательность выполнения заданий.

Много хорошего и полезного он оставил волочаевцам и взрослым и детям преподавая в школе, на читках и рассказах в кругу своих сверстников и выступлениях на общественных сходах.

Этот чудеснейший человек прожил и проучительствовал у нас в Волочаевке две зимы, но на лето уходил в какие-то путешествия возвращаясь осенью оборванным, грязным, голодным и без копейки денег.

Таким был учителем и просветителем Иван Васильевич Воронцов. Много оставил он хорошего лично в моей жизни и добрая память осталась о нем у меня на всю жизнь.

24. "Из светлости".

Осенью 1913 года одна артель руководимая Ильей Волочаевым проводила лозь кети неводом, приобретенным на пнях Волочаевым и Проценко на вновь расчищенной косе Сан-Дарга. Эта Сандаргинская коса по существу была и ближе к Волочаевке и много удобней чем

Балаганского коса Желтый Яр. Второй артель волочаевцев рыбачила у Балаганского которой руководил Григорий Павлович Кошель. Рыбалка была удачная и рыбой обеспечили всю Волочаевку. Брат Александр сумел вырваться на рыбалку только на одну неделю. У него требовался большой надзор за постройкой железнодорожных мостов.

После рыбалки зимой 1913-1914 года артель волочаевцев в которую входили Илья и Павел Волочаевы, Лука Кучиняк, Алексей Кошель, Владимир Проценко, Василий Слинько, Марк Зиньковский и другие, вместе с жителями Архангеловки, планились заготовить в устье Волочаевского залива несколько тысяч лютневичных бревен для телеграфных столбов. Заготовка зимой и сплавы в мае месяце были проведены дружно и с большим перевыполнением. Сплавы проводились плотами в перемеску с кедровыми бревнами.

Эта операция была исключительно удачной и при расчете каждому члену артели причиталась крупная сумма заработка.

Такой хороший заработок брату Владимиру приходился как раз кстати, готовилась свадьба, он женился на хорошей девушке Лизе Артеменко.

Свадьбу сыграли как говорится - на славу. Да это и естественно, - деньги есть, все требуемое привезли из Хабаровска, полно всего из продуктов и вышивки было и в волочаевских избах и лавках. И венчаться почти рядом, в Дехновке отгрохали для этого церковь со всеми попами и дьяконами.

Впрочем этому свадебному событию многие были рады, но больше всех видимо радовались родители молодоженов. Нам отец оттого, что в дом идет новая хозяйка, а родители невесты от того, что избавляются от лишнего рта, так как у Артеменко кроме Лизы остается еще пять младших дочерей и три сына. Да и за хорошего парня выдали дочь.

Но в меньшей степени был рад женитьбе брата и я, ведь это навсегда избавляло меня от обязанности быть домашней хозяйкой и самой позорящей меня обязанностью хлебопека. А таких случаев бывало не мало. Как только уйдет от нас прислуга, значит, кому что, а хлеб печь, это мне. Были и такие постыдные для меня явления, — уйдет по какой-то причине от нас прислуга, посидим без хлеба день-два, но дальше нестерпим, значит ставлю на ночь на дрожжах в оцинкованном баке тесто на горячей печи, а сам и дождик на вечеринку и, вот в самый разгар веселья или танцев врывается младший братинка Толя и заорет на все гульбище: — "Никитка или домой дема оббежала и тесто лезет и печки". Вся молодежь грохнет хохотом, а я красный от стыда вылетаю в двери и иду домой по пути дав крепкую оплеуху братинке. Стыднее всего было когда на вечеринке присутствовала Фени.

Многие девушки в особенности Фени стыдили гогочуших ребят, но мне от этого было еще стыднее.

Правда, у нас прислуги были почти безвыходно и такие позорящие явления случались редко, но теперь с женитьбой брата, я избавлялся от этого навсегда.

Постройка железной дороги шла своим чередом, все недоделанное становилось на свое место. К июлю 1914 года была закончена по всей магистрали постройка деревянных мостов через мелкие болотные речушки и в основе, без отделки была закончена постройка мостов через большие реки, — Амур, Виру, Бурея и другие через которые уже пропустили первые, пробные, рабочие поезда. Это уже была победа русского инженерного творчества, труда рабочего класса, труда русского народа.

И вот, в эти по существу самые торжественные дни поступила всем начальникам строительных участков и станций телеграмма о наведении в недельный срок полного порядка на станциях, разъездах и на всем протяжении пути. Убрать все завалы

и под метелку весь мусор и хлам. На адониях станций вывесить русской державы трехцветные флаги. Лопали голови, думали, гадали, и чему бы это? Такое распоряжение было только в прошлом году в честь 300-летия Дома Романовых. Решили, едет государственная комиссия по приемке железной дороги, но через неделю поступила вторая телеграмма: — "едет наместник края, статийстер двора Его Императорского Величества Генерал губернатор Гондатти. Встречать по своей форме всему населению."

Не будем разбираться кто и как был этому рад, но средств о наведении порядка и на встречу было затрачено на один десток тысяч рублей.

Отцы Волочаевки решили на своей сходке встречать наместника края как когда-то первый паровоз, с хлебом и солью. Бурная была сходка. Не один час спорили доказывали кому, поручить преподнести хлеб-соль такой важной персоне как наместник края.

О том, что это поручить Макару Семеновичу Волочаеву высказывалось большинство присутствующих, но имелись и претензии на это право. Первым высказал свою претензию староста Кобзев:

— Вы меня господа избрли и назначили своим старостой, а коли избрали, значит и подчинитесь. Хлебушку с солью должен преподнести только глава деревни староста, а староста то ведь я.

— То куда ты лизни хоме? Ты хоть и староста, а дура малый. От горшка три вершка. Тебе их свитлость и не замете. Ни Кобзык, ты лядина мала и не приметна. — Пробубнил Дмитро Тихонов-Надки.

— Правду каже Дмитро, треба лядину заметну, покрупнишу, а ни Бандурки вси чатыри брете росли, адорови. Треба с хлебом кого шбудь из нас. — Внес предложение Кириля Бандурка.

— Что староста Кобзев малорослий, а ты Кириль очень длинный, ни все видиш, но не в длинной фигуре справедливость.

Я тоже не маленькая. По существующим правилам хлеб-соль без женщины не преподносят. — Басовито проговорила царьбаба.

— Не тебе ль царьбабушка хлебушку преподнести? Ты еще всех своих влах приведи на показ их светлости. — Не утерпел Григорий Павлович Комель.

— Вот, вот. Давайте всех баб приведем на показ большому начальнику, а царьбабу с ее влахами впереди с хлеб-солью. Пфу, срам просто господи. — Запихивали и запричитали некоторых из женщин.

— Нет бабоньки, женщины обязательно должны быть на встрече, только не царьбабыми красавицы. А то чего доброго заллбуется на этих крадь и их светлость, захочется ему кутинуть с ними, а там и переночевать потянет. А на ваши мордочки как взглянет, так смотри с перепугу скорое уедет. — Со смехом резмировал Алексеевко.

— Ну и трепло ты Василь, мы и страшные и, огородине пугала. А какого ты черта к девятидесятилетней бабке тихоньке пристаешь. Она нам жаловалась. — Протараторила острая на язык Глаголиха.

Так со спорами, смехом и пререканиями и решили идти с хлеб-солью Макару Семеновичу Волочаеву, Фоме Кобзеву и Кириллу Бандурке.

Настал день проезде по Амурской железной дороге этого хотя и Хабаровского но царедворца. Целую неделю кипела кругом работа по наведению порядка, чистоты и блеска, чтобы их светлости благородный глаз чем либо не замутился. Работы было много но не полезной, не производительной, а расточительной.

К примеру, — как расценить такое явление: В Волочаевку разгружали вывозимые поездом из Тунгусской пристани бревна и складывали их в штабеля сразу за зданием станции в пяти саженьях от пути. И, только потому, что в первой телеграмме

были слова "убрать завалы", начали тысячи бревен откатывать дальше, на десять саженей от козел. "Да бревна же уложены в аккуратные штабеля. Чего еще нужно"? - Раздавались нарекания. - "Нет бревна лежат близко от пути, возможно это завал, нужно обходить саженей на десять".

Ну, что это: - угодничество, боязнь? Или просто глупость? Но так было.

Волочаевцы вывесили трехцветный флаг, приобретенный еще к празднованию 300-летия Дома Романовых на своей новой школе, подмели свои дворы и временку в надежде, что их светлость зайдет в их хаты. На счет вывески флагов тоже было не мало споров. Кобзев требовал вывесить флаг на домике старосты, кто то требовал вывесить на кабаке так как монополика царская, но благоразумие победило - вывесили на школе.

День приезда наместника был объявлен нерабочим, это еще больше придавало какого то торжества, а в торжественный день не грех и выпить. Так некоторые волочаевцы и сделали. Не отказавшись от этого "не грех" и "четыре брата а вся бандурка". Из них Кирилл как уполномоченный в тройку вручать хлеб-соль, тиннул водки больше других и к моменту подхода поезда с начальством был порядком пьян.

По сообщении о выходе ^{сбытия} ~~станционного~~ поезда из Покровки в Волочаевку, а это означало, что он прибудет через два-три часа по тогдашней скорости поездов - все двинулись на станцию. В процессии волочаевцев было празднично одетых человек двести мужчин, женщин и детей. Была хорошая, жаркая погода и шиль стояла тучей забивая идущим позади рты, носы и глаза. Впереди как и положено шли трое избранных Макара Семенович Волочаев, староста Кобзев и Кирилл Бандурка. Хлеб-соль убранные на блюде несли до станции по очереди Кобзев и Бандурка. За ними шли подымавшие старики - Ковель, Дроздов, Тихонов и крепко пьяный

Алексеевко. Трезвые — Слинько, Артеменко, Чернышев и все остальные или задыхаясь пылью вслед за ними. Отец как служащий, был в компании железнодорожников.

Не доходя саженой восемьдесят до станции начиналась небольшая железнодорожная насыпь. Поднимаясь на эту насыпь с хлебом-солью, пьяный Кирилл Бандурка обо что то споткнулся и упал. Блюдо вылетело из рук, булка хлеба покотилась по пыли вниз по дороге. Догоняя булку, упал на нее Алексеевко. Поднялся суматоха. Задние с любопытства напирая на передних поднимали столбы пыли. Понадобилось час времени чтобы успокоиться и привести себя и все другое в порядок. Хорошо в запасе был другой и третий каравай. Догадливые женщины выпекая на предмет "удачный выйдет или неудачный" делали их сразу три и, все три получились удачными один другого лучше. Принесли новый каравай и соль, но Кириллу уже недоверляли, держал бережно блюдо с хлебом до прихода поезда староста Кобзев.

Вот показался прежде дым, затем показался и поезд. У Кобзева с трудом отобрали для передачи Волочаеву блюдо с хлебом-солью. Вместо Кирилла Бандурки стал третий Андрей Федорович Слинько.

Подходя к станции паровоз дал протяжный гудок. Впереди на паровозе развивался трехцветный государственный флаг. Всего в составе было два вагона, первый вагон первого класса — люкс, второй вагон третьего класса.

Не успев остановиться поезд как из заднего вагона выскочили четыре жандарма и стали около дверей люкса. У люкса отодвинулась оконная штора и выглянул в окно какой-то офицер, затем немедленно отворилась дверь и выскочил на перон жандармский офицер и стал у дверей рядом с жандармами. Вслед за ним показался в дверях в раззолоченном мундире весь в эксельбантах молодой и бравый адъютант наместника. Толпа притихла, некоторые в ожидании, что выйдет сам наместник, другие предполагая, что это и есть их светлость.

Адъютант стал на верхней ступеньке вагона держась одной рукой за поручни вторую подняв в виде приветствия, - крикнул:

- Здравствуйте братья!

Толпа в разноразной загудела, несколько человек из станционных служащих крикнули Ура. Их поддерживали несколько человек волочаевцев. Особенно рьяно это проявили - Слинько, Кобзев, Чернышев, Артеменко и Бандурни.

- Адъютант икнув продолжал:

- Их Высокопревосходительство, Италмейстер дво- двор...- и запнулся - недоумевает и просили пере... передать вам их, и опять икнув пьяной отрывкой.

В это время подошли к самым дверям вагона Волочаев, Кобзев и Слинько. Поднять так высоко блюдо с хлебом-солью Манар Семенович не мог, не мог одной рукой взять блюдо и пьяный адъютант крепко державшийся второй рукой за поручни вагона чтобы не упасть.

Видя безвыходность, канцелярский офицер вскочил на нижнюю подножку вагона, взял в обе руки блюдо с хлебом-солью, поднялся в тамбур и скрылся в вагоне. Выходя из вагона офицер что-то шепнул адъютанту на ухо. Адъютант продолжал:

- Их высокопревосходительство просит передать свои благодарности за хлеб-соль и спросить ваши претензии.

Толпа молчала. Тогда выступил вперед Кобзев и закричал:

- Я ваше благородие староста Волочаевки Фома Кобзев имею жалобу претензию на Григория Конеля. Я два раза писал челобитную их Светлости, что этот Конель губит наш деревенский лес и под корень валит да все белую березу, все белую березу.

Адъютант с пьяных глаз ничего не понял крикнул:

- Молодца, молодца староста Фома Кобеляев, руби белую под корень! И, мутorio замкал.

В толпе раздался хохот и кто то из женщин громко крикнул:

- Люди, отойдите от вагона - облет.

Видя такую ситуацию жандармский офицер махнул рукой машинисту, сам вскочил в тамбур ухватив за собой адъютанта и захлопнул дверь. Машинист дал протяжный гудок и резко стронул поезд с места, потом высунулся в окно паровоза помахаив рукой ослепленной толпе встречающих. Жандармы ловко вскочили в свой вагон.

Так позорно началась миссия поездки этого царедворца первым официальным пассажиром по вновь построенной Амурской железной дороге, а сколько было затрачено трудов и средств для организации встречи этой пьяной компании только в Волочаевке, а если все это помножить на всю магистраль дороги по которой еще много мостов впереди кроме Амурского через большие реки.

Много было после разговоров и насмешек и над Кириллом Бандуркой как он зытянулся на дороге в пыли с хлебом-солью, над Кобзевым с его хотя и справедливой, но не уместной жалобой на Комеля, но больше всего смеялись и острили над пьяным адъютантом наместника как он благословлял Кобзева: "Молодца старосте Фомка Кобелев, руби белух под корень".

Впоследствии прошел упорный слух, что якобы выезжая из Хабаровска наместник Край Гондатти и его свита, боясь первым пассажирским поездом проходить через Амурский мост (рабочие поезда уже проходили) так для смелости надулись коньяком и шампанских, что "их светлость" будучи мертвецами пьяным, собственной персоной облезал весь вагон и вопиюще обирая свои генеральские штанишки. Правда ли это или нет, но как тогда говорили: "Голь на выдумки богата". Возможно это и выдумка.

Несмотря на все эти причуды, народ трудился. Никаких соревнований тогда не существовало, да и ради кого и ради чего нужно было соревноваться. Работали для себя и на себя. Если артель работала подрядом-сдельно, значит артель работала для своего заработка по совести и от всей души, а если работы производились поденно, (а летом поденный рабочий день длился от солнца до солнца, то есть от восхода до захода, а зимой от темна до темна), значит это сопровождалось покрикиванием, попукиванием старшим рабочим, а иногда и зуботычной. Если работали у подрядчика, — применялись штрафы, вычеты. Это уже большее было рабочего по карману.

Трудились в разных местах и по разному и все волочаевым. Сама Волочаевка из маленькой, малашней, пицельской, голодной и холодной деревушки превратилась в красивую, процветающую, пристанционную большую деревню. Ее жители обзавелись хорошими крытыми железом домами, увеличили домашнее хозяйство, домашний скот. Народ был одет, обут и как говорится, — «сшит, пиван и нос в табак». Участились свадьбы, именины, крестины и другие русские бытовые торжества. Жизнь была клочком, а оспа дополнительно служила местом молодежных и детских развлечений, — летом хорошедов, танцев, песен, — зимой катаний на санях и лыжах. Казалось процветанию не будет конца, но настало 20 июля 1914 года и как гром на голову прогремело на всю Россию страшное слово: — война, война, война.

В первые дни объявления войны были мобилизованы и отправлены на фронт десятки волочаевцев. Из них первыми: Павел Волочаев, Владимир Сикалов, Александр Проценко, Марк Зильковский, Василий Слишко и многие другие. Прекратились свадьбы, крестины, именины. Вместо песен, хорошедов, — заплывали, заголодали и запричитали матери, жены, сестры, невесты. Угнали на бойню отцов, сыновей, братьев, женихов.

В связи с этим, основные работы на постройке железной дороги были прекращены, сразу же уехали из Волочаевки все контрактные и другие рабочие. Боясь восстаний и бунта народа, в первые же дни были закрыты все монополии, кабаки, распивочные притоны. Вслед за этим закрыли и ликвидировали в Волочаевке продовольственный склад, лавку и хлебопекарню. Уехала из Волочаевки со всем своим гнездом и царьбаба. Исчез навсегда из Волочаевки и полиция Притула. Распался крупный самодержавности. Опустила Волочаевка в слезах провозная родных и близких на фронт.

Началось мировое кровопускание народу.

Конец первой книги.